

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

А. М. Сендзер

намеснік галоўнага рэдактара

С. А. Марзан

адказны рэдактар

У. А. Сенькавец

Я. Я. Аршанскі (Беларусь)
Л. В. Байбародава (Расія)
Н. У. Броўка (Беларусь)
А. П. Бялінская (Расія)
І. Я. Валітава (Беларусь)
І. В. Волжанцава (Украіна)
У. В. Гніламедаў (Беларусь)
В. І. Іўчанкаў (Беларусь)
Т. А. Кавальчук (Беларусь)
А. А. Лукашанец (Беларусь)
Л. Г. Лысюк (Беларусь)
К. Маркевіч (Польшча)
Л. У. Марышчук (Беларусь)
З. П. Мельнікава (Беларусь)
І. Г. Мінералава (Расія)
А. І. Мядзведзкая (Беларусь)
М. П. Осіпава (Беларусь)
Г. У. Пальчык (Беларусь)
А. С. Папова (Беларусь)
П. А. Пётракоў (Расія)
В. І. Сянкевіч (Беларусь)
І. А. Фурманаў (Беларусь)
В. В. Чарвінская (Украіна)
М. М. Чэпіль (Украіна)
І. А. Швед (Беларусь)
І. Ф. Штэйнер (Беларусь)
У. А. Янчук (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 3

ФІЛАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць тры разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2022

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь ад 28.01.2022 № 14
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 07.02.2022 № 25)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2022 г.
па філалагічных, педагагічных і псіхалагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАЛОГІЯ

Гуль М. У. Асаблівасці працэсу лексічнага запазычання ў старабеларускай мове	5
Переход О. Б. Гемеронимия в ономастическом пространстве Беларуси: номинативная специфика	13
Гладкова А. А. Полиэтнический социум в романе В. Гомулицкого «На белорусских просторах»	21
Чалова О. Н. Виды некорректных речевых действий в научном общении	25
Биюмена А. А. Типы диалогичности в печатном медиадискурсе	30
Ильичева И. Л. Концепт «зубр» как часть региональной лингвокультурной матрицы	36
Багарадава Т. Р. Новыя ракурсы адлюстравання Вялікай Айчыннай вайны ў аповесцях І. Навуменкі 1990-х гг.	44
Старасценка Т. Я. Рэпрэзентацыя сэнсавых апазіцый у паэтычным дыскурсе Ніны Мацяш	51
Дымова Е. А. Номинативные ряды глаголов с семантикой начинательности в системе языка и в тексте	56
Михалькова Н. В. Структурно-семантическая организация подсистемы иероглифических знаков китайского языка с детерминативом «рот □»	62
Кампаделли Р. А. Средства вербализации дериватов, представляющих концепт «Италия» в языковой картине мира	68
Садко Л. М. Эстэтычная дактрына М. Багдановіча-крытыка ў святле мадэлі камунікацыі І. Эвен-Зохаха....	76
Лиденкова О. А. Проблема героя и идеала в современной исторической прозе белорусских и англоязычных авторов	82

ПЕДАГОГІКА

Казаручик Г. Н. Структурно-функциональная модель экологического образования детей дошкольного возраста	87
Александрович Т. В., Герасименя Н. А. Воспитание культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста	95
Навойчик А. А. Обоснование способа оценки эффективности экспериментальной методики тренировки баскетболистов «три на три» при подготовке национальных сборных команд Республики Беларусь	106
Гурина А. Н., Жаркова Н. Н. Применение инновационных педагогических технологий для повышения качества профессиональной подготовки по дисциплине «Охрана труда»	112
Самойлюк Т. А. Результативность методики повышения уровня физической подготовленности студенток к сдаче нормативных требований Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь	120
Титова Л. С. Ретроспективный анализ правил соревнований по аэробике спортивной	126
Мартысюк И. А. Методическое сопровождение формирования экологических понятий в обучении биологии (8 класс)	136

ПСІХАЛОГІЯ

Медведская Е. И. Влияние Интернета на когнитивные функции взрослых пользователей	143
Синюк Д. Э., Романюк Е. А. Особенности мотивации спортсменов с разными стратегиями совладания со стрессом	152
Ширко С. М. Половые различия в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем диспозиционной жадности	160
Парфенова Т. В. Нарративы косвенных свидетелей о переживании террористического акта: феноменологический анализ	168
Гирис А. М. Феномены субъективности педагога: личностный смысл профессиональной деятельности и рефлексия	178
Морожанова М. М. Феноменологическая модель повседневных и пиковых переживаний профессиональной деятельности	184

ПАДЗЕІ

Рачевский С. Г. Лингвистический анализ текста: «странности» книжной новинки	195
Сенькавец У., Свірыдовіч К. Суквецце паэтычнага саду (нешматслоўны роздум над зборнікам вершаў).....	198

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy Editor-in-chief
S. A. Marzan

Managing editor
U. A. Senkavec

Ya. Ya. Arshanski (Belarus)
L. V. Bajbarodava (Russia)
N. U. Brouka (Belarus)
A. P. Bialinskaja (Russia)
I. Ya. Valitava (Belarus)
I. V. Volzhancava (Ukraine)
U. V. Hnilamiodau (Belarus)
V. I. Iuchankau (Belarus)
T. A. Kavalchuk (Belarus)
A. A. Lukashaniec (Belarus)
L. H. Lysyuk (Belarus)
K. Markievich (Poland)
L. U. Maryshchuk (Belarus)
Z. P. Melnikava (Belarus)
I. H. Mineralava (Russia)
A. B. Miadzveckaja (Belarus)
M. P. Osipava (Belarus)
H. U. Palchyk (Belarus)
A. S. Papova (Belarus)
P. A. Petrakou (Belarus)
V. I. Siankevich (Belarus)
I. A. Furmanau (Belarus)
V. V. Chavinskaja (Ukraine)
M. M. Chepil (Ukraine)
I. A. Shved (Belarus)
I. F. Steiner (Belarus)
U. A. Yanchuk (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 3

PHILOLOGY

PEDAGOGICS

PSYCHOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued three a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2022

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 28, 2022 nr 14 (with the amendments made by the order of Supreme Certification Commission from February 07, 2022 nr 25) the journal «Vesnik of Brest University.

Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2022 in philological, pedagogical and psychological sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020) the journal «Vesnik of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology» is placed on the platform eLIBRARY.RU and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOLOGY

Maryia Hul. Features of the Process of Lexical Borrowing in the Old Belarusian Language	5
Olga Perekhod. Hemeronymy in the Onomastyc Space of Belarus: Nominative Specific	13
Anna Gladkova. Polyethnic Society in the Story of V. Gomulitsky «On the Belarusian Expanses»	21
Oksana Chalova. Types of Incorrect Speech Acts in Scientific Communication	25
Anna Biyumena. Types of Dialogueness in the Print Media Discourse	30
Inna Ilyichova. The Concept «Bison» as a Part of the Regional Linguo-Cultural Matrix	36
Tatiana Bogoradova. New Perspectives of the Reflection of the Great Patriotic War in the Novels of I. Navumenka of the 1990s	44
Tatiana Starascienka. Representation of Semantic Oppositions in the Poetic Discourse of Nina Matsyash	51
Evgeniya Dymova. Nominative Series of Verbs with the Semantics of the Inchoactive in the Language System and in the Text	56
Nadzeya Mikhalkova. Structural and Semantic Organization of the Subsystem of the Chinese Characters with the Radical «□ Mouth»	62
Rosalia Annarita Campadelli. Means of Verbalisation of the Derivatives Representing the Concept «Italy» in the Linguistic Picture of the World	68
Lyudmila Sadko. Aesthetic Doctrine by M. Bahdanovich-Critic in the Light of the Model of Communication by I. Even-Zohar	76
Olga Lidenkova. The Concept of the Ideal in Belarusian and British Contemporary Historical Fiction	82

PEDAGOGICS

Galina Kazaruchik. Ctructural and Functional Model of Ecological Education of Preschool Children	87
Tatiana Alexandrovich, Natalia Gerasimenya. Fostering a Culture of Safe Living in Older Preschool Children	95
Andrey Navoychik. Substantiation of the Method of Evaluating the Effectiveness of the Experimental Method of Training Basketball Players «Three on Three» in the Conditions of Preparation of National Teams of the Republic of Belarus	106
Anna Gurina, Natalia Zharkova. Application of Innovative Pedagogical Technologies to Improve the Quality of Professional Training on the Discipline «Labor Protection»	112
Tatyana Samoylyuk. The Efficiency of the Method for Increasing the Level of Physical Fitness of Students to Surrender of Normative Requirements of the State Fitness and Health Complex of the Republic of Belarus	120
Liudmila Tsitova. Retrospective Analysis of Competition Rules for Sports Aerobics	126
Inna Martysuk. Methodological Support of the Formation of Environmental Concepts in Teaching Biology (Grade 8)	136

PSYCHOLOGY

Elena Medvedskaya. Impact of the Internet Use of Mental Function of Adult Internet Users	143
Diana Siniuk, Elizaveta Romaniuk. Features of Motivation of Athletes with Different Coping Strategies	152
Svetlana Shirko. Sex Differences in Personal Characteristics of Individuals with a High Level of Dispositional Greed	160
Tatiana Parfyonova. Narratives of Indirect Witnesses about Experiencing a Terrorist Attack: a Phenomenological Analysis	168
Alexandr Hirys. Phenomen of Teacher's Subjectivity: Personal Meaning of Professional Activity and Reflection ...	178
Mariya Morozhanova. Phenomenological Model of Everyday and Peak Experiences of Professional Activity ...	184

EVENTS

Rachevsky S. G. Linguistic text Analysis «Oddities» of Book Novelty	195
Senkavets U., Svirydovich K. Inflorescence of the Poetic Garden (Laconic Reflection on a Collection of Poems) ...	198

УДК 811.161.3

Марыя Уладзіміраўна Гуль

канд. філал. навук, дац. каф. англійскай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Maryia Hul

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: boxformail35@mail.ru

АСАБЛІВАСЦІ ПРАЦЭСУ ЛЕКСІЧНАГА ЗАПАЗЫЧАННЯ Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Разглядаюцца асноўныя (пазамоўныя і ўнутрымоўныя) прычыны запазычання лексічных адзінак старабеларускай мовы. Адною з асноўных прычын запазычання выяўляецца прыняцце наймення разам з канкрэтнай рэаліяй або паняццем. Запазычаная лексіка аналізуецца з тэматычнага і генетычнага пунктаў гледжання. Царкоўна-рэлігійная і ваенная лексіка з'яўляюцца тымі пластамі, якія найбольш інтэнсіўна засвойвалі інашмоўныя найменні. Сярод важнейшых пластоў запазычанай лексікі выдзяляюцца паланізмы, лацінізмы і германізмы.

Ключавыя словы: германізмы, запазычванне, лацінізмы, паланізмы, старабеларуская мова.

Features of the Process of Lexical Borrowing in the Old Belarusian Language

The article considers the main (non-linguistic and intralingual) reasons for borrowing lexical items in the Old Belarusian language. One of the main reasons is the acceptance of the name along with a specific object or concept. Borrowed vocabulary is analyzed from both thematic and genetic points of view. Religious and military vocabulary are the layers that accepted the greatest number of loanwords. Polish, Latin and German loanwords constitute the most important layers of the borrowed vocabulary.

Key words: borrowing, German loanwords, Latin loanwords, the Old Belarusian language, Polish loanwords.

Уводзіны

Адным з найбольш вядомых даследчыкаў запазычанняў у старабеларускай мове стаў А. М. Булыка, які выдаў слоўнік «Даўнія запазычанні беларускай мовы» [1] і манаграфію «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» [2]. А. І. Жураўскі прааналізаваў асобныя групы запазычанняў у складзе старабеларускай мовы: паланізмы, германізмы, лацінізмы, грэцызмы, царкоўнаславянскія, цюркізмы, літуанізмы, якім прысвечаны адпаведныя раздзелы ў «Гістарычнай лексікалогіі беларускай мовы» [3]. На сучасным этапе працягваюцца даследаванні запазычанняў старабеларускага перыяду. Актыўна даследуюцца асобныя групы запазычанняў: багемізмы (Г. В. Алексеевіч); германізмы (В. М. Галай, І. І. Чартко); лацінізмы, лексіка раманскага паходжання (А. М. Булыка).

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці працэсу лексічнага запазычання ў старабеларускі перыяд; вылучыць асноўныя пры-

чыны і крыніцы запазычвання; выявіць тэматычныя групы, якія найбольш інтэнсіўна засвойвалі новыя адзінкі.

Матэрыялам для артыкула паслужылі інашмоўныя адзінкі ў складзе старабеларускай мовы, зафіксаваныя ў слоўніку А. М. Булыкі «Даўнія запазычанні беларускай мовы» [1] і ў «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» [4].

Прычыны запазычання

Лексічнае запазычанне з'яўляецца цалкам натуральным працэсам, характэрным для ўсіх моў свету, і служыць важнай крыніцай узбагачэння слоўнікавага складу мовы. Інтэнсіўнасць запазычвання, значнасць тых ці іншых моў-донараў залежаць ад супыннасці сацыяльна-эканамічных, гістарычных і культурных фактараў.

Сярод прычын запазычання традыцыйна выдзяляюцца ўнутрымоўныя і пазамоўныя. Асноўнай пазамоўнай прычынай з'яўлення таго ці іншага запазычання лі-

чыцца патрэба ў намінацыі, а тыповая форма такога запазычання – прыняцце наймення разам з канкрэтнай рэаліяй або паняццем [5, с. 7; 6 с. 19]. Акрамя таго, да пазамоўных прычын адносяцца:

- 1) гістарычныя кантакты народаў і наўнасць білінгвізму;
- 2) больш глыбокае пазнанне рэчаіснасці, што вядзе да ўзнікнення новых з'яў, прадметаў;
- 3) наватарства нацыі ў нейкай сферы дзейнасці (мода, спорт, тэхніка);
- 4) закон эканоміі моўных сродкаў;
- 5) развіццё віда-родавых сувязей;
- 6) турызм, розныя формы навуковага супрацоўніцтва [6, с. 19–20];
- 7) аўтарытэтнасць мовы-крыніцы (што прыводзіць да запазычання многімі мовамі з адной і з'яўлення інтэрнацыяналізмаў [7, с. 112]).

Сярод унутрымоўных прычын называюць адсутнасць у роднай мове эквівалентнага слова для новага прадмета ці паняцця [7, с. 112]; імкненне пазбегнуць полісеміі, аманіміі [7, с. 112; 5, с. 8; 6, с. 20]; тэндэнцыю да выражэння асобнага паняцця асобным словам [5, с. 8; 6, с. 21]; імкненне да эўфемістычнасці [5, с. 8; 6, с. 20]; імкненне да тэрміналагічнасці [6, с. 21]; імкненне да дэталізацыі сэнсавых адрозненняў [6, с. 20]; тэндэнцыю да экспрэсіўнасці [7, с. 112]; адсутнасць у роднай мове магчымасці ўтварэння вытворных ад спрадвечнага слова, у той час калі такая магчымасць існуе ў запазычанага слова (гэта было ўпершыню заўважана Д. С. Лотэ на прыкладзе тэхнічнай тэрміналогіі).

Меркаванне Д. С. Лотэ атрымала далейшае развіццё. Для функцыянавання мовы патрэбна захоўванне балансу паміж вытворнымі і невытворнымі словамі. У сучасных умовах запазычанне з'яўляецца адзіным прадуктыўным спосабам павелічэння колькасці невытворных слоў, гэта адзіны сінхронны спосаб захавання вышэйназванага балансу. Гэтым і тлумачыцца ўніверсальнасць і запатрабаванасць запазычання пры ўсім багацці ўнутраных словаўтваральных сродкаў мовы, на што і ўказвае А. К. Казкева [8, с. 126].

Асаблівасці запазычвання ў старабеларускай мове

Пачатак фарміравання старабеларускай літаратурнай мовы прыпадае на XIV ст. [3, с. 9; 9, с. 57]. Старабеларуская мова ўключала пласты агульнаславянскай і старажытнаарускай лексікі. Адною з крыніц папаўнення слоўнікавага складу старабеларускай мовы з'яўляліся запазычанні, якія пранікалі з іншых славянскіх і неславянскіх моў. Сацыяльнымі перадумовамі для запазычання можна лічыць гандлёва-эканамічныя і культурныя сувязі з заходнееўрапейскімі краінамі, вучобу ў навучальных установах Еўропы, станючае стаўленне да ведання замежных моў, развіццё асветы на тэрыторыі Беларусі.

Прыняцце наймення разам з канкрэтнай рэаліяй або паняццем можна назваць адной з асноўных прычын запазычання ў старабеларускі перыяд. У выніку гандлёва-эканамічных і культурных стасункаў новыя прадметы пранікалі ў побыт жыхароў Вялікага Княства Літоўскага, а разам з гэтым узнікала і неабходнасць наймення новых рэалій. Такім чынам, старабеларуская мова абагачалася новымі назвамі адзення (*аламъ, делюра, доломанъ, жупанъ, жупица, зипунъ, кабатъ, казьяка, карватка, катанка, охабень, португаль, шаловары*); будынкаў (*буда, инсула*); відаў тканіны (*амарханка, адамашка, баволна, бакгазия, бумага, гарусъ, каразея, камка, картынь, ксерлица, китайка, лундышь, парпьянь, табина, талеть, фаразия*); відаў дакументаў (*клейтъ, креденс, либертация, мониментъ, пашпортъ*); галаўных ўбораў (*биретъ, велюмъ, колпакъ, кучма, макгерка, мыцка*); гатункаў віна (*агрэстъ, алякантъ, деноктъ, малиогранатъ, малмазия, мушкатела*); інструментаў (*биндасъ, геваръ*); каштоўных камянёў (*аберилюсь, алмазь, буриштынъ, карбункулюсь, лигирионъ, лигургъ*); кветак (*гияцынтъ*); матэрыялаў (*алябастръ, мосязъ, фанкгултъ*); мінералаў (*калцеданъ*); музычных інструментаў (*арфа, корнетъ, рекгаль*); прадметаў мэблі (*армария, зедель*); рэчываў (*камфоръ, нафта, пжмо*); спецыяў (*имберъ, галкганъ, кминъ, кордымония, кориандръ, мушкатъ, цинамонъ*). У старабеларускую мову пранікаюць назвы жывёл (*делфинъ, дромедаръ, елэфантъ, иппотамъ, кошканданъ, крокодиль, левартъ, лемпартъ*) і пту-

шак (*павь, пеликань, струсь*), якія не вадзіліся на тэрыторыі Беларусі.

Развіццё віда-родавых адносін служыць прычынай з'яўлення адзінак, якія называюць больш агульную ці больш канкрэтную разнавіднасць (у адносінах да наяўных слоў). Так, паланізм *квяздарь* аб'ядноўвае значэнні наяўных слоў *астрономь* і *астрологь*. Слова *барта* 'від сякеры', *берк-гринь* 'разнавіднасць зялёнай фарбы', *болобань* 'від сокала', *дремлюгь* 'парода сокала', *ирха* 'гатунак скуры', *крица* 'каванае жалеза'; *костурь* 'кія, палка з булавешкай з касці, дрэва, металу', *малдрикь* 'гатунак сыру', *мургь* 'парода сабакі', *окгарь* 'парода сабакі', *окиа* 'від сякеры', *пардъ* 'від рыся', *рарогъ* 'парода сокала', *урьянтовка* 'сорт грушы', *чеглей* 'парода ястраба' служаць для назвы больш канкрэтнай разнавіднасці існуючай рэаліі.

Закон эканоміі моўных сродкаў гаворыць аб неабходнасці замены доўгіх зваротаў на больш кароткія. Імкненне замяніць апісальны зварот адным словам ілюструецца наступнымі прыкладамі: *белоглова* 'замужняя жанчына', *единачка* 'адзіная дачка', *крица* 'каванае жалеза'; *готовизна* 'наяўныя грошы' [1, с. 85]. Трэба заўважыць, што ў «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» *готовизна* зафіксавана са значэннем 'падрыхтаваны запас чаго-н., зберажэнне' [4, вып. 7, с. 120].

Асобна трэба вылучыць імкненне больш дэталёва вывучыць навакольны свет, назваць не толькі самі прадметы, але і іх часткі. Напрыклад, «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» фіксуе *кввихть* 'гіра для вагі' [4, вып. 15, с. 44]; *клотка* 'калодка (дэталі драўлянага замка; засаўка)' [4, вып. 15, с. 126]. Сярод запазычанняў фіксуюцца назвы частак адзення (*абилягь, колнерь*); частак будынкаў (*балька, баясь*).

Адным з важных пазамоўных фактараў можна лічыць аўтарытэт польскай мовы, яе дамінуючую ролю як пастаўшчыка іншамоўнай лексікі для старабеларускай мовы, што прывяло да з'яўлення цэлага шэрагу сінанімічных пар: *варга* – *губа*, *варкочь* – *коса*, *владза* – *улада*, *гамерь* – *кузня*, *гардель* – *горла*, *генсь* – *гусь*, *глова* – *голова*, *длото* – *долото*, *длугий* – *долгий*, *здоровый* – *здоровый*, *длото* – *золото*, *земя* – *земля*, *кельня* – *черпакъ*, *квитнути* – *цвисци*, *кгородъ* – *горад*, *кгачи* – *портки*, *кряти* –

рээати, *кравый* – *кывавый*, *крейда* – *мель*, *крихта* – *кропля*, *кроль* – *король*, *кроткий* – *короткий*, *медза* – *межа*, *менсиво* – *м'ясо*, *млодый* – *молодый*, *млотъ* – *молотъ*, *молитва* – *молитва*, *монка* – *мука*, *оброна* – *оборона*, *плотно* – *полотно*, *прохъ* – *порохъ*, *рендъ* – *рядъ*, *рокъ* – *годъ*, *слодкий* – *солодкий*, *строна* – *сторона*, *чтыры* – *чатыры*. Сярод гэтых прыкладаў выдзяляюцца словы, якія маюць славянскае паходжанне, але аформлены па-рознаму: для старабеларускай мовы характэрныя поўнагалосныя формы (*голова*, *долото*, *король*, *короткий*, *молотъ*); наяўнасць ненаціскага *ры* на месцы даўняга *рь* (*кывавый*), наяўнасць *цв* на месцы *кв* (*цвисци*); для польскай мовы тыповымі з'яўляюцца няпоўнагалосныя формы (*глова*, *длото*, *кроль*, *кроткий*, *млотъ*), захаванне спрадвечнага *кв* (*квятъ*, *квитнути*), захаванне насавых гукаў (*генсь*, *рендъ*).

З семантычнага пункту гледжання ў складзе гэтай групы маюцца прыклады, калі словы маюць толькі адно значэнне і супадаюць у гэтым значэнні: *генсь* – *гусь*, *длото* – *долото*, *кгачи* – *портки*, *крейда* – *мель*, *крихта* – *кропля*, *монка* – *мука*. Але найчасцей сваямоўныя варыянты маюць яшчэ значэнні, акрамя таго, якое «дзеляць» з іншамоўным дублетам. Гэтыя значэнні ў большасці выпадкаў развіліся ў выніку метафарычнага ці метанімічнага пераносу на базе зыходнага значэння. Так, *губа* мае яшчэ значэнне 'вусны, рот, дзюба, пашча' [4, вып. 7, с. 187–188]; *кузня* набыло пераноснае значэнне 'месца, дзе рыхтуюцца падкопы, інтрыгі' [4, вып. 16, с. 212]. *Голова* мае цэлы рад другасных значэнняў: 'верхняя частка галавы з валасамі', 'разумовыя здольнасці, розум'; 'асоба, адзінка пры падліку людзей'; 'забіты'; 'начальнік, кіраўнік, гаспадар'; 'цэнтр, сталіца'; 'верхняя частка чаго-н.'; 'асноўная частка чаго-н.'; 'раздзел кнігі' [4, 7, с. 33–38]. Слова *долгий* мае шэсць значэнняў ('які мае вялікую даўжыню', 'высокі ростам', 'прадаўгаваты', 'працяглы ў часе', 'вялікі па памерах', 'шматслоўны', 'працяжны' (аб дыханні) [4, вып. 8, с. 241–244], а слова *длугий* – адно [4, вып. 8, с. 109]. Слова *межа* мае два значэнні ('мяжа' і 'граніца' і супадае са словам *медза* ў першым з іх [4, вып. 17, с. 310]. Слова *молотъ* мае дадатковае значэнне 'дэталі гадзінніка' ў параўнанні з *млотъ* [4, вып. 18, с. 138], а *молитва* – яшчэ два

значэнні ('просьба', 'богаслужэнне, набажэнства, малебен') у параўнанні з *модлітва* [4, вып. 18, с. 128]. *Резати, резать* мае шэсць значэнняў ('зрэзаць', 'абразаць', 'наносіць раны', 'кроіць', 'забіваць чым-н. вострым', 'выразаць' [4, вып. 30, с. 52–53]) у параўнанні з *краяти* 'рэзаць, разразаць; выразаць' [4, вып. 16, с. 103]. У пары *рокъ – годъ* мнагазначным з'яўляецца першае слова ('год', 'тэрмін, пэўны час', мн. 'судовае пасяджэнне' [4, вып. 30, с. 354–356]).

На няпоўную асвоенасць некаторых іншамоўных варыянтаў (*гамеръ*) указвае той факт, што ад іх не фіксуецца дэрываты ў адрозненне ад сваямоўных слоў: *кузня – кузнецъ, кузнецевъ, кузнический*. Але некаторыя запазычаныя ўтвараюць вялікія словаўтваральныя гнёзды: *кветъ, квятъ – кветка, кветечка, кветный, кветокъ, кветочокъ, кветье* [1, с. 146]; *кроль, кроль – королева, королеванье, королевати, королевая, королевичевъ, королевичъ, королевицъ, королевна, королевский, королевство, королевизна, крулевский, крулевство, крулюющий, по королевску, три-крольский, трейкрольский* [1, с. 178]; *кроткий – кротко, закrochenый, закrotchити, на-кротшей* [1, с. 178].

Існуе і такі варыянт, калі кожнае слова з пары з'яўляецца мнагазначным. Так, словы *оброна* і *оборона* супадаюць у чатырох значэннях [4, вып. 21, с. 270, 234]. Напрыклад, у слоў з пары *кгородъ – горадъ* маецца яшчэ па адным значэнні, акрамя 'буйны населены пункт'. *Кгородъ* таксама абазначае 'адзін з памешчыцкіх судаў у Польшчы і Вялікім Княстве Літоўскім, які разглядаў судовыя справы пераважна неаселай шляхты' [4, вып. 15, с. 62], а *горадъ* – 'красная сцяна, лінія умацаванняў' [4, вып. 7, с. 90–91]. Словы *кравый* [4, вып. 16, с. 103–104] і *кывавый* супадаюць у першых пяці значэннях ('кроватачывы', 'звязаны з кровапраліццем', 'скрываўлены', 'наліты кроўю', 'колеру крыві'), але *кывавый* мае яшчэ значэнне 'цяжкі, пакутлівы, горкі' [4, вып. 16, с. 190]. У слоў з пары *злото – золото* маецца па пяць значэнняў [4, вып. 13, с. 3–4, 138–140].

Старабеларуская мова адчувала не толькі вялікі ўплыў суседняй польскай, але і лацінскай мовы – мовы царквы, адукацыі, навукі, і гэты ўплыў быў як непасрэдны, так і апасродкаваны (праз польскую мову). Гэта прывяло да пранікнення паланізмаў і лаці-

нізмаў (асабліва ў галіне абстрактнай і тэрміналагічнай лексікі), якія дубліравалі сваямоўныя адзінкі: *деценция – пристойнасть, дискурсь – розмова, диспозиция – розпорядженье, дшкордия – незгода, затраченье – погибель, инскриция – запись, калюмния – поклепъ, кауза, кавза – причина, макула – недостатокъ, одейстье – отходъ, оказия – причина, окрутъ, окрентъ – корабль, олбримъ – велетъ, опиния – дума, опресея – притиснение, ордынокъ – порядокъ, орнаментъ – оздоба, пендъ – устремление, персвазия – переконанье, политование – жалость, попартье – подпиранье, порубство – роспушта, посваръ – сварка, потуха – надея, преможенье – достатокъ, прецепторъ – наставникъ, респектъ – повага.*

Акрамя пазамоўных, актыўнае запазычанне можна патлумачыць і ўнутрымоўнымі прычынамі, напрыклад, імкненнем да тэрміналагічнасці. У некаторых выпадках утвараліся нават не пары, а рады сінонімаў (лацінізм – паланізм – сваямоўная адзінка): *инкурсь – наяздъ – набегъ; калюмния – обмовиско – поклепъ*. Імкненне да тэрміналагічнасці адыгрывае важную ролю ў стымуляванні працэсу запазычання. Так, у старабеларускай мове з'явіліся назвы хвароб (*апоплексия, канцерь, парализъ, подакгра*); юрыдычныя тэрміны (*иляция* 'славесная просьба ў судзе па справе', *инвестира* 'права на валоданне', *индиция* 'паказанне пры допыце', *капитулюмъ* 'артыкул закона', *преюдикатъ* 'папярэдняе судовае вызначэнне', *реатъ* 'абвінавачванне', *реверсаль* 'пісьмовае абавязацельства', *ремисия* 'адтэрміноўка рашэння справы на судзе', *рецесь* 'адтэрміноўка пастановы', *сублевация* 'скасаванне прыгавору', *тестаментъ* 'завяшчанне', *цырографъ* 'пісьмовае абавязацельства, распіска', *юдиция* 'судовае рашэнне'); тэрміны гандлю (*индукта* 'пошліна ад тавару, які ўвозіцца', *фримаркъ* 'абменны гандаль', *шротарство* 'продаж алкагольных напіткаў').

У некаторых выпадках іншамоўныя словы ўтвараюць сінанімічныя рады *колдра* (этымон – іт. coltre) – *коць* (этымон – с.-в.-ням. kotze); *окиянь* – *оцеанъ*. Прычынамі гэтай з'явы звычайна з'яўляецца запазычанне з розных крыніц ці праз пасярэдніцтва розных моў, а таксама супадзенне іншамоўных слоў у адным са значэнняў: *кауза, кавза – оказия*.

Тэматычная характарыстыка

На наш погляд, царкоўна-рэлігійная і ваенная лексіка з'яўляліся тымі пластамі, якія найбольш інтэнсіўна засвойвалі іншамоўныя найменні. Царкоўная лексіка абагацілася найменнямі, якія абазначаюць атрыбуты (*акгнусокъ, крижъ*); будынкi (*кляшторъ, каплица, костель*); віды адзення (*комжа*); дакументы (*септена*); галаўныя ўборы (*инфула, митра*); групы людзей (*капитула*); ежу (*оплатокъ*); калядны пост (*адвентъ*); каталіцкі манашаскі ордэн (*рекгула*); малітву (*комплета*); манастыр (*ставропикгумъ*); прынашэнне ў царкву (*офертория*); рэлігійныя творы, кнігі; часткі Бібліі (*апокрифъ, дефторономия, кантыка, катехизмъ, катехисисъ*); таемства (*евхаристия, комуния*); царкоўную адміністрацыйную адзінку (*парафія*); службу ў царкве (*миша, нешпоръ*); царкоўнае ўбранне (*орнатъ*); царкоўнае начынне (*пацыфікаликъ*); царкоўны суд (*нунцыатура*); частку алтара (*антепандия*).

У гэтай сферы дастаткова вялікая колькасць запазычанняў і сярод лексікі з агентатывным значэннем: *аббатисса, аудиторъ, акколитъ, ареопагитъ, арцибискупъ, арцикапланъ, бискупъ, казнодея, канторъ, капелянъ, капланъ, кардиналь, кармазинъ, католикъ, кгардывнъ, клебанъ, коляторъ, ксендзъ, опатъ, папезъ, плебанъ, прелатъ, преоръ, препозитъ, пробоцъ, протонотариушь, псалмиста, сениоръ, супериоръ, суфраганъ*. Шматлікія грэцызмы ў гэтай сферы (*епархия, епитемия, ерархъ, канонъ, кивотъ, клирикъ, клиросъ, клиръ, кондакъ, лавра, митрополитъ, митрополия, понамаръ, пресвитеръ, просфура, серафимъ, скиния, фарисей, херовимъ, хоръ*) старабеларуская мова атрымала ў спадчыну ад старажытнарускай літаратурна-пісьмовай мовы [1, с. 12].

У межах ваеннай лексікі актыўна папаўнялася тэматычная група «віды зброі»: *аркабузъ, бардебушка, кгинчаль, кгулдынка, кончеръ, карабеля, кордъ, мултанъ, мушкетъ, наждакгъ, оцетъ, палашь, пистолетъ, пуйналь, пулгакъ, пушка, чеканъ, шэфелинъ*. Запазычаныя словы таксама называлі адзенне (*кеца*); асоб (*гарабурдъ* (рыцар), *жолнеръ* (салдат), *кгермекъ* (зброеносец), *ротмистръ*); атрады (*когорта, рота, шпича*); боепрыпасы (*потискъ*); ваенныя галаўныя ўборы (*гелмъ, капалинъ, киверъ, ми-*

сурка, прилбица, шишакъ); від войска (*гвардия*); від панцыра (*бехтеръ, карацена, кирись*); віды шчытоў (*навеза, пуклеръ, тарча*); калчан для стрэл (*сагайдакъ*); чыноў (*капитанъ, оберстерлейтенантъ, полковникъ, саржантъ*).

Дастаткова значны пласт запазычанняў характэрны і для вучэбнай тэматычнай лексікі: *абецадло, алфаветъ, алфавитаръ* (слоўнік), *грамматика, дидаскаль* (настаўнік), *донат* (лацінская граматыка Даната), *евграфія* (геаграфія), *лекцыя, литера, математикъ, ортокграфія, педаггогкгия, педаггогкгъ*.

Акрамя таго, у тэматычнай групе «віды прафесій» значная колькасць найменняў з'яўляецца іншамоўнымі запазычаннямі: *дойлідъ, дряголь, здунъ, кгвездаръ, конвисаръ, морнаръ, мураль, платнеръ, стельмахъ, столяръ, стрихаръ, целникъ, цимерманъ, шницаръ*.

Генетычная характарыстыка запазычанняў

Тыя сацыяльна-эканамічныя абставіны, што склаліся на тэрыторыі Беларусі ў XIV–XVIII стст. (Крэўская унія 1385 г., Люблінская унія 1569 г.), абумовілі тое, што галоўным донарам і пастаўшчыком іншамоўных запазычанняў з'явілася польская мова. «Сярод важнейшых пластоў запазычанай лексікі старабеларускай мовы лексічныя паланізмы па колькасці прадстаўленых лексем займаюць першае месца» [3, с. 89].

Самы распаўсюджаны выпадак – гэта запазычанне назоўнікаў як асноўных адзінак намінацыі. Запазычаныя найменні-паланізмы належаць да розных прадметна-тэматычных груп: адзенне (*кгачи*); зброя (*кгулдынка* 'від мушкета'); інструменты (*длото, пэдзликъ*); назвы месяцаў (*кгрудень, липецъ*); насякомыя (*мровка* 'мурашка'); пабудовы (*осеть*); памяшканні (*клитка* 'каморка'); побыт (*пелюхи*); прынады (*кломля*); птушкі (*пардва* 'белая курапатка', *букъ* 'птушка бугай'); часткі будынкаў (*очапъ* 'шпіль'); часткі твару (*баркъ* 'плячо', *варга* 'губа', *пащека* 'сківіца'). Акрамя таго, паланізмамі актыўна папаўняліся абстрактная лексіка (*бута* 'фанабэрыя', *ганьба, истота* 'сутнасць', *милость* 'міласць, любоў, каханне', *можность* 'багацце, магчымасць', *моц* 'сіла, магутнасць', *опека, отуха* 'смяласць, надзея', *пендъ* 'імкненне'); размоў-

ная лексіка (*блазень* ‘штукар’, *клотня* ‘сварка, разлад’, *мотлохъ* ‘зброд’, *натрентъ* ‘нахабнік’, *ошустъ* ‘ашуканец’); тэрміналагічная лексіка (*вырокъ* ‘прысуд, пастанова’, *коповиско* ‘месца паседжання копнага суда’, *листъ* ‘грамата’, *материзна* ‘спадчына па мацеры’).

Аб велічыні ўплыву польскай мовы сведчыць той факт, што запазычваліся не толькі назоўнікі, але і дзеясловы (*бадати*, *блюзнити*, *вонтпिति*, *гнембити*, *залецати*, *мдлети*); займеннікі (*муй*, *ницъ*, *овый*); лічэбнікі (*едень*, *трынасте*, *петнасте*, *чтыры*); прыметнікі (*барцовый*, *велиоракий*, *вславленный*, *дочесный*, *збытний*); прыслоўі (*дися*, *звлаца*, *индей*, *натыхместъ*, *очевисте*) і нават службовыя часціны мовы: злучнікі (*абовемъ*, *алить*, *атоли*, *жебы*, *поневажъ*); прыназоўнікі (*ведле*, *ведлугъ*, *подлугъ*); часціцы (*азали*, *доперо*, *немаль*, *нехъ*, *тылко*).

«Паказчыкам моцнага ўздзеяння польскай мовы на беларускую службуць таксама факт, што ў беларускую мову праніклі і замацаваліся ў ёй некаторыя польскія словаўтваральныя сродкі» [3, с. 99]. На польскае паходжанне могуць указваць наступныя словаўтваральныя сродкі: **-ц-а**: *блюзнерца*, *вадца*, *велемовца*, *давца*, *дозорца*, *зводца*, *злочинца*, *красомовца*, *лакомца*, *оправца*, *пожогаца*, *приводца*; **-иск-о**: *боевиско*, *гробовиско*, *игриско*, *коповиско*, *леговиско*, *ложиско*, *назвиско*, *насмевиско*, *обмовиско*, *огниско*, *окниско*, *пасовиско*, *паствиско*, *побоиско*, *погорелиско*, *погребиско*, *попелиско*, *посмевиско*, *прозвиско*, *пусилиско*, *смеховиско*, *становиско*, *топориско*; **-изн-а/-ызн-а**: *бегызна*, *дядовицизна*, *капицизна*, *материзна*, *пневцизна*, *поконевцизна*, *покотелцизна*, *поселицизна*, *потребизна*, *почеревицизна*, *пустизна*, *пустовицизна*; **-дл-о**: *ковадло*, *простирадло*, *страшидло*, *точыдло*.

Другім па значнасці пластом запазычання ў з’явіліся лацінізмы [3, с. 104]. Шматлікія запазычанні з лацінскай мовы ў складзе старабеларускай мовы сведчаць аб яе цесным кантакце з заходнееўрапейскімі краінамі і высокім узроўні адукацыі пэўных слаёў насельніцтва. Даследчыкі (А. І. Жураўскі) называюць два магчымыя шляхі запазычання лацінізмаў: ускосны (праз польскае пасярэдніцтва) і прамы (непасрэдна з лацінскай мовы, якая вывучалася ў тагачасных школах, шырока выкарыстоўвалася ў пера-

пісцы). Лацінізмы перш за ўсё абазначалі разнастайныя адцягненыя паняцці (*абнегация* ‘адмаўленне’, *анімушь* ‘натхненне, запал’, *делиберация* ‘абдумванне’, *ексцепция* ‘выключэнне’, *захвищенье* ‘захапленне’, *инклинация* ‘схільнасць’, *калюмния* ‘паклёп’, *консенсъ* ‘дазвол, згода’, *конциторъ* ‘варожасць’). Акрамя таго, словы лацінскага паходжання папаўнялі юрыдычна-правую тэрміналогію і сацыяльна-эканамічную лексіку: *абдикация* ‘адрачэнне ад прастола’, *актыкация* ‘занясенне дакумента ў актавую кнігу’, *акцесия* ‘прыбытак’, *алекация* ‘прывядзенне довадаў’, *баниция* ‘прыгавор на выгнанне з айчыны’, *декреталь* ‘папскі статут’, *деляция* ‘працягванне тэрміну’, *експэктатива* ‘від дакумента’, *инстигация* ‘судовае абвінавачанне’, *инструктаръ* ‘пошлінны тарыф’, *интрата* ‘даход, прыбытак’, *лекация* ‘завяшчанне’, *регіментъ* ‘камандаванне, кіраванне’. Лацінізмы таксама называлі асоб на адміністрацыйных пасадах: *инспекторъ* ‘наглядчык’, *губернаторъ*, *комендантъ*, *комисаръ* ‘ураднік са спецыяльнымі абавязкамі’, *лекатъ* ‘пасол’, *майоръ* ‘начальнік, упраўляючы’, *реентъ* ‘начальнік канцылярыі’, *референдаръ* ‘каралеўскі сануўнік’, *сенаторъ*, *сурокгаторъ* ‘намеснік’. Лацінізмы фіксуюцца і ў складзе гаспадарча-бытавой лексікі, дзе яны абазначаюць адзенне і галаўныя ўборы (*велюмъ*, *кошуля*); будынкi і збудаванні (*инсула* ‘дом каналъ’); ежу і напоі (*буракъ*, *легумина* ‘гародніна’, *оковита* ‘гарэлка’, *цыбуля*). Лацінскае паходжанне маюць некаторыя назвы жывёл: (*делфинъ*, *елефантъ*, *леопардъ*, *муль*); раслін (*кастанъ* ‘каштан’, *лилия*, *пальма*, *фиалка*, *иптикандардъ* ‘лаванда’).

Германізмы складаюць даволі значны пласт запазычанай лексікі старабеларускай мовы. У тэматычным плане шматлікія германізмы адносяцца да бытавой і гаспадарчай лексікі, яны абазначаюць абутак, адзенне, галаўны ўбор (*пантофля*, *пончоха*, *рантухъ* ‘вялікая хустка’, *стугъ* ‘хустка’, *фартухъ*, *шерстухъ* ‘ільняная хустка’, *шлямъ* ‘футра’); будынкi і часткі будынкаў (*гута*, *кганокъ*, *крама*, *кругель* ‘карчма’, *кружкганокъ* ‘крытая галерэя’, *крухта* ‘бабінец’, *мачулы* ‘перакладзіны на рыштваннях’, *ратуша*, *шиба*, *шпиталь*, *шпихлеръ* ‘свіран’); збудаванні (*слюза* ‘шлюз’, *шахта*); інструменты, прылады і часткі зброі (*гантаба* ‘засаўка’, *геваръ* ‘дамкрат’, *квехтъ*

‘вагі’, *крыга* ‘прылада для лоўлі рыбы’, *крук*, *лейцы*, *мундштукъ*, *окиа* ‘від сякеры’, *рыгель* ‘засаўка’, *шрубштакъ* ‘ціскі’, *шоръ*); рэчы (*ботогъ* ‘кадушка’, *вантухъ* ‘мех’, *вахляръ* ‘веер’, *друшлякъ*, *зекгаръ* ‘гадзіннік’, *кельня* ‘чарпак’, *лихтаръ*, *ольстро* ‘футляр’, *панва* ‘скаварада’, *пудло* ‘каробка’, *фляша* ‘бутэлька’, *чопъ* ‘корак’, *шпунталь* ‘затычка’); рэчывы (*мосязь* ‘латунь’, *паперъ*, *салетра*); спецыі і ежу (*кгалкганъ* ‘шафран’, *шпикъ*). Вялікую групу ўтвараюць германізмы, якія называюць асоб на адміністрацыйных і вайсковых пасадах, а таксама згодна з іх прафесійнай дзейнасцю: *буркграбя*, *бурмістръ*, *канцлеръ*, *лентвойтъ*, *маршалокъ*, *машталеръ*, *містръ*, *оберс-терлейтенантъ*, *офіцьеръ*, *пochtмайстръ*, *ротмістръ*, *шкрутаторъ* ‘следчы’; *барберъ*, *дряголь* ‘насільшчык, грузчык’, *конвясаръ* ‘ліцейшчык’, *маляръ*, *рымаръ* ‘рымар’, *слесаръ*, *стельмахъ* ‘каляснік’, *стрихаръ* ‘цагельнік’, *шницаръ* ‘рэзчык’. Германізмы характэрны для гандлёвай лексікі (*бурса* ‘кампанія, арцель’, *вердунокъ* ‘манета’, *кгелда* ‘гільдыя’, *клуба* ‘мера’); для лексікі суднаходства (*буса* ‘від судна’, *маштъ* ‘мачта’).

Заклучэнне

Такім чынам, у старабеларускі перыяд адной з асноўных прычын запазычання было прыняцце наймення разам з прадметам. Сярод іншых прычын можна назваць развіццё рода-відавых адносін, эканомію моўных сродкаў, імкненне больш дэталёва вывучыць навакольны свет, імкненне да тэрміналагічнасці.

У выніку сацыяльна-палітычных абставін польская мова аказвала вялікі ўплыў на старабеларускую: з’яўлялася і донарам, і пасярэдніцай для пранікнення запазычанняў з іншых еўрапейскіх моў. Гэта прывяло да таго, што старабеларуская мова, з аднаго боку, узбагацілася лексічна, з іншага – стала характарызавацца збыткоўнасцю, з’явіліся шматлікія дублеты сваямоўных адзінак (*монка* – *мука* і г. д.).

На наш погляд, з тэматычнага пункту гледжання найбольш імкліва запазычаннямі папаўняліся пласты абстрактнай, ваеннай і рэлігійнай лексікі. Генетычна найбольш значныя групы складаюць паланізмы і лацінізмы.

Для сацыяльна-эканамічнай і гаспадарчай лексікі характэрна даволі вялікая колькасць германізмаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Булыка, А. М. Даўнія запазычання беларускай мовы / А. М. Булыка ; пад рэд. А. І. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 384 с.
2. Булыка, А. М. Лексічныя запазычання ў беларускай мове XIV–XVII стст. / А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 256 с.
3. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэдкал.: А. Я. Баханькоў [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 339 с.
4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / пад рэд. А. М. Булыкі, А. І. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка : Беларус. навука, 1982–2017. – Вып. 7 : Гляденье – Девичество. – 1986. – 303 с.; Вып. 8 : Девичий – дорогость. – 1987. – 312 с.; Вып. 13 : Злотництво – Ивовый, 1993. – 287 с.; Вып. 15 : Катъ – коречный. – 1996.; Вып. 16 : Коржъ – Лесничанка. – 1997. – 359 с.; Вып. 17 : Лесничий – Местский. – 1998. – 365 с.; Вып. 18 : Местце – Надзовати. – 1999. – 374 с.; Вып. 21 : Нікой – Оддучъ. – 2002. – 405 с.; Вып. 26 : Позней – поробтати. – 2006. – 444 с.; Вып. 30 : Ралець – рушать. – 2010. – 496 с.
5. Станкевіч, А. А. Мова і грамадства: міжмоўныя кантакты і лексічнае ўзаемадзеянне ў беларускіх народных гаворках / А. А. Станкевіч. – Мінск : РІВШ, 2012. – 220 с.
6. Габдреева, Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода : монография / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 328 с.
7. Гринев, С. В. Терминологические заимствования: краткий обзор современного состояния вопроса / С. В. Гринев // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М., 1982. – С. 108–135.
8. Казкенова, А. К. Онтология заимствованного слова : монография / А. К. Казкенова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 248 с.

9. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.

REFERENCES

1. Bulyka, A. M. Daunija zapazychanni bielaruskaj movy / A. M. Bulyka ; pad red. A. I. Zhurauskaha. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1972. – 384 s.
2. Bulyka, A. M. Leksichnyja zapazychanni w belaruskaj move XIV–XVII stst. / A. M. Bulyka. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1980. – 256 s.
3. Histarychnaja lieksikalohija bielaruskaj movy / AN BSSR, In-t movaznaustva imia Jakuba Kolasa ; redkal.: A. Ya. Bakhan'kou [i insh.]. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1970. – 339 s.
4. Histarychny slounik bielaruskaj movy : u 37 vyp. / pad red. A. M. Bulyki, A. I. Zhurauskaha. – Minsk : Navuka i tekhnika : Bielarus. navuka, 1982–2017. – Vyp. 7 : Gliaden'e – Devichiestvo. – 1986. – 303 s.; Vyp. 13 : Zlotnictvo – Ivovyj, 1993. – 287 s.; Vyp. 15 : Kat – korechnyj. – 1996; Vyp. 16 : Korzh – Lesnichanka. – 1997. – 359 s.; Vyp. 17 : Lesnichij – Mestskij. – 1998. – 365 s.; Vyp. 18 : Miestce – Nadzovati. – 1999. – 374 s.; Vyp. 21 : Nikoj – Odduch. – 2002. – 405 s.; Vyp. 26 : Poznej – porobtati. – 2006. – 444 s.; Vyp. 30 : Ralec – rushat'. – 2010. – 496 s.
5. Stankievich, A. A. Mova i hramadstva: mizhmounyja kantakty i lieksichnaje uzajemadziejannie u bielaruskikh narodnykh havorkakh / A. A. Stankeivich. – Minsk : RIVSh, 2012. – 220 s.
6. Gabdriejeva, N. V. Inojazychnaja lieksika v russkom jazykie noviejshogo pierioda : monografija / N. V. Gabdriejeva, A. V. Agiejeva, A. R. Timirgaliejeva. – M. : FLINTA : Nauka, 2013. – 328 s.
7. Griniov, S. V. Terminologicheskije zaimstvovanija: kratkij obzor sovriemiennogo sostojanija voprosa / S. V. Griniov // Voprosy zaimstvovanija i uporiadochienija inojazychnyh tierminov i tierminoelientov / D. S. Lotte. – M., 1982. – S. 108–135.
8. Kazkienova, A. K. Ontologija zaimstvovannogo slova : monografija / A. K. Kazkenova. – M. : FLINTA : Nauka, 2013. – 248 s.
9. Lieksikalohija suchasnaj bielaruskaj litaraturnaj movy / pad red. A. Ya. Bakhan'kova. – Minsk : Navuka i tehnik, 1994. – 463 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.01.2022

УДК 811.161.+130.281'373.2(476.7)

Ольга Борисовна Переход

канд. филол. наук., доц., зав. каф. общего и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Olga Perekhod

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General and Russian Linguistics
of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: rexo61@mail.ru

ГЕМЕРОНИМИЯ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ: НОМИНАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА*

Рассматриваются номинативные особенности региональной гемеронимии на материале медианазваний Брестской, Гродненской, Гомельской областей. Данный тип имен собственных формирует периферийный ономастикон, демонстрирует денотативную специфику и определяется рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Охарактеризован ономасиологический аспект создания региональных искусственных номинаций. Установлены мотивировочные признаки, положенные в основу гемеронимов, и определены мотивационные зоны данных имен собственных.

Ключевые слова: гемеронимия, гемероним, медианоминация, номинативная специфика, вторичная номинация, мотивационный признак, мотивационная зона.

Hemeronymy in the Onomastyc Space of Belarus: Nominative Specific

The article is devoted to consideration of nominative specifics of regional hemeronymy of Belarus on the example of medianominations of Brest, Grodno and Gomel regions. This type of proper names that form peripheral onomasycon demonstrates denotative specificity, reflects the influence of social processes on artificial nomination, is determined by a number of linguistic and extralinguistic factors. The onomasiological aspect of creation of this type of regional artificial nominations is considered. Motivating signs are established, which are the basis of hemeronyms, and motivational zones of proper names are characterized.

Key words: hemeronymy, hemeronym, media names, nominative specificity, secondary nomination, motivational feature, motivational zone.

Введение

Гемеронимы принадлежат к периферийному ономастикону и образуют в кругу имен собственных особую пограничную подсистему. С одной стороны, они выполняют функцию продвижения СМИ на рынке товаров и услуг и потому относятся к группе «рекламных имен» [1]. С другой стороны, все СМИ, и коммерческие, и некоммерческие, функционируют в интеллектуальной, идеологической, художественной сферах деятельности человека, поэтому представляют собой один из сегментов современной идеонимии. К гемеронимам мы относим широкий спектр медианоминаций, включая в этот разряд не только названия

органов периодических печатных изданий, как при узком подходе [2], но и названия электронных, сетевых СМИ, теле- и радиопрограмм [1, с. 32].

Актуальность исследования гемеронимов, как и других периферийных разрядов имен собственных, обусловлена тем, что они являются своего рода репрезентантами активных номинативных процессов, происходящих в языке и речи, отражают коммуникативные намерения адресантов и ожидания адресатов, фиксируются в письменной форме, тиражируются в рекламе, входят в повседневную речевую практику и пополняют словарный состав языка.

Настоящая статья является логическим продолжением статьи, где рассматривалась структурная специфика гемеронимии Беларуси [3].

Цель статьи – установление номинативной специфики гемеронимии Беларуси (на примере медианоминаций Брестской, Гродненской и Гомельской областей).

*Статья подготовлена в ходе реализации НИР «Периферийный ономастикон Беларуси: лингвистический и экстралингвистический аспекты» (№ госрегистрации 20211415) ГПНИ на 2021–2025 гг. при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

Объектом научного изучения являются региональные гемеронимы, формирующие медиапространство трех областей Беларуси – Брестской, Гродненской, Гомельской.

Предмет исследования – ономаσιологический (номинативный) аспект создания данного типа региональных искусственных номинаций. Установление номинативной специфики гемеронимов Брестчины, Гродненщины и Гомельщины предполагает определение мотивационных зон и мотивировочных признаков, положенных в основу искусственной номинации.

Источниками для сбора языкового материала послужили: сайт Министерства информации Республики Беларусь, сайты областных и районных исполнительных комитетов трех вышеназванных областей; официальные сайты печатных, электронных, сетевых СМИ исследуемых регионов; иные интернет-ресурсы, а также «Государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей печатных изданий (в части издателей)», «Реестр распространителей продукции телевизионных и (или) радиовещательных средств массовой информации», «Перечень сетевых изданий, зарегистрированных в Госреестре СМИ на 20.01.2021».

Лингвистический статус гемеронима

В ономастике существует проблема определения лингвистического статуса гемеронима. К этому вопросу обращались О. И. Федосова (ее работа «Лингвистический статус гемеронима» [4] является одной из наиболее часто цитируемых в научной литературе, посвященной проблемам гемеронимии), Т. И. Кравец [5] и др. Отмечается ряд характерных черт гемеронимов, как выделяющих их среди имен собственных, так и идентифицирующих с другими группами периферийных онимов. Сложность определения природы гемеронима заключается в том, что в нем соединены интра- и экстралингвистические факторы, формирующие гемероним как особый тип языкового знака.

Прежде всего обращает на себя внимание денотативная специфика гемеронима как языкового знака, обладающего особым характером индивидуализации, поскольку гемеронимы называют не отдельные единичные предметы, а «целые серии, тиражи,

выпуски однородных газет, журналов, альманахов», теле- и радиопроектов, т. е. реализуют «не предметную индивидуализацию как обычные имена собственные, а особую индивидуализацию права на выпуск» определенной медийной продукции [4, с. 78].

Эту особенность гемеронимов отмечает и М. В. Голомидова, рассматривая их в собственно ономастическом аспекте и называя их «знаками-индивидуализаторами», которые используются для «именного маркирования целой совокупности регулярно выпускаемых текстов, объединенных информационной концепцией и политикой соответствующих СМИ» [6, с. 113]. Подобная денотативная специфика отмечается и в других разрядах периферийных имен собственных, например, в прагматонимах (словесных товарных знаках, рекламных именах), номинации которых закрепляют юридическое право производителей на выпуск определенного вида продукции.

Во-вторых, создание гемеронима – это процесс и результат искусственной номинации, т. е. «рационального... именотворчества, которое предполагает наличие конкретных авторов, целенаправленный... отбор мотивировочных признаков будущего имени собственного, лексических мотиваторов и способов словообразования», имеет «расчет на априорную узуализацию через закрепление имени в соответствующих нормативных текстах и фиксированную форму его подачи в заголовке соответствующей печатной продукции» [6, с. 113] и программах теле- и радиопередач.

В-третьих, собственно лингвистическую природу гемеронимов определяют следующие особенности:

а) *синтаксические (структурные)*: имена собственные создаются по продуктивным и малопродуктивным моделям, допустимым в данном языке;

б) *словообразовательные*: гемеронимы образуются узуальными и окказиональными способами, характерными для определенной языковой системы (преобладает вторичная номинация с «новым назначением», однако достаточно распространены и нетиповые способы, особенно в номинациях теле- и радиопроектов, коммерческих печатных изданий);

в) *лексико-фразеологические*: в качестве мотивирующих используются устой-

чивые сочетания слов и лексика разных тематических разрядов и стилистической маркировки, частично противопоставленная лексическому узусу как в смысловом плане (наблюдается семантическое расширение или сужение в результате вторичной номинации, метафоризация, метонимические сдвиги под влиянием идеологических клише или новых реалий), так и в функциональном назначении.

В-четвертых, специфика гемеронимов как одного из разрядов ономастической лексики определяется такими экстралингвистическими факторами, как «недолговечность и изменимость, зависящая от изменений политической, экономической и общественной жизни»; «идеолого-политическая направленность»; «привязка к дискурсу массовой коммуникации», «рекламная функция», «адресатная направленность», «влияние на формирование типового адресата» [7, с. 49].

Номинативная специфика гемеронимов

Анализ теоретических аспектов процесса номинации определяет два момента в исследовании типов номинации: выявление структурно-семантических особенностей и установление мотивировочных признаков [5, с. 9]. Гемеронимы представляют собой мотивированные номинации. Лексическое наполнение установленных структурных схем гемеронимов Брестчины, Гродненщины и Гомельщины, частеречная принадлежность компонентов этих схем и их семантика [3] позволяют охарактеризовать номинативную специфику гемеронимии, очертить мотивационные зоны, значимые для именования региональных СМИ. Эти зоны во многом обусловлены типом СМИ и формой его периодического распространения.

Локативная мотивационная зона является наиболее представительной в гемеронимах всех трех исследуемых областей Беларуси. В гемерониме закрепляется местонахождение адресанта. В периодических печатных изданиях, сетевых и электронных СМИ, передачах радио и телевидения «настойчиво подчеркивается их региональность и привязанность к своей территории» [8, с. 43]. Это объясняется тем, что «для регионального медиаполя важно зафиксировать свой регион», уточнить локацию, тем самым определить и сохранить основной

контингент потребителей данной информационной продукции. Языковыми средствами выражения являются существительные-локативы общей семантики (*край, город*), астионимы и хоронимы (*Брест, Гродно, Гомель, Полесье* и др.) и производные от них (*Камянеччына, Веткаўшчына, Бераставіцкая, Брестский, Лидское, Кобрынскі* и др.), астионимы-сокращения (телепрограмма «НОВО-ТВ», где *Ново* – сокращение от Новогрудок), гидронимы (*Буг, Сож, Нёман, Нірэя* – древнее название *Сожа*); используется и паралингвистическое средство – телефонный код региона («152.by», где 152 – код г. Гродно). Ниже представлены примеры гемеронимов, объективирующих локативную мотивационную зону:

1) номинации печатных СМИ (*Брестская обл.*: газеты: «Наш край», «Заря над Бугом», «Янаўскі край», «Навіны Камянеччыны», «Брестский курьер»; *Гродненская обл.*: «Гродзенская праўда», «Слоні́мскі веснік», «Бераставіцкая газета»; *Гомельская обл.*: «Гомельская праўда», «Маяк Палесся», «Голас Веткаўшчыны», «Добрушскі край»; журналы: «Гродно», «Деловой Гомель», «Нефтяник Полесья»);

2) номинации электронных СМИ (*Брестская обл.*: РУП РТЦ «Телерадиокомпания “Брест”», КИУП «Телекомпания “Пинск”», ТК «Буг ТВ», «Буг Информ»; *Гродненская обл.*: РУП РТЦ «Телерадиокомпания “Гродно”», КУП «Телерадиовещательный канал “Гродно Плюс”», КУП «Лидское телерадиообъединение»; *Гомельская обл.*: РУП РТЦ «Телерадиокомпания “Гомель”», ТК «Нірэя Гомель», городская телепрограмма «Гомель ТВ», телеканал «Речица ТВ», телеканал «Мозырь»);

3) номинации сетевых СМИ, порталов, сайтов (*Брестская обл.*: сетевые СМИ «berezacity.by», «drogichin.by», «janow.by», «media-polesye.by», «nadbugom.by»; порталы «Брест. Сити Новости Бреста и Брестской области», «КобринСити», «Кобрин-информ», социально-информационный портал «Реальный Брест», региональный портал «Виртуальный Брест»; *Гродненская обл.*: сетевые СМИ «vgr.by» («Вечерний Гродно»), «grodnonews.by», «lidanews.by»; региональный портал «Гародня», бизнес-портал «Grodno.in»; *Гомельская обл.*: сетевые СМИ «gr.by» («Гомельская правда»), интернет-газета «Гомель. Сильные ново-

сти»; городской портал «Живой Гомель», «ГородГомель.by», информационно-развлекательный портал «vGomele.by», информационный интернет-сайт «Весь Гомель»;

4) номинации радиостанций: радио «Брест», «Барановичи FM»; радиостанция «Гродно», «Гомельское городское радио», радиостанция «Гомель+»;

5) номинации телепрограмм и телепроектов: «Берасцейская скарбніца», «Палескія нарысы» (ТРК «Брест»); «Окна города», «Надежда на село» (ТРК «Гродно»); «Гомельский Олимп» (ТРК «Гомель»).

б) номинации радиопередач: «Барановичи – события» («Барановичи FM»); «Модный город» («Гомельское городское радио»).

Темпоральная мотивационная зона гемеронимов демонстрирует временную сущность явлений, специфическую взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, динамику изменения явлений и процессов, обусловленных социокультурной спецификой человеческого существования, значимостью их в отражении бытия. «Все существующее в мире обладает пространственным и временным параметрами... Когда речь идет о происходящем и преходящем, важна ось времени; когда речь идет о сущем и пребывающем, важна пространственная локализация» [9, с. 170].

Временные мотивационные признаки положены в основу следующих гемеронимов:

Брестская обл.: газета «Вечерний Брест», «The Baranovich Times» (городская информационная газета на английском языке); «Главное за неделю», «Утренний эспрессо» (ТРК «Брест»), «Бодрое утро!», «Лучший день», «Еще не вечер» («Барановичи FM»), «Первое утреннее шоу», «Будни – это легко» (радио «Брест»);

Гродненская обл.: газеты «Дзянніца» (денница – утренняя звезда), «Вечерний Гродно»; «Сезон удачи» (ТРК «Гродно»), «Дневной розыгрыш» («Лидер FM»);

Гомельская обл.: «Наши радиобудни» («Гомельское городское радио»), Радио «Ранак» (Светлогорск); «Вековой рубеж», «Хроника победы» (ТРК «Гомель»).

Медийная (информационная) мотивационная зона гемеронима отражает сущностную характеристику СМИ, поэтому использование в его названии слов, указывающих на информацию, «призвано подчерк-

нуть суть объекта, отразить его важность, значимость в жизнедеятельности общества» [5, с. 9]. Языковыми средствами выражения медийности в гемеронимах является широкий круг слов с информативной семантикой (*навіны, новости, курьер, правда, веснік, газета, голос, события, репортаж*), заимствованные элементы (*инфо-, информ, пресс, media, news, радио*), аббревиатуры (*ТВ, ТУ, FM, ФМ* (обиходное обозначение радиовещательного поддиапазона)):

1) номинации печатных СМИ (газеты: «Навіны Камянеччыны», «Брестский курьер», «Кобрынскі веснік»; «Гродзенская праўда», «Слоні́мскі веснік», «Астравецкая праўда», «Бераставіцкая газета»; «Гомельская праўда», «Голас Веткаўшчыны», «Интекст-пресс», «Калінкавіцкія навіны», «Ча-чэ́рскі веснік»);

2) номинации электронных СМИ (телекомпания «Буг Информ», УП «Лидское телерадиообъединение», телепрограмма «НОВО-ТВ», городская телепрограмма «Гомель ТВ», телеканал «Речица ТВ»);

3) номинации сетевых СМИ, порталов, сайтов («media-polesye.by», «Брест. Сити Новости Бреста и Брестской области», «Кобрин-информ»; «lidanews.by»; «Гомель. Сильные новости»);

4) номинации радио- и телепередач («Нелли-Инфо» (Мозырь), «Правда радио» (Светлогорск); «Барановичи-события» («Барановичи FM»), «Радиотерапия», «Наши радиобудни» («Гомельское городское радио»), «Телеприемная», «Телемаркет» (ТРК «Брест»), «Специальный репортаж» (ТРК «Пинск»)).

Тематическая (содержательная) мотивационная зона. Это одна из наиболее значимых мотивационных зон, которая обусловлена «иллокутивными намерениями человека, присваивающего имя объекту» [10] и «такой характеристикой газеты (и другого медиаоргана – *О. П.*), как взаимодействие в процессе создания двух начал – совокупного автора и читателя» [5], а также тематикой и жанром телерадиопрограммы. Зона сильно дифференцирована, прежде всего это касается номинаций телерадиопередач, отражающих целую палитру мотивационных признаков (далее – м/п) из разных сфер общественной жизни:

1) м/п «*информация/новости/события*»: «Обзор мировых событий» (ТРК «Брест»),

«Подробности» (ТРК «Пинск»), «Хорошие новости» («Лида ФМ»), «События» («Лидское телерадиообъединение»), «Интересный факт», «События недели» («Гомель ТВ»), «Новости Мозыря», «Факты и происшествия», «Итоги» (ТК «Мозырь»);

2) м/п «культура»: «Берасцейская скарбніца» (ТРК «Брест»), «Палеская скарбон-ка» (ТРК «Пинск»), «День в музее» (ТРК «Гродно плюс»), «Творчество души» («Гомель ТВ»), «Улицы и достопримечательности Гомеля» (сетевое СМИ);

3) м/п «здоровье»: телемарафон «Дзякуй, доктар!» (ТРК «Брест»), телепрограмма «36,6» (ТРК «Пинск»); журнал «Целитель» (Гродно), газета «Навигатор здоровья», «Просто о здоровье» (ТРК «Гродно»); «Радиотерапия» («Нелли-Инфо» Мозырь), журнал ГГМУ «Проблемы здоровья и экологии», «Диалог о здоровье» (ТРК «Гомель»);

4) м/п «спорт»: «СпортЭфир» (ТРК «Пинск»), Спорт life, PRO-спорт (ТРК «Брест»); «Гомельский Олимп», «Старты и финиши» (ТРК «Гомель»); «Спорт с Евгением Монарховичем» (ТК «Мозырь»), «Честная игра (программа о спорте)» (Радио «Гомель FM»); «Диалоги о спорте» (ТРК «Гродно»), «Спорт как жизнь» (КУП «Лидское телерадиообъединение»);

5) м/п «религия»: «Свет православия» (ТК «Интекс» Барановичи), «Ответ священника», «Училище благочестия», «Православная планета» (ТК «Буг ТВ»); газета «Сретенье», «Обитель души» (ТРК «Гомель»); «Свет веры», «Радасць Евангелля» («Лидское телерадиообъединение»);

6) м/п «музыка»: «МуZZаряд» (ТК «Варяг»), «Наши песни» («Барановичи FM»), «Забывтый винил» («Свое радио 106,1 FM» ТРК «Варяг»), «Хиты первой линии» (радио «Брест»); «Киномузыка» (радиостанция «Гомель+»), «Музыкальное утро» (ТК «Нірэя»), «Белорусская эстрада» (ТК «Речица ТВ»), «Хиты Нелли-инфо» («Нелли-инфо» Мозырь); «Музыка на канале» («Гомель ТВ»);

7) м/п «бизнес»: газета «Деловой перекресток» (Барановичи), «Бизнес-вектор» (ТРК «Брест»); «Экономическое обозрение» (ТРК «Гомель»), газета «Светлогорский бизнес»;

8) м/п «кулинария»: «Вкусное утро» (ТК «Варяг»), «Смак папараці» (ТК «Интекс»); «Сладкий пирог» (ТК «Речица ТВ»),

«Звездная кухня» (ТК «Нюанс» Жлобин), «Нормальный борщ» («Нелли-инфо»);

9) м/п «путешествия»: «Глобус» (ТК «Буг ТВ»), «Крутой маршрут» (радио «Брест»); «Другие страны» («Гомель ТВ»), «Лёгкое падарожжа» (радио «Гомель FM»); «Чемоданное настроение» (радио «Лидер ФМ», Лида);

10) м/п «сельская жизнь»: «Земля и люди» (ТРК «Брест»), «Вот моя деревня» (ТРК «Гомель»), «Надежда на село» (ТРК «Гродно»);

11) м/п «реклама»: «Телемаркет» (ТРК «Брест»); газеты «Рекламка» (Гродно), «Правильная реклама» (Гомель);

12) м/п «труд»: газета «Праца» (Зэльва), «Профессионалы» (ТК «Гродно плюс»), «Знак качества» (ТРК «Гомель»);

13) м/п «люди/персоны»: «Новые лица», «Гость студии» (ТРК «Брест»), «Постаці», «Портреты» (ТРК «Гомель»), «Ветеран труда», «Человек дела» (Гомель ТВ) «Люди» (радио «Ранак» Светлогорск), «Званный гость» («Лидское телерадиообъединение»), «Портрет. Бондаренко. 2016» (ТРК «Гродно»);

14) м/п «война/история»: газета «Перамога» (Дятлово), «Цена Победы», «Освобожденные. Гродно 2016», «Шаги к Победе. Зинаида Судакова»; «К 70-летию освобождения Беларуси. Неизвестные страницы войны» (ТРК «Гродно»); «Хроника Победы» (ТРК «Гомель»), «Историада» («Гомель ТВ»), «Исторический альбом» (ТК «Пинск»);

15) м/п «социальная сфера»: «Имущество» (ТРК «Гомель»), «Приемный день» (ТК «Речица ТВ»), «Надо разобраться» (ТРК «Брест»);

16) м/п «природа и экология»: «Золотарник» (ТРК «Гродно»), «Беловежская пуца» (ТРК «Брест»);

17) м/п «кино»: «Киноскоп» (ТК «Варяг» Пинск), «Кинотрейлер» (радио «Гомель FM»), «Красная дорожка», «Всё кино» («Лидер ФМ»), «КиноЗвезда» (ТК «Интекс» Барановичи);

18) м/п «развлечения/увлечения»: газеты «Суперсканворд», «Скандики» (Гомель), «ИгроMANIA» (радио «Ранак» Светлогорск), «Познавательный Забиран» («Гомельское городское радио», «Обратная сторона игры» (радиостанция «Гомель+»);

19) м/п «юмор»: «Формат юмора» («Гомель ТВ»), «Актерские байки» (радиостанция «Гомель+»);

20) м/п «звезды / светская жизнь»: «Звездный бренд» («Свое радио 106,1 FM» Пинск «Варяг»), «Биография кумиров» («Гомель ТВ»).

Целевая мотивационная зона. В медианоминациях нередко содержится указание на целевую аудиторию, под которой понимаются все потенциальные и реальные потребители СМИ и на которую ориентирован отправитель информации. Определение и удержание адресата номинации – одна из задач производителей медиапродукции. Целевая аудитория СМИ сегментирована по ряду социально-демографических характеристик (пол, возраст, род занятий, семейное положение) и психографических профилей, учитывающих особенности самоидентификации, стиля жизни и мировоззрения людей. Это находит отражение в искусственных номинациях СМИ, например, м/п «дети»: «Детское время» (ТРК «Брест»), «Детский час» («Гомель ТВ»), «Для маленькой компании» («Лидское телерадиообъединение»), «Для самых маленьких» (ТК «Буг ТВ»); м/п «школа»: журнал «Класс» (Брест), «Школьные заметки» (ТК «Гродно плюс»); м/п «молодежь»: газета «Молодежный город» (Гродно); м/п «семья»: «Максимально женатые» («Гомельское городское радио»), м/п «пенсионеры» «Гомельский пенсионер»; м/п «гендерный признак»: «Эгоистка», «По-мужски», «Интервью по-женски» (ТК «Гродно плюс»), ПРОмам (ТК «Нюанс» Светлогорск); м/п «автодело»: «Autonews» (радио «Брест»), «Автораборка» (ТК «Гродно плюс»), «Автострада» (радио «Лидер ФМ» Лида), «Автодром» («Гомельское городское радио»).

Отдельную группу составляют номинации, называющие целевую группу по профессиональному целевому признаку (прежде всего отраслевые издания): газеты «Вестник автопарка», «Текстильщик» (Барановичи), «Нефтяник», «Нефтяник Полесья», «Сельмашевец», «Голос литейщика» (Гомель), «Гомельский стекловар», «Гродненский химик».

Метареферентная мотивационная зона. В эпистемологии элемент *мета* означает «о себе». Мотивационные признаки данной зоны, положенные в основу номина-

ции, демонстрируют отношения значимости, связывающее субъекта (имядателя) с другим человеком или группой лиц (адресатом номинации). Таким образом номинации отражают метареферентную ситуацию, которая задана референтным именем или дейктическими словами и формами слов. Для этого в номинировании востребованы так называемые идентификационные формулы, т. е. речевые обороты, с помощью которых обеспечивается особый характер взаимоотношений авторов медианоминации и ее адресатов. Продуктивным является обращение к дейктическим словам – *личным, притяжательным, определительным местоимениям*: «Наши песни» («Барановичи FM»), «Наш час» (Волковыск), «Мой вопрос» («Лидское телерадиообъединение»), «Вот моя деревня», «Самая моя Гомельщина» (ТРК «Гомель»), «Наши радиобудни» («Гомельское городское радио»), «Наши в городе» («Гомельское городское радио»), газета «Своими глазами» (Гомель), «В эфире – МЫ!» (ТРК «Брест»); *к референтным именам*: телемарафон «День телезрителя» (ТРК «Брест»), «Виновику торжества» (ТК «Варяг» Пинск) и др. Доверительные отношения между имядателем и адресатом выстраиваются при использовании императивных номинаций: «Дзякуй, доктар!», «Будем здоровы!» (ТРК «Брест»), «Примите поздравления» (ТК «Интекс» Барановичи); «Размаўляем па-беларуску» (ТРК «Гомель»); при обращении к чувствам, духовным ценностям адресата: «От сердца к сердцу», «Честь и доблесть» (ТРК «Брест»), «Здоровый интерес» («Гомельское городское радио»), «Частный интерес» (ТК «Мозырь»), «Ностальгия» (Радио «Ранак» Светлогорск), «Творчество души» («Гомель ТВ»), «Надежда на село» (ТРК «Гродно»).

Подобные медианоминации обусловлены самой природой объекта именованного: газета, телерадиопередача, сайт, портал – это текст, «а одной из характерных черт текста является включенная в него тем или иным способом информация о говорящем и адресате, о ситуации общения» [11, с. 5].

Символическая мотивационная зона. Лексический состав номинаций СМИ демонстрирует целый ряд символических названий, как правило, метафорических, имеющих «двойное дно»: *Брестская обл.*: газеты «Заря», «Шанс», «Шаг»; *Гродненская*

обл.: газеты «Перамога», «Перспектива», «Польмя», «Праца», «Альянс»; Гомельская обл.: газеты «Авангард», «Светлы шлях», «Новае жыццё».

Например, в названии Брестской областной газеты «Заря» актуализируется метафорическая семантика, несущая положительную коннотацию: *заря* в переносном значении «начало, зарождение чего-либо (обычно радостного, светлого)»; в номинациях «Маяк» (Березовская районная газета, газета Гомельского района), «Маяк Палесся» (Брагинская районная газета) на передний план выдвигается переносное значение слова *маяк* «кто-л. или что-л., указывающие путь к чему-л., являющиеся символом чего-л. передового, прогрессивного»). В названии цикла передач «Есть ТОЛК! / Есть talk!» (ТРК «Гродно») прослеживается межъязыковая омонимия, создающая игровой эффект: слово *толк* в русском языке означает «смысл, разумное содержание», в английском – *talk* «разговор, беседа, общение», т. е. возникает смысловая контаминация «разумный/толковый разговор».

Нередко символические медианоминии – это рефлексии названий-советизмов, воплощающих идеологический агитационный пафос советского периода в истории Беларуси; их «жизнестойкость» – своего рода дань прошлому и стремление сохранить постоянную читательскую аудиторию. К символизму тяготеют и отдельные тематические номинации, например, названия, отражающие религиозную тематику: «Свет православия», «Святые христианства», «Свет веры», «Радасць Евангелля».

Комплексная мотивационная зона. Распространенным в номинативной практике СМИ Беларуси является пересечение мотивационных зон и сочетание мотивационных признаков, являющихся, с точки зрения номинаторов, наиболее значимыми. Такой возможностью чаще обладают поликомпонентные номинации. Например, в названиях периодических печатных СМИ часто комбинируются локативная и медийная инфор-

мационные зоны («Ашмянскі веснік», «Бераставіцкая газета», «Воранаўская газета», «Кобрынскі веснік», «Ляхавіцкі веснік», «Пінскі веснік», «Лунінецкія навіны»; «Петрыкаўскія навіны», «Светлагорскія навіны», «Хойніцкія навіны»); локативная и метареферентная зоны («Вот моя деревня», «Наши в городе»); целевая и темпоральная зоны («Детский час», «Сказки на ночь»); тематическая и локативная зоны («Берасцейская скарбніца», «Палеская скарбонка», «Русские традиции», «Улицы и достопримечательности Гомеля», «Освобожденные. Гродно 2016»). В меньшей степени отмечается комплексная номинация тематической и целевой мотивационных зон.

В номинациях государственных, общественно-политических периодических изданий преобладают локативные, темпоральные, информационные, символические мотивационные признаки. В номинациях телерадиопередач – тематические, локативные, метареферентные, целевые мотивемы.

Заключение

Согласимся с мнением Т. В. Шмелевой, которая приходит к выводу, что «ономастикон регионального медиаполя бытует в пространстве и времени, обнаруживая при этом связи – горизонтальные (в составе регионального ономастикона) и вертикальные (в составе медиаономастикона) [8, с. 42].

Гемеронимное пространство трех исследованных регионов Беларуси в ономастическом аспекте представлено восемью мотивационными зонами: локативной, темпоральной, медийной (информационной), целевой, метареферентной, тематической (содержательной), символической – и их комбинацией (комплексная мотивационная зона). Внутри каждой зоны выделяется целый набор мотивационных признаков, положенных в основу номинации имен собственных. Значительная часть гемеронимов характеризуется региональностью – стремлением закрепить в названии место нахождения/регистрации медиаоргана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2004.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988.

3. Переход, О. Б. Гемеронимия в ономастическом пространстве Беларуси: структурная специфика / О. Б. Переход // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2021. – № 2. – С. 77–86.
4. Федосова, О. И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий СМИ) / О. И. Федосова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 76–80.
5. Кравец, Т. И. Название газеты: ономастиологический и стилистический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. И. Кравец ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
6. Голомидова, М. В. Образ адресата в названиях периодических изданий / М. В. Голомидова, В. А. Мясникова // Вопр. ономастики. – 2014. – № 2 (17). – С. 112–119.
7. Федотова, Т. В. Ономастическая номинация в медиасфере Кубани / Т. В. Федотова // Вестн. Курган. гос. ун-та. – 2019. – № 2 (53). – С. 47–52.
8. Шмелева, Т. В. Ономастикон новгородского медиаполя / Т. В. Шмелева // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2013. – Т. 1, № 73. – С. 42–52.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова. – Режим доступа: https://gendocs.ru/v23187/arutyunova_n.d._yazyk_i_mir_cheloveka?page=30. – Дата доступа: 23.05.2021.
10. Крюкова, И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа [Электронный ресурс] / И. В. Крюкова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-onima-napravleniya-issledovaniy-i-metodika-analiza/viewer>. – Дата доступа: 23.05.2021.
11. Майданова, Л. М. Целостность и связность газетного текста : учеб. пособие / Л. М. Майданова, С. И. Сметанина. – Свердловск : УрГУ, 1984. – 89 с.

REFERENCES

1. Kriukova, I. V. Rieklamnoje imia: ot izobrietienija do priedientnosti / I. V. Kriukova. – Volgograd : Pieriemiena, 2004.
2. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj onomastichieskoj tierminologii / N. V. Podol'skaja ; otv. ried. A. V. Supieranskaja. – 2-e izd., pierierab. i dop. – M. : Nauka, 1988.
3. Pieriekhod, O. B. Giemieronimija v onomastichieskom prostranstvie Bielarusi: strukturnaja specifika / O. B. Pieriekhod // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija. – 2021. – № 2. – S. 77–86.
4. Fiedosova, O. I. Lingvistichieskij status giemieronima (na matierialie rossijskikh i britanskikh nazvanij SMI) / O. I. Fiedosova // Izv. Volgogr. gos. pied. un-ta. – 2010. – № 5. – S. 76–80.
5. Kraviec, T. I. Nazvanije gaziety: onomasiologichieskij i stilistichieskij aspiekty : avtorief. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / T. I. Kraviec ; Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Jekatierinburg, 2002. – 24 s.
6. Golomidova, M. V. Obraz adriesata v nazvanijakh pieriodichieskikh izdanij / M. V. Golomidova, V. A. Miasnikova // Vopr. onomastiki. – 2014. – № 2 (17). – S. 112–119.
7. Fiedotova, T. V. Onomastichieskaja nominacija v miediasfierie Kubani / T. V. Fiedotova // Viestn. Kurgan. gos. un-ta. – 2019. – № 2 (53). – S. 47–52.
8. Shmieliova, T. V. Onomastikon novgorodskogo miediapolia / T. V. Shmieliova // Viestn. Novgorod. gos. un-ta. – 2013. – Т. 1, № 73. – S. 42–52.
9. Arutiunova, N. D. Jazyk i mir chielovieka [Elektronnyj resurs] / N. D. Arutiunova. – Riezhim dostupa: https://gendocs.ru/v23187/arutyunova_n.d._yazyk_i_mir_cheloveka?page=30. – Data dostupa: 23.05.2021.
10. Kriukova, I. V. Pragmatika onima: napravlienija issliedovaniy i mietodika analiza [Elektronnyj riesurs] / I. V. Kriukova. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-onima-napravleniya-issledovaniy-i-metodika-analiza/viewer>. – Data dostupa: 23.05.2021.
11. Majdanova, L. M. Celostnost' i sviaznost' gaziетnogo tieksta : uchieb. posobie / L. M. Majdanova, S. I. Smietanina. – Svierdlovsk : UrGU, 1984. – 89 s.

УДК 821.162.1-31:94(476)«19»

Анна Александровна Гладкова

канд. филол. наук, доц., доц. каф. литературы

Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Anna Gladkova

Candidate of Philology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Literature

of Vitebsk State P. M. Masherov University

e-mail: anngrin@mail.ru

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОЦИУМ В РОМАНЕ В. ГОМУЛИЦКОГО «НА БЕЛОРУССКИХ ПРОСТОРАХ»

Целью исследования является анализ этнического самосознания населения белорусских земель в начале XX в. на материале романа «На белорусских просторах» (1912) польского писателя второй половины XIX – начала XX в. Виктора Гомулицкого. Определена специфика национальной идентичности жителей западного региона современной Беларуси (Литвы в историческом контексте), выявлены признаки, характеризующие этническое самосознание, обозначены проблемы адаптации носителей иного культурного мировоззрения в условиях постоянного проживания на землях Западной Беларуси. В результате исследования сделан вывод о неоднородности полиэтнического социума региона, что объясняется историческими условиями, а также особенностями социального положения, семейного воспитания и личным опытом героев произведения.

Ключевые слова: этнос, самосознание, национальная идентичность, роман, позитивизм, художественный образ, стиль.

Polyethnic Society in the Story of V. Gomulitsky «On the Belarusian Expanses»

The aim of the study is to analyze the ethnic identity of the population of the Belarusian lands in the early twentieth century on the material of the novel «On the Belarusian expanses» (1912) by the Polish writer of the second half of the XIX – early XX century Viktor Gomulitsky. The specifics of the national identity of the inhabitants of the western region of modern Belarus (Lithuania in the historical context) are determined, the features that characterize the ethnic identity are identified, the problems of adaptation of the carriers of a different cultural worldview in the conditions of permanent residence on the lands of western Belarus are identified. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the heterogeneity of the multi-ethnic society of the region, which is explained by the historical conditions, as well as the peculiarities of the social situation, family upbringing and personal experience of the heroes of the work.

Key words: ethnicity, self-consciousness, national identity, novel, positivism, artistic image, style.

Введение

Творчество В. Гомулицкого нашло осмысление в ряде работ польских критиков (З. Глогер, З. Либера, М. Адамец), однако его роман «На белорусских просторах» почти не исследован ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении, хотя он содержит материал, отражающий особенности духовной культуры, жизненного уклада, мировоззрения жителей белорусских земель в начале XX в.

Цель исследования – на материале польскоязычного романа В. Гомулицкого «На белорусских просторах» выявить особенности полиэтнического социума на белорусских землях в начале XX в.

Основная часть

Художественный текст представляет собой роман-путешествие, в котором главный герой, варшавянин пан Мирский, накануне свадьбы посещает литвинские земли, чтобы возобновить утраченные семейные связи. Заметим, что в романе нет конкретного разделения политонимов «Литва» и «Белая Русь». Если исторически обозначение «Литва» закрепилось за Виленской, Ковенской, Гродненской губерниями, а «Белая Русь» – за Витебской, Могилевской, Смоленской, частично Минской губерниями, то в романе В. Гомулицкого эти понятия часто взаимозаменяются. Вот, например, монолог местной жительницы пани Тур-Тужанки: «Вы, жители Короны, не ощущаете многие наши изменения. Не знаете, например, что

на этой нашей прекрасной Белой Руси, на этой нашей Литве есть места, на которые мы, местные люди, не можем смотреть, потому что когда-то они были другими» (здесь и далее перевод наш. – А. Г.) [1, с. 10]. Безусловно, местные жители ощущают свое национальное отличие от соседей-поляков, в тексте романа встречаются этнонимы «*короняж*» (житель Короны Польской), «*литвин*», «*белорус*», «*белорусин*», «*жмудин*», «*белорусский поляк*». Традиционно представлена на белорусских землях крупная еврейская диаспора, что также отражено в произведении.

Этническая идентичность, как известно, является главным признаком любой локальной культуры. Этническое самосознание (как осознание индивидом принадлежности к определенной этнической общности) проявляется на разных уровнях, в частности, особенности национального менталитета героев романа хорошо заметны на языковом уровне. Так, речь местного крестьянского населения изобилует белорусизмами (*usie, jon, halshtuk, mogilki* и др.), в речи шляхты, которая долгое время провела за границей и теперь вернулась на землю предков, звучат галицизмы (*la belle France, par exemple, barbare Lithuanie* и др.), германизмы и русизмы – особенность речи местного еврейского населения.

Путешествуя по западным окрестностям Белой Руси, герой отметил, что приметой жизни на белорусской земле является неспешность («*Белорусский крестьянин спешки не знает и не понимает*» [1, с. 17]). Как понял пан Мирский, душа белорусского народа раскрывается в его песнях, монотонных, печальных, которые могли породить «*смертельно раненое сердце, душа, раскрытая до самых глубин, и печаль по утраченному величию*». Размышление о белорусском характере приводит героя к выводу о том, что изначально душа белоруса «*вышла из рук Создателя печальной. Меланхолия этой души врожденная, стихийная, как мгла, постоянно обволакивающая пейзаж*» [1, с. 47].

Один из дальних родственников пана Мирского живет на границе Пинского повета. Во время весеннего половодья гостю удалось добраться к свояку Никите Ботвинку, герою Севастополя. Речь старого солдата изобилует русизмами (*biedniazka, blago-*

rodny) и украинизмами (*Ukrajna, sosid, zinka*); он тоскует по родным местам на Украине и проводит дни в ожидании друзей оттуда. Адаптироваться этому герою придется с трудом: его жизнь прошла на военной службе в российской армии, в старости только память о далекой родине поддерживает силы капитана.

Примечательно знакомство поляка со священником-жмудином, лаконичный портрет которого содержит непривлекательные детали: узкие глаза, которые хитро смотрят из-под мрачно сдвинутых бровей, настороженность, крайняя самоуверенность. Герой видится пану Мирскому ограниченным человеком с провинциальным мышлением, который уверен, что книга – светская глупость: «*Не читаешь – живешь спокойно*» [1, с. 51].

Менталитет части местной шляхты находится под российским влиянием, так сын пана Свирского читает только русских классиков и мечтает учиться на инженера в Российской империи. С горечью констатирует пан Мирский, что такие молодые люди не знают, к примеру, о Л. Кондратовиче (В. Сырокомле), но цитируют Державина Грибоедова, не ценят свою культуру, не хотят оставаться на родине: их привлекает Российская империя возможностью в перспективе обрести материальный достаток.

Чужеродным на литвинской земле видится семейство еще одних свояков пана Мирского – Гурвичей: французский язык, модные журналы из Парижа, беседы о Золя и Метерлинке, а не о Крашевском, Ожешко, Реймонте, обеспокоенность политикой Франции в Африке, а не вопросами, актуальными для белорусского края, – таковы штрихи жизненного уклада этого шляхетского дома. Мать молодого Гурвича большую часть жизни провела в Париже, поэтому ей трудно приспособиться к местным условиям; очевидно, перед героиней не стоит такая задача в отличие от ее сына, который пытается перенять местные традиции, изучить родной язык, что было условием предка династии. Молодой хозяин старается соответствовать этому требованию: отпускает усы, носит одежду из самодельной ткани, однако потребуется немало времени, чтобы французская линия Гурвичей смогла полностью включиться в литвинское окружение и стать

гармоничной частью местного шляхетского общества.

О местном населении пан Мирский в письме невесте отозвался с симпатией: «*А люди местные – милые, сердечные, набожные. Они не похожи на цивилизованных жителей городов Европы и Варшавы*» [1, с. 53]. Примечательно, что спокойствие, размеренность жизни литвинов и белорусов придается по душе эстетствующему варшавянину, хорошо знакомому с европейскими нравами. Однако молодому поляку претит ряд особенностей жизни на Литве. Повсеместное пьянство и неумеренность в пище, инертность мышления, лень и пассивность местной шляхты, ее ограниченные интересы, отсутствие познаний в области национальной истории и культуры, ориентация на Российскую империю или Западную Европу, когда свое, родное не видится ценным и заслуживающим внимания. Шляхта забывает о своих корнях, и это волнует главного героя. Так, пан Рецкий сменил фамилию деда Гречка на польский лад (Мирский метко называет Рецкого ренегатом и бактерией, воспитанной гувернерами на последние деньги); о пане Петре, который единственный из всего местного окружения стремится привнести прогрессивные идеи в сельское хозяйство региона и проявляет заботу о крестьянах, судачат как о сумасшедшем.

Местное население, как правило, склонно к скупости, при этом редко когда накопленное переходит из поколения в поколение: деньги могут быть безрассудно потрачены или спрятаны так, что найти их невозможно. На общественные нужды здесь также жертвуют неохотно, это делают только представители известных шляхетских династий, имена которых вписаны в историю и культуру края: «*На них только и держится честь провинции*» [1, с. 137].

Разочарование пана Мирского усиливается к концу путешествия: «*Мир, который окружал его, не был миром Мицкевича, Зана, Чечота, Ходьки, Плакида Янковского, Крашевского, Сырокомли, Ожешко*» [1, с. 86]. После встречи с местным краеведом польский путешественник узнает, что местное население сохраняет приверженность ряду языческих традиций (особый обряд поминовения предков «Дзяды»), долгое бытование в некоторых местностях *jus prima noctis* (право первой ночи), вера в целительную

силу растений и деревьев). Как следует из пояснений краеведа, белорусы – народ искренний, истинно верующий в Бога, крайне осторожный и боязливый. Это объясняется не только природной сдержанностью, но и пониманием мира как оппозиции «свой – чужой». Поэтому и слова католического традиционного приветствия тут адресуют не каждому встречному. Показательно, что даже незнакомое слово (например, русскоязычное приветствие «*здравствуй*») белорус объясняет, ожидая недоброе: звуковое совпадение с белорусским словом «*трасца*» («*лихорадка*»), пугает местного жителя и заставляет беречься от такого «опасного» приветствия. «*Так и становятся скрытными и малоразговорчивыми*», – подводит итог беседы спутник пана Мирского.

Жизненная философия белорусов строится на довольстве малым: «*Ни к чему не надо привязываться. Доля, недоля... Дал Бог несколько счастливых дней – и хорошо. Грех – желать большего*» [1, с. 131]. Белорус, по наблюдениям польского путешественника, также склонен к самостоятельности и задумчивости; для пана Мирского так и осталось загадкой, как сочетаются в белорусском характере наивность, простота и необычайная глубина духа. Оказывается, поверхностные суждения исследователей не до конца раскрывают суть, «самость» белоруса, и это одно из важнейших открытий, к которому приходит главный герой.

Мировоззрению белорусского крестьянина также свойственна удивительная покорность судьбе. Смерть детей от скарлатины, эпидемии которой повторяются с печальной регулярностью, не побуждает деревенских жителей к действиям – попыткам установить причину опасного заболевания. Вместо этого крестьянин-фаталист отвечает: «*Ну и что? Эти умерли, другие будут*» [1, с. 147]. Печалит главного героя романа также факт отсутствия должного уважения к памяти «*певца Юстины*» Франтишка Карпинского, поэта и благодетеля края, могила которого находится в запустении.

Среди героев романа есть еще одна социальная группа жителей региона. Это еврейское население, не особо любимое литвинами, которое держится отдельно, что способствует формированию негативного этнического стереотипа. В то же время евреи, в отличие от пассивного местного на-

селения других этносов, выделяются энергичностью, предприимчивостью, умением вести дела и поддерживать связи со всем миром. Они получают корреспонденцию из Германии, Англии и Америки, обсуждают актуальные темы (торговлю, финансы, политику). Их речь пестрит германизмами, в общении ощущается открытость евреев миру, что и позволяет им опережать местных жителей в вопросах успешного предпринимательства и *«иметь перевес в битве рас, темпераментов, культур»* [1, с. 164].

В ряду примечательных образов – носителей разного этнического самосознания особого внимания заслуживает пан Колчанович, в доме которого читают «Нашу ниву», говорят по-белорусски и по-польски. На последних страницах романа обсуждается важный литовский вопрос, идеальное решение которого демонстрирует авторскую позицию и заключается в словах А. Мицкевича, который в поэме «Пан Тадеуш» назвал Литву своей родиной (Litwo! Ojczyzna twoja...), себя – литвином, хотя писал по-польски. Художественной удачей В. Гомулицкого видится сравнение Литвы с деревом, к которому пятьсот лет назад была привита польская культура: *«Благодаря этому дичка стала шляхетным деревом, которое расцвело. Культура стала соком дерева и дает ему живительные силы, и если отсечь эти корни, то дичка снова превратится в дикое растение»* [1, с. 173].

В романе также находят место отзвуки темы межэтнической интеграции, обеспечивающей создание нормального климата для общения и сосуществования людей разных национальностей, и этнической ассимиляции, под которой понимается *«частичная или полная утрата индивидами, представляющими данный этнос, национальных особенностей под воздействием количест-*

венно и социально доминирующего (мажоритарного) этноса» [2, с. 89]. В очередном письме невесте пан Мирский рассуждает, способен ли человек западноевропейского менталитета ассимилироваться в реалиях Литвы и Белой Руси, ответ героя весьма неопределенен.

Заключение

Посетив край своих земляков по материнской линии, герой столкнулся с совершенно незнакомой культурой, о которой имел представление только по книгам классиков польской литературы, и это знакомство стало познавательным и полезным, позволило увидеть уникальность белорусского этноса, его традиции, верования, культуру, а также познакомиться с представителями всех социальных слоев и народностей, проживающих в регионе: шляхтой, крестьянами, интеллигенцией, духовенством; евреями, литвинами, белорусами (белорусинами), носителями европейских культурных ценностей, сторонниками политики Российской империи, ренегатами и сознательными патриотами края, которые способствуют проникновению прогрессивных идей в областях сельского хозяйства, науки и культуры. Панорама образов романа представлена носителями разных, часто противоположных взглядов, это свидетельствует о разнообразии местного населения, его неоднородности в плане менталитета, образования, культурного кругозора, ценностных установок.

Значение романа В. Гомулицкого «На белорусских просторах» видится в новом, более пристальном взгляде европейца на население Литвы и Белой Руси, в попытке отметить особенности национального менталитета его жителей, обозначить проблемы, наметить пути их решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gomulicki, W. Na rozlogach białoruskich / W. Gomulicki. – Warszawa, 1912. – 182 s.
2. Дьячков, М. В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / М. В. Дьячков // Социол. исслед. – 1995. – № 7. – С. 88–92.

REFERENCES

1. Gomulicki, W. Na rozlogach białoruskich / W. Gomulicki. – Warszawa, 1912. – 182 s.
2. D'jachkov, M. V. Ob assimiłiacii i integracii v polietnichieskich sociumakh / M. V. D'jachkov // Sociol. isslied. – 1995. – № 7. – S. 88–92.

УДК 811'271.14'243'42:00

Оксана Николаевна Чалова*канд. филол. наук, доц., доц. каф. теории и практики английского языка
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины***Oksana Chalova***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language
of Francisk Skorina Gomel State University**e-mail: oksana-chalova@mail.ru***ВИДЫ НЕКОРРЕКТНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В НАУЧНОМ ОБЩЕНИИ**

Представлены результаты коммуникативно-прагматического анализа, посвященного выявлению аспектов функционирования некорректных речевых действий в таком типе институциональной коммуникации, как научное общение. Под некорректными речевыми действиями понимаются ненадежные и слабые аргументы, т. е. те доводы в пользу определенной точки зрения, которые нарушают один или несколько принципов научного общения (информативность, логичность и вежливость) и ничего не доказывают. Систематизированы виды некорректных аргументов, характеризуется и иллюстрируется каждый из них, конкретизируется, какой именно постулат научного общения они нарушают. Уточняется степень оправданности употребления подобных речевых действий в изучаемом типе дискурса. Целесообразность использования некоторых видов некорректных аргументов сомнений не вызывает. Однако в подавляющем большинстве случаев подобных речевых действий в научной речи стоит избегать, поскольку они негативно сказываются как на содержательной стороне диалога, так и этикетной.

Ключевые слова: научная речь, аргументация, речевой акт, ответные реплики, метакоммуникация.

Types of Incorrect Speech Acts in Scientific Communication

The article demonstrates the results of the research aiming at analyzing the aspects of functioning of such speech acts as incorrect arguments in a scientific discourse. An incorrect argument is a weak (unreliable) argument that either doesn't prove anything or violates the norms of tolerant communication. In our opinion, it is necessary to differentiate between the following types of incorrect arguments: false arguments, tautological arguments, incorrect references, evidence-free criticism, appeals to the guests, appeals to ignorance, appeals to personality, incomplete replies, refusals to reply, etc. All of these acts are to be avoided in a scientific communication.

Key words: scientific speech, argumentation, speech act, responses, meta-communication.

Введение

Как известно, основными признаками научной речи (научной статьи, монографии, научного доклада, научной дискуссии) являются ее высокая информативность, логичность и толерантность [1; 2; 6]. Наличие каждого из этих признаков в научном дискурсе обуславливается использованием коммуникативных приемов, специфического метатекста, языковых средств и др. В частности, высокая **информативность** научного текста задается применением широкого спектра аргументативных тактик и ходов (уточнение, экзemplификация (иллюстрирование), интерпретация и др.). Что касается **логичности** научного общения, под которой целесообразно понимать непротиворечивость, последовательность и связность изложения, то она обеспечивается использованием следующих средств:

1) метакоммуникативных элементов: аранжирующих (вводных слов *во-первых, во-вторых, в-третьих, прежде всего* и др.), дополняющих (*более того, вдобавок к сказанному* и др.), редактирующих (*точнее, а именно, имеется в виду* и др.), обобщающих (*таким образом, в заключение отметим, в связи со сказанным*) и т. д.;

2) синтаксических конструкций, например сложных предложений с придаточными причины, условия, следствия (*Если вспомнить, что культура общения и культура речи, в частности, призваны облегчить процесс общения и понимания речи, то становится очевидным, что несоблюдение языковых норм идет вразрез с основами культуры*);

3) компонентов межфразовой связи (повторы, синонимы, гипонимы и гиперонимы и др.).

В то же время **толерантность** научного общения, проявляющаяся в соблюдении максим принципа вежливости (а именно максимы такта, великодушия, согласия, скромности и др.), реализуется посредством использования ряда речевых формул (например, слов благодарности за интересное, важное, актуальное исследование), тактики косвенного и частичного несогласия (вместо прямого выражения критики), а также связана со стремлением не нарушать регламент выступления и не перебивать оппонента и т. д. Тем не менее даже в таком максимально ритуализованном типе коммуникации, как научное общение с его строго установленными правилами взаимодействия и выверенным стилем изложения встречаются отступления от коммуникативных норм. Более того, наши наблюдения за функционированием научной речи позволяют утверждать, что подобные нарушения принципов научного общения являются не таким уж и редким и при этом довольно любопытным феноменом.

В связи с этим цель настоящей статьи состоит в выявлении и характеристике основных речевых действий, нарушающих такие принципы научной коммуникации, как информативность, логичность и толерантность, а также в определении степени оправданности этих речевых действий в изучаемом типе дискурса.

Важность такого анализа обусловлена необходимостью оптимизации и повышения эффективности различных видов общения, в т. ч. и в сфере науки. Кроме того, настоящая работа является актуальной еще и потому, что согласуется с основными исследовательскими тенденциями современной лингвистической науки, проявляющей устойчивый интерес к изучению лингвопрагматической составляющей институциональной и неинституциональной коммуникации [3–5]. Помимо этого, хотя научный дискурс достаточно активно исследуется современными лингвистами [2–5], в науке о языке до сих пор фактически отсутствуют работы, которые были бы непосредственно посвящены выявлению нарушений принципов кооперативного общения – сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента, а также содержательной насыщенности. Такое положение дел, вероятно, объясняется тем пиететом, с которым специалисты и

обыватели относятся к научной речи, считающейся одним из самых толерантных видов общения.

Материалом исследования послужили русскоязычные научные статьи из различных областей научного знания, а также стенограммы устных научных дискуссий как по гуманитарным, так и по точным и естественным наукам на русском языке (2000–2021 гг.).

Типы некорректных речевых действий в научном дискурсе

Анализ исследовательского материала позволяет обнаружить целый ряд речевых действий, нарушающих ведущие принципы научного дискурса. Так, к числу таких действий целесообразно относить различные виды некорректных аргументов.

1. **Ложные аргументы** – аргументы, сами требующие доказательства. Так, например, в качестве ложного аргумента можно интерпретировать некоторые утверждения из следующего фрагмента научной статьи: *Одной из причин формального отношения педагогов к повышению квалификации являются именно их универалистские притязания. Гуру ни у кого не учится. Тот, кто знает, как мир устроен, тот, кто ставит своей задачей формирование целостного мировоззрения, – самодостаточен! У Учителя не может быть учителей.*

Аргументация, что «одной из причин формального отношения педагогов к повышению квалификации являются именно их универалистские притязания» некорректна и является ложным аргументом, поскольку, с одной стороны, требует разъяснения утверждение «Тот, кто знает, как мир устроен, тот, кто ставит своей задачей формирование целостного мировоззрения, – самодостаточен», а с другой – должен быть пояснен тезис, почему «у Учителя не может быть учителей».

2. **Тавтологические аргументы** – псевдоаргументы, дублирующие содержание тезиса, который они доказывают: *В данном случае нельзя разделять мышление и деятельность, потому что их невозможно изучать автономно.* Аргументация «потому что их невозможно изучать автономно» некорректна и фактически повторяет содержание тезиса «в данном случае нельзя разделять мышление и деятельность». Во-первых, по-

добные лжеаргументы нарушают логику изложения, а во-вторых, негативно сказываются на содержательной стороне научной коммуникации.

3. *Неправильная ссылка на источник.*

В целом ссылка на авторитетный источник представляет собой хороший, правильный и сильный аргумент. В действительности существует не так много вопросов, в которых мы можем полноценно разобраться сами. Поэтому нам так или иначе приходится основываться на опыте и знаниях других исследователей, давать отсылки к их трудам. Однако подобные апелляции к авторитетным лицам должны быть корректно оформлены. В частности, в научном дискурсе, научной дискуссии ссылка на эксперта никак не может использоваться вместо полноценного ответа на вопрос, иначе это приведет к снижению степени информативности научного общения:

– *Тогда предлагаю этот же вопрос, но с другой стороны: ребенок свою природу реализует, развивает в культурном, социальном, идеологическом пространстве. Как же учитывать эти основания педагогики?*

– *Вспомним две работы Дистервега «О высшем принципе воспитания» – принципе природосообразности; и «О принципе культуросообразности». Эти две работы ичерпывающе отвечают на ваш вопрос. Я просто не хочу пересказывать Дистервега.*

4. *Бездоказательная критика* – категоричная, необоснованная критика, нарушающая принцип вежливости, а именно максимум такта: «бред!», «что за ересь вы несете!», «пустые слова», «это глупо!» и т. д.

В подавляющем большинстве случаев такие оценки недоказуемы и неправильны, поскольку ничего не доказывают, а лишь повышают градус полемичности научной речи: *Бред это все! Мифы ваши!.. Вульгарный сенсуализм!..*

В целом критика является неотъемлемым и исключительно важным элементом научного общения, поскольку служит стимулом для его активизации и развития: критика и негативная оценка побуждает участников научной коммуникации, например научной дискуссии, высказаться по соответствующему поводу, отстоять определенную точку зрения, привести доводы в пользу конкретного мнения. Другими словами, критические замечания задают то «мини-

мальное “напряжение” между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [7, с. 182]. Говоря иначе, сам факт наличия критики в научной речи не следует рассматривать как проявление невежливого поведения по отношению к коммуниканту. Невежливым может быть только способ выражения негативной оценки, а именно ее прямая и категоричная экспликация: *Вы хотите в это верить? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и в какой-то мере для XX века смешиной и некультурной.* Подобная форма критики противоречит такому категориальному качеству научной речи, как толерантность.

Толерантное общение, наоборот, предполагает смягчение или маскировку негативной оценки. Так, в научной речи критика может быть деинтенсифицирована, например, за счет указаний на возможную ошибочность, субъективность критического замечания (*я не претендую..., но...; я не общаю, но...*) или слов благодарности и похвалы за выступление оппонента (*спасибо за доклад, но...; это интересная точка зрения, однако...*).

Помимо этого, критика может быть представлена имплицитно, в частности, под видом непонимания, апелляции (побуждения) к сравнению, например: *В продолжение Вашей реплики относительно различия философии и философских институтов. Андрей Ушаков, насколько я его понял, высказал тезис об опасности внешней апроприации философии. Честно говоря, мне лично не совсем понятно, что означает внешняя апроприация философии. Я охотно могу понять и согласиться с тем, что имеет место апроприация философских институтов, в частности университетов. Что касается апроприации философии, имеется несколько иная ситуация.*

В данном примере фраза «мне лично не совсем понятно, что означает внешняя апроприация философии» может вполне означать несогласие с позицией партнера.

5. *Апелляция к присутствующей аудитории* – попытка обратиться к чувствам и настроениям аудитории вместо доказательства тезиса с помощью объективных аргументов. Так, на одной из дискуссий в рамках заседаний Московского методологического кружка аргументатор обратился к слу-

шателем с призывом возразить ему: *А я считаю себя главным достижением ММК. Пусть присутствующие мне возразят, что это не так.*

Как видно, говорящий обращается не к оппоненту, а к аудитории и стремится привлечь ее на свою сторону. При этом, видимо, никто из присутствовавших на этой дискуссии не возразил лжеаргументатору, посчитав не совсем приличным ему перечить.

6. **Апелляция к невежеству** – упоминание таких фактов или положений, которые никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить:

– *Из Ваших слов следует, что в университете учатся только те, кто хочет уехать на Запад.*

– *Нет. Процентом 30–40 так не думает, но 60 думает так.*

В данном примере один из коммуникантов приводит статистические данные, которые никто не может проверить.

7. **Апелляция к личности** – указание на недостатки оппонента или лица, на которое он ссылается, чтобы представить оппонента с невыгодной стороны, заставить усомниться в его способностях, подорвать доверие к его высказываниям: *(о Марии Монтессори) Нашли компажку! Неудавшаяся поэтесса, неудавшийся театрал, который переквалифицировался в педагога...*

Даже если упреки в адрес коллеги справедливы, апелляции к личности в научной речи являются некорректным аргументом, поскольку нарушают один из важнейших постулатов научного общения – дружелюбное и вежливое отношение к собеседнику.

8. **Неполный ответ** – это ответ, встречающийся в таком научном жанре, как научная дискуссия, и содержащий информацию в недостаточном объеме. Понятно, что подобные реплики нарушают принцип информативности научной речи. В некоторых случаях неполные ответы содержат прямые констатации того, что информация предоставляется в неполном объеме (зачастую в сочетании со ссылками на сложность задаваемого вопроса, а также отсутствие времени и под.):

– *А чем определяется число проблем, которые вы формулируете в одной тупиковой или разрывной ситуации?*

– *Это достаточно сложный вопрос, и я сейчас отвечаю на него лишь частично.*

Признание неполноты ответа в таких случаях осуществляется с единственной целью – избежать возможной критики со стороны оппонента.

9. **Неточные ответы** – ответы, не соответствующие характеру запрашиваемых сведений и представляющие собой отклонения от темы. Неточные ответы нарушают такой критерий кооперативного общения, как критерий релевантности темы, как это видно из следующего примера:

– *С этих позиций – каков предмет педагогики?*

– *Я не рискну с этих позиций определить предмет собственно педагогики, а вот акмеологии образования – пожалуйста. Это целостное развитие человека в условиях синергетической образовательной системы.*

В данном случае автор ответной реплики открыто признается в подмене одной темы другой.

10. **Отказ отвечать** – констатация невозможности или неспособности предоставить запрашиваемые сведения в силу как объективных причин (потому что в исследовании изначально не ставилась задача найти ответ на данный вопрос) или субъективных (по причине того что аргументатор считает формулировку вопроса слишком специфической, чтобы на него отвечать):

– *Технологии являются своеобразными регулятивами деятельности и мышления. А что является регулятивом психологий?*

– *Это очень интересный вопрос, но он выводит нас далеко за пределы обсуждаемой темы: Я бы сформулировал его так: «Технологии и деятельность».*

Отказы отвечать могут принимать и другие формы:

1) ссылки на источник, т. е. косвенное указание на отсутствие необходимости отвечать самому (сравним с неправильной ссылкой на источник),

2) аргументы «в кредит» – обещание привести довод позже:

– *Каковы соотношения между программой, алгоритмом и технологией?*

– *Это очень интересный вопрос. Частично я буду отвечать на него в следующем пункте доклада, но только частично, прошу иметь это в виду.*

Какие бы причины ни лежали в основе отказа отвечать, подобные реакции в любом случае нарушают принципы кооперации, а именно принцип содержательной насыщенности (высокой информативности).

Заключение

Итак, отметим, что можно назвать и другие формы некорректных речевых действий в научном общении (уход от темы, демагогия и т. п.), но и названных приемов

достаточно, чтобы увидеть их разнообразие. Однако при всем многообразии своих видов некорректные высказывания в научной речи являются немногочисленными, что обусловлено институциональным характером научного дискурса, который накладывает ряд ограничений на речевое поведение своих участников, т. к. подобное коммуникативное поведение отступает от основных принципов конструктивного диалога и препятствует его содержательному развитию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 269 с.
2. Бочарникова, Е. А. Актуализация категории интертекстуальности в научном экономическом тексте: когнитивно-дискурсивный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Бочарникова. – Астрахань, 2009. – 213 л.
3. Вертянкина, Н. В. Суггестивные параметры прагмонимического рекламного дискурса в современных средствах массовой информации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Вертянкина. – Тюмень, 2005. – 195 л.
4. Вольвак, Н. П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. П. Вольвак. – Владивосток, 2002. – 189 л.
5. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 212 л.
6. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
7. Юдина, Т. В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т. В. Юдина // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах : сб. ст. / АН СССР, Каф. иностр. яз. ; под ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1991. – С. 182–186.

REFERENCES

1. Bazhenova, Ye. A. Nauchnyj tekst v aspietie politiekstual'nosti / Ye. A. Bazhenova. – Pirm' : Izd-vo Pirm. un-ta, 2001. – 269 s.
2. Bocharnikova, Ye. A. Aktualizacija katiegorii intertekstual'nosti v nauchnom ekonomicheskom tekstie: kognitivno-diskursivnyj aspiekt : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Ye. A. Bocharnikova. – Astrakhan', 2009. – 213 l.
3. Viertiankina, N. V. Suggiestivnyje paramietry pragmonimichieskogo rieklamnogo diskursa v sovriemiennykh sriedstvakh massovoj informacii : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / N. V. Viertiankina. – Tiumien', 2005. – 195 l.
4. Vol'vak, N. P. Faktor adriesata v publicnomo argumentirujushchiem diskursie : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / N. P. Vol'vak. – Vladivostok, 2002. – 189 l.
5. Galichkina, Ye. N. Spiecifika kompjuternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykakh (na matierialie zhanra kompjuternykh konfierencij) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Ye. N. Galichkina. – Volgograd, 2001. – 212 l.
6. Maslova, L. N. Vyrashenije soglasija/niesoglasija v ustnoj nauchnoj kommunikacii: giendernyj aspiect : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / L. N. Maslova. – M., 2007. – 192 l.
7. Yudina, T. V. Politichieskaja diskussija kak raznovidnost' dialogichieskoj riechi / T. V. Yudina // Riech v nauchno-lingvistichieskom i didaktichieskom aspiektakh : sb. st. / AN SSSR, Kaf. inostr. jaz. ; pod ried. M. Ya. Cvilling. – M. : Nauka, 1991. – S. 182–186.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.09.2021

УДК 811.161'42 : 070(045)

Анна Александровна Биюмена

канд. філал. наук, доц.,

докторант каф. речеvedения и теории коммуникации

Минского государственного лингвистического университета

Anna Biyumena

Candidate of Philology, Assistant Professor,

Postdoctoral Student of the Department of Speech Studies and Communication Theory

of the Minsk State Linguistic University

e-mail: a-mesyats@tut.by

ТИПЫ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ПЕЧАТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Рассматривается диалогичность современной белорусской прессы. Диалогичность трактуется как текстовая категория, характеризующая взаимодействие адресанта и адресата, а также пересечение в тексте различных смысловых позиций. Определены типы диалогичности в печатном медиадискурсе Беларуси (внешняя диалогичность; макротекстуальная диалогичность; внутримонологическая диалогичность; интертекстуальная диалогичность), выявлены средства ее создания, подчеркивается роль интертекстуальности в формировании диалогических отношений в газетном дискурсе.

Ключевые слова: диалогичность, интертекстуальность, адресат, адресант, медиадискурс.

Types of Dialogueness in the Print Media Discourse

The article examines the dialogic nature of the modern Belarusian press. The paper exposes types of dialogue and the means of its creation. The role of intertextuality in the formation of dialogical relations in the newspaper discourse is emphasized.

Key words: dialogicity, intertextuality, addressee, addresser, media discourse.

Введение

В современной парадигме гуманитарного знания диалог рассматривается как имманентное свойство человеческого существования, общения и познания. Философ Ю. Хабермас выделяет коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание и консенсус индивидов, в качестве одной из важнейших сфер жизни общества, наряду с инструментальным действием, представленным в первую очередь сферой труда [1]. Основоположник теории диалога как принципиально новой модели интерпретации окружающей действительности М. М. Бахтин подчеркивает, что диалогические отношения – это «явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [2, с. 51].

В центре бахтинской теории диалога находятся вопросы диалогичности мышления, языка и текста, ведь язык – это «самый существенный показатель всеобщно-

сти диалогизма: он и средство общения, и возможность познания, и способ самовыражения» [3, с. 42]. По мнению М. Н. Кожинной, поскольку существование и функционирование языка немислимо вне социума и общения, диалогичность в глобальном смысле представляет собой речевую экспликацию социальной сущности языка и его коммуникативной функции [4, с. 12–13]. Фундаментальный принцип теории диалога – превалирование личностных, субъект – субъектных отношений между коммуникантами, межсубъектное равноправие [5, с. 362; 6, с. 57]: «Диалог меняет мышление. Обращение к Другому как к духовному существу – то новое, что несет в себе коммуникативная парадигма в анализе социальных взаимодействий» [7, с. 15].

Многие исследователи трактуют диалогичность как текстовую категорию, характеризующую его адресованность, или направленность на адресата [3; 4; 8; 9]. Любое высказывание, даже внешне монологическое, прогнозирует реакцию адресата, нацелено на его активное понимание. Г. В. Колшанский считает, что «любой

текст, в т. ч. и монологический, надо рассматривать как двусторонний, т. е. текст, обращенный к определенному адресату, даже если в качестве адресата выступает сам говорящий субъект» [10, с. 172]. Поэтому разделение между монологическими и диалогическими произведениями можно считать достаточно условным. М. М. Бахтин пишет: «Если монолог имеет слушателя, то уже нет монолога. Но ведь предвосхищаемый слушатель (читатель) всегда есть. Всякое слово обращено, и не к другим словам контекста, а вне его» [11, с. 506]. Однако М. Н. Кожина считает, что термин «адресованность» не в полной мере характеризует суть взаимодействия между адресатом и адресантом текста, поскольку он описывает односторонность воздействия, пассивность слушателя или читателя. Она подчеркивает активную роль реципиента в создании текста (в плане предвосхищения его реакции автором текста) и в процессе коммуникации в целом, указывая на большую точность термина «диалогичность» как индикатора двунаправленного взаимодействия коммуникантов в процессе текстовой деятельности [4, с. 35–36]. По мнению Л. Р. Дускаевой, характеристики диалогического текстового взаимодействия следует дополнить, добавив к свойству адресованности признак ответственности адресата [12].

В современной трактовке диалогичности она часто рассматривается не только как непосредственное взаимодействие двух или более участников коммуникации, но как соотношение смысловых позиций, т. е. точек зрения, мнений, взглядов на жизнь, определенного понимания фактов и ситуаций [4; 12; 13]. Как отмечает М. М. Бахтин, диалогические отношения представляют собой «особый тип смысловых отношений, членами которых могут быть только целые высказывания (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых выражают себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний» [13, с. 320].

Основная часть

Диалогичность изучается как свойство культуры (В. С. Библиер, Ю. М. Лотман, В. В. Сашеко), логическая и философская категория (В. Ф. Берков, Г. М. Бирю-

кова, Я. С. Яскевич), как характеристика художественного текста (М. М. Бахтин, Т. Ф. Плеханова), научной (М. Н. Кожина, Л. В. Красильникова, Л. В. Славгородская), политической (С. А. Чубай, Н. Р. Омаров), деловой (И. И. Ковалевская) и медийной коммуникации (Л. Р. Дускаева, Д. Г. Ильиных, О. В. Романова). По мнению Г. В. Колшанского, именно тексты массовой коммуникации особенно ярко демонстрируют направленность на адресата, хоть адресат и представлен в них в виде неопределенного множества [10, с. 172].

В результате анализа реализации диалогичности в информационных, побудительных и оценочных газетных жанрах Л. Р. Дускаева приходит к выводу о том, что диалогичность представляет собой онтологическое, базовое свойство газетной речи, определяющее ее сущность и обеспечивающее эффективность прагматического воздействия на аудиторию [12].

Исследователь выделяет три основных типа экспликации диалогичности в печатном медиатексте:

- 1) собственно композиционно диалогические тексты;
- 2) макротекстовый диалог между прилегающими друг к другу текстами, расположенными на одной странице газеты;
- 3) монологические тексты, насыщенные средствами, которые как бы заимствуются из устного диалога, а также часто специально создаются в письменном газетном тексте [12].

На наш взгляд, следует выделить и четвертый тип репрезентации диалогичности в прессе – интертекстуальность как такое взаимоотношение данного текста с другими, в основе которого находится поиск «общих мест», «общей памяти» у адресанта и адресата, что позволяет обеспечить связь между ними [14, с. 33]. В данном случае уместно говорить о широкой трактовке диалогичности как системы отношений между предшествующими и последующими текстами [15, с. 38], соответственно, интертекст в таком понимании интерпретируется как «пространство схождения культурных символов языкового сообщества, способ репрезентации культуры в дискурсе на основе фонда общих знаний» [16, с. 23]. Интертекстуальность как многомерная связь отдельного текста с

другими текстами с точки зрения содержания, жанрово-стилистических и структурных особенностей, а также формально-знакового выражения [9, с. 19] выступает в материалах периодических изданий в роли механизма, который «вписывает» содержание публикаций в сумму знаний, циркулирующих в обществе [17, с. 10].

Рассмотрим реализацию выделенных типов диалогичности в печатном медиадискурсе Беларуси на материале республиканских, областных, районных газет.

1. *Внешняя эксплицированная диалогичность*, представленная в собственно диалогических текстах. Данный тип диалогичности репрезентируется в газетном тексте в таких жанрах, как беседа, дискуссия, интервью. В интервью обычно участвуют два собеседника, одним из которых является журналист, узнающий точку зрения интервьюируемого по разным вопросам. При этом, как пишет Н. Ю. Шведова, осуществляется диалог как «обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора» [18, с. 281].

Эксплицированная диалогичность также реализуется в жанре беседы с экспертами в той или иной области, в которой обычно представлены различные мнения. Логические отношения между смысловыми позициями специалистов чаще всего соответствуют схеме «сообщение – оценка – ее объяснение и обоснование – уточнение/дополнение». Например, статья «*Адважыцца і... пачаць! Што стрымлівае развіццё “жаночага” бізнесу?*» (Звезда, 2021, 29 сент.) начинается с информации о вкладе субъектов малого и среднего предпринимательства в ВВП нашей страны и о положительном влиянии на функционирование экономики вовлечения женщин в предпринимательскую деятельность. Затем первый эксперт высказывается о том, что вопросы женского бизнеса в Беларуси законодательно не урегулированы, и объясняет важность консультативной, менторской, психологической поддержки женщин при вхождении в бизнес-среду. Второй эксперт, руководитель одного из банков, также акцентирует важность развития женского предпринимательства и рассказывает о кредитном продукте его компании, предназначенном именно для начи-

нающих бизнес-леди. Третий эксперт, представитель другой банковской организации, предлагает свою программу помощи женщинам-предпринимателям.

Внешний тип диалогичности эксплицируется также в опросах, которые журналисты проводят по различным поводам. Данный жанр представляет собой подборку кратких ответов респондентов на вопрос об актуальных событиях и ситуациях: «*Чем вам запомнился последний звонок?*» (Гомельская праўда, 2019, 30 мая); «*Какие ваши маленькие радости во время пандемии?*» (Жыццё Палесся, 2021, 28 янв.). К данному типу диалогичности можно также отнести представление в одном материале мнений разных людей по какому-либо поводу. Например, во второй части публикации «*Студеной воды притяжение*» о строительстве новой купели в одной из деревень района (Кричевская жизнь, 2021, 20 янв.), имеющей подзаголовок «*Радуются открытию купели и местные жители*», приводятся высказывания жителей деревни, в которых они выражают положительные эмоции по поводу события. При этом «голос» каждого из респондентов дополняет и поддерживает позицию предыдущего и последующего интервьюируемого.

2. *Макротекстуальная диалогичность*. Этот тип диалогичности реализуется в публикациях, объединенных единой тематикой и расположенных в пространстве одной газетной страницы или разворота. При этом объединенные темой статьи «читаются» как цельное полотно, в котором каждая публикация как отдельный «голос» добавляет новые краски в общее полифоническое звучание. Например, 7 марта 2020 г. в Ушачской районной газете «Патрыёт» был представлен разворот с материалами о женщинах города и района, среди которых оказались многодетная мама, флорист, доярка, старшая медсестра санатория, занимающаяся благотворительностью владелица магазина, активные пенсионерки. Каждая из представленных публикаций дополняет образ современной жительницы города и района. Указанные статьи находятся в логических отношениях согласия и дополнения. По мнению М. М. Бахтина, согласие, наслаивание голосов, в которых выражают себя различные речевые субъекты, представляет со-

бой одну из важнейших форм диалогических отношений, поскольку рамки диалога не исчерпываются полемикой [13, с. 321].

Полифоническое звучание макротекста может использоваться для акцентирования и усиления той или иной идеи. Так, в 1930-х гг., в период поисков и выявления «врагов народа», в белорусской прессе были популярны материалы о неудовлетворительной работе руководителей на местах. Например, в номере газеты «Советская Белоруссия» за 4 января 1938 г. на одной странице в позиции примыкания друг к другу были опубликованы пять материалов: «*Саботаж нужного мероприятия*» (о действиях руководителей одной из Витебской организаций, которые не способствуют проведению мероприятий по улучшению условий труда), «*В мантии ученого...*» (о «вредительстве» работников опытной сельскохозяйственной станции), «*Невозмутимый прокурор*» (об отсутствии реакции прокуратуры на жалобу о ненадлежащем уходе за лошадьми), «*Не готовятся к весне*» (о том, что один из колхозов медлит с подготовкой к посевной), «*Преступное отношение к ремонту тракторов и прицепов*» (о неудовлетворительном отношении работников МТС к ремонту техники).

Все эти материалы содержат призывы вышестоящему руководству разобраться в ситуации и наказать виновных, а также используют лексику с мощным негативно оценочным зарядом: *заклятые враги, бред, вражеский, вредительский, чуждый, чужеродный, преступный, возмутительный, темные люди, непроверенные люди, недопустимо, умышленно, потакать, саботировать, бесхозяйственно, орудовать, сорвать, подорвать, грубо нарушать*. Таким образом, макротекстовое многоголосие усиливает образ руководителей-«вредителей» на местах, создает негативное отношение читательской аудитории к ним, культивирует атмосферу тотальной подозрительности в обществе.

3. *Внутримонологическая диалогичность*. Такой тип диалогичности в письменном газетном тексте как бы имитирует устную диалогическую речь, используя при этом характерные для нее языковые ресурсы. К языковым средствам выражения внутренней диалогичности исследователи относят различные виды вопросов и

вопросно-ответных единств, прямую и косвенную речь, императивы, экспрессивную лексику и синтаксис, конструкции и обороты связи, союзы и частицы, вводные и вставные слова, словосочетания и конструкции и др. [4].

Все эти средства эксплицируют диалогичность и в текстах белорусских печатных изданий. Например, вопросно-ответные комплексы и побуждения часто используются в функции заголовков: *Нужны дрова? Тогда вам – к нам* (Шлях перамогі, 2021, 10 мар.); *Оштрафовали? Оплатите!* (Шлях перамогі, 2021, 13 мар.); *Возьмите в руки книгу, дети!* (Шлях перамогі, 2021, 3 апр.); *Хватит пить!* (Жыццё Палесся, 2021, 4 февр.). В тексте статей вопросно-ответные единства, риторические вопросы и императивы также встречаются довольно часто: *Не в состоянии помочь, так лучше вообще не подходите. Разве сочувствовать погибшим, беречь их память могут только те, кто сам прошел весь этот ужас? Чем и как это можно оправдать?* (Сельская газета, 2018, 2 авг.); *Оглядываясь назад, хочется спросить, почему Змей Горыныч канул в Лету? Да потому что с тремя головами не совладал* (Сельская газета, 2018, 9 авг.). Эти синтаксические средства создают эффект непринужденной неформальной беседы, акцентируют определенные идеи, привлекают внимание адресата, предвосхищают его реакцию и направляют понимание в нужную для адресанта текста сторону.

4. *Интертекстуальная диалогичность*. Данная разновидность диалогичности реализуется в медиакоммуникации в двух основных формах. Во-первых, журналистский текст как текст вторичный привлекает большое количество высказываний различных лиц (политических лидеров, руководителей, специалистов, известных личностей) в форме цитат или косвенной речи: *Обращаясь к завершающему дипломатическую миссию в нашей стране послу, Наталья Кочанова заметила: «В любом случае вы останетесь другом нашей страны»* (СБ. Беларусь сегодня, 2021, 25 сент.); *В своем выступлении на саммите ОДКБ белорусский лидер с сожалением констатировал, что нынешний год не способствовал улучшению международной обстановки* (Народная газета, 2021, 17 сент.).

Второй тип интертекстуальности в прессе связан с введением известных всем носителям языка элементов знания – прецедентных феноменов, которые делают публикацию более выразительной, вызывают интерес реципиента, активизируют его мыслительную работу: *Химия их связала* (Рэспубліка, 2019, 7 сент.); *Я задыхаюсь от сладостей...* (Гомельская праўда, 2019, 28 мая); *Я к тебе возвращаюсь, Беловежская Пуца* (Гомельская праўда, 2019, 4 июня); *Средь шумного бала* (Гомельская праўда, 2019, 11 июня); «*Ой, мороз, мороз, не морозь меня...*» (Кричевская жизнь, 2021, 13 янв.); *Здравствуйте, я ваш робот* (Рэспубліка, 2019, 7 сент.); *Социалка карман не тянет* (Рэспубліка, 2019, 20 сент.); *Матай сабе на груз* (Гомельская праўда, 2019, 23 мая). Как видно из приведенных примеров, в роли главных сфер – источников прецедентного знания в публикациях современных белорусских газет выступа-

ют области «искусство» (преимущественно песни и художественные фильмы) и «фольклор» (пословицы, поговорки, сказки).

Заключение

Диалогичность лежит в основе журналистского текста, обогащает его хронотоп, находит отклик у разных сегментов аудитории. В печатном медиадискурсе диалогические отношения манифестируются разнообразными способами – в виде внешней, внутренней, макротекстуальной, интертекстуальной диалогичности. Присутствие множества голосов в газетном дискурсе в виде репрезентации, комментирования и оценивания различных смысловых позиций, а также апелляции к «чужим голосам» в виде интертекстуальных вкраплений отражает наличие плюрализма мнений в обществе и является средством воздействия на читателя, формирования и коррекции его отношения к описываемым событиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культур. – 2002. – Т. 6. – С. 5–300.
3. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
4. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
5. Бахтин, М. М. Из записей 1970–1971 годов / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культур. – 2002. – Т. 6. – С. 355–380.
6. Докучаев, И. И. Проблема изучения истории общения / И. И. Докучаев // *Диалог. Проблемы междисциплинарных исследований* : межвуз. сб. / под ред. Г. М. Бирюковой. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – С. 57–60.
7. Шамликашвили, Ц. А. Введение в диалогистику / Ц. А. Шамликашвили, Е. С. Никитина. – М. : Межрегион. центр упр. и полит. консультирования, 2011. – 239 с.
8. Бахтин, М. М. Слово в романе. К вопросам стилистики романа / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культур. – 2012. – Т. 3. – С. 9–179.
9. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ю. Арутюнова ; Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 2007. – 22 с.
10. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 176 с.
11. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культур. – 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
12. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожиной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.
13. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культур. – 2002. – Т. 6. – С. 297–325.
14. Чистая, С. Ф. Фактор проксемики в диалогическом измерении публицистического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ф. Чистая. – Минск, 2004. – 110 л.

15. Чекунова, М. А. Процессуальная диалогичность в контексте речевых особенностей политико-административного сетевого медиадискурса / М. А. Чекунова // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 36–40.
16. Комаристова, И. И. Динамика и типология средств создания интертекста (на материале современного американского художественного дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. И. Комаристова. – Минск, 2021. – 177 л.
17. Романова, О. В. Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Романова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
18. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.

REFERENCES

1. Habermas, Yu. Moral'noje soznanije i kommunikativnoje diejstvije / Yu. Habermas ; pier. s niem. pod ried. D. V. Skliadnieva. – SPb. : Nauka, 2000. – 379 s.
2. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostojevskogo / M. M. Bakhtin // Sobranije sochinienij : v 7 t. – M. : Rus. slovari : Jaz. slavian. kul'tur. – 2002. – Т. 6. – S. 5–300.
3. Pliekhanova, T. F. Tiekst kak dialog / T. F. Pliekhanova. – Minsk : MGLU, 2003. – 251 s.
4. Kozhina, M. N. O dialogichnosti pis'miennoj nauchnoj riechi / M. N. Kozhina. – Piern' : PGU, 1986. – 91 s.
5. Bakhtin, M. M. Iz zapisiej 1970–1971 godov / M. M. Bakhtin // Sobranije sochinienij : v 7 t. – M. : Rus. slovari : Jaz. slavian. kul'tur. – 2002. – Т. 6. – S. 355–380.
6. Dokuchajev, I. I. Problema izuchienija istorii obshchienija / I. I. Dokuchajev // Dialog. Problemy miezhdisciplinarnykh issliedovanij : miezhvuz. sb. / pod ried. G. M. Biriukovoj. – SPb. : Izd-vo S.-Pietierb. un-ta, 2000. – S. 57–60.
7. Shamlikashvili, C. A. Vviedienije v dialogiku / C. A. Shamlikashvili, Ye. S. Nikitina. – M. : Miezhriegion. centr upr. i polit. konsul'tirovanuja, 2011. – 239 s.
8. Bakhtin, M. M. Slovo v romanie. K voprosam stilistiki romana / M. M. Bakhtin // Sobranije sochinienij : v 7 t. – M. : Rus. slovari : Jaz. slavian. kul'tur. – 2012. – Т. 3. – S. 9–179.
9. Arutiunova, A. Yu. Dialogichnost' tieksta i katiogorija sviaznosti : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / A. Yu. Arutiunova ; Stavrop. gos. pied. in-t. – Stavropol', 2007. – 22 s.
10. Kolshanskij, G. V. Kommunikativnaja funkciija i struktura jazyka / G. V. Kolshanskij. – Izd. 3-e. – M. : URSS : LKI, 2007. – 176 s.
11. Bakhtin, M. M. Formy vriemieni i khronotopa v romanie / M. M. Bakhtin // Sobranije sochinienij : v 7 t. – M. : Rus. slovari : Jaz. slavian. kul'tur. – 2012. – Т. 3. – S. 340–511.
12. Duskajeva, L. R. Dialogichieskaja priroda gazietnykh riechievykh zhanrov / L. R. Duskajeva ; pod ried. M. N. Kozhinoj. – Izd. 2-je, dop., ispr. – SPb. : SPbGU, 2012. – 274 s.
13. Bakhtin, M. M. Problema tieksta v lingvistikie, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh / M. M. Bakhtin // Sobranije sochinienij : v 7 t. – M. : Rus. slovari : Jaz. slavian. kul'tur. – 2002. – Т. 6. – S. 297–325.
14. Chistaja, S. F. Faktor proksiemiki v dialogichieskom izmierienii publicistichieskogo tieksta : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / S. F. Chistaja. – Minsk, 2004. – 110 l.
15. Chiekunova, M. A. Processual'naja dialogichnost' v kontiektstie riechievykh osobiennostiej politiko-administrativnogo sietievogo miediadiskursa / M. A. Chiekunova // Viestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Sier.: Lingvistika. – 2017. – Т. 14, № 1. – S. 36–40.
16. Komaristova, I. I. Dinamika i tipologija sriedstv sozdaniija intertieksta (na miaterialie sovriemennogo amierikanskogo khudozhestviennogo diskursa) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / I. I. Komaristova. – Minsk, 2021. – 177 l.
17. Romanova, O. V. Adriesovannost' i intertiekstual'nost' gazietnogo intervju kak zhanra zhurnalistskogo diskursa : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / O. V. Romanova ; Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Jekatierinburg, 2008. – 24 s.
18. Shviedova, N. Yu. Ochierki po sintaksisu russkoj razgovornoj riechi / N. Yu. Shviedova. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – 377 s.

УДК 811.111

Инна Леонидовна Ильичева*канд. филол. наук, доц., доц. каф. английской филологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Inna Ilyichova***PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of English Philology at the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: englangп@brsu.brest.by***КОНЦЕПТ «ЗУБР» КАК ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЫ**

Рассматривается языковая репрезентация концепта «зубр» в региональной лингвокультуре на материале современных художественных и научных текстов. Благодаря ряду особенностей поэтического дискурса анализ контекстов региональных поэтических произведений позволяет выявить наиболее релевантные признаки исследуемого концепта. Методом сплошной выборки были получены контексты, содержащие не только имя концепта «зубр», но и их образные субституты. Проведен сопоставительный анализ выявленных признаков с использованием конкретных примеров их языковой репрезентации, обращено внимание на выражение образной и ценностной составляющих в структуре рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лингвоконцептология, антропоцентризм, поэтический дискурс.

The Concept «Bison» as a Part of the Regional Linguo-Cultural Matrix

The article examines the linguistic representation of the concept «Bison» in regional linguo-culture on the basis of modern literary and scientific texts. Due to a number of features of poetic discourse, the analysis of the contexts of regional poetic works allows us to identify the most relevant features of the concept under study. By the method of continuous sampling, contexts were obtained containing not only the name of the concept «Bison», but also their figurative substitutes. The author conducts a comparative analysis of the revealed features, using specific examples of their linguistic representation and paying attention to the expression of the figurative and value components in the structure of the concept under consideration.

Key words: *linguocultural concept, linguoconceptology, anthropocentrism, poetic discourse.*

Введение

Важнейшей чертой современной лингвистики является антропоцентризм. В центре внимания лингвистических теорий оказываются не «имманентные», абстрагированные от многих факторов языковые феномены, а явления языка как человеческой деятельности. Язык уже не рассматривается «в самом себе» – он предстает, как справедливо указывает В. А. Маслова, с позиции его участия в познавательной деятельности человека [1, с. 4]. Язык служит ключом к системе человеческой мысли, природе человеческой психики и характеристике нации. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания.

Человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточня-

ется человеком непрерывно [1, с. 61]. Концепт является динамичным образованием. Оказываясь частью системы, концепты попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются [2].

Прежде чем перейти к описанию лингвокультурного концепта как сложного когнитивного лингвосоциального конструкта, вкратце остановимся на значимых трактовках термина «концепт» в современном языкознании.

Понятие «концепт» в научную дискуссию ввел русский философ С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. В работе «Концепт и слово» он отводит концепту функцию заместительства. По мнению С. А. Аскольдова-Алексеева, концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Высказывая какое-нибудь общее положение о растительном организме, мы в конечном счете

имеем в виду все неопределенное множество реальных или представляемых растений. Концепт заменяет предметы или конкретные представления» [3, с. 269].

Со второй половины XX в. понятие «концепт» входит в активный научный обиход и в последние годы становится неотъемлемой частью целого ряда новых направлений в науке. С точки зрения А. А. Залевской, концепт выполняет роль своеобразного сигнала, который при поверхностном наблюдении воспринимается как свидетельство «современности» того или иного научного исследования [4, с. 15].

В своих работах Н. Н. Болдырев описывает концепт как базовую когнитивную сущность, позволяющую связать мысль со словом. Языковая интерпретация мира и знаний о мире, по мнению автора, «основана на принципе единства многообразия и обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках. Концепты выполняют функцию категоризации, конструируют наше знание о живых существах и объектах» [5, с. 12].

С. Г. Воркачев предлагает такое определение термина: концепт – это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [6, с. 70].

Н. Ф. Алефиренко, анализируя сущность концептов, выделил следующие наиболее значимые моменты:

1) концепты – ментальные образования, составляющие категориальную сетку ценностно-смыслового пространства языка;

2) с помощью концептов моделируется картина мира;

3) концепты создают обобщенный образ слова;

4) все значения реальные и потенциальные, все ассоциации удерживаются, объединяются в слове благодаря концепту;

5) в спонтанной речи в качестве смысловых компонентов выступают свернутые первичные мыслительные представления, мыслительные сигналы – концепты [7, с. 217].

Обобщая различные подходы к определению термина «концепт», В. А. Маслова в работе «Введение в когнитивную лингви-

стику» определяет концепт как «образ, единицу ментального мира, вбирающую в себя какой-то социальный опыт человека и его эмоциональные ощущения». В. А. Маслова выделяет следующие инвариантные признаки концепта:

1) являясь минимальной единицей человеческого опыта, концепт вербализуется посредством слова и имеет полевую структуру;

2) концепт выступает в качестве основной единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет «подвижные границы и конкретные функции»;

4) концепт социален;

5) концепт выступает в качестве основной ячейки культуры [1, с. 68].

Итак, можно резюмировать:

1. Концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

2. Любой концепт, будучи неотъемлемой частью культурной матрицы, прежде всего является «культурным концептом». Вслед за В. И. Карасиком, мы полагаем, что «культурный концепт» представляет собой «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с. 91]. Предельная важность концепта в системе культуры обусловлена его «живой» и динамично-субъектной связанностью с непосредственным культурным генезисом.

3. Лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание в итоге отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей.

Целью данного исследования является комплексное лингвокультурологическое изучение концепта «зубр».

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

1) систематизировать основные направления изучения концептов на современном этапе;

2) составить авторскую картотеку контекстов употребления ключевой лексики;

3) выявить языковые средства объективации компонентов концепта «зубр» в региональной концептосфере.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на основе следующего материала:

1) этимологические и толковые словари [9–13];

2) 15 прозаических художественных произведений (107 контекстов), 70 стихотворений (185 контекстов), две научные монографии (75 контекстов).

Авторская картотека примеров употребления лексики *зубр* составляет 367 контекстов.

Методы исследования: когнитивно-дискурсивное моделирование смыслов концепта в различных контекстах; описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении над языковым материалом; метод лингвокультурологического комментирования.

Результаты исследования

Концепты как первичные культурные образования, которые существуют в культурно-историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека как коллективные ментальные образования, фиксирующие своеобразие культуры (ментальная проекция элементов культуры) [8, с. 38].

Каждый отдельный концепт демонстрирует существование в конкретной этнической культуре определенной ценности [14; 15]. Концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры, объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Культурный концепт в отличие от индивидуальных концептов тесным образом связан не с мыслительными и речевыми структурами индивида, а с культурой.

В нашем сознании концепт предстает в своих содержательных формах: в образе, понятии, символе. Символ зубра по праву считается одним из самых древних, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. В пещерной (наскаль-

ной) живописи эпохи палеолита он занимает особенно важное место, являясь одним из самых почитаемых животных. Полихромные потолки испанской пещеры Альтамиры и главный зал французской пещеры Ласко – «Ротонда быков» – исследователи часто называют «Сикстинской капеллой» первобытной живописи. Кальцитные стены, плохо подходящие для гравировки, украшены живописными изображениями зубров внушительных размеров: некоторые из них достигают 5 м в длину.

Впервые вербальную дескрипцию зубра в IV в. до н. э. представил Аристотель в своем знаменитом труде «История животных», а в I в. н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» уже охарактеризовал два вида диких быков, называя их «бизон» и «тур» (или «ур»). В различных странах, где жил зубр, его по-разному номинировали: например, в Англии – *сурокс*, в Германии – *ур* или *тур* (позже *визент*), в Польше – *жубр*, в Литве – *стумбаре*. В 1758 г. в фундаментальном труде «Система природы» Карл Линей дал зубру современное название *Bison bonasus*, которое представляет собой сочетание имен, заимствованных у Плиния и Аристотеля.

Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, через слово, поэтому человек живет больше в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей. Язык помогает познать современную ментальность любой нации и понять воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Но, как в свое время писал А. А. Потебня, язык национально специфичен, и «никто не имеет права вкладывать в язык народа то, чего сам народ в своем языке не находит» [16, с. 133].

Каждый отдельный концепт выражает присутствие в конкретной этнической культуре определенной ценности [17]. Культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира, раскрывают ценностные приоритеты культуры, объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Основываясь на данном положении, считаем целесообразным рассмотреть лингвокультурный концепт «зубр» в коммуникативном пространстве Брестчины.

Для изучения концепта «зубр» мы прежде всего обратились к понятийной составляющей, зафиксированной лексикографическими источниками. В этимологическом словаре М. Фасмера [9] дано следующее определение: зубр. общеслав. суф. производное (суф. *-p-*) от *зуба* < *zǫbъ в значении «рог, клык». *Зубр* буквально – «рогатый» (зверь).

В толковом словаре С. А. Кузнецова [11] читаем: ЗУБР *-а, м.* 1. Дикий горбатый лесной бык сем. полорогих. *Беловежские зубры*. 2. *Разг.* Об опытном, ценном специалисте. *Издательские зубры. Партийный зубр*. 3. *Устар.* О косном, консервативно настроенном человеке. *Разгромить zde шних зубров. Загоренелые зубры реакции*.

В толковом словаре Д. Н. Ушакова [10] зубр описывается так: 1. Дикий бык, похожий на бизона. 2. перен. Консервативный до дикости, упорный в своей закоснелости человек (публик. ритор.).

Этимологический словарь русского языка под редакцией Г. А. Крылова [13] указывает, что зубр – общеславянское слово, образованное добавлением суффикса *рь* к существительному *зубъ* в значении «рог» (изначально *зуб* – «любое тело, имеющее форму зуба»). *Зубр* буквально значит «рогатый».

В малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой [12] представлено следующее описание: зубр *-а, м.* Дикий лесной бык. *В Беловежской пуце сохранились зубры – дикие быки прежних лесов Европы. Это большие, красивые, сильные животные. 2. перен.; чего или какой.* Закоснелый в своих отсталых взглядах человек; крайний реакционер. – *Большое, даже решающее значение будут иметь наши доклады. Они должны произвести впечатление, разгромить здешних зубров!* Скиталец. *К этому времени самые загоренелые зубры реакции бежали за границу. 3. разг. шутил.* О крупном, ценном специалисте.

Обращение к толковым и этимологическим словарям как к первичным лексикографическим источникам данного исследования, а также проведенный анализ предлагаемых ими дефиниций, позволили установить, что в содержании концепта «зубр» лексикографы выделяют общий смысл «дикий лесной бык».

Ядро лингвокультурного концепта «зубр» составляет словарное значение лек-

семы *зубр*, специфику его выражения отражают толковые словари. Поскольку словарные толкования составляют лишь самое общее представление о значении слова, считаем целесообразным привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, прозаические и научные.

Проведенный анализ показывает, что в научных и прозаических текстах, в отличие от поэтических, в большей степени представлены элементы понятийной составляющей концепта. Доказательством тому служит творчество известного художника и литератора Георгия Карцова, который в работе «Беловежская пуца» обобщил известные и ставшие доступными лишь ему сведения о Беловежской пуце начиная с древних времен и до начала XX в. Таким образом, была создана уникальная летопись, рассказывающая об истории, фауне и флоре, климатических условиях этого древнейшего леса. Сам Г. Карцов считается лучшим летописцем Беловежской пуцы. Книгу проиллюстрировали талантливые русские художники Н. С. Самокиш, В. П. Навозов, К. Я. Крыжицкий, Р. Ф. Френц, А. С. Хренов.

Главное внимание в книге уделено описанию зубра – крупнейшего представителя беловежской фауны. У Г. Карцова читаем: *«Зубр никогда не имеет трусливого вида; даже на бегу от опасности он все-таки скорее страшен. Спокойно пасущийся в одиночку, он кажется меланхоличным, тупым, упрямым и даже глуповатым».*

В разделе «Фауна Пуцы» дается не только самая обширная на то время информация о зубре, но и подробные описания других представителей фауны – лося, оленя, кабана, дикой козы, лани.

В монографии «Зубр в Беларуси» исследователи П. Г. Козло и А. Н. Буневич представляют морфофизиологические параметры и пространственно-социальную структуру популяции зубра и описывают белорусскую модель сохранения животного, указывая, что в Беларуси разработана и реализуется на практике оригинальная модель долговременного сохранения зубра, мегапопуляционная стратегия и бинарный статус.

В значительной части региональных прозаических материалов зубр рассматривается как редкое животное. А. Курсков в книге «Белавежскі зубр» пишет: *«Пасля вайны ў дзяржаўны запаведнік Белавеж-*

ская пушча з Польшчы зноў завезлі пяць зуброў. У другі раз пачалося ўзнаўленне гэтага рэдкага звера ў пушчанскіх лясах. Зубр – буйная жывёліна. Самцы важаць больш за тону, самкі – крыху меней. Ва ўсім свеце больш за тры тысячы зуброў, а ў Беларусі іх каля трохсот. Зубр занесены ў Чырвоную кнігу».

В. Козлович в своей зарисовке «Бело-вежская пушча» представляет величие животных: «Гордость пушчи – зубры. В пушчанских лесах проживает более двух сотен животных. В минувшем месяце мы имели возможность пообщаться с ними на воле... Зубриное стадо очень похоже на коровье. Но впечатление о миролюбии зубров, по словам егеря, обманчиво, и пушанцы могут рассказать немало грустных историй о встрече животных с человеком».

Поэтический дискурс является специфической речевой деятельностью, представляющей собой не только линейное соположение слов и выражений. К такого рода речевой деятельности непременно подключаются смысловые ассоциации, образы и другие смыслопорождающие категории. Концепты, представленные в дискурсивном пространстве поэтического текста, обладают особой зыбкой структурой. В конкретном поэтическом тексте происходит столкновение значения слова с личным и народным опытом человека, актуализируются особые признаки и слои концепта, что и создает индивидуальную неповторимость поэтического произведения.

Одной из самых больших и ярких на сегодняшний день поэтических зарисовок является поэма Н. Гусовского «Песнь о зубре» (1523), в которой в поэтической форме автор представляет свое видение многогранной картины природы края – Великого княжества Литовского. Н. Гусовский вербально «рисует» красоту первозданных трав и деревьев, демонстрируя свои ассоциации, связанные с природой родного края. В пейзажных зарисовках Гусовского природа предстает равной человеку, она одушевлена и обладает разумом.

Говоря о зубре, автор превозносит его красоту, мощь, величие над всеми остальными лесными обитателями:

Лютасцю больш небяспечны, чым люты драпежнік, / Зубр для людзей не страшны, не чапай – не зачэпіць, / будзе стаяць як

укопаны – пастыр на варце, / Не страпянецца, а позіркам пасціць няспынна... / Смелы, і ў гэтым няма яму роўнага зверу / У свеце жывёльным пушчанскага краю...

Вось ён – бізон ваш, што ў нас называецца зубрам! / Масці паджарай, як мешанка, бурай і чорнай, / Быццам з вякоў у вякі пераходзіў праз горны / І гартаваўся, сабраўшы адценні стагоддзяў...

Антропоморфное видение природы особенно четко демонстрируется им при описании поведения зубра. У Гусовского зубр, с одной стороны, по своей натуре «вырастает магутны, прысадзісты волат», «вельмі прыкметны сваёй велізарнаю грывай», а с другой стороны, «ходзіць спакойна і раптам у бегу імклывым / ён, як рысак, пралятае праз гала лясное», «лютасцю больш небяспечны, чым люты драпежнік».

Пушчанские леса, описанные Н. Гусовским в поэме «Песнь о зубре», наполнены музыкальными звуками: «Кожную восень, і недзе мо з тыдзень ці болей / Цягнецца свята Венеры, і шалы юнацтва / З бою бяруцца. У гэту пару насалоды / Толькі і чуеш: усюды прывабна і млява / Мыкае пушча, і ў дрыжыках зябкіх дубровы / З шастаннем сцелюць лістоту на шлюбнае ложка. / Хто гэта слухаў і бачыў, той скажа, напэўна: / Музыка нашых лясоў мілагучнасцю строгай / Вуху і сэрцу мілей за літаўры і ліру. / Шум у вяршынях, і шолах, і шоргат, і гэты ўладарны / Голас крыві неўтаймонай – сімфонія пушчы». Из цитируемых строк видно, что для усиления «яркости» картин природы Н. Гусовский часто прибегает к использованию такого приема, как художественное сравнение. У него «музыка наших лесов» сравнивается со звуками, производимыми музыкальным инструментом – лирой.

С концептом «зубр» в стихотворениях многих региональных авторов связаны особые пространственные и временные ощущения, метафоричность образов и даже цветовая гамма стихотворений. Поэты «рисуют» зубра как «венценосную особу», «короля леса», «властелина лесного пространства» на фоне красочного реликтового леса.

Анализ образов, актуализирующих концепт «зубр» в лирике, научных текстах и прозе белорусских авторов, позволяет выделить пять доминантных образов: редкое животное, властелин лесного простран-

ства, король леса, живая легенда, символ первобытной мощи.

Так, для многих авторов зубр – **живая легенда**, свидетель событий, происходящих на протяжении веков: *Пушчанскае мора калышацца тысячагоддзі. / Зубры паміж хваляў жывымі легендамі ходзяць* (М. Рудковский); *Зубры ідуць, а побач – зубраня... Стары важак на паплавы зубрых / Падгоніць рыкам, доўгім і хрыпатым, / І кожны рух яго паўтарыць статак, / Як продка паўтарае зубр стары* (В. Городей).

Для лирики П. Бровки, Я. Пуши общим образом, вербализирующим исследуемый лингвокультурный концепт, является образ **властелина лесного пространства**: *Зубр ну волат, не іначай, / Між пушчанскіх жыхароў!.. Зубр, зубр! / Мужны, лоўкі / Я пра моц тваю пняю* (П. Броўка); *Вось ён, волат пушчы, буры і пануры, / Узваліў на карак груз стагоддзяў хмурых* (Я. Пушча).

Созвучное описание зубра находим и стихах В. Милоша: *Між дрэў неходжаная сцежка, / Зялёны гай над ей шуміць. / Спяваюць птушкі, а над імі / Ён – Пушчы гаспадар стаіць. / Ён – гэта зубр. Моцны-моцны! / Ці есць дужэйшы тут хоць хто? / Такая веліч! Добры гонар у дзіўнай постаці яго* (В. Милош).

При характеристике концепта «зубр» нельзя оставить без внимания описание Беловежской пуши – среды обитания зубров. В общую образную и семантико-грамматическую концепцию ряда стихотворений органично включены описания реликтового леса сквозь призму человеческого восприятия. Деревья наделяются постоянными эпитетами, которые перерастают в символы: *молчаливые летописцы, Божья зелень, глухая древность и дыхание молодости, чудесное сокровище*:

Дзень добры, пушча! Любы воку / Твой белавежскі каларыт, / Адкуль бяруць свае вытокі, / Ласіны бег, зубрыны рык / І дуба волатава сіла, / І тайна чорнага бусла... (А. Шушко).

Глыбокі лістапад у Белавежы. / Шуміць лістота пушчы векавой (А. Кулешов).

Белавежскі / Родны мой прастор: / Луг духмяны / І шумлівы бор (В. Ефимович).

О край Белавежскі – жамчужына наша. / Цябе палюбіў я з маленства душой. / Ты кожнага ў свет непаўторны свой вабіш, / І дзелішся шчодра сваёю красой... / Тут лес

вам раскажа казкі, легенды / Пра ўлюблёных у пушчу людзей (Л. Пранько).

У Белавежы-пушчы са шляху не збіца: / Тут сосны-мачты, дубы-тубыльцы / І асілкі-грабы ў роздуме глыбокім. / Плывуць над імі лёгкія аблогі (Я. Пушча).

Тут стаіць ў адзіноце / Стары дуб-патрыярх, / Нібы хоча сказаць нам / Аб мінулых гадах. (Г. Драка).

Пушча – смарагд у зялёным вянку / Нашага роднага мірнага краю (В. Малинич).

Сосны у В. Жуковича ассоциируются со струнами музыкального инструмента:

У пушчанскай старонцы маёй / Сосны – быццам бы струны / Магутныя, / Што злучылі нябёсы з зямлёй / І жывуць іх адвечнымі гукамі. / У пушчанскай маёй старане / Лад бяроз – бы магутныя / Клавішы, / Толькі вецер іх вольны кране – / Льецца музыка, свет белы / славячы.

Анализ свидетельствует о том, что основным способом объективации концепта выступает его вербализация. Однако лингвокультурный концепт может быть достаточно легко переведен из ментальной сущности в форму, воспринимаемую органами чувств человека. Учитывая, что наше мышление невербально по своей природе, можно предположить, что содержание, стоящее за вербальной единицей – именем концепта, может быть актуализировано также с помощью невербальных средств. Привлечение не только вербальных, но и визуальных данных к изучению лингвокогнитивного феномена способствует повышению объективности исследования и позволяет выявить более емкое и полное содержание концепта.

Для жителей региона зубр – важный спутник человека. Это прекрасно иллюстрируют коды разных семиотических систем (живопись, скульптура и геральдика). В Беларуси изображения зубра присутствуют на денежных купюрах, памятных монетах. Визуализация, по справедливому замечанию А. Н. Приходько, – это не новое имя концепта и не новый концепт, а его «дублирование иконическим знаком, в результате которого происходит как бы двойная семиотическая объективация – вербальная (оперирует вербальными знаками) и невербальная (оперирует иконическими знаками) [18, с. 95]. Мы полагаем, что невербальное воплощение концепта «зубр» базируется на двух возможностях – автономной и комитатив-

ной. В случае автономной версии речь идет о собственно невербальном воплощении концептов (живопись, скульптура, геральдика). В случае комитативной версии речь идет о невербальном сопровождении оязыковленного концепта. В данном случае симбиоз вербальной и невербальной форм манифестации концепта является креолизованным текстом – лингвовизуальным явлением, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют определенное целое. Иллюстративным подтверждением сказанному могут служить логотипы региональных предприятий.

Заклучение

На основе проведенного анализа можно сделать ряд общих выводов:

1. Концепт «зубр» является одним из центральных лингвокультурологических концептов региональной концептосферы, объективируемым в родном языке обширным хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также много-

численными перцептивными лексическими единицами.

2. Концепт «зубр» имеет полевою структуру. Являясь прецедентным культурно-определенным и национально обусловленным концептом, он находит широкое отражение в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах региона. Понятийная составляющая концепта представлена базовыми признаками, вычленимыми на основе данных лексикографических источников, а также периферийными признаками, выделяемыми в художественных и научных текстах.

3. Языковое выражение лингвокультурного концепта «зубр» самым тесным образом связано с мироощущением, мировосприятием, эмоциональной стороной творчества разных скульпторов и художников, изображавших это величественное животное. Язык подтверждает то, что есть в сознании и может быть реализовано знаками разных семиотических систем (звуками, красками).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
2. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
3. Аскольдов, А. С. Концепт и слово / А. С. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1994. – С. 267–280.
4. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования : сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 5–18.
5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
6. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 6-е изд. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 288 с.
8. Иная ментальность / В. И. Карасик [и др.]. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. – 4 т.
11. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1535 с.
12. Малый академический словарь : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1957–1960. – 4 т.
13. Этимологический словарь русского языка / под ред. Г. А. Крылова. – СПб. : Виктория плюс, 2004. – 432 с.

14. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 20 с.
15. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира. Русско-английские соответствия : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / М. В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 л.
16. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
17. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
18. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. – 307 с.

REFERENCES

1. Maslova, V. A. Kognitivnaja lingvistika : uchieb. posobie / V. A. Maslova. – 3-je izd., pierierab. i dop. – Minsk : TetraSistems, 2008. – 272 s.
2. Pavilionis, R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskij analiz jazyka / R. I. Pavilionis. – M. : Mysl', 1983. – 286 s.
3. Askol'dov, A. S. Koncept i slovo / A. S. Askol'dov // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture tieksta : antologija / pod ried. V. P. Nieroznaka. – M. : Acadiemia, 1994. – S. 267–280.
4. Zalievskaia, A. A. Koncept kak dostojanie individa / A. A. Zalievskaia // Psikholingvisticheskie issledovanija : sb. nauch. tr. – Tvier' : Tvier. gos. un-t, 2002. – S. 5–18.
5. Boldyriev, N. N. Kognitivnaja siemantika. Vviedeniije v kognitivnuju lingvistiku : kurs liekcij / N. N. Boldyriev. – Izd. 4-je, pierierab. i dop. – Tambov : Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. – 236 s.
6. Vorkachiov, S. G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept. Stanovlieniije antropocentrichieskoj paradigmy v jazykoznanii / S. G. Vorkachiov // Filol. nauki. – 2001. – № 1. – S. 64–72.
7. Aliefirienko, N. F. Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoje prostranstvo jazyka : uchieb. posobije / N. F. Aliefirienko. – 6-je izd. – M. : FLINTA, 2020. – 288 s.
8. Inaja miental'nost' / V. I. Karasik [i dr.]. – M. : Gnozis, 2005. – 352 s.
9. Fasmer, M. Etimologichieskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. : pier. s niem. / M. Fasmer. – 2-je izd., stier. – M. : Progress, 1986–1987. – 4 t.
10. Tolkovij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod ried. D. N. Ushakova. – M. : Astrel' : AST, 2000. – 4 t.
11. Bol'shoj tolkovij slovar' russkogo jazyka / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. isslied. ; sost., gl. ried. S. A. Kuzniecov. – SPb. : Norint, 2000. – 1535 s.
12. Malij akademiichieskij slovar' : v 4 t. / pod ried. A. P. Yevgien'jevoj. – M., 1957–1960. – 4 t.
13. Etimologichieskij slovar' russkogo jazyka / pod ried. G. A. Krylova. – SPb. : Viktorija plus, 2004. – 432 s.
14. Babushkin, A. P. Tipy konceptov v lieksiko-frazieologichieskoj siemantike jazyka / A. P. Babushkin. – Voroniez h : Izd-vo Voroniez h. gos. un-ta, 1996. – 20 s.
15. Pimienova, M. V. Koncepty vnutrienniego mira. Russko-anglijskije sootvietstvija : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04 / M. V. Pimienova. – SPb., 2001. – 497 l.
16. Potebnia, A. A. Slovo i mif / A. A. Potebnia. – M. : Pravda, 1989. – 624 s.
17. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija : uchieb. posobije dlia studentov vyssh. uchieb. zaviedienij. – M. : Akadiemija, 2001. – 208 s.
18. Prihod'ko, A. N. Koncepty i konceptosistemy / A. N. Prihod'ko. – Dniepropietrovsk : Bielaja Ye. A., 2013. – 307 s.

УДК 82.09

Таццяна Робертаўна Базарадава

канд. філал. навук, дац. каф. славянскай філалогіі

Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Tatiana Bogoradova*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Slavic Philology
of the Polotsk State University*

e-mail: bogoradova1974@yandex.ru

**НОВЫЯ РАКУРСЫ АДЛЮСТРАВАННЯ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ
Ў АПОВЕСЦЯХ І. НАВУМЕНКІ 1990-х гг.**

Разглядаецца ўвасабленне тэмы Вялікай Айчыннай вайны ў аповесцях 1990-х гг. беларускага пісьменніка-ветэрана І. Навуменкі, які падчас постсавецкай рэчаіснасці пераасэнсоўваў перажытае з пазіцыі сталага чалавека. Мастак захаваў традыцыйную для яго манеру апавядання: аўтабіяграфізм, адданасць ідэалам мінулага, увагу да сацыялізацыі асобы і яе пошукаў у гістарычным быцці.

Ключавыя словы: лірыка-псіхалагічны пачатак, аўтабіяграфізм, псіхалагізм, элегічна-мінорны апавед, «страчанае пакаленне».

***New Perspectives of the Reflection of the Great Patriotic War
in the Novels of I. Navumenka of the 1990s.***

The article considers the embodiment of the theme of the Great Patriotic war in the stories of the 1990s by the belarusian veteran writer I. Navumenka, who during the post-soviet reality rethought the experience from the perspective of an experienced person. The master remained faithful to the traditional manner of reflection for him: autobiography, the ideals of the past, attention to the socialization of the individual and its search in historical existence.

Key words: lyric-psychological beginning, autobiography, psychologism, elegiac-minor narration, «the lost generation».

Уводзіны

У айчыннай прозе Іван Навуменка (1925–2006, удзельнік падполля, партызан, баец Ленінградскага і Украінскага франтоў) застаецца прадстаўніком той рэалістычнай прозы, у якой моцна вылучаецца лірыка-псіхалагічны пачатак. Творчасць пісьменніка спалучыла два вытокі: прыналежнасць аўтара да старэйшага пакалення, светапогляд якога фарміраваўся пад уплывам вопыту ваеннага юнацтва, і ўздзеянне «адлігі» 1960-х гг. Вынікам такога жыццёвага досведу зрабілася моцная ўнутраная, асабістая пазіцыя мастака, які не захапляўся паспешлівым прыняццем неправяраных, недакладных фактаў і рашэнняў, няхай сабе і папулярных, але сумніўных авантур, – там, дзе гаворка вялася пра самыя важныя каштоўнасці. І. Навуменка як пісьменнік неаднаразова гаварыў пра сваю прыхільнасць у творчасці да аўтабіяграфізму: «У гэтым, нават, бачу свой творчы лёс, бо лягчэй за ўсё мне пішацца пра тое, што бачыў на свае вочы, або сам перажыў, ці добра ведаю з чужых слоў. Менавіта гэтыя веды я лічу самымі

важнымі і значнымі для маіх кніг. <...> У сваім жыцці я, канешне, многае бачыў: быў на вайне і ў партызанах, шмат ездзіў, ведаю многія мясцовасці. І ў сваёй творчасці я апіраюся толькі на свой вопыт, на тое, што чуў, што бачыў, у чым непасрэдна прымаў удзел» [1, с. 115].

Мэта працы – прааналізаваць змест і паэтыку адлюстравання падзей Вялікай Айчыннай вайны ў аповесцях І. Навуменкі 1990-х гг. з пазіцыі пераасэнсавання яе пісьменнікам у абставінах постсавецкага кантэксту.

Задачы даследавання:

1) вызначэнне ідэйна-эстэтычных канцэпцый раскрыцця ваеннай тэмы І. Навуменкам на мяжы ХХ – ХХІ стст.;

2) выяўленне мастацкай спецыфікі адлюстравання кантэксту Вялікай Айчыннай вайны ў аповесцях аўтара.

Аўтабіяграфізм трылогіі «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва»

Трылогія з аповесцей «Дзяцінства» (1991), «Падлетак» (1993), «Юнацтва»

(1994) была створана І. Навуменкам пасля вопыту напісання маштабных твораў, найперш трылогіі хрэстаматычных раманаў 1960 – 1970-х гг. («Сасна пры дарозе», «Вечер у соснах», «Сорак трэці»). Задума новай трылогіі была выклікана ў немалой ступені і часам змены ідэалагічнай парадыгмы ў грамадстве, і разбурэннем былых афіцыйных канонаў у літаратурнай творчасці. Сутнасць пазіцыі пісьменніка ў дадзены гістарычны перыяд акрэсліла Н. Пыско: «У гэтай новай літаратурнай сітуацыі І. Навуменка застаўся верным сабе, не падаўшыся на спакусы таго своеасаблівага мастацкага эгацэнтрызму, які захапіў хіба не большасць пісьменнікаў-сучаснікаў» [2, с. 655]. Зварот аўтарытэтнага празаіка да тэм і праблем агульнаграмадскай значнасці І. Шаладонаў вызначыў як увасабленне «адказнай спявадальнасці Івана Навуменкі перад нашчадкамі, найперш маладым пакаленнем» [3, с. 437].

Своеасаблівым ядром трылогіі аповесцей празаіка выступае быццё чалавека, якое пісьменнік разумеў як неад’емны элемент мікракосму і, адначасова, арганічную частку сусвету. Л. Сінькова адзначала, што ў гэтай трылогіі «жыццё выглядае як дзіўны кантрапункт, у якім спалучаецца, здаецца, неспалучальнае, і светлае, і цёмнае» [4, с. 76]. На фоне дамінуючай увагі да народа як масы аўтар імкнецца падкрэсліць індывідуальнасць чалавека з гэтай масы. У творчасці пісьменніка перыяду 1990-х гг. ствараецца псіхалагічны партрэт героя, які звяртаецца да свайго сумлення і ўнутранага «я». І. Навуменка намалюваў заглыблены псіхалагічны вобраз малага хлопчыка-беларуса, які вырастае ў падлетка і юнака, прычым праходзіць працэс самапазнання і эвалюцыю мыслення ў атмасферы рэальнага, складанага і драматычнага быцця. Гэта індывідуалізаваны вобраз рэфлексіўнага юнака Васіля Войціка, чыё жыццё звязана з вялікім гістарычным часам і яго катастрофамі. Разам з тым галоўны герой з’яўляецца тыповым персанажам, бо ўвасабляе лёс цэлага пакалення.

Жанрава-стыльвая спецыфіка аповесцей пісьменніка ў значнай ступені звязана са сталымі формамі аўтарскага маўлення. У аповесцях «Дзяцінства» і «Падлетак» празаік прытрымліваўся аповеду ад імя трэцяй асобы ў форме цяперашняга часу. Дзякуючы гэтаму логіка падзей вельмі натураль-

на перадавалася ў адпаведнасці з узроўнем развіцця, псіхалагічнага стану дзіцяці-падлетка, з якім чытач пачынае знаёміцца з сямігадовага ўзросту. Па словах Л. Алейнік, «сама назва трылогіі І. Навуменкі падкрэслівае, што ў працы <...> аўтар свядома арыентаваўся на мастацкія ўзоры рускіх класікаў, найперш – Льва Талстога. Але па сваёй аснове (не толькі па сюжэтных перыпетыях, апаবাদальнай манеры, творчых прыёмах і мастацкіх акцэнтах, але, галоўнае, па сваёй гістарычна-ментальнай сутнасці) гэты твор самабытны і арыгінальны» [5].

У трыпціху «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва» маральная ацэнка і асэнсаванне падзей вайны змяняюцца ад узвышана-ўзнёслага да ўсвядомленага: «*Чаму ты, дзед, не быў на вайне? – Хай на яе ліха, на тую вайну, унучак. Нічога добрага там няма. Смерць, забойства*» [6, с. 26]. З цягам часу ў творчай манеры пісьменніка адбываецца змяшчэнне акцэнтаў у бок жорстка-рэалістычнага паказу смерці «хлопцаў-равеснікаў» на вайне. Па словах П. Васючэнка, такі паказ «генетычна звязаны з той традыцыяй, якую заклалі ў сусветнай літаратуры Стэндаль, Л. Талстой, Э. М. Рэмарк, А. Барбюс, М. Гарэцкі, Э. Хэмінгуэй, Ю. Бондараў, В. Быкаў» [7, с. 701].

Адной з характарыстык ранняй прозы І. Навуменкі было аптымістычнае светаадчуванне. Напрыклад, у славытым апавяданні «Семнацатай вясной» (1956) пра жыццё беларускіх падлеткаў пад акупацыяй прысутнічае гумар і самаіронія, характэрныя для тэмы развітання з дзяцінствам, з кніжнымі ілюзіямі. В. Каваленка пісаў пра І. Навуменку: «Ён больш аптыміст, чым песіміст, бо як пісьменнік дэмакратычных перакананняў больш за ўсё верыць у народную энергію жыццятворчасці, чым у інтэлігентскую» [8, с. 11]. І сапраўды, герой І. Навуменкі стаў самым выбітным з вобразаў тых учарашніх савецкіх школьнікаў, якія рабіліся выдатнымі байцамі і прыходзілі да выпрацоўкі ўласных поглядаў не толькі на вайну, але і на жыццё ў цэлым.

Сама тэма ініцыяцыі на вайне звязвае аповесці І. Навуменкі з плёнам еўрапейскага «страчанага пакалення», што сталела на франтах Першай сусветнай вайны. Гэта дало падставы Л. Сіньковай заўважыць: «І нічым, як толькі інерцыяй уздзеяння былой савецкай цензуры на трактоўку беларускай

аўтабіяграфічнай прозы “ваенных” аўтараў, мы не можам патлумачыць гэтакую малалікую прысутнасць беларускіх імёнаў у самім ідэйным комплексе “страчанага пакалення”, у слаўнай кагорце тых пісьменнікаў, якія адлюстравалі вайну з пункту гледжання ўчарашняга школьніка» [9]. Разам з тым у аповесцях пісьменніка пра Вялікую Айчынную вайну была і тая спецыфіка, што адрознівала яго светапогляд ад пазіцый замежных папярэднікаў. Герой І. Навуменкі разумее сваю вызваленчую місію і салдацкі абавязак. Н. Пыско адзначыла: «І гэта кардынальна адрознівае яго пакаленне ад “страчанага пакалення” Першай сусветнай, у прадстаўнікоў якога не было адказу на пытанне, дзеля чаго яны апынуліся на бессэнсоўнай крывавай бойні ў цэнтры “цывілізаванай” Еўропы» [2, с. 662].

У трылогіі створаны вобраз сялянскага хлопца, які на першых этапах жыццёвага шляху недастаткова поўна разумее грамадскія з’явы, але імкнецца даць ім сваю ацэнку. Яго свядомасць фіксуе падзеі калектывізацыі, раскулачвання, сталінскія рэпрэсіі, ваенныя дзеянні. Разуменне наратарам гістарычных рэалій праяўляецца апасродкавана, праз успрыманне трэціх асоб, або павярхоўна, з пазіцый падлеткавага несфарміраванага ўсведамлення. У аповесці «Падлетак» сталенне Васіля адбываецца разам са змяненнем палітычнай і гістарычнай сітуацыі. І. Навуменка стварыў своеасаблівую ваенную прэамбулу, інтэрпрэтуючы падзеі пачатку Другой сусветнай вайны і вайны з Фінляндыяй праз суб’ектыўнае і несвядомае стаўленне лірычнага героя: «*Васіль лічыў выпадку, пра рэальную вайну Васіль не думае або думае вельмі мала*» [6, с. 268]; «*Васіль лічыў вайну з Фінляндыяй несур’ёзнай. Колькі тых фінаў*» [6, с. 269].

Аповесць «Юнацтва», блізкая па матывах да рамана І. Навуменкі «Смутак белых начэй» (1979), адлюстравала жыццё Васіля Войціка ў гады Вялікай Айчынай вайны. Фронт пачаўся для хлопца-партызана мабілізацыяй падчас вызвалення Беларусі і голадам у запасных вайсковых частках, затым былі баі на Карэльскім перашыўку і служба ў якасці палкавога разведчыка і перакладчыка. Аўтабіяграфічны герой удзельнічае ў вызваленні Усходняй Прусіі і сустракае перамогу ў Верхняй Сілезіі. Нягледзячы на дваццацігадовы ўзрост, у аповесці

«Юнацтва» персанаж І. Навуменкі – асоба цалкам сфарміраваная. Асобасны рост дазваляе Васілю з пазіцый шараговага ўдзельніка ваенных падзей даць адэкватную ацэнку сітуацыі і становішчу на франтах. Праз іх праўдзівая намаляваў рэіды знішчальнага батальёна, у які траплялі школьнікі з бутафорскімі вучэбнымі вінтоўкамі, а трэба было знішчаць нямецкіх парашуцістаў і шпіёнаў у першыя дні вайны; аб’ектыўна паказаў таксама адносіны фашыстаў да насельніцтва падчас акупацыі, адлюстравалі палітычную сітуацыю ў краіне; намаляваў цяжкія і нястачы жыцця партызан у непрытульным асеннім і зімовым лесе. На прыкладзе старшыні Мігайлы, групы лётчыкаў-разведчыкаў, самога Васіля Войціка пісьменнік паказаў далейшы лёс салдат і адносіны «Смерша» да тых, хто ў час баявых дзеянняў прапаў без вестак, вымушана перайшоў лінію фронту, быў пад акупацыяй, адстаў ад сваіх або згубіў дакументы. Пісьменнік у аповесці «Юнацтва» пераканаўча адлюстравалі ваенны побыт: складанасці з боезабеспячэннем, пастаяннае адчуванне голаду, бяссонне, але – і кемлівасць, розум, маладую сілу сумленнага байца. Л. Сінькова адзначыла: «Яшчэ адна тэма, якая паўтараецца ў творах І. Навуменкі – гэта тэма страчанага маладога кахання, страчанага часу для прагнай вучобы, для таго светлага ў жыцці, што давалося прызнаць незваротна адабраным вайной. Псіхалагічна глыбока, тонка сказаў пра гэта менавіта І. Навуменка – у адрозненне ад тых беларускіх аўтараў, якія пісалі пра “страчанае пакаленне” найперш як пра забітае, замучанае, духоўна скалечанае» [9].

Творы І. Навуменкі адзначанага перыяду характарызуюцца адсутнасцю прэтанзіі на філасафічнасць. Па словах М. Тычыны, «пісьменнік абдуман пазбягае філасофствавання, якое можа здацца ненатуральным ва ўмовах жыцця, калі само жыццё можа абарвацца ў любое імгненне» [10, с. 385]. У трыпціху «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва» сталенне галоўнага героя адбываецца пад уплывам абставін і праходзіць эвалюцыю разам са змяненнем аўтарскага светаразумеання, бо падчас стварэння гэтых аповесцей празаіку было пад семдзесят год. У мастацкай спадчыне І. Навуменкі традыцыйна адзначаецца сістэма разнастайных паўтараў, выкліканых аўтабі-

яграфічным характарам творчасці. Па словах І. Баўтрэль, «большасць даследчыкаў пагаджаецца з тым, што паўтор у звароце да пэўнай тэмы, героя, факта, спосабу падачы матэрыялу і г.д. звязаны з іх пераасэнсаваннем, пераацэнкай» [11, с. 786]. Час вызначэння новых ракурсаў і прырода аўтабіяграфізму пісьменніка сталі галоўнымі прычынамі для пераасэнсавання падзей. Паводле выказвання Н. Пыско, «гэтай асабліваасцю мастацкай манеры і мастакоўскай індывидуальнасці І. Навуменка тыпалагічна блізкі старэйшаму сабрата па пярэ У. Фолкнеру» [2, с. 668]. У мастацка-эстэтычным плане відавочны таксама зварот празаіка да эпічнай традыцыі Я. Коласа, што найбольш поўна выявілася ў адзначанай аўтабіяграфічнай трылогіі.

Асноўныя матывы аповесцей 1990-х гг.

У аповесці «Гасцініца над Прыпяццю» (1994) асэнсаваннем наступстваў катастрофы І. Навуменка прытрымліваўся элегічна-мінорнага ладу апавядання. Працягам узгаданай вышэй аўтабіяграфічнай трылогіі з'явілася і аповесць «Любімы горад» (1996). У гэтым творы адлюстраванне жыцця шматграннае, але тон апавядання таксама сумны. Пісьменнік патлумачыў змены настрою, мадальнасці ў сваёй прозе наступным чынам: «Я пісаў апошнюю сваю аповесць з біяграфічнага цыкла – “Любімы горад” – і адчуваў (пішаш не розумам, а пачуццём, падсвядомасцю), што дзесьці ўсё-такі мінор, сумна. Чаму сумна? А таму, што тыя хлопцы, з якімі я радаваўся, марыў, якіх я ведаў, – яны ж не вярнуліся. І вось гэты налет – я цяпер ужо і розумам дайшоў – ляжыць на гэтай аповесці... Словам, вайна ёсць вайна, жорсткая, крывакая» [12, с. 5]. Аповесць «Дзясяты клас» (1998) працягнула ідэйна-тэматычную лінію паказу пакалення, жыццё якога пасля ваенных выпрабаванняў не палепшылася, а ішло ў рэчышчы выжывання, змагання з нягодамі і пошукаў свайго прызначэння. І яшчэ над адной аповесцю на зыходзе жыцця, у канцы 1990-х гг., працаваў І. Навуменка – «Помні Сталінград» (2000). Вобраз галоўнага героя Івана Дразда па ўзросце і мастацкім нападзенні сімвалічна набліжаны да вобразаў Васіля Войціка і Грышы Ладуценкі; ён, традыцыйна для пісьменніка, уасабляе маладое

пакаленне, ідэалы якога загартоўваліся ў перыяд ваенных выпрабаванняў.

У названых творах вар'іруецца некалькі падобных матываў. Адзін з іх – матыву памяці, вяртання да мінулага, перажытага. Былы мастак Андрэй Івашка з аповесці «Гасцініца над Прыпяццю» па розных прычынах некалькі разоў вяртаецца ў мясціны сваёй маладосці, пераасэнсоўвае перажытае: «Летась, не завітваючы ў горад на Прыпяці, Івашка праехаў па мясцінах, па якіх яны, двое сяброў-таварышаў, кіравалі ў сорак першым на Чарнобыль. Няма школьных дружбакоў: загінулі на фронце» [13, с. 3]. Васіль Войцік з аповесці «Любімы горад» прыгадвае вайну, па-новаму асэнсоўвае падзеі і таксама імкнецца да вяртання ў мінулае, знарок праходзіць партызанскімі сцежкамі.

У аповесцях відавочны матыву уплыву сацыяльнага асяроддзя на лёс чалавека, бо ў творах І. Навуменкі асоба заўсёды выступае як сацыяльна-гістарычны феномен. У час вайны і ў мірным жыцці пісьменнік лічыў сацыяльны кантэкст дамінантным, самым важным чыннікам у рэалізацыі асобы. Галоўныя героі аповесцей «Гасцініца над Прыпяццю» і «Любімы горад» маюць падобны лёс: яны сталеюць пад уплывам абставін ваеннай і паваеннай рэчаіснасці, праходзяць вучобу ў інстытуце, маюць стасункі з людзьмі разнастайнага асяроддзя, перажываюць расчараванні ў інтымнай сферы. Глыбока раскрываюцца метамарфозы чалавечага настрою: ад паваеннай эйфарыі, народжанай Вялікай Перамогай, да стану песімізму і незадаволенасці далейшым жыццём. Празаік у аповесці «Гасцініца над Прыпяццю» прывёў Андрэя Івашку ў родныя мясціны і даў магчымасць зразумець дыялектыку жыцця ды іранічна пагадзіцца з ёю, бо беларусы музілі пасля войнаў перажываць яшчэ шмат выпрабаванняў, у тым ліку і Чарнобыльскую катастрофу: «Так, усё на свеце мяняецца. Толькі неабавязкова ў лепшы бок» [13, с. 38]. Аповесць «Любімы горад» зноў праводзіць наратора шляхам расчаравання ў былых летуценнях: «Але чамусьці не надта весела. <...> Свята не адбылося. <...> Няма ўзаемнага прымірэння, згоды, усёдаравання, якое толькі і можа наступіць пасля такой агромністай, з рэкамі крыві вайны» [11, с. 647]. У аповесці «Дзясяты клас» пісьменнік звярнуў увагу на

факты лакіроўкі рэчаіснасці ў прэсе пры асвятленні ваенных дзеянняў 1944 г. Герой гэтай аповесці Грыша Ладуценка, спісаны з арміі, таксама вяртаецца дадому ў прыгнечаным настроі, бо вайна разбуральна паўплывала на светаадчуванне маладога чалавека. А. Марціновіч адзначае, што «за назвай “Дзясяты клас” хаваецца і больш шырокі сэнс» [14, с. 8]. Апошні клас для Грышы Ладуценкі – гэта своеасаблівае ўваходжанне ў паваенную рэчаіснасць і выжыванне ва ўмовах, набліжаных да экстрэмальных. Твор заканчваецца на аптымістычна-сімвалічнай ноце. Грыша выратаўвае школьнікаў ад выбуху гранаты, жыццё працягваецца: *«Лёс даў Грышу Ладуценку, бадай, канчатковую карту на жыццё, на ўсё тое, што ёсць у гэтым жыцці: чорнае і белае, горкае і салодкае»* [2, с. 628]. У творы «Помні Сталінград» пісьменнік паказаў хаатычнасць ваеннай сітуацыі ў акружэнні, паніку людзей пры пагрузцы на пантоны, непадрахтванасць маладых пехацінцаў, адлюстраванне амаральных дзеянняў і здраду камандзіраў у адносінах да салдат падчас прарыву на фронце: *«Самае страшнае, што камандзір палка, увесь штаб зніклі ў невядомым накірунку. Гэта ганьба. Называецца – камандзіры. Завялі салдат у пастку, а самі збеглі»* [2, с. 637].

Празаік падсумоўвае перажытае, пераасэнсаванае, і ў выніку ваенны і паваенны часавыя пласты твораў «Гасцініца над Прыпяццю» і «Любімы горад» зліваюцца, працягваюць адзін аднаго, яны не маюць катэгарычнага размежавання. У аповесці «Гасцініца над Прыпяццю» падкрэслена, што і праз некалькі дзесяцігоддзяў пасля вайны не паменела выпадкаў несправядлівага абыходжання з чалавекам, прыкладаў крывадушнасці ў дзейнасці сродкаў масавай інфармацыі, праў і бязладдзя ў гаспадаранні, у эканоміцы. Сітуацыя ў глыбінях жыцця дзяржавы засталася статэчнай. Вайна скончылася, але нейкім чынам яна нібы працягваецца. У анкетах трэба пісаць, ці быў у палоне, акружэнні, акупацыі, чым займаўся. Оперу паўнаважаных адпаведных службаў востра цікавяцца гэтымі пытаннямі («Любімы горад»). Арышт бацькі паставіў Андрэя Івашку («Гасцініца над Прыпяццю») перад выбарам «правільнага» запісу ў анкеце; пасля вайны ў сітуацыі лакіроўкі фактаў і адсутнасці свабоды падчас працы ў рэдакцыі

газеты перад Васілём Войцікам («Любімы горад») таксама паўстае аналагічная праблема «правільнага» выбару. У аповесці «Помні Сталінград» І. Навуменка працягнуў паказ дзеянняў смершаўцаў: пошук ворагаў і вярбоўку людзей на службу ў органы дзяржаўнай бяспекі з карнымі функцыямі. Адначасова празаік вывёў на першы план юнака Івана Дразда як свядомага, разважлівага чалавека, які здольны даваць ацэнку любой сітуацыі і ў крытычных абставінах рабіць маральны выбар. Аналізуючы асаблівасці псіхалогіі салдат на вайне, расійскі спецыяліст у галіне ваенна-гістарычнай антрапалогіі А. Сяняўская падкрэсліла, што ў воінаў панавалі «цэлы комплекс думак і пачуццяў, складаны псіхалагічны настрой» [15, с. 181], які мог весці да разбурэння псіхічных норм і трагедый.

Аповесці «Юнацтва», «Гасцініца над Прыпяццю», «Любімы горад», «Дзясяты клас», «Помні Сталінград» паяднаны шэрагам матываў, традыцыйных для пісьменніка, чыё юнацтва было ахвяравана вайне (сутыкненне наўнага школьніка з вайной, страта ілюзій савецкім юнаком, яго вяртанне ідэалам сумленнасці, сяброўства, самаадданай працавітасці, цікаўнасці да ўсяго новага і незнаёмага, а таксама да гісторыі ўласнай краіны, дзе прайшло жыццё). Прынцып аўтабіяграфізму як аўтарская стратэгія дазволіў пісьменніку вельмі канкрэтна і дакладна адлюстраванне праявы і пазітыўнага, і негатыўнага ў мінулым, і гэтая агульназначная праўда савецкага часу забяспечвае наватарскі змест разгледжаных твораў І. Навуменкі. Аўтар імкнецца падкрэсліць індывідуальнасць чалавека з натоўпу на фоне дамінуючай увагі да народа як масы. У аповесці «Помні Сталінград» празаік працягнуў паказ вярбоўкі людзей на службу ў карныя органы, пошук ворагаў. Адначасова пісьменнік стварыў вобраз свядомай, здольнай да правільнага маральнага выбару асобы. У творчай спадчыне празаіка прасочваецца матыву пошуку прызначэння чалавека. І. Навуменка сцвярджае, што дзеля гэтага трэба пачаць з сябе, з сумленнага асэнсавання ўласнага жыццёвага шляху. Пісьменнік правёў паралелі паміж часавымі пластамі – ваенным мінулым і сучаснасцю – і засцярог чалавека ад небяспекі здрады сабе і сваім першавытокамі.

Заклучэнне

Такім чынам, жанр аповесці ў творчасці І. Навуменкі перыяду 1990-х гг. захаваў традыцыйную для пісьменніка сюжэткампазіцыйную мадэль аўтабіяграфічнага апавядальнага ладу. Трылогія аповесцей «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва», а таксама творы «Гасцініца над Прыпяццю», «Любімы горад», «Дзясяты клас», «Помні Сталінград» паяднаны шэрагам матываў, традыцыйных для пісьменніка, чыё юнацтва было ахвяравана вайне. Гэта такія матывы, як сутыкненне наўнага школьніка з вайной, страта ілюзій савецкім юнаком, яго вернасць ідэалам сумленнасці, сяброўства, самаадданай працавітасці, цікаўнасці да ўсяго новага і незнаёмага, а таксама да гіс-

торы ўласнай краіны і дзяржавы, дзе прайшло жыццё. Прынцып аўтабіяграфізму як аўтарская стратэгія дазволіў пісьменніку вельмі канкрэтна і дакладна адлюстравать праявы і пазітыўнага, і негатыўнага ў мінулым, што сталася прыкметай наватарства зместу разгледжаных твораў І. Навуменкі. На фоне дамінуючай увагі да народа як масы аўтар імкнуўся падкрэсліць індывідуальнасць чалавека: паказаць вобраз свядомай, разважлівай асобы, якая здольная даваць ацэнку любой сітуацыі і ў крытычных абставінах рабіць маральны выбар. Адпаведна, у творчасці пражытка 1990-х гг. дамінантным застаўся матыв пошуку прызначэння чалавека ў розныя гістарычныя эпохі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Навуменка, І. Мае героі былі рамантыкамі: стэнаграма размовы з народным пісьменнікам Беларусі Іванам Навуменкам у БДУ / І. Навуменка // Беларускае літаратуразнаўства : навук.-метад. зб. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Л. Д. Сінькова (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – Вып. 6. – С. 115–124.
2. Навуменка, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 4 : Аповесці, 1991–2000. – 2014. – 846 с.
3. Шаладонаў, І. Станаўленне чалавека ў мастацкай прасторы часу аповесцяў І. Навуменкі «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва» / І. Шаладонаў // Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст : Рэсп. навук. канф. да 85-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі акадэміка І. Я. Навуменкі, Мінск, 16 лют. 2010 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; рэдкал.: С. С. Лаўшук (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 436–441.
4. Сінькова, Л. Д. Размаўляючы з Іванам Навуменкам / Л. Д. Сінькова // Творчая асоба І. Навуменкі і праблемы беларускай філалогіі і адукацыі : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Т. І. Шамякіна (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 75–85.
5. Алейнік, Л. Канцэпцыя станаўлення асобы ў трылогіях І. Навуменкі «Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва» і Л. Талстога «Детство. Отрочество. Юность» [Электронны рэсурс] / Л. Алейнік // Livejournal. – 2010. – Рэжым доступу: <https://lit-krytyka.livejournal.com>. – Дата доступу: 28.09.2021.
6. Навуменка, І. Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва / І. Навуменка. – Мінск : Юнацтва, 2000. – 510 с.
7. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; рэдкал.: У. В. Гніламёдаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1999–2015. – Т. 3 : 1941–1965. – 2002. – 952 с.
8. Каваленка, М. А. Беларускія пісьменнікі-лаўрэаты / М. А. Каваленка. – Мінск : Дзярж. б-ка, 1987. – 310 с.
9. Сінькова, Л. Д. Творчасць Івана Навуменкі ў люстэрку ідэй «страчанага пакалення» [Электронны рэсурс] / Л. Д. Сінькова // Кампаратывістыка. Публікацыі. – 2015. – Рэжым доступу: <http://lsinkova.by/творчасць-івана-навуменкі-ў-люстэрку>. – Дата доступу: 29.01.2020.
10. Тычына, М. Народ і вайна / М. Тычына. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 433 с.
11. Навуменка, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 3 : Аповесці, 1957–1996. – 2013. – 878 с.
12. Навуменка, І. Давайце верыць у чалавека : гутарка з Іванам Навуменкам. Запісаў Мікола Чэмер / І. Навуменка // ЛіМ. – 1996. – 19 ліп. – С. 5, 12.

13. Навуменка, І. Гасцініца над Прыпяццю : аповесці і апавяданні / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 253 с.
14. Марціновіч, А. З вышыні пражытага: Штрыхі да творчага партрэта І. Навуменкі / А. Марціновіч // Роднае слова. – 2000. – № 2. – С. 4–8.
15. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 347 с.

REFERENCES

1. Navumenka, I. Maje heroi byli ramantykami: stenahrama razmovy z narodnym pis'miennikam Bielarusi Ivanam Navumienkam u BDU / I. Navumienka // Bielaruskaje litaraturaznaustva : navuk.-mietad. zb. / Belarus. dziarzh. un-t ; redkal.: L. D. Sin'kova (starsh.) [i insh.]. – Minsk, 2008. – Vyp. 6. – S. 115–124.
2. Navumienka, I. Zbor tvorau : u 10 t. / I. Navumienka. – Minsk : Mast. lit., 2012–2017. – T. 4 : Apovesci, 1991–2000. 2014. – 846 s.
3. Shaladonau, I. Stanauliennie chalaviaka u mastackaj prastory chasu apoviesciau I. Navumienki «Dziacinstva», «Padlietak», «Junactva» / I. Shaladonau // Tvorchasc' Ivana Navumienki: slavianski, jeurapiejski, susvietny kantekest : Resp. navuk. kanf. da 85-hoddzia z dnia naradzennia narodnaha pis'miennika Bielarusi akademika I. Ya. Navumienki, Minsk, 16 liut. 2010 h. / NAN Bielarusi, In-t movy i lit. ; redkal.: S. S. Laushuk (hal. red.) [i insh.]. – Minsk, 2010. – S. 436–441.
4. Sin'kova, L. D. Razmauliajuchy z Ivanam Navumienkam / L. D. Sin'kova // Tvorchaja asoba I. Navumeinki i prabliemy bielaruskaj filalohii i adukacyi : zb. navuk. art. / Belarus. dziarzh. un-t ; redkal.: T. I. Shamiakina (starsh.) [i insh.]. – Minsk, 2006. – S. 75–85.
5. Алейнік, Л. Канцэпцыя станаўлення асобы ў трылогіях І. Навуменкі «Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва» і Л. Талстога «Детство. Отрочество. Юность» [Электронны рэсурс] / Л. Алейнік // Livejournal. – 2010. – Рэжым доступу: <https://lit-krytyka.livejournal.com>. – Дата доступу: 28.09.2021.
5. Alejnik, L. Kancepcyja stanauliennia asoby u trylohijakh I. Navumienki «Dziacinstva. Padlietak. Junactva» і L. Talstoha «Dietstvo. Otrochiestvo. Junost'» [Elektronny resurs] / L. Alejnik // Livejournal. – 2010. – Rezhym dostupu: <https://lit-krytyka.livejournal.com>. – Data dostupu: 28.09.2021.
6. Navumienka, I. Dziacinstva. Padlietak. Junactva / I. Navumienka. – Minsk : Junactva, 2000. – 510 s.
7. Historyja bielaruskaj litaratury XX stagoddzia : u 4 t. / Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t lit. imia Ja. Kupaly ; redkal.: U. V. Hnilamiodau (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Belarus. navuka, 1999–2015. – T. 3 : 1941–1965. – 2002. – 952 s.
8. Kavalenka, M. A. Bielaruskija pis'mienniki-laureaty / M. A. Kavalienka. – Minsk : Dziarzh. b-ka, 1987. – 310 s.
9. Sin'kova, L. D. Tvorchasc' Ivana Navumienki u liusterku idej «strachanaha pakaliennia» [Elektronny resurs] / L. D. Sin'kova // Kamparatyvistyka. Publikacyi. – 2015. – Rezhym dostupu: <http://lsinkova.by/tvorchasc'-ivana-navumienki-u-liusterku>. – Data dostupu: 28.09.2021.
10. Tychyna, M. Narod i vajna / M. Tychyna. – Minsk : Belarus. navuka, 2015. – 433 s.
11. Navumienka, I. Zbor tvorau : u 10 t. / I. Navumienka. – Minsk : Mast. lit., 2012–2017. – T. 3 : Apovesci, 1957–1996. – 2013. – 878 s.
12. Navumienka, I. Davajce vieryc' u chalaviaka : hutarka z Ivanam Navumienkam. Zapisau Mikola Chemier / I. Navumienka // LiM. – 1996. – 19 lip. – S. 5, 12.
13. Navumienka, I. Hascinica nad Prypiaciu : apovesci i apaviadanni / I. Navumienka. – Minsk : Mast. lit., 1994. – 253 s.
14. Marcinovich, A. Z vyshyni prazhytaha: Shtrykhi da tvorchaha partretu I. Navumienki / A. Marcinovich // Rodnaje slova. – 2000. – № 2. – S. 4–8.
15. Sienivskaja, Ye. S. Psikhologija vojny v XX veki: istorichieskij opyt Rossii / Ye. S. Sienivskaja. – M. : ROSSPEN, 1999. – 347 s.

УДК 811.161.3:81.38Н.Мацяш

Таццяна Яўгенаўна Старасценка

канд. філал. навук, дац., дац. каф. мовазнаўства і лінгвадыдактыкі
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Tatiana Starascienka

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics
of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

e-mail: tstarascienka@gmail.com

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ СЭНСАВЫХ АПАЗІЦЫЙ У ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ НІНЫ МАЦЯШ

Разглядаецца моўная рэпрэзентацыя сэнсавых апазіцый «жыццё – смерць», «святло – цемра», «цяпло – холад», «мінулае – будучае», «многа – мала» як базавых універсальных катэгорый у паэтычным дыскурсе Ніны Мацяш. Даследуецца роля не толькі лексічных супрацьпастаўленняў як асновы кантрасу, але і граматычных апазіцый займеннікаў, катэгорый склона, часу, якія пранікаюць у лірычныя суб'екты. Адзначаецца, што рознаўзроўневы мастацкі паралелізм з адносінамі супастаўлення ці супрацьпастаўлення высвечвае нечаканыя сэнсавыя прырашчэнні ў структуры паэтычнага тэксту, якія спрыяюць выразнасці творчага дыялога паміж пісьменнікам і чытачом пры інтэрпрэтацыі такога тэксту як дру-гаснай сістэмы мовы. Паказваецца, як паэтычная семантыка вершаў Ніны Мацяш знаходзіць цесную су-вязь з граматыкай, што ўплывае на адметнасць ідыястылю паэтыкі.

Ключавыя словы: камунікатыўная прастора мастацкага тэксту, сэнсавая апазіцыя, супастаўленне, супрацьпастаўленне, сіметрыя, асіметрыя, рэляцыйная пара, ідыястыль.

Representation of Semantic Oppositions in the Poetic Discourse of Nina Matsyash

The article examines the linguistic representation of the semantic oppositions «life – death», «light – darkness», «warm – cold», «past – future», «a lot – a little» as basic universal categories in the poetic discourse of Nina Matsyash. The role of not only lexical oppositions as the basis of contrast is investigated, but also grammatical oppositions of pronouns, categories of case, tense, which penetrate into lyrical subjects. It is noted that artistic parallelism with the relationship of juxtaposition or opposition highlights unexpected semantic increments in the structure of the poetic text, which contribute to the expressiveness of the creative dialogue between the writer and the reader.

Key words: communicative space of a literary text, semantic opposition, juxtaposition, opposition, symmetry, asymmetry, relational pair, idiosyncrasy.

Уводзіны

Развіццё камунікатыўнай стылістыкі мастацкага тэксту арыентавана на разгляд дыялагічных адносін паміж прадуцэнтам і рэцыпіентам, або аўтарам і чытачом. У сувязі з такім падыходам, як «ад рэакцыі да стымулу», або «ад чытача да тэксту», дзе рэакцыяй выступае сэнсавая апазіцыя, стымулам – тэкст як вынік асацыятыўнай дзейнасці рэцыпіента, варта звяртацца да асэнсавання базавых універсальных катэгорый, рэпрэзентаваных у беларускім паэтычным дыскурсе. Такія катэгорыямі выступаюць сэнсавыя апазіцыі «*жыццё – смерць*», «*святло – цемра*», «*цяпло – холад*», «*мінулае – будучае*», «*многа – мала*» з адлюстраваннем асаблівасцей кантраснай светабудовы. «Чалавеку ўласціва мысліць у тэрмінах дыядных адносін: мы звычайна разбіваем

любяя рэальныя адносіны на пару дыяд» [1, с. 9]. Па сутнасці, такое мысленне характэрна для паэта пры мадэляванні свету, у выніку чаго кожны літаратурны твор увабляе індывідуальна-аўтарскі спосаб арганізацыі свету. Падыход «ад рэакцыі да стымулу» адлюстроўвае дынаміку камунікатыўнай прасторы мастацкага дыскурсу, бо праз разнастайныя моўныя сродкі і структуры тэксту чытач мадэлюе ідыястыль пісьменніка.

У сваім даследаванні мы абапіраемся на падыход Ю. М. Лотмана, які на канкрэтных прыкладах паказаў, што паэтычная канструкцыя стварае адметныя семантычныя супастаўленні і супрацьпастаўленні, адрозныя ад семантыкі натуральнай мовы, і гэта акалічнасць спрыяе мастацкаму эфекту «барацьбы» [2]. Так, на моўным узроўні

словы могуць мець розныя дэнаматы, а на ўзроўні другаснай сістэмы, якім з'яўляецца паэтычны тэкст, валодаюць агульным дэнаматам. Гэтаму ў значнай ступені спрыяе рознаўзроўневы мастацкі паралелізм, таму любое слова высвечвае нечаканыя сэнсавыя прырашчэнні і ўплывае на іншыя. Такі падыход важны і ў адносінах асэнсавання знешняй дыялагізацыі «ад рэакцыі да стымулу», пры якой найбольшую цікавасць выклікаюць непасрэдна мастацкая структура і ідыястыль пісьменніка. Знешняя дыялагізацыя мастацкага дыскурсу найперш праяўляецца ў паэзіі, дзе лексіка-граматычныя структуры ствараюць зусім нечаканы сэнс. У мове паэзіі асноўным структурным прынцыпам, згодна з навукавай пазіцыяй Ю. М. Лотмана, становіцца паралелізм з адносінамі супастаўлення ці супрацьпастаўлення, якія спрыяюць выразнасці творчага дыялога паміж пісьменнікам і чытачом пры інтэрпрэтацыі паэтычнага тэксту як другаснай сістэмы мовы.

У гэтым даследаванні мы ўлічваем разнастайныя стылістычныя прыёмы і тыпы вылучэння стылістыкі дэкадавання. Лічым, што актуалізацыя сэнсавых апазіцый у паэтычнай структуры найбольш поўна адлюстроўвае яе адметнасць, садзейнічае магчымасці выразнай чытацкай інтэрпрэтацыі і разам з тым – дынаміцы камунікатыўнай прасторы, бо інтэрпрэтацыя з'яўляецца актыўным творчым працэсам.

У паэтычным дыскурсе Ніны Мацяш прадстаўлены ўсе сэнсавыя апазіцыі, якія адметна структурыруюць сістэму вобразных сродкаў і рэляцыйных адносін. Мэта гэтага артыкула – прааналізаваць лексіка-граматычныя рэпрэзентанты сэнсавых апазіцый паэтычнага дыскурсу Ніны Мацяш.

З пастаўленай мэты вынікаюць наступныя задачы:

1) асэнсаваць ролю лексічных сродкаў у стварэнні кантрасту;

2) паказаць адметнасць граматычных вербалізатараў вобразнага адлюстравання свету;

3) даказаць важнасць уліку рознаўзроўневага паэтычнага паралелізму з адносінамі супастаўлення і супрацьпастаўлення пры дэкадаванні мастацкага тэксту;

4) выявіць спецыфіку ідыястылю Н. Мацяш.

Сэнсавая апазіцыя «мінулае – будучае»

Сэнсавая апазіцыя «*мінулае – будучае*» выяўляе ў Н. Мацяш усечаныя інварыянтныя «*мінулае – цяперашняе*», «*цяперашняе – будучае*», звязаныя семай кахання рэляцыйнай пары «я – ты». Кожны кампанент прыведзенай градуальнай апазіцыі рэалізуе неадназначнае ўспрыманне. Так, у будучыні «я» выяўляецца «мінус-паняцце» – праз генітыў адмаўляецца «ты»: *Зноў наступнасць мая – без цябе* («Лістапад»). Экспрэсію ростані эксплікуюць перфектныя формы *абляцелі, зрудзеў, зліняў*. Будучыня трансфармацыі аб'яднанага вобраза «мы» верша «Мы стрэнемся, хоць нас ужо не будзе...» ў чужой душы прадвызначае распад «мы» на «я» і «ты» – толькі так можна дасягнуць шчасця. Будучае, такім чынам, праз апазіцыю *адзінкавае/множнае* звязваецца з кожным лірычным суб'ектам паасобку, а яднае іх у цэлае толькі абстрактным назоўнікам *памяць*: *І смутак ляжа гарою / На ўтульнасць тваю, / На вясёлы твой дзень, / На памяць пра нас абоіх* («Слова маё не наліча бяды...»); *Ты спынішся ў алейцы той, і памяць / Зноў пацалункам першым нема выбухне* («Вяртанне»). Кампанент апазіцыі *мінулае* ў дыскурсе Н. Мацяш: 1) раз'ядноўвае «я» і «ты» перфектам *развіталася* ў функцыі рэмы, узмоцненай парцэлятам-сірканстантам *даўно*: *Я з Вамі развіталася. Даўно* («Я з Вамі развіталася...»); 2) аб'ядноўвае «я» і «ты» ў сірканстанце-тэмпаратыве *калісь*: *Чытаю твой кароткі ліст, / Які, як парастак нязломны, / Прабіўся з нашага калісь / У дзён цяперашніх улонне* («Было расстанне»); 3) адасабляе «я» ад «ты» экзистэнцыяльным дзеясловам *быць* з семай мройнасці: *Быў. / І не было* («Ты»); 4) набліжае «я» і «ты» перфектам *знайшла*: *І вось знайшла... Я ўсё ж Цябе знайшла?!* («Я ўсё жыццё сваё Цябе шукала...»); 5) рэалізуе дыялектыку адносін «я» і «ты» праз паралелізм супрацьпастаўленняў: *Усё было: і сон, і парыванне, / Высокі ўзлёт, і марнасці сіло, / І нараканне, і самаз'яднанне* («Усё было: і сон, і парыванне...»). Найбольш асіметрычным з'яўляецца сярэдні кампанент – *цяперашняе*, паколькі эксплікуе семы кахання і ростані. У параўнальным аспекце парадыгма рэпрэзентантаў семы кахання большая, чым семы ростані. Так, эксплікацыя семы 'каханне' адбываец-

ца: 1) праз творны аб'яднання: *Вы са мной* («Я з Вамі развіталася»); 2) праз прэдыкат эмацыянальнага стану: *А ты ўсміхаешся шчасліва* («Як мне прывыкнуць да самой сябе...»); 3) эффект падманутага чакання: *І раптам – ТЫ!..* («Ты»); 4) праз суб'ектна-аб'ектныя адносіны з пераходным дзеясловам: *Я люблю цябе* («Я люблю цябе...»); 5) праз архісему 'моцнае пачуццё' ў канструкцыях са злучнікам *і*: *Ты ўсё, усё мне, / Ўсё на свеце: / І кліч жыцця, / І прага смерці* («Сугучча»); 6) праз аднастаўныя пэўна-асабовыя сказы з прэдыкатамі адносінаў блізкасці: *Цалую распрамененыя вочы, / Гарнуся ўсёй істотай пад крыло* («Страх»); 7) праз паўтор зваротка: *Любы мой, любы мой, любы мой!* («Не люблю тэлефонных размоў...»); 8) праз ужыванне звароткаў з нарастальнай градацыяй: *Найблізкі мой, мой чуд, маё ж ты свята, любоў мая; мой валадар, мой скарб неверагодны!* («Шчыmlівае»); 9) праз прыналежныя канструкцыі: *Жыццё мяне любіць, / Тваёю істотай вітае-галубіць, / Тваімі вачамі ўзіраецца ў вочы, / Тваімі рукамі абняць мяне хоча, / Тваёй пальмянаю думкай вартуе* («Ці трэба было?»). Эксплікацыя семы 'ростань' адбываецца праз генітыў: *А мне ўсё лепей без цябе* («Без цябе»).

Сэнсавая апазіцыя «святло – цемра»

Кампаненты апазіцыі «святло – цемра» вербалізуюцца сіметрычным і асіметрычным размяшчэннем слаёў «прадметнай сімволікі» і інтраспекцыі, а таксама ўзаемапранікненнем гэтых слаёў. Сіметрыя актуалізуецца агульнасцю семы 'гармонія' ў прэдыкатывах станоўчай ацэнкі і іменных прэдыкатах: *У мяне ўсё добра, ціха, ясна. / Гэткі ж ясны і спакойны дзень* («Неспакой»). Узаемапранікненне слаёў выражаюць разнастайныя трапеічныя сродкі з інтэнцыяй лірычнага «я»: *самыя шчаслівыя світанкі; пазбіраю ў жменю смутку зёрны* («Зноўку ноч цыганкай каля ганка...»); *не хмарцеся, юныя дні!* («Усё паўтараецца»); *Каб у небе кожнай крывінкі маёй / Неўціхана спявалі / Жаваранкі пшчоты* («Жаваранкі пшчоты»); *Ідзём праз лёс, нібы праз лес* («Кагосьці версты разлучаюць...»); *Твае беды разыдуцца ў ветры, / Нібы гэтыя хмары* («Распагодзіцца! Распагодзіцца!...»); *Жыву без цябе, як без лесу бяроза на ўзгорку* («Чакаю цябе...»). Неабходна звярнуць увагу на

ролю творнага склону ў збліжэнні прыроднага і чалавечага. Пры яго разглядзе ў паэтычным тэксце С. Н. Бройтман вылучае від параўнання, выражаны творным пераўтварэннем, або метамарфозы, пры якім лірычны герой становіцца самой прыродай, светам [3, с. 570; 4, с. 133]. У Н. Мацяш творны склон садзейнічае збліжэнню абстрактных паняццяў духоўнасці з прыроднай з'явай: *Ітая шчырасць, спогадзь і пшчота, / Чым пераможна багацелі мы, / Шуміць бяссмертна весняю лістотай / На стромым дрэве нашае зімы!* («Немінальнасць»). Творны склон кантрастуе з месным пачуцця-лакатыву бінарнай генітыўнай метафары на дрэве зімы, што садзейнічае аксюмаранаму ўспрыманню вобраза кахання адначасна з холадам зімы і весняй лістотай. Асіметрычнае размеркаванне слаёў прадметнага і інтраспектыўнага свету вербалізуюць супрацьпастаўленні месны прыроднага – месны лірычнага «я» (над зямлёю – ува мне), апоўначы – ранне: *Над зямлёю ледзьведзь світае, / А ўва мне і апоўначы – ранне* («Ранне»). У вершы «Вясёлка» заглавак у сінанімічных адносінах перасякаецца з унутраным светам лірычнага «я» праз прэдыкатывы: *Ціхамірна і соладка на сэрцы трывушчым і ў антанімічных адносінах – з пейзажам: набракляя, шызыя, золкасць.* Збліжэнне прыроднага і чалавечага, святла душы і цемры свету эксплікуецца рэляцыйнай структурай з акалічнасцямі адносінамі: *За ўсё лета ні разу вясёлкі не бачыла – / Аж цяпер вось у небе асеннім заграла!..*, пры гэтым «здымаецца» апазіцыя *рэальнае/нерэальнае*: адсутнасць вясёлкі на небе – прысутнасць вясёлкі як кахання ў лірычным «я».

Сэнсавая апазіцыя «жыццё – смерць»

Эксплікацыя апазіцыі «жыццё – смерць» у Н. Мацяш адбываецца на ўзроўні кахання, а таксама асэнсавання вайны і міру. Паэтычную мадэль кахання ствараюць паралельныя канструкцыі, у якіх антонімы *хвіліна – вечнасць, з табой – без цябе* збліжаюцца архісемай 'каштоўнасць', узмацнёнай семантыкай дзеясловаў *жыць, даражыць* («Ёсць адзінае выйсце – жыць...»). Іх гукавое падабенства садзейнічае сэнсавому перасячэнню жыцця з каханнем. У кампаненце *жыццё «я» і «ты»* зліваюцца, прычым актыўную ролю ў гэтым адыгрывае

суб'ект «я»: перфект адзіночнага ліку *ўра-сла* прадвызначае перфектную форму множнага ліку *зрасліся*. Антытэза *мір – вайна* апазіцыі «*жыццё – смерць*» уключае супрацьпастаўленні *неба сінь, Радасць Безаглядная – дот, мёртвае зелле, крываўнік*, узмоцненыя аспектуальнасцю з рэпрэзентацыйнай працягласці жыцця *цвіла, ішла* і яго раптоўнага заканчэння *заступіў* («Строма»).

Сэнсавая апазіцыя «цяпло – холад»

Апазіцыя «*цяпло – холад*» рэалізуе ў Н. Мацяш паслядоўнае размеркаванне слаёў «прадметнай сімволікі» і інтраспекцыі. Прамы парадак слоў пейзажнага слога падкрэслівае значнасць суб'екта-дзейніка, інверсійны парадак слоў унутранага плана акцэнтуюе ўвагу на прэдыкаце эмацыянальнага стану: *Снег упаў на голле залатое – І шчыміць разгублена душа* («Снег упаў на голле залатое...»). У гэтай апазіцыі рэляцыйная пара «я» – «ты» адасабляецца ў прэзенсе: лірычнае «я» фарміруе вакол сябе кантрасны свет цяпла і холаду. «Я» не зліваецца з «ты», а толькі сузірае яго, ацэньвае праз прыналежную канструкцыю: *А мне ў тваіх вачах цвіце сланечнік* («Маналог сланечніку, твае вочы і я»). Зліццё «я» і «ты» эксплікуюць футуральныя індывідуальныя *будзем, выбавіць, здзейсніць: Што будзем, будзем разам мы, / Што лета нашага каханьня / Навек нас выбавіць з зімы* («Ластаўчыны бераг»), *Што нас нявыказнае здзейсніць* («Снягі абложныя прадвесне...»), супрацьпастаўленыя імперфектным формам адасаблення з семантыкай надзеі на лепшае: *Мне твой воблік свяціў цеплавокі* («Мост»), цяперашняму адасаблення: *Не спяшаешся адгукацца* («Што пакінем») і пошуку: *На выдажджаным узмежку / Шукаю тваю усмешку* («Шукаю ўсмешку»). Тым не менш, у семантыцы будучага ўсё роўна прысутнічае кантрасны вобраз каханьня: *Снягі абложныя прадвесне / Пратне травіначкі лязом, / І свет наш прадаўжальна змесціць / Паміж усмешкай і слязой, / І зноў панітавана будзе / Вяселька траўня і слата* («Снягі абложныя прадвесне...»), дзе злучнік і дазваляе сінанімізаваць супрацьпастаўленні *ўсмешка – сляза, вяселька траўня – слата* ў архісеме 'моцнае пачуццё'.

Сэнсавая апазіцыя «многа – мала»

Інтраспектыўны план становіцца асновай сэнсавай апазіцыі «*многа – мала*» Н. Мацяш і звязваецца з рэляцыйнай парай «я» – «ты». Кампанент *многа* выяўляе асіметрыю праз эксплікацыю мноства ў словазлучэннях *акіян тугі, тысяча пустынь, тысяча надзей* з канататывунай семай тугі, падмацаванай перфектам *правеславала, перабрыла, пахавала*, і імплікацыю, тым не менш, унутранай спустошанасці адасобленага «я». Напаўненне лірычнага «я» адбываецца праз дзяслоўную форму *знайшла* і займеннік *Цябе* з вербалізацыйнай прадчування шчасця, якое ў праспекцыі верша перасякаецца з цяперашнім «ты» – ужо рэпрэзэнтантам кампанента *многа* з інклюзіяй вершу і нізу: *Цяпер Ты ўсё мне: і мой дол, і высі* («Я ўсё жыццё сваё Цябе шукала...»). У сэнсавых і эмацыянальна-экспрэсіўных адносінах найбольшую значнасць для лірычнага «я» набывае кампанент *мала* ў экспліканце-займенніку *ты*: *Пакуль між трох мільярдаў на Зямлі ты / Адзіны мне, і я ў цябе – адна* («Не ў Рым вядуць дарогі...»), які, аднак, імплікуе вялікую жыццядаўнюю сілу каханьня.

Заклучэнне

Разгляд ключавых сэнсавых апазіцый паэтычнага дыскурсу Ніны Мацяш «*жыццё – смерць*», «*святло – цемра*», «*цяпло – холад*», «*мінулае – будучае*», «*многа – мала*» сведчыць пра дынаміку камунікатыўнай прасторы мастацкага тэксту праз супастаўленні і супрацьпастаўленні, якія не супадаюць з узуальнымі. Гэта садзейнічае актыўнай інтэрпрэтацыйнай дзейнасці рэцыпіента, накіраванай на мадэляванне ідыястылю. Улік паслядоўнага паралелізму паэтычных твораў Ніны Мацяш паказвае, як у супастаўленні і супрацьпастаўленні ўдзельнічаюць разнастайныя граматычныя катэгорыі, займеннікі, сінтаксічныя адзінкі. Кампазіцыйна-моўны прыём кантрасу рэалізуецца не на ўзроўні лінейнага размяшчэння моўных адзінак, а на парадыгматычным узроўні, праз пэўныя тэкставыя сегменты. У выніку такога падыходу эфект супастаўлення і супрацьпастаўлення набывае разнастайныя формы эксплікацыі, паколькі нормы паэтычнай мовы валодаюць менш выражанай імператывунасцю ў параўнанні з нормамі практычнай мовы. Паэтычная семантыка

вершаў Ніны Мацяш знаходзіць цесную сувязь з граматыкай у асаблівасцях функцыянавання граматычных катэгорый, у характары ўжывання часцін мовы, звязаных з пазнавальнай пазіцыяй лірычнага героя. Рэалізацыя сэнсавых апазіцый у Ніны Мацяш адбываецца не толькі праз лексічны су-

працьпастаўленні, а і праз апазіцыі займеннікаў, граматычных катэгорый склону, часу, якія пранікаюць у лірычныя суб'екты. Гэта дазваляе зразумець вызначальную ролю лексіка-граматычных сродкаў у стварэнні індывідуальна-аўтарскага стылю і наладжанні кантакту паміж аўтарам і чытачом.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Сухомлинова, Ю. А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. А. Сухомлинова ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2005. – 18 с.
2. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
3. Бройтман, С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» / С. Н. Бройтман. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – 608 с.
4. Бройтман, С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики / С. Н. Бройтман. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 485 с.

REFERENCES

1. Sukhomlinova, Yu. A. Binaryje oppozicii v tvorchiestvie Andrieja Platonova : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01 / Yu. A. Sukhomlinova ; Samar. gos. pied. un-t. – Samara, 2005. – 18 s.
2. Lotman, Yu. M. Struktura khudozhestviennogo tieksta. Analiz poetichieskogo tieksta / Yu. M. Lotman. – SPb. : Azbuka : Azbuka-Attikus, 2016. – 704 s.
3. Brojtman, S. N. Poetika knigi Borisa Pasternaka «Siestra moja – zhizn'» / S. N. Brojtman. – M. : Progress-Tradicija, 2007. – 608 s.
4. Brojtman, S. N. Poetika russkoj klassichieskoj i nieklassichieskoj liriki / S. N. Brojtman. – M. : Ros. gos. gumanitar. un-t, 2008. – 485 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.10.2021

УДК 81'36

Евгения Александровна Дымова

*ст. преподаватель каф. русского и белорусского языков
Гродненского государственного медицинского университета,
соискатель 2-го года обучения каф. русской филологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*

Evgeniya Dymova

*Senior Lecturer of the Department of the Russian and Belarusian Languages
of Grodno State Medical University,
Applicant of the 2nd Year of Study at the Department of Russian Philology
of Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: evgeniya.dymova@gmail.com*

НОМИНАТИВНЫЕ РЯДЫ ГЛАГОЛОВ С СЕМАНТИКОЙ НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ТЕКСТЕ

Статья посвящена проблеме изучения словообразовательного значения и механизмов его выражения. Проведен анализ деривационных отношений, характеризующих номинативные ряды глаголов со значением начала действия. При исследовании деривационных словосочетаний с семантикой начинательности автор обращается к теории деривационной грамматики, которая базируется на описании эквивалентных по семантике родственных единиц смежных уровней – производных слов и словосочетаний в деривационной функции. Представляется актуальным анализ структуры словообразовательной семантики различных типов префиксальных производных глаголов и их дискретных соответствий с деривационно родственными компонентами. При анализе деривационных словосочетаний – аналогов производных глаголов – дается характеристика деривационных глагольных и именных компонентов.

Ключевые слова: словообразовательное значение, теория деривационной грамматики, номинативный ряд, способ глагольного действия.

Nominative Series of Verbs with the Semantics of the Inchoactive in the Language System and in the Text

The article is devoted to the problem of studying the word-formation meaning and the mechanisms of its expression. The author analyses the derivational relations that characterize the nominative series of verbs with the meaning of the beginning of the action. In the study of derivational phrases with the semantics of the inchoactive, the author turns to the theory of derivational grammar, which is based on the description of semantically equivalent related units of adjacent levels – derived words and phrases in the derivational function. It is relevant to analyse the structure of word-formation semantics of various types of prefixal derivatives of verbs and their discrete correspondences with derivation-related components. When analysing derivational phrases-analogues of derived verbs, the characteristic of derivational verbal and nominal components is given.

Key words: word-formation meaning, theory of derivational grammar, nominative series, method of verbal action.

Введение

Исследование структуры словообразовательной семантики и языковых средств ее выражения является одним из центральных в дериватологии направлений научных исследований. Одним из действенных способов интерпретации семантики производных единиц считается приведение его семантической перифразы, которая в большин-

стве случаев может соответствовать словарной дефиниции или ее фрагменту. Как считает Е. С. Кубрякова, «примером простейшего номинативного ряда является объединение слова и его дефиниции» [1, с. 27]. Исследование различных объединений родственных единиц, фрагментов словообразовательных гнезд – словообразовательных парадигм, цепочек, ограниченных определенными параметрами деривационных полей [2, с. 3], в частности начинательности, позволяет более детально понять специфику деривационного потенциала той или иной подсистемы русского языка. Подобно сло-

---

Научный руководитель – Алексей Васильевич Никитевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

вообразовательному гнезду, которое как объединение родственных слов есть «модель построения, модель реализованной комбинаторики аффиксов» [3, с. 129], номинативный ряд как объединение единиц различной структуры также характеризуется всеми присущими признаками модели, и типология коррелятивных деривационных сочетаний целиком зависит от структурно-семантических особенностей соответствующих производных слов.

Одним из центральных словообразовательных значений, характеризующих совершение действия во времени, является значение начала действия. Объектом нашего исследования являются номинативные ряды глаголов с семантикой начинательности, основанные на взаимодействии эквивалентных по семантике родственных единиц смежных уровней (производных слов и словосочетаний в деривационной функции).

Предмет исследования – деривационные отношения, характеризующие номинативные ряды глаголов начинательного способа действия.

Цель исследования – выявление основ взаимодействия (или невзаимодействия) родственных единиц различной структуры (производных глаголов и коррелятивных им словосочетаний) со значением начала действия.

Номинативные ряды глаголов, представляющих «инхоативную» начинательность

Среди глаголов, обозначающих начало действия, многочисленны и широко употребительны глаголы с префиксом *за-*. По мнению Е. А. Земской, «приставка *за-* – почти универсальное средство в русском языке для обозначения начала длительного действия» [4, с. 9]: *забегать, заговорить, запеть, зарыдать, затосковать, заходить, задвигаться, зашуметь, застучать, зазвонить, закричать* и т. д. Следует заметить, что несмотря на то что в большинстве случаев словари фиксируют в качестве коммуникативного эквивалента данным глаголам словосочетание с деривационным компонентом *начать*, в Национальном корпусе русского языка встречаются и другие аналитические аналоги производным глаголам, представляющим инхоативную начинательность. К примеру, в текстах широко распространены словосочетания с деривационным

компонентом *стать*: *запеть – стать петь, заговорить – стать говорить, забегать – стать бегать* [5], причем зачастую словосочетания в деривационной функции с деривационным компонентом *стать* являются более употребительными по сравнению со словосочетаниями с глаголом *начать*. Сравним: *начать петь* встречается 338 раз, а *стать петь* – 358; *начать говорить* – 3 079, *стать говорить* – 5 115; *начать бегать* – 181, *стать бегать* – 297 [5].

Особого внимания заслуживают случаи исключительно аналитического выражения начинательности. К примеру, глаголы *бороться, переписываться, воевать, пререкаться* и др. не могут выразить начало названных процессов аффиксальным способом. Эта неспособность компенсируется в языке наличием словосочетаний с инфинитивами *начать* и *стать*, а также номинациями *подняться на борьбу, завязать переписку, завести переписку, организовать переписку, создать переписку, развязать войну, вступить в пререкания*. По сравнению с инфинитивными рассматриваемые словосочетания в деривационной функции более информативны. Их значения не сводятся к указанию фазы либо состояния, названного именным компонентом, а содержат дополнительные семантические признаки. Основным критерием для отнесения рассматриваемых словосочетаний к деривационным в широком понимании является разнофункциональность их компонентов. По мнению А. В. Никитевича, «в имени существительном заключено логико-предметное содержание словосочетания, им определяется его номинативное значение. Глагольный компонент является прежде всего структурным оформителем словосочетания, выразителем его грамматических значений» [6, с. 140]. То есть на уровне лексической семантики глаголы, которые выступают как компоненты данных словосочетаний, являются частично или полностью десемантизированными и указывают на начальную фазу процесса, названного именованным компонентом: *перейти в наступление – начать наступать, стать наступать; поднять крик – начать кричать, стать кричать, закричать* и т. д. Глагольные компоненты являются выразителями фазовой характеристики процесса, названного именной частью словосочетания, т. е., являясь лексиче-

скими единицами, они выполняют функцию, аналогичную функции словообразовательных морфем (*поднять лай – залаять, вступить в спор – заспорить* и т. п.). Поэтому подобные словосочетания можно квалифицировать как словосочетания в деривационной функции – аналитические составляющие большинства глагольных номинативных рядов.

В качестве именного компонента словосочетаний в деривационной функции, как правило, выступают отвлеченные имена существительные, называющие различные действия и состояния в широком понимании. В сочетании с такими существительными многие глагольные компоненты выражают фазу процесса. В сочетании же с конкретными именами существительными фазовая функция им не свойственна. Сравним: *открыть стрельбу* и *открыть дверь, подняться на борьбу* и *подняться на гору* и т. п. Однако в роли именного компонента некоторых словосочетаний могут выступать и конкретные имена существительные, называющие предметы, которые тесно связаны с действием: *взяться за лопату* – ‘начать копать’.

Следует также отметить случаи совмещения значений начинательности и становления. Этим характеризуются словосочетания с глагольными компонентами *входить* и *вступать*: *входить в контакт, входить в оборот, вступать в противоречие, вступать в конфликт*.

Номинативные ряды глаголов, представляющих «ингрессивную» начинательность

Специфика значения ингрессива заключается в том, что начало и продолжение действия составляют единое целое. Наиболее многочисленной группой глаголов с этим значением являются глаголы с префиксом *по-*: *побежать, подуть, побрести, повести, повеять, погнаться, покатить, полететь, понести, поплестись, поплыть* и т. д. Такие глаголы не коррелируют со словосочетаниями с глагольным компонентом *начать*. Целый ряд глаголов с префиксом *по-*, обладающих ингрессивным значением, вообще не соотносится с родственными словосочетаниями в деривационной функции: *побрести, поплестись, попробовать, подумать* и др. Однако среди глаголов с пре-

фиксом *по-* есть глаголы, коррелирующие с деривационными словосочетаниями модели *начать делать*. Следует отметить, что случаи употребления подобных словосочетаний в деривационной функции встречаются крайне редко, некоторые словосочетания – в единичных случаях. Сравним: *поплыть* – 4 727, *начать плыть* – 15; *побежать* – 24 017; *начать бежать* – 11; *полететь* – 9 725, *начать лететь* – 9 [5].

У некоторых глаголов с префиксом *по-*, имеющих значение начинательности, можно отметить дискретные соответствия с деривационно родственными именами: *побежать* – *обратиться в бегство*, *пожелать* – *высказать пожелание, выразить пожелание, попытаться* – *предпринять попытку, попросить* – *обратиться с просьбой*. Анализируя аналитические номинации с глагольным компонентом *начать* в составе номинативных рядов, необходимо отметить значимость аналитических составляющих, которые в ряде случаев являются единственным средством выражения значения начинательности: *побежать* и *начать быстро отступать* – $\emptyset$, *погнаться* и *начать преследовать* – $\emptyset$, *посыпаться* и *начать падать* – $\emptyset$ и др.

Номинативные ряды глаголов, представляющих начинательно-усилительный способ действия

Производные глаголы с акционсартной семантикой могут совмещать значения нескольких способов глагольного действия. Случаем такого совмещения значений является начинательно-усилительный способ глагольного действия, представленный глаголами модели *раз-...-ся*: *разговориться, развоеваться, раскричаться, разрыдаться, расплакаться, рассердиться, разбежаться*. В качестве деривационных соответствий таким глаголам, как правило, выступают словосочетания с глаголом *начать* и семантическим приращением, которое характеризует интенсивность действия: *разрыдаться* – *начать сильно рыдать, расшуметься* – *начать сильно шуметь, разбушеваться* – *начать сильно бушевать*. Помимо наречия *сильно* в качестве семантических приращений используются и другие лексические показатели интенсивности: *разрыдаться* – *начать сильно (неутешно, безудержно, бурно, громко, неудержимо, горько, судорожно,*

истерически) рыдать; расплакаться – начать сильно (громко, навзрыд, неутешно, горько, плакать); разнервничаться – начать сильно (заметно, явно) нервничать.

Следует подчеркнуть, что сочетание нескольких значений в семантике таких производных глаголов, как глаголы начинательно-усилительного способа глагольного действия, приводит к усложнению структуры соответствующих словосочетаний в деривационной функции. Компоненты *сильно, безудержно, явно, неудержимо, неутешно* и им подобные вне зависимости от степени лексичности становятся обязательными семантическими приращениями в составе деривационных соответствий.

Вследствие взаимодействия именных и глагольных компонентов деривационно-родственных единиц в составе номинативных рядов глаголов начинательно-усилительного способа действия можно отметить парадигму самых различных типов словосочетаний в деривационной функции: *разговориться – вступить в разговор, постепенно увлечься разговором, стать разговорчивым; разбушеваться – начать сильно бушевать, стать бушующим; раскричаться – начать сильно кричать – поднять сильный (такой, страшный, громкий, отчаянный, дикий, невообразимый, истошный, оглушительный) крик; развоеваться – начать усиленно воевать, вести себя воинственно; разволноваться – начать волноваться – прийти в волнение.*

Как видно, в составе словосочетаний в деривационной функции выступают не только производящие глаголы, но и отглагольные имена (*разговор, крик, волнение*), наречия (*воинственно*), имена прилагательные и причастия (*разговорчивый, бушующий*). Нельзя не отметить разнообразия семантических приращений как в составе словосочетаний с глаголом *начать*, так и в других типах деривационно-родственных словосочетаний с начинательно-усилительным значением.

Номинативные ряды глаголов, представляющих начинательно-результативный способ действия

Значение начинательности в сочетании со значением интенсивности может выражать ряд производных глаголов с префиксами *вз-/взо-, вз-(вс-), воз-(вос-)*: *взволно-*

ваться, взвыть, взреветь, вздумать, вспылить, встревожить, взвизгнуть, встрепетунуться, вспомнить, вскружиться, взмолиться, вспугнуть, взговорить, возгордиться, возжечь, возлюбить и т. д. Многие производные глаголы с префиксами *воз-/вос-, вз-/вс-* относятся к устаревшим и, как правило, в текстах встречаются редко. Следует отметить, что ограниченность префиксальных производных глаголов в выражении начинательного значения с оттенком интенсивности может компенсироваться дискретными аналитическими соответствиями. Сравним, к примеру, частоту употребления производных глаголов и соответствующих им словосочетаний в деривационной функции: *возговорить* – 106 раз, *взговорить* – 27 и *начать говорить* – 2 850 раз, *сказать вдруг* – 2 554. Так, «фактор межуровневого взаимодействия в границах номинативного ряда может оказаться решающим как в преодолении морфологической недостаточности, так и в реализации тех или иных, изначально заданных языковой системой, частных сем аспектуальности» [6, с. 72].

Характерно, что показатели интенсивности действия (например, *сильно: встревожиться – начать сильно тревожиться; злоеций: взреветь – издать злоеций рев* и т. п.) редко присутствуют в составе словарных дефиниций. Однако в текстах наблюдается разнообразие семантических приращений, передающих значение интенсивности и привносящих дополнительные оттенки в значение соответствующих словосочетаний в деривационной функции: *взговорить/возговорить – начать восторженно (возбужденно, наперебой, быстро, напряженно, отрывисто) говорить; восчувствовать – начать вдруг (уже, снова, сильнее, живее) чувствовать; возненавидеть – почувствовать жгучую (бешеную, удушливую, непримиримую, особенную, решительную) ненависть, проникнуться лютотой (удивительной, чрезвычайной, такой) ненавистью* [5].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на разнообразие показателей интенсивности в составе деривационных словосочетаний, многие производные глаголы с начинательно-результативным значением в качестве дискретных соответствий имеют характерные для всех начинательных глаголов типы словосочетаний в деривационной функции:

возгордиться – начать гордиться, стать гордым; вознегодовать – почувствовать негодование; возрыдать – заплакать навзрыд, вострепетать – начать трепетать.

С другой стороны, существуют и факты исключительно синтетического представления начала действия: *вздумать – ∅, вспылить – ∅, возжечь – ∅, возликовать – ∅.*

Заключение

На основе анализа номинативных рядов глаголов со значением начинательности, основанных на взаимодействии эквивалентных по семантике родственных единиц смежных уровней (производных слов и словосочетаний в деривационной функции), можно сделать следующие выводы.

Инхоативное значение помимо глаголов с префиксом *за-* может быть выражено деривационными словосочетаниями с глагольными компонентами *начать, стать* и словосочетаниями в деривационной функции с родственными производящему глаголу именами. Особого внимания заслуживают случаи исключительно аналитического выражения начинательности.

Наиболее многочисленной группой глаголов с семантикой игрессива являются глаголы с префиксом *по-*. Целый ряд подобных глаголов вообще не соотносится с родственными словосочетаниями в деривационной функции.

Производные глаголы с акционсартной семантикой могут совмещать значения

нескольких способов глагольного действия. Случаем такого совмещения значений является начинательно-усилительный способ глагольного действия, представленный глаголами модели *раз-...-ся*. В качестве деривационных соответствий данным глаголам, как правило, выступают словосочетания с глаголом *начать* и семантическим приращением, характеризующим интенсивность действия. В составе номинативных рядов глаголов начинательно-усилительного способа действия можно отметить парадигму самых различных типов словосочетаний в деривационной функции.

Значение начинательности в сочетании со значением интенсивности может выражать ряд производных глаголов с префиксами *вз-/(взо-), вз-(вс-), воз-(вос-)*. Ограниченность префиксальных производных глаголов в выражении начинательного значения с оттенком интенсивности может компенсироваться дискретными аналитическими соответствиями.

Таким образом, значение начинательности является очень востребованным в языке, что находит выражение в системе самых различных типов номинативных рядов. Весьма ощутимой является тенденция к аналитизму, что приводит к появлению различных типов словосочетаний в деривационной функции как аналитических аналогов производных глаголов с семантикой начинательности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова, Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц / Е. С. Кубрякова // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji : materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów* / Е. С. Кубрякова. – Katowice : Gnome, 2000. – S. 24–31.
2. Никитевич, А. В. Деривационное поле деятельности в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. В. Никитевич. – М., 1990. – 23 с.
3. Никитевич, А. В. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования / А. В. Никитевич // *Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина)* : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2016. – С. 125–130.
4. Земская, Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке / Е. А. Земская // *Исследования по грамматике русского литературного языка* : сб. ст. / под ред. Н. С. Поспелова, Н. Ю. Шведовой. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 5–41.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 24.06.2021.
6. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.

REFERENCES

1. Kubriakova, Ye. S. O raznostrukturykh jedinicakh nominacii i miestie proizvodnogo slova sriedi etikh jedinic / Ye. S. Kubriakova // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji : materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów / E. C. Кубрякова. – Katowice : Gnome, 2000. – S. 24–31.
2. Nikitievich, A. V. Dierivacionnoje polie diejatel'nosti v russkom jazykie : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 / A. V. Nikitievich. – M., 1990. – 23 s.
3. Nikitievich, A. V. Slovoobrazovatel'noje gniezdo kak objekt lingvistichieskogo modelirovanija / A. V. Nikitievich // Nauchnoje nasledije B. N. Golovina v svietie aktual'nykh problem sovriemennogo jazykoznanija (k 100-letiju so dnia rozhdienija B. N. Golovina) : sb. st. po materialam Miezhdunar. nauch. konf. – N. Novgorod : DEKOM, 2016. – S. 125–130.
4. Ziemskaja, Ye. A. Tipy odnovidovykh pristavochnykh glagolov v sovriemennom russkom jazykie / Ye. A. Ziemskaja // Issliedovanija po grammatike russkogo literaturnogo jazyka : sb. st. / pod ried. N. S. Pospelova, N. Yu. Shviedovoj. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – S. 5–41.
5. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://rus-corpora.ru>. – Data dostupa: 24.06.2021.
6. Nikitievich, A. V. Russkij glagol v sostavie nominativnykh riadov : monografija / A. V. Nikitievich. – Grodno : GrGU, 2004. – 347 s.

Рукапіс нацмуніў у рэдакцыю 29.09.2021

УДК 811.581'37+811.581'35

Надежда Васильевна Михалькова*канд. филол. наук, доц., доц. каф. теории и практики китайского языка
Минского государственного лингвистического университета***Nadzeya Mikhalkova***Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the Chinese Language
of the Minsk State Linguistic University
e-mail: nadezhdakr@yandex.ru***СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПОДСИСТЕМЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
С ДЕТЕРМИНАТИВОМ «Рот 口»**

Анализируется структурно-семантическая организация иероглифической подсистемы производных знаков китайского языка с детерминативом – соматизмом «рот 口». Определяется состав, построение и структура инвентаря входящих единиц. Устанавливается набор признаков, детерминирующих организацию иероглифического гнезда китайского языка. Путем выявления релевантных семантических характеристик конститuentов подсистемы производных знаков с детерминативом – соматизмом «рот 口» определяется влияние установленных признаков на формирование разных семантических областей номинируемых иероглифами с детерминативом «рот 口» явлений в китайском языке.

Ключевые слова: *иероглифика, китайский язык, семантика, детерминатив, структура.*

***Structural and Semantic Organization of the Subsystem of the Chinese Characters
with the Radical «口 Mouth»***

One of the largest subsystems of Chinese characters with the radical «口 Mouth» is analyzed in the article. The composition of the system of incoming units is determined, the semantic characteristics of the constituents of these subsystems are revealed, the set of features that determine the organization of the character subsystem in the Chinese language is established.

Key words: *characters, the Chinese language, semantics, radical, structure.*

Введение

В основе формирования китайской письменности, несмотря на тысячелетнюю историю эволюции и многочисленные попытки реформ (в т. ч. латинизации) [1; 2], лежат два базовых принципа построения знаков: идеографический и фонетический.

Ввод фонетической части иероглифа, обусловленный необходимостью и удобством в передаче звуковой оболочки знака, не вызывает вопросов и является в определенной степени доказательством значимости возможного будущего перехода к звукобуквенному письму [1]. В свою очередь, семантическая часть иероглифа представляет собой серьезное препятствие этому процессу, поскольку отражает специфику и величайшее национально-культурное наследие китайского народа, а также дает уникальную возможность современным поколениям исследователей путем глубокого анализа идеографических и фоно-идеографических элементов [3–6] устанавливать значимые

для носителей китайского языка характеристики объективной действительности.

Несмотря на то что в состав иероглифов может входить идентичный смысловой компонент-детерминатив, отражаемые им свойства в производных знаках различаются, что обуславливает особую структурно-семантическую организацию подобных подсистем.

В данной работе путем выявления семантических групп иероглифов, объединенных одним и тем же смысловым элементом-детерминативом, определяется степень релевантности мотивировочных признаков, предопределяющих выбор иероглифической знакообразующей основы – детерминатива. Это позволит разработать иной принцип анализа и интерпретации организации иероглифической системы письма, что имеет несомненную теоретическую и практическую значимость как для общего языкознания, так и для обучения китайскому иероглифическому письму.

Материалом исследования стали иероглифические знаки, в состав которых входит один из самых частотных детерминативов китайского языка – соматизм «рот 口» [7]. Инвентарь производных иероглифов с детерминативом-соматизмом «рот 口» составил 1 146 единиц, что и стало объектом данного исследования.

Результаты исследования и их об- суждение

Детерминатив «рот 口» в иероглифической системе китайского языка участвует в образовании знаков, которые семантически могут формировать подсистемы единиц, номинирующих различные области окружающей человека действительности, например, обозначения материальных продуктов труда, элементов природы, лиц, напитков, частей тела, симптомов болезней, музыкальных инструментов, звукоподражания и др.

Самой распространенной по числу таких единиц является семантическая группа «Звукоподражания» (12 % от общего числа иероглифических знаков с детерминативом «рот 口»). Поскольку выбор детерминатива в данном случае обусловлен физической способностью репрезентируемым органом издавать определенные звуки, релевантным семантическим признаком, детерминирующим выбор смыслового компонента, является источник звука. В данную группу могут быть отнесены такие оноματοпоэтические слова, как, например, 嘤 (подобие лепету птиц, ребенка, скрипу), 呜 (звук плача, печали; гудок), 呀 (скрип, карканье), 呱 (кваканье, кряканье), 咔 (щелчок), 唳 (крик птицы), 吡 (бум!, бах!), 哄 (крик, рев, шум), 哞 (звук лошади *u-go-go*), 哂 (смех), 咄 (звукоподражание звукам угрозы), 咩 (блеяние овец *be-be-be*), 咔 (звукоподражание щелчку) и др. (12 %).

Признак источник звука является также ведущим при номинации с помощью детерминатива «рот 口» симптомов болезней, например, 嗽 (кашель) (8 %), различных духовых музыкальных инструментов (笛 древний музыкальный инструмент, род окарины, 器 (музыкальный инструмент), 叭 (труба)) (7 %). При этом не во всех иероглифах, обозначающих музыкальные инструменты, релевантным при выборе детерминатива яв-

ляется признак – источник звука; сравним: 笛 (флейта), где значимым будет признак материал, предопределяющий выбор детерминатива 竹 (竹) (бамбук).

В соматизмах 唇 (губа), 咙 (горло), 嗓 (глотка, гортань) включение детерминатива «рот 口» в иероглифические знаки обусловлено релевантностью признака составляющая часть (мероним), при этом иероглиф-холоним также содержит данный детерминатив, например, 囓 (рот, пасть), 嚼 (клюв) (семантический признак – объект).

Детерминатив «рот 口» функционирует также в качестве смыслового компонента в иероглифах, обозначающих различные космические и небесные объекты, например, 杳 (звезда) (7 %). При этом во многих номинациях происходит метафорический перенос, в частности, по форме, например, 嚼 (созвездие Лю (первое значение полисеманта – клюв)). В таких случаях выбор детерминатива обусловлен исключительно первым значением иероглифа. В некоторых единицах иероглиф подобран по фонетическому принципу, например, в топониме 吴 (уезд У (провинция Цзянсу, КНР)), в фонетических заимствованиях: 咖 (кофе), 啡 (кофе), 啤 (пиво) и др. (9 %). Однако следует отметить, что выбор в данном случае основан на фонетико-семантическом критерии, поскольку в каждом иероглифе (咖, 啡, 啤) имеет место детерминатив «рот 口», репрезентирующий семантический признак способ поглощения.

В семантическую область иероглифов-номинаций с детерминативом «рот 口» входят также обозначения лиц: например, 吏 (чиновник, служитель), 员 (офицер, служащий, должность), 哲 (мудрец), 嗣 (потомок, наследник) (10 %). В этой подсистеме выбор детерминатива обусловлен актуализацией разных признаков. В случае с иероглифом 吏 (чиновник, служитель) ученые склоняются к 史 как фонетику знака, семантически значимой частью является 人 – человек (семантический признак субъект), несмотря на то, что иероглифический словарь продолжает фиксировать «рот 口» в качестве детерминатива. Иная версия этимологии знака 吏 определяет две главные части графемы 史 – рука (внизу) и контейнер для

бамбуковых дощечек (верхняя область знака), детерминатив «рот 口», таким образом, репрезентирует определенное вместилище, в данном случае для письменных принадлежностей (семантический признак контейнер). В иероглифе 员 (офицер, служащий, должность) ведущий семантический признак – форма, поскольку «рот 口» символизирует некоторую область – круг, а 贝 (ракушка) – деньги [8; 9]. В иероглифе 哲 (мудрец) выбор детерминатива обусловлен релевантностью семантического признака источник. В то же время следует отметить, что в разные периоды развития письменности происходили модификации этого элемента, он заменялся на детерминатив 心 (сердце), актуализируя значимость другого признака. В иероглифе 嗣 (потомок, наследник) детерминатив указывает на важность процесса «говорить, отдавать приказ» (семантический признак инструмент).

В область рассматриваемой подсистемы также входят иероглифы-обозначения абстрактных сущностей, например, 喜 (счастье) (5 %). В данном знаке детерминатив «рот 口» связан со значением «петь», графема 口 располагается под графемой «барабан». Таким образом, «бить в барабан» и «петь» метафорически репрезентирует значение счастья и веселья (семантический признак – инструмент). Значимость признака инструмент как средство передачи звука находит отражение и в построении иероглифического знака 响 (эхо, отзвук).

В иероглифе 叶 (лист, листва), который может быть отнесен к семантической группе «элементы природы» (8 %), высоко-релевантен уже иной признак (дословно «лист на веточке дерева») – количество (единичность). Подчеркнем, что этот иероглифический знак является упрощенным, модифицированным вариантом сложной единицы 葉 (дерево + трава + поколение), где детерминативом является трава ++ (семантический признак – материал). Этот же признак (количество (единичность)) является ведущим при образовании иероглифов – счетных слов, например: 句 (стих, строка, фраза), 喱 (гран (аптекарская мера)), 咫 (ближкое расстояние, два шага), 各 (каждый).

Выбор детерминатива при построении иероглифических знаков китайского

языка предопределяется, таким образом, не описываемым им объектом, а разными его свойствами и признаками. Так, отнесение иероглифа 器 (сосуд, посуда) или 叭 (соломенный мешок) к подсистеме знаков с детерминативом «рот 口» обусловлено релевантностью семантического признака контейнер, который в данном случае является ведущим. Четыре графемы «рот 口» и графема 犬 (犾) (собака) репрезентируют четыре контейнера (множественность – родовое понятие) и субъект (собака), их опустошающий [8], при этом редупликация детерминатива отражает и подчеркивает идею множественности как репрезентанта категориального признака.

Самой распространенной по числу входящих в нее единиц является группа иероглифов с детерминативом «рот 口», описывающих различные действия и процессы (35 % от общего числа единиц). Данные процессы, характеризуют:

1) действия человека, например: 召 (звать, приглашать), 吊 (оплакивать), 吸 (вдыхать, курить), 吵 (шуметь, скандалить), 吹 (задувать, гасить (свечку)), 告 (говорить, объявлять), 含 (держаться, содержать), 呛 (поперхнуться), 吮 (сосать, высасывать), 吞 (глотать), 呻 (бормотать, стонать), 咋 (кусать, грызть, прикусить) и др.;

2) действия животных, например: 吠 (есть траву), 响 (кудахтать), 咬 (петь, выть, грызть), 唳 (пение (птиц)), 哮 (рычать, кричать), 唼 (клевать, изгрызть (о червях, насекомых)), 啸 (выть на (луну), рычать, реветь), 啁 (чирикать (о птицах)), 啮 (щебетать, петь (о птицах); щебетание), 喝 (пить), 嘤 (жужжать) и др.;

3) процессы, где субъектом действия являются природные объекты, например: 吹 (дуть (о ветре)), 响 (гремять (о громах)), 响 (звучать (о дожде), греметь), 喷 (выбрасывать, извергать (вулкан)) и др.

Подсистема описываемых иероглифами с детерминативом «рот 口» процессов, где субъектом деятельности выступает человек, связана общим набором признаков. Так, например, семантический признак источник является релевантным в сфере выбора детерминатива «рот 口» в иероглифах, описывающих информационные процессы

говорения (召 (звать, приглашать), 呻 (бормотать, стонать), 吵 (шуметь, скандалить), 告 (говорить, объявлять), 吼 (орать, вопить, галдеть), 嗥 (кричать, орать, звать), 噪 (шуметь, галдеть, кричать), 吡 (порицать, осуждать)) или выражающих эмоциональную оценку, например: 叹 (вздыхать, охать), 咽 (вздыхать, восторгаться), 哂 (смеяться про себя), 晒 (улыбаться, смеяться, насмехаться над кем-то) и др.

В иероглифах, репрезентирующих идею включения, актуализируется семантический признак контейнер: 含 (держат, содержать). Семантический признак способ поглощения находит отражение при выборе детерминатива «рот 口» в иероглифах, обозначающих процессы приема пищи, например, 吮 (сосать, высасывать), 吞 (глотать), 吃 (есть, кушать), 啖 (есть горстью, запихнуть в рот), 啖 (есть, поглощать, пожирать, питаться), 喝 (пить, есть (жидкую пищу)), 啖 (глотать), 嚼 (хлебать, глотать не жуя, глотать) и др. Примечательно, что иероглифы, именующие процессы хватания, сжимания зубами, также имеют в своем составе детерминатив «рот 口» (啣 – кусать, укусить; 咋 – кусать, грызть, прикусить; 嚼 – грызться, кусаться, скалить зубы; 嚼 – жевать, глодать, грызть; 咀 – жевать, пережевывать, разжевывать), а не смысловой компонент «зуб 牙». Отметим, что детерминатив «зуб 牙» входит в состав всего 23 иероглифов (включая устаревшие варианты) [9]. Например, 掌 (подпирать) – единственный из 23-х иероглифов, функционирующий в современном китайском языке с детерминативом «зуб 牙». Детерминатив «зуб 牙» является этимологически первым смысловым компонентом в данном иероглифе, последующие этапы развития письменности демонстрируют модификацию этого элемента, замену его на 止 (стопа, нога; стоять) или 手 (рука), репрезентируя релевантность иных признаков. Следовательно, свойство устойчивости, твердости и крепости в зависимости от экстралингвистических оснований связывалось с разными характеризующимися им объектами. Варьирование детерминативов, таким образом, может происходить (при неизменности ведущего признака) путем выбора из системы объектов

тот, который наиболее ярко и точно в данный момент его репрезентирует [10]. Вместе с тем может также происходить трансформация самого признака: опора-крепость (牙 (зуб) / 手 (рука) / 止 (стопа, нога; стоять)) – способ приема пищи (口 (рот)).

Иероглифы – номинации процессов, где субъектом описываемого действия выступает животное, также включают в свой состав детерминатив «рот 口». При этом актуализируются те же семантические признаки, которые являются ведущими при построении знаков – обозначений действий с субъектом человек, например: 啖 (есть траву), 啖 (клевать, изгрызть (о червях, насекомых)), 喝 (пить) (семантический признак – способ поглощения); 响 (кудахтать), 啖 (петь (птицы)), 啖 (рычать, кричать), 啖 (выть на луну, рычать, реветь), 啖 (чиркать (о птицах)), 啖 (щебетать, петь (о птицах); щебетание), 啖 (жужжать), 啖 (щебет, щебетать), 啖 (рычать, реветь), 啖 (реветь, рычать) (семантический признак – источник звука).

Наряду с объектами и процессами в китайском языке с помощью детерминатива «рот 口» происходит знакообразование в области номинации признаков предметов, человеческих качеств, характеристик животных и др. (15 %): 后 (последующий, последний), 啖 (беспорядочный, смешанный (о говоре); шумный), 啖 (пресный, безвкусный), 啖 (злой, пугающий), 啖 (нескладный, неуклюжий, неловкий), 啖 (мудрый; прозорливый, проницательный), 响 (звонкий), 啖 (неторопливый, медлительный), 啖 (многословный, болтливый), 啖 (веселый, шумный), 唐 (грубый, внезапный), 啖 (мудрый), 啖 (веселый), 善 (добрый), 啖 (кокетливый), 啖 (тихий, спокойный), 呆 (глупый, тупой, несообразительный), 吝 (скупой, жадный), 啖 (нескладный, неуклюжий, неловкий), 啖 (дикий, грубый), 啖 (слабоумный, ограниченный) и др.

Детерминатив «рот 口» является знакообразующим элементом для иероглифов – служебных единиц в китайском языке, используемых для дифференциации коммуникативного типа предложения, соединения простых в составе сложного и др. Так, например, 吗 выражает вопросительность,

呢 – строгое утверждение, 否 – альтернативный выбор, 和 – союз и проч.

Широкий круг единиц с детерминативом «рот 口» формируется иероглифическими знаками-междометиями, например: 嘻 (ах!, эх!, ох!, увы!, ай!, ну! – удивление, сожаление и возмущение), 嘛 (выражающая очевидность), 啊 (о!, ого! – выражает удивление или восхищение), 哦 (э?, ах! – выражает сомнение, удивление), 哼 (ох!, ах! – при боли, страдании), 喏 (да, точно так – вежливое восклицание, подтверждение), 嗑 (так точно, совершенно верно), 嗟 (ах!, ай!, ох!, увы! – восклицание сожаления, горя, удивления, восхищения) и др. Релевантным семантическим признаком в данном случае является «инструмент».

Следует отметить, что в отдельных иероглифических знаках рассматриваемой подсистемы единиц выбор детерминатива «рот 口» обусловлен в разные периоды развития китайской письменности различными признаками, что затрудняет их интерпретацию и, соответственно, определение ведущего свойства. Так происходит с иероглифом-местоимением 另 (другой, иной), в котором при реконструкции первоначальных элементов знакообразующей смысловой основой являлись иные параметры. В иероглифе 另 этимологически исходной определяется графема 冎 – часть графемы 骨 (кость), выражающая значение остатков, остаточных частей, добавлений и проч. В модифицированном позднее знаке 另 нижняя часть иероглифа описывается как графема 力 (сила), восходящая к графеме 刀 (нож), выражавшей процесс отрезания чего-либо, приводящий к появлению остатков, останков, остаточных элементов и проч. [7; 8]. При этом детерминативом указывается «рот 口», и иероглифический знак входит в подсистему с данным, в этом случае ведущим смысловым элементом. В основе выбора детерминатива лежит схожесть графики 冎 и 口, а в результате реформ письменности мы видим упрощение графики, восходящей

к более сложному составленному элементу 冎 (костная система, скелет). Знакообразование одного и того же иероглифа китайского языка, таким образом, обуславливается зачастую не разными принципами, а экстралингвистическими факторами.

Заключение

Когнитивная мотивированность знаков лежит в основе как звуковых, так и графических номинаций.

Анализ производных иероглифов китайского языка с детерминативом «рот 口» показал единство принципов семиозиса, а также позволил определить принципы выбора признака, лежащие в основе образования знаков человеческого языка.

Мотивированность китайских иероглифических номинаций основана на общеязыковых когнитивных принципах выбора признака. Специфика данного процесса в китайском языке заключается в особой избирательности ввиду наличия ограниченного числа графем – компонентов знаков.

С целью экономии языковых средств выбор признака подчиняется уже выделенному набору элементов, отображающих максимальное число представлений и связанных с ними свойств.

Организация иероглифической системы китайского языка осуществляется по принципу релевантности признаков, характеризующих объект или процесс окружающей человека действительности. Выбор этого признака зависит от множества как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Установленные в работе закономерности позволяют утверждать, что ведущими признаками при включении детерминатива «рот 口» в состав потенциального иероглифического знака является способность репрезентации онтологических свойств источника и воспроизводителя звука, что обусловило построение основной части подсистемы иероглифических знаков с данным смысловым компонентом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. М. Китайская письменность и ее латинизация / В. М. Алексеев. – Л.: Изд-во и тип. Акад. наук СССР, 1932. – 178 с.

2. Сердюченко, Г. П. Китайская письменность и ее реформа / Г. П. Сердюченко. – М. : Изд-во вост. лит., 1959. – 55 с.
3. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
4. Карасева, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / К. В. Карасева. – Минск, 2019. – 26 с.
5. Шаравьева, И. В. Лингвосомиотика знаков идеографического письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / И. В. Шаравьева ; Иркут. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2017. – 24 с.
6. Пруцких, А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом «женщина» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. А. Пруцких ; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2003. – 24 с.
7. Словарь Канси = 康熙字典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/zd/kx/>. – Дата доступа: 20.01.2021.
8. Wenlin : электронный словарь китайского языка, версия 3.0. – Wenlin Institute Inc, 2002.
9. Иероглифический словарь китайского языка = 汉字字典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. – Дата доступа: 02.02.2021.
10. Агамджанова, В. И. О лингвистической природе идеографической связи слов (на материале группы слов, объединенных наиболее общим признаком понятия «свет» в современном английском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. И. Агамджанова ; М-во просвещения РСФСР ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1962. – 22 с.

REFERENCES

1. Aliksiejev, V. M. Kitajska pis'miennost' i jejo latinizacija / V. M. Aliksiejev. – L. : Izd-vo i tip. Akad. nauk SSSR, 1932. – 178 s.
2. Sierdiuchienko, G. P. Kitajska pis'miennost' i jejo rieforma / G. P. Sierdiuchienko. – M. : Izd-vo vost. lit., 1959. – 55 s.
3. Riezanienko, V. F. Siemantichieskaja struktura ijeroglifichieskoj pis'miennosti / V. F. Riezanienko. – Kijev : KGU, 1985. – 132 s.
4. Karasiova, K. V. Principy diekodirovanija logogramm i riekonstrucija ikh siemantiki : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.22 / K. V. Karasiova ; Bielorus. gos. un-t. – Minsk, 2019. – 26 s.
5. Sharav'jeva, I. V. Lingvosiemiotika znakov ideografichieskogo pis'ma : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.22 / I. V. Sharav'jeva ; Irkut. gos. un-t. – Ulan-Ude, 2017. – 24 s.
6. Pruckikh, A. A. Strukturno-siemantichieskij analiz ijeroglifov s kliuchom «zhenshchina» : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.22 / A. A. Pruckikh ; In-t vostokoviedienija RAN. – M., 2003. – 24 s.
7. Slovar' Kansi = 康熙字典 [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.zdic.net/zd/kx/>. – Data dostupa: 20.01.2021.
8. Wenlin : eliektronnyj slovar' kitajского jazyka, viersija 3.0. – Wenlin Institute Inc, 2002.
9. Ijeroglifichieskij slovar' kitajского jazyka = 汉字字典 [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.zdic.net/>. – Data dostupa: 02.02.2021.
10. Agamdzhanova, V. I. O lingvistichieskoj prirodie idieografichieskoj sviazi slov (na materialie grupy slov, objedinionnykh naiboliee obshchim priznakom poniatija «sviet» v sovriemiennom anglijskom jazykie) : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / V. I. Agamdzhanova ; M-vo prosvieshchienija RSFSR ; Lieningr. gos. pied. in-t im. A. I. Giercena. – L., 1962. – 22 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.09.2021

УДК 81'373

Розалія Аннарита Кампаделлі

аспірант 2-го года обучения каф. русской филологии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Rosalia Annarita Campadelli

Postgraduate Student of the 2nd Year of Study of the Department of Russian Philology

at the Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: campadellirosalia@gmail.com**СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАТОВ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ «ИТАЛИЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Статья посвящена выявлению производных слов лексемы «Италия», представленных в лингвистических словарях и энциклопедиях. Проводится анализ словарных статей и определяется лексическое и грамматическое значение лексемы «Италия»: дериваты разделяются на группы по их семантическому значению и грамматической категории, к которой они принадлежат; выявляется преобладающий способ их словообразования. Раскрывается ментальная репрезентация Италии, ее жителей и описываются основные компоненты, являющиеся характерными для русского сознания. Представлено уточненное словообразовательное гнездо дериватов лексемы «Италия».

Ключевые слова: концепт, Италия, дериваты, словообразовательное гнездо, языковая картина мира.

**Means of Verbalisation of the Derivatives Representing the Concept «Italy»
in the Linguistic Picture of the World**

The article is devoted to the identification of the words derived from the lexeme «Italy», presented in morphemic and derivational dictionaries, thesauruses and encyclopaedias. Their lexical and grammatical meanings are analysed: derivatives are divided into groups according to their semantic meaning and the grammatical category which they belong to; the most productive word-formation way is detected. The article discloses the mental representation of Italy, its inhabitants and the main components that are typical for the Russian consciousness. A new word-formation nest of the words derived from the lexeme «Italy» is presented.

Key words: concept, Italy, derivatives, derivational nest, language picture of the world.

Введение

Концепты можно охарактеризовать как мысли, идеи, понятия, которые выражают основные черты и константы определенной реальности и возникают в человеческом сознании. В изучение концепта большой вклад внесли такие ученые-лингвисты, как Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и др.

Актуальность настоящего исследования заключается в современном развитии когнитивной лингвистики, в популярности исследований национально-географических концептов в русской языковой картине ми-

ра (например, концепты «Китай» [1], «Америка» [2] и др.), а также в новизне раскрытия концепта «Италия» и его осмысления через призму русского языка.

В данной статье рассматриваются дериваты лексемы *Италия*, их семантическое и грамматическое значения с целью выявить языковую картину мира Италии, являющейся традиционной для русского социокультурного общества.

Основная часть

Слово *Италия* и его дериваты отсутствуют в таких источниках, как «Историко-словообразовательный словарь русского языка» [3], «Новый словообразовательный словарь русского языка» [4], «Словообразовательный словарь современного русского языка» [5], «Школьный словообразовательный словарь русского языка» [6]. Однако поиск дериватов лексемы *Италия* в других десяти словарях разного типа позволил выявить 19 производных слов. По значению

Научные руководители – Зоя Зигмундовна Сидорович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; Ирина Маркезини, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка Болонского Университета Альма Матер Студиорум

их можно разделить на пять групп, обозначающих:

- 1) жителей итальянской территории;
- 2) то, что относится к итальянской территории и ее жителям;
- 3) итальянскую музыку и музыкальные инструменты;
- 4) слова или выражения итальянского происхождения;
- 5) блюда, приготовленные в итальянском стиле.

Дериваты могут быть классифицированы по двум критериям: лексическому и грамматическому значениям. С точки зрения лексического значения производные слова *итальянец*, *итальянка* (слово, принадлежащее к первой группе дериватов), *итальянцы*, *италианец*, *италианцы* (*италиане*), *италийцы*, *италики*, *италы*, *итальянский*, *италианский*, *италийский*, *италинский*, *италический* образовались от имени существительного *Италия* в процессе модификации. Новый смысл производных слов характеризуется дополнительным семантическим значением [7, с. 173].

Производные слова *итальен*, *итальянизм*, *итальянка* (слово, принадлежащее к третьей группе дериватов), *итальяноман*, *итальяномания*, *итальяноманство*, *итальяница* образовались через процесс мутации [7, с. 172], т. к. они имеют существенно новый смысл, отличающийся от наиболее очевидного смысла производящего слова – *Италия*.

С точки зрения грамматического значения дериваты лексемы *Италия*, являющиеся именами существительными (14), образовались от имени существительного *Италия* в процессе внутрикатегориальной деривации: имя существительное → имя существительное, а дериваты, являющиеся именами прилагательными (5), – в процессе межкатегориальной деривации: имя существительное → имя прилагательное.

Имя существительное *итальянец* представлено в единственном числе только в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [8]. Оно образовано с помощью суффикса *-ец-*, который указывает на лицо «по принадлежности к стране, территории, городу, где оно проживает или откуда происходит» [9]. Слово *итальянец* в [8] ссылается на имя существительное *итальянцы*, под которым подразумевается

«народ романской этноязыковой группы, составляющий основное население Италии». Таким образом, итальянцы – это не просто люди, которые проживают на итальянской территории, но в первую очередь люди, объединенные общим языком, входящим в группу романских языков, общими расовыми и культурными характеристиками.

Имя существительное *итальянец* представлено только во множественном числе (*итальянцы*) в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [10], «Малом академическом словаре» [11], «Толковом словаре» С. И. Ожегова [12], «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [13].

Толкование лексемы *итальянцы* в [10] и [11] является похожим на описание данного слова в [8]. Хотя отсутствуют явные сведения о языке, употребляется слово *нация*, которое включает в себя понятие общности, проживающей на одной и той же территории, и имеющей общие экономические, социальные и культурные отношения. Поскольку итальянцы составляют основное население Италии, то и в [8], и в [10], и в [11] Италия характеризуется как мультиэтническое сообщество.

В [12] слово *итальянцы* имеет собирательное значение и указывает на итальянский народ в своей целостности. Уточнение «в своей целостности» позволяет утверждать, что данный источник придерживается тенденции описывать итальянцев как группу людей, объединенных общими чертами.

Менее широким и детальным является определение *итальянцев* в [13], где они описываются как народ, который населяет территорию Италии. Следовательно, в этом словаре главный акцент делается на «территориальный аспект»: быть итальянцем означает в первую очередь проживать на территории Италии.

Интересно, что только в [8] дериват *итальянцы* в его разговорном употреблении обозначает композиторов и исполнителей итальянской музыки XVIII–XIX вв. Отметим, что данное слово обычно имеет отрицательную коннотацию.

Слово *итальянцы* отсутствует в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» [14], в «Словаре русского языка XVIII в.» [15], «Историческом словаре» [16] в «Кулинарном словаре» [17].

Имя существительное *итальянка* обозначает женщин, населяющих нынешнюю Италию и являющихся частью итальянского народа. Это первое значение лексемы *итальянка* в [13], первое и единственное значение в [12], второе значение в [14] и в [8]. Действительно, имена существительные женского рода единственного числа, указывающие на лица «по месту рождения или жительства», образуются с помощью суффиксов *-к-* или *-ян-к-* [9]. В [10], [11] и [15–17] слово *итальянка* отсутствует.

В проанализированных словарях представлены также дериваты лексемы *Италия*, обозначающие древних жителей итальянской территории. В [8], [14] и [16] имя существительное *италики* указывает на древние индоевропейские племена, которые населяли Италию и говорили на италийских языках; все племена Апеннинского полуострова, покоренные Римом в V–III вв. до н. э. В [10] и [11], наоборот, не упоминаются языки, на которых говорили италики, и делается упор на территорию, которую они населяли. В этих двух словарях отсутствует историческая информация о покорении данных племен Римом в V–III вв. до н. э.

Следует обратить внимание на то, что в [14] для обозначения племен, населявших древнюю Италию, представлено имя существительное мужского рода только во множественном числе (*италики*), а для указания на итальянский народ в его современном понимании – имя существительное женского рода в единственном числе (*итальянка*). Объяснением этого может быть разница в положении женщин Италии в древности и в настоящее время, повышении их статуса в семье и в обществе в целом.

Лексема *италики* в [12], [13], [15] и [17] не представлена.

Слово *италики* ссылается на лексику *италийцы*. В [8], [10] и [11] дериват *италийцы* является архаичным названием италиков. Данное производное слово отсутствует в [12–17].

В [15] описаны четыре деривата слова *Италия*, которые обозначают народ, населяющий Италию, и лиц, относящихся к этому народу: *италиане*, *италианцы* ← *италиане* ед. *италианец* м., *италианка* (-лиян-) ж. Данные производные слова являются вариантами дериватов *итальянцы*, *итальянец*, *итальянка* с одним и тем же значением: они

указывают на древних жителей итальянской территории. Наличие *-иа-* на месте *-ја-* – свидетельство устаревшей формы.

В [15] представлена также лексема *италы*, под которой подразумевается древний народ, населявший Апеннинский полуостров.

Вторая группа дериватов состоит из слов, обозначающих все то, что относится к итальянской территории и ее древним и современным жителям. Слово *итальянский* обозначает все, что связано с Италией и итальянцами. Это значение представлено в [10], [11] и [13].

Т. Ф. Ефремова [8] слово *итальянский* относит к современной Италии и итальянцам; к тому, что их характеризует и отличает, что принадлежит Италии и ее народу, что разрабатывается, производится в Италии или итальянцами. Таким образом, дается более широкая трактовка этого имени прилагательного.

В [12] дано самое подробное описание слова *итальянский*, которое относится «к итальянцам, их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Италии, ее территории, внутреннему устройству, истории» [12]. В качестве примера дается информация об итальянской музыке, что свидетельствует об ее общеизвестности за пределами Италии, в особенности в русскоязычном пространстве, где является распространенной и популярной также итальянская кухня. В описании имени прилагательного *итальянский* в [12] приводится также наречие *по-итальянски*, однако описание его отсутствует. Данное слово может обозначать итальянский образ или способ действия, мышления, итальянская речь.

В [14–17] слово *итальянский* отсутствует. Однако стоит отметить, что в [15] представлены имена прилагательные *италианский* и *италинский*, которые отсутствуют во других проанализированных словарях.

В [15] являются синонимичными именами прилагательными *италический* и *италийский*, которые относятся к италам и Италии и представляют собой более устаревшую форму, указывающую на древних жителей территории современной Италии. Если слово *италический* присутствует только в [15], то лексема *италийский* описана также в [8], [10] и [11].

В [10] имя прилагательное *италийский* относится к италийцам и территории, на которой они проживали, т. е. подразумевается все то, что относится к древней Италии и италийцам; что является характерным для древней Италии и италийцев; что принадлежало им; что было сделано, разработано, построено в древней Италии или италийцами [8]. Таким образом, подчеркивается и абстрактное, и конкретное (идея принадлежности) значения данного прилагательного. В [11] слово *италийский* обозначает то, что относится к италийцам и италика, поэтому подчеркивается, что *италийцы* является устаревшим названием италиков. В [8] дериват *италийский* определяется в его устаревшей форме как синоним имени прилагательного *итальянский*.

Третья группа дериватов лексемы *Италия* состоит из слов, относящихся к итальянской музыке: *итальянка*, *итальяномания*, *итальяноманство*, *итальяница*. В [8] и [14] первое значение имени существительного *итальянка* – 'двурядная гармоника'. Это народное название вятских, вологодских, бологоевских и новоржевских видов русской гармонии. Для обозначения данных видов гармоник это имя стало распространенным в Центральной России в XIX в. Скорее всего, гармоник стали так называться в результате их сходства с инструментами, на которых играли уличные иностранные музыканты, преимущественно итальянцы, в народе – тальянцы [18]. В [13] это значение является вторым. Лексема *итальянка* не приобретает второго значения (музыкальный инструмент) при добавлении к слову суффикса *-к-*.

Производное слово *итальяница* также имеет отношение к итальянской музыке, является разговорным и имеет пренебрежительную коннотацию. Оно создано при помощи суффикса *-щин-*, образующего отвлеченные существительные, «которыми обозначают характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской» [9]. В [8] и [14] *итальяница* – это «художественные, музыкальные и т. п. произведения, имеющие особенности, присущие итальянской живописи, музыке XVIII–XIX вв.» [14], уточняется, что речь идет о шаблонах, штампах итальянской музыки определенного периода. В [13] слово *итальяница* указывает только на

музыкальные произведения, отмеченные шаблонными приемами итальянской музыки (собирательное значение). Это единственный словарь, в котором слово *итальяница* относится не к искусству в целом, при этом уточняется, что данные шаблоны являются особенно характерными для оперы, пения, присущего итальянской оперной школе, но не указан определенный этап в истории развития музыки, а приводятся следующие характеристики *итальяницыны*: «слащавость мелодии, обилие формальных украшений при бедности музыкального содержания» [13].

В [10–12] и [15–17] лексема *итальяница* не представлена.

В [14] даны лексемы *итальяномания* и разговорная форма *итальяноманство*, описания которых отсутствуют. Имя существительное женского рода единственного числа *итальяномания* состоит из слов *итальяно* и *мания*. Английское слово *мания* обозначает «сильное, почти болезненное влечение, пристрастие к чему-н.» [12]. Имя существительное среднего рода единственного числа *итальяноманство* создано с добавлением суффикса *-ств-*, который образует слова, обозначающие отвлеченный признак, как в этом случае [9]. В [8] слово *итальяноманство* является разговорной формой, синонимом имени существительного *итальяномания*, которое обозначает «пристрастие к итальянской музыке» [8]. Человек, испытывающий такую страсть к итальянской музыке, называется *итальяноман* и упоминается только в [8]. Данный термин образовался при помощи добавления английского слова *ман* (*man*) – 'человек'. Более точно, суффикс *-ман-* происходит от греческого *μανία* «восторг» (по модели слова *меломан*, т. е. страстный любитель музыки).

В отличие от большинства дериватов, *итальяномания* и *итальяноман* созданы путем соединения двух производящих слов в одно слово. Существование данных слов свидетельствует о тенденции «интернационализации», которая характеризует современный русский язык.

К четвертой группе дериватов лексемы *Италия* относится слово *итальянизм*, которое есть только в [8]. Суффикс *-изм-* (*-ism-* английского происхождения) образует «имена существительные, которые явля-

ются названиями элементов языка, речи, какого-нибудь произведения, характеризующихся признаком, названным мотивирующим именем прилагательным» [14]. Дери́ват *итальянизм* обозначает слово или выражение, которое произошло из итальянского языка или было из него заимствовано. Под этим термином подразумеваются также обороты речи, которые основываются на образце, типичном для итальянского языка.

К пятой группе дериватов принадлежит единственное слово, связанное с итальянской кухней, – *итальен*. Вероятно, оно происходит от французского имени прилагательного *italien (-enne)* и его значение соответствует французскому выражению *à l'italienne*, обозначающему 'по-итальянски'. В [17] это слово используется для обозначения «блюд, приготовленных в итальянском стиле, обычно с большим количеством спагетти» [17]. Интересен тот факт, что в Италии спагетти являются главным (первым) блюдом, к которому можно добавить определенный соус, морепродукты и другие ингредиенты в качестве «гарниров». Это свидетельствует о том, что понятие «паста» интерпретируется иначе в русскоязычном пространстве: спагетти являются гарниром и добавляются к определенному блюду.

Поиск дериватов лексемы *Италия* в четырех энциклопедиях позволил выявить 14 производных слов: *италийский, италикки, итальянцы, итало-швейцарцы, итало-албанский, итало-венгерский, итало-йеменский, итало-турецкий, итало-французский, итало-эфиопский, итало-югославский, итало-греческий, австро-италофранцузский, австро-итальянский*.

По значению вышеуказанные производные слова можно разделить на четыре группы, обозначающие:

- 1) жителей итальянской территории;
- 2) то, что относится к итальянской территории и ее жителям;
- 3) народ, большая часть которого проживает в Швейцарии;
- 4) отношения сторон.

Что касается первой группы, то имя существительное мужского рода *италики* представлено во множественном числе в Советской исторической энциклопедии [19], Большой российской энциклопедии [20] и Современной энциклопедии [21]. В [19] и [20] производное слово *италики* описывается

детально в его узком и широком значениях. Узкое значение, представленное также в [21], совпадает с информацией, присутствующей в вышеупомянутых словарях. В отличие от словарей в [19] и [20] приводится подробная информация о гипотезе двух потоках миграции италиков на Апеннинский полуостров и о диалектах, на которых италики говорили (фалийский, умбрский, сабелльские и др.). В [19] даются сведения о социальном и культурном уровнях италиков (с одной стороны, продвинутый рабовладельческий строй в Кампании, с другой – неразвитый коллективный уклад горцев-скотоводов), а в [20] – о существовании двух групп италиков (с одной стороны, это сиколо-латино-фалиски, с другой – оски) и о главных этапах истории данных племен.

В [19] и [20] также дано определение имени существительного *итальянцы*. В [19] это в первую очередь нация, основное население Италии. В данном источнике говорится о долгой истории становления итальянского народа начиная с I в. до н. э. до второй половины XIX в. н. э., когда Италия стала единым государством. Особое внимание уделяется итальянскому языку: его развитие описывается в связи со становлением Италии, формированием ее территории и народа. Даются сведения об итальянской религиозной ситуации и о разнице между развитым Севером и отсталым Югом Италии (в настоящее время, конечно, некорректно говорить о «неразвитости» южной части Апеннинского полуострова).

В [19] отмечается, что большое число итальянцев проживает в других странах в результате миграции, существовавшей уже с давних времен.

В [20] один из главных аспектов описания – также миграционные процессы; отмечается, что Италия имеет схожие черты с культурой других стран Южной Европы. Даются сведения об основных сферах занятости итальянцев и отраслях производственной деятельности, подчеркивается, что они крепко привязаны к своим традициям, в частности кулинарным, к праздникам [20].

Таким образом, очевидно, что описание итальянцев в [19] является более широким и детальным. В [21] приводится краткая информация об основных народностях итальянского народа (венетианцы, калабрийцы и др.), названы основные страны, в

которых проживают итальянцы (США, Аргентина, Франция).

Слова *италики* и *итальянцы* не представлены в Полной популярной библейской энциклопедии [22], где указано только имя прилагательное *италийский*, которое обозначает то, что принадлежит Италии. Таким образом, это слово, являющееся единственным дериватом, принадлежащим ко второй группе, относится к «материальному»: оно тесно связано в первую очередь не с итальянцами, а с Италией.

Имя прилагательное *итальянский* имеет также второе значение и указывает на воинское подразделение – полк, во главе которого был Корнилий. Скорее всего, причина появления данного названия в том, что полк состоял из римлян [22].

В [20] и [21] представлен также единственный дериват, принадлежащий к третьей группе: *итало-швейцарцы*. В первом источнике он указывает на народ, большая часть которого проживает в Швейцарии. Язык, на котором они говорят, – итальянский. Религия, которую они исповедуют, – католицизм. Во втором источнике, наоборот, слово *итало-швейцарцы* ссылается на имя существительное *швейцарцы*, обозначающее население Швейцарии, а также группу народов, основное население Швейцарии.

Наибольшее число производных слов, представленных в энциклопедиях, принадлежит к четвертой группе. В [19] описываются следующие дериваты: *итало-албанский*, *итало-венгерский*, *итало-йеменский*, *итало-турецкий*, *итало-французский*, *итало-эфиопский*, *итало-югославский*. Даны словосочетания этих прилагательных + имена существительные *соглашение*, *договор*, *война*.

Производные слова *итало-турецкий*, *итало-французский*, *итало-эфиопский* присутствуют также в [20], где, однако, отсутствуют дериваты *итало-албанский*, *итало-венгерский*, *итало-йеменский*, *итало-югославский*. Как в [19], так и в [20] имя прилагательное *итало-эфиопский* используется дважды с именами существительными *войны* и *договор*. В [20] представлены ранее не упоминавшиеся дериваты: *итало-греческий*, *австро-итало-французский*, *австро-итальянский*. Также даны словосочетания этих имен прилагательных с именами существительными *война* и/или *соглашения*, обознача-

ющие отношения Италии с Грецией, Австрией и Францией.

Вышеупомянутые производные слова, присутствующие в [19] и [20], отсутствуют в [21] и [22].

Заключение

На основе анализа дериватов лексемы *Италия* в 10 словарях и четырех энциклопедиях можно утверждать, что источниками, содержащими наибольшее число производных слов, являются [8] (9), [15] (8), [19] (9) и [20] (9). В энциклопедиях представлены 10 производных слов (все имена прилагательные), отсутствующих в проанализированных словарях.

В словарях отмечается преобладание дериватов лексемы *Италия* – имен существительных (17), а в энциклопедиях – дериватов – имен прилагательных (11).

Самая большая группа производных слов (11), описанных в словарях, обозначает жителей итальянской территории (действительно, народ Италии – «бьющееся сердце страны»). Частотной является также группа дериватов (10), описанных в проанализированных энциклопедиях и представленных в политическом контексте: даны словосочетания, обозначающие отношения Италии и других стран. Это объясняется тем, что внешняя политика является важным компонентом жизни Италии.

Итак, проведенный анализ позволил создать словообразовательное гнездо дериватов слова *Италия*, состоящее из 15 имен существительных и 16 имен прилагательных. Основное словообразовательное гнездо производных слов лексемы *Италия* представлено в Словообразовательном словаре русского языка под редакцией А. Н. Тихонова [23] (17 дериватов). Однако оно не является полным. К этому гнезду необходимо добавить 16 дериватов, обнаруженных в некоторых из проанализированных источников: *италианец*, *италианка*, *итало*, *итальян*, *итало-швейцарцы*, *италианский*, *италинский*, *италический*, *итало-албанский*, *итало-венгерский*, *итало-греческий*, *итало-йеменский*, *итало-турецкий*, *итало-французский*, *итало-эфиопский*, *итало-югославский*. Единственное производное слово, представленное в [23] и отсутствующее в проанализированных источниках, – *австро-франко-итальянский*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ши, С. Концепт КИТАЙ в русском обыденном языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Ши. – М., 2008. – 209 л.
2. Гришина, О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Гришина. – Архангельск, 2004. – 177 л.
3. Историко-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.drevoslov.ru/dict/dict-2>. – Дата доступа: 27.04.2021.
4. Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.
5. Ульянова, О. А. Словообразовательный словарь современного русского языка / О. А. Ульянова. – М. : Аделант, 2013. – 512 с.
6. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М. : Культура и традиции, 1996. – 576 с.
7. Ташлыкова, М. Б. Современный русский язык. Морфемика. Морфонология. Словообразование : учеб. пособие / М. Б. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 219 с.
8. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/?f=0JjRgdGH0LU-%3D&t=0JrQsNGC0LA%3D&nt=1834>. – Дата доступа: 28.04.2021.
9. Русские суффиксы [Электронный ресурс] // Словород. – 2012. – Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/russian-suffixes.html>. – Дата доступа: 23.01.2021.
10. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma169532.htm>. – Дата доступа: 28.04.2021.
11. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/19696>. – Дата доступа: 28.04.2021.
12. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/?f=0JjQodCi0J4%3D&t=0JrQkNCg-0JA%3D&n-t=885>. – Дата доступа: 28.04.2021.
13. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/20498>. – Дата доступа: 28.04.2021.
14. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://efremova.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 28.04.2021.
15. Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slovabc/09/sl1917201.htm>. – Дата доступа: 28.04.2021.
16. Исторический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/hist_dic/. – Дата доступа: 28.04.2021.
17. Зданович, Л. И. Кулинарный словарь [Электронный ресурс] / Л. И. Зданович. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_culinary/. – Дата доступа: 28.04.2021.
18. Музыкальная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mus-enc.ru/html/t/tal58nka.html>. – Дата доступа: 28.04.2021.
19. Советская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/16541>. – Дата доступа: 28.04.2021.
20. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/>. – Дата доступа: 28.04.2021.
21. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-200-4.htm#zag-4407>. – Дата доступа: 28.04.2021.
22. Полная популярная библейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopectia.com/13/200/1006965.html>. – Дата доступа: 28.04.2021.
23. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – Т. 1. – 860 с.

REFERENCES

1. Shi, S. Koncept KITAJ v russkom obydennom jazykovom soznanii : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / S. Shi. – M., 2008. – 209 l.
2. Grishina, O. A. Aktualizacija koncepta AMERIKA v russkom jazykie : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / O. A. Grishina. – Arkhangel'sk, 2004. – 177 l.
3. Istoriko-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.drevoslov.ru/dict/dict-2>. – Data dostupa: 27.04.2021.
4. Tikhonov, A. N. Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka / A. N. Tikhonov. – M. : AST, 2014. – 639 s.
5. Ul'janova, O. A. Slovoobrazovatel'nyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka / O. A. Ul'janova. – M. : Adelant, 2013. – 512 s.
6. Tikhonov, A. N. Shkol'nyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka / A. N. Tikhonov. – M. : Kul'tura i tradicii, 1996. – 576 s.
7. Tashlykova, M. B. Sovremennyy russkij jazyk. Morfiemika. Morfonologija. Slovoobrazovanie : uchieb. posobie / M. B. Tashlykova. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2012. – 219 s.
8. Yefriemova, T. F. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/?f=0JjRgdGH0LU%3D&t=0JrQsNG-C0LA%3D&nt=1834>. – Data dostupa: 28.04.2021.
9. Russkije suffiksy [Elektronnyj riesurs] // Slovorod. – 2012. – Riezhim dostupa: <http://www.slovorod.ru/russiansuffixes.html>. – Data dostupa: 23.01.2021.
10. Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. [Elektronnyj riesurs] / pod ried. A. P. Yevgien'jevoj. – Riezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma169532.htm>. – Data dostupa: 28.04.2021.
11. Malyj akademičeskij slovar' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/19696>. – Data dostupa: 28.04.2021.
12. Tolkovyj slovar' Ozhegova [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/?f=0JjQodCi0J4%3D&t=0JrQkNCg0JA%3D&nt=885>. – Data dostupa: 28.04.2021.
13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Elektronnyj riesurs] / pod ried. D. N. Ushakova. – Riezhim dostupa: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/20498>. – Data dostupa: 28.04.2021.
14. Yefriemova, T. F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [Elektronnyj riesurs] / T. F. Yefriemova. – Riezhim dostupa: <https://efremova.slovaronline.com/>. – Data dostupa: 28.04.2021
15. Slovar' russkogo jazyka XVIII vieka [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slovabc/09/sl1917201.htm>. – Data dostupa: 28.04.2021.
16. Istoricheskij slovar' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://dic.academic.ru/contents.nsf/hist_dic/. – Data dostupa: 28.04.2021.
17. Zdanovich, L. I. Kulinarnyj slovar' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_culinary/. – Data dostupa: 28.04.2021.
18. Muzykal'naja enciklopedija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.musenc.ru/html/t/tal58nka.html>. – Data dostupa: 28.04.2021.
19. Sovieckaja istoričeskaja enciklopedija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/16541>. – Data dostupa: 28.04.2021.
20. Bol'shaja rossijskaja enciklopedija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://bigenc.ru/>. – Data dostupa: 28.04.2021.
21. Sovremennaja enciklopedija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-200-4.htm#zag-4407>. – Data dostupa: 28.04.2021.
22. Polnaja populjarnaja biblijskaja enciklopedija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.slovopedia.com/13/200/1006965.html>. – Data dostupa: 28.04.2021.
23. Tikhonov, A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka : v 2 t. / A. N. Tikhonov. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : AST : Astrel', 2008. – T. 1. – 860 s.

УДК 821.161.3-95'«19»:81'22

Людміла Міхайлаўна Садко

канд. філал. навук, дац.,

дактарант Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі**Lyudmila Sadko**

Candidate of Philology, Assistant Professor,

Postdoctoral Student at the Research Centre of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: konovod1@yandex.ru

**ЭСТЭТЫЧНАЯ ДАКТРЫНА М. БАГДАНОВІЧА-КРЫТЫКА
Ў СВЯТЛЕ МАДЭЛІ КАМУНІКАЦЫ І ЭВЕН-ЗОХАРА**

У артыкуле з пазіцыі метадалогіі полісістэміста І. Эвен-Зохара разглядаюцца крытычныя артыкулы М. Багдановіча, у якіх тэарэтык і практык беларускага прыгожага пісьменства дакладна вызначылі праблемы нацыянальнай літаратуры пачатку XX ст. – адсутнасць найважнейшых кампанентаў: адрасанта, адрасата, а таксама распрацаванага сучаснага рэпертуару, функцыянаванне якога кантралюецца сацыяльнымі інстытутамі і рынкам. Удакладняюцца спосабы і прыёмы распрацоўкі рэпертуару новай беларускай літаратуры як сукупнасці агульных і канкрэтных мадэляў (лексіка-сінтаксічных, жанравых, вобразна-матыўных і шнур.). што кіруюць вытворчасцю і спажываннем тэкстаў.

Ключавыя словы: полісістэма, М. Багдановіч, літаратурная крытыка, мадэль камунікацыі, І. Эвен-Зохар.

***Aesthetic Doctrine by M. Bahdanovich-Critic
in the Light of the Model of Communication by I. Even-Zohar***

This work analyses critical articles by M. Bahdanovich from the viewpoint of methodology by the polysystemist I. Even-Zohar, in these articles the theorist and practitioner of Belarusian fine writing gives the precise definition of the problems of the national literature at the beginning of the XX century – absence of critical components: addressee, addresser, and also well-developed contemporary repertoire, whose functioning is controlled by social institutions and the market. Methods and techniques of developing the repertoire of the new Belarusian literature as the combination of general and concrete models (lexical and syntactical, genre, figurative and motivational, etc.), which control the production and perception of the text, are defined in the article.

Key words: Polysystem, M. Bahdanovich, literary criticism, communication model, I. Even-Zohar.

Уводзіны

Глыбокія і ўсебаковыя веды М. Багдановіча ў розных сферах гуманітарныя дазволілі яму сінтэзаваць уласную эстэтычную дактрыну, сістэма якой стала адной з самых уплывовых для станаўлення нацыянальнай беларускай літаратуры пачатку XX ст. Увядзенне новых для беларускай паэзіі рэпертуарных дзякуючы М. Багдановічу ішло і ў галіне мастацкай крытыкі, і ў прасторы літаратурнай творчасці. Дасканалыя артыкулы і даследаванні: «Беларускае адраджэнне» (1914), «Глыбы і слаі» (1911), «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стагоддзя» (1911), «За сто гадоў» (1911), «Новы перыяд у гісторыі беларускай літаратуры» (1912), «За тры гады» (1913), «Забыты шлях» (1915), «Стагоддзе руху беларускага народа» (1914), «Хто мы такія?» (1915), «Аб веры нашых прашчुरаў» (1916) – даз-

валяюць гаварыць, выкарыстоўваючы тэорыю полісістэмістаў, аб распрацоўцы М. Багдановічам шырокага і шматбаковага дыяпазону агульных і канкрэтных літаратурных рэпертуарных мадэляў (еўрапейскіх, рускіх, усходніх), што кіруюць вытворчасцю і спажываннем тэкстаў на пэўным этапе. У артыкулах малады навуковец здолеў прапанаваць такія новыя і перспектыўныя варыянты распрацоўкі літаратуразнаўчай і культуралагічнай праблематыкі, якія на доўгія гады вызначылі шляхі развіцця беларускага літаратурнага працэсу, апырэдзіў з'яўленне многіх сучасных падыходаў у галіне гуманітарныя. Але літаратурна-крытычная спадчына М. Багдановіча сістэмна і комплексна не разглядалася. Такія вядомыя беларускія багдановічазнаўцы, як А. Лойка [1], А. Бачыла [2], Р. Бярозкін [3], Н. Ватацы [4], спарадычна спыняліся на вывучэнні розных ас-

пектаў артыкулаў і даследаванняў М. Багдановіча. У энцыклапедычным выданні, прысвечаным жыццю і творчасці М. Багдановіча [5], сабраныя аб'ектыўныя і грунтоўныя звесткі аб тэарэтычных і крытычных творах аўтара, але тэарэтыка-метадалагічныя дасягненні сучаснага літаратуразнаўства дазваляюць з новага пункту гледжання прааналізаваць творчую спадчыну М. Багдановіча, аднаго з класікаў беларускай літаратуры.

Асноўная частка

З пазіцыі сучаснай полісістэмнай тэорыі, мадэлі камунікацыі, распрацаваных уплывовым сучасным філолагам і культурологам І. Эвен-Зохарам (нар. у 1939 г.), крытычная спадчына беларускага тэарэтыка і практыка літаратуры ўяўляе значную цікавасць, дазваляе прасачыць этапы і механізмы генезіса і функцыянавання новай нацыянальнай літаратуры, фарміравання і папаўнення наватарскага літаратурнага і мастацкага рэпертуараў у пэўны сацыякультурны перыяд. Характарыстыка гэтых чыннікаў з'яўляецца мэтай дадзенага даследавання.

Вядома, што ў сярэдзіне XIX ст. назіраецца значная актывізацыя агульнагерманскай самасвядомасці, выкліканая працэсамі аб'яднання дробных княстваў у адзіную дзяржаву. Гэтыя тэндэнцыі знайшлі адлюстраванне ў самабытнай нямецкай філасофіі і псіхалогіі. Ідэі народнага духу, выказаныя яшчэ Г. Гердэрам, дазволілі М. Лацарусу і Г. Штэйнталю ў артыкуле-маніфесце «Думкі аб народнай псіхалогіі» (1859) сфармуляваць праблематыку новай навукі аб псіхалогіі народаў, агульным псіха-культурным полі, што яднае нацыю, аб самасвядомасці і этнічнай ідэнтычнасці. З філасофіяй М. Лацаруса М. Багдановіч быў добра знаёмы, што вядома нам па артыкуле «В. Самийленко» (1916), у якім беларускі навуковец згадвае, што «Лацарус выясниў, што кромэ міровоззрэнняў, аснованых на мыслі, існуе два міровоззрэння ілі, лучше сказаць, міроотношения, аснованне на чувстве: романтическое и юмористическое» [6]. Сам тэрмін «міроотношение» ў артыкуле падаецца графічна выдзеленым, аўтар пазначае, што гэта запазычанне з прац М. Лацаруса, а ўжыванне гэтага паняцця трапна перадае думку аб тым, што кожны чалавек са сваім індывідуальным светапоглядам, «міроотношением» – адначасова праваднік

культурных дасягненняў сваёй народнасці, на эмацыянальным і інтэлектуальным узроўні носьбіт нацыянальнай самасвядомасці.

Падобныя думкі былі для М. Багдановіча і іншых прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. вельмі актуальнымі. У сваім канцэптуальным артыкуле «Забыты шлях» (1918) М. Багдановіч слухна адзначае: «Як кожны народ мае сваю нацыянальную душу, так ён мае і свой асаблівы склад (стыль) творчасці, найбольш прыдатны да гэтай душы. Ёсць ён і ў нас, беларусаў. І мы мусім звярнуцца да яго, каб у класці што-небудзь сваё ў скарбніцу сусветнай культуры, каб уліць у нашу паэзію свежыя сокі, каб стаць бліжэй да душы роднага народа, лепей наталіць яе духоўную смагу і сапраўды ўзяцца за вялікую працу: развіццё беларускай народнай культуры» [7]. Сапраўды, мова, літаратура, мастацтва – адмысловыя прадукты чалавечага розуму – могуць быць пазначаны як сутнасць народнага духу, сілы, што яднаюць грамадства.

Вядома таксама, што погляды М. Багдановіча набліжаліся і да ідэй рускага лінгвіста А. Патабні, які распрацоўваў арыгінальную канцэпцыю мовы як сродку, што звязвае людзей у аднасць. Мова ў культурна-гістарычным ракурсе павінна даследавацца ў сувязі з фальклорна-міфалагічнымі з'явамі, гісторыка-палітычнымі абставінамі таго ці іншага перыяду, мастацкімі каштоўнасцямі рознага парадку. Страта мовы, згодна з патабніанскай дактрынай, прыводзіць да дэнацыяналізацыі.

Але неабходна адзначыць, што вузкі погляд на нацыянальнае быў чужым М. Багдановічу, які не толькі актыўна клапаціўся пра развіццё новай беларускай літаратуры, аднаўленне мовы, але і цікавіўся іншымі славянскімі і наогул сусветнымі дасягненнямі прыгожага пісьменства, шмат даследаваў творчасць украінскіх, рускіх, заходне-еўрапейскіх майстроў слова, дакладна і прынцыпова вызначаючы моцныя і слабыя бакі айчынай літаратуры ў параўнанні з класічнымі і мадэрновымі досведамі сусветнага мастацтва.

Сама манера аповеду, абраная М. Багдановічам для свайго крытычнага разбору, характарызуецца наватарствам. Артыкулы пры ўсёй сур'ёзнасці зместу, дакладнасці фактаграфіі, што тычацца жыцця і творча-

сці таго ці іншага беларускага ці замежнага пісьменніка, ствараюць знешняе ўражанне свабоднай і нязмушанай інтанацыі, тонкіх псіхалагічных заўваг, цікавых назіранняў. Такі асаблівы жанр крытыкі прыгожага пісьменства ў гэтыя часы культываваўся і ў французскай літаратуры дзякуючы працам Ш. А. Сен-Бёва, што ствараў жывыя літаратурныя партрэты, складзеныя як вытанчаныя салонныя гутаркі, але заснаваныя на акадэмічных ведах і глыбокіх крытычных высновах.

М. Багдановіч, распрацоўваючы культурна-гістарычнае літаратуразнаўства, даводзіў, што беларускае прыгожае пісьменства – цэласны працэс, сістэма сістэм і ў старажытнасці, і ў новы час. Вытокі і аснова літаратурна-мастацкіх з’яў, на думку М. Багдановіча, – гістарычныя, палітычныя і псіхакультурныя фактары, агульны стан грамадскага жыцця народа. У артыкуле «Беларускае адраджэнне» (1914) сярод прычын заняпаду беларускай культуры М. Багдановіч адзначае менавіта пазалітаратурныя акалічнасці: «Лишенный классов, крепких экономически и культурно, прижатый крепостной зависимостью, белорусский народ не только не мог продолжать развитие своей культуры, но не был в состоянии даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (вроде языка, обычаев и т. п.) удержал он за собою, а все остальное... было ассимилировано, вобрано в себе польской культурой и с тех пор фигурирует под польской этикеткой, будучи по существу белорусским» [8].

Цікавымі ўяўляюцца таксама мадэлі нацыянальнай беларускай літаратуры XIX ст. і яе праблемы, якія падае М. Багдановіч у згаданым артыкуле «Беларускае адраджэнне». Погляды беларускага навукоўцы апырэдзілі некаторыя аспекты распрацаваных значна пазней якабсонаўскай і зохараўскай мадэляў камунікацыі. Згодна з Р. Якабсонам, да трох традыцыйных складнікаў маўленчага акта – адрасанта (той, хто гаворыць), адрасата (слухач) і кантэксту (прадмет гаворкі), дадаліся яшчэ тры: кантакт, код і паведамленне. У больш пазнейшым варыянце І. Эвен-Зохара адбываецца замена паняцця «код» на дэфініцыю «рэпертуар». Код, на думку полісістэміста І. Эвен-Зохара, залішне абстрактны выраз, а вось «рэпертуар»

прадугледжвае працу з матэрыялам, гэта сукупнасць агульных і канкрэтных мадэляў (лексіка-сінтаксічных, жанравых, вобразна-матыўных і г. д.), што кіруюць вытворчасцю і спажываннем тэкстаў. Рэпертуар, такім чынам, гэта правілы і вытворчасць, і выкарыстанне літаратурнага і культурнага прадукту, варыянты знакавых паводзін наогул. Зохараўская мадэль носіць назву вытворчай, бо яна апісвае вытворчасць цэлага набору тэкстаў, а таксама іншых сацыяльна-культурных прадуктаў, важных для іх спажыўца. «Інстытуты» ўключаюць у сябе выдавецтвы, крытыкаў, сістэму адукацыі, сродкі масавай інфармацыі. Пад рынкам маецца на ўвазе не толькі купля-продаж літаратурных і культурных прадуктаў, але і працэсы прасоўвання, папулярызацыі, распаўсюджвання прадукту, аб’яднання пісьменнікаў, усе віды масмедыя.

Гэтыя мадэлі камунікацыі ў значнай ступені могуць ахарактарызаваць адносіны як у культуры ў цэлым, так і ў літаратуры ў прыватнасці. М. Багдановіч адзначае, што сярдзіна XIX ст. для беларускай літаратуры ў сувязі з моцным рускім і польскім уплывам была вельмі складанай, творы, што з’яўляліся час ад часу, былі не адназначнымі: «Их слабость объясняется бесцельностью их существования: безграмотный народ этих произведений не мог знать, для интеллигенции же они не были хлебом духовным, а лишь простым привеском к литературе польской или великорусской» [8]. Правал камунікацыі на беларускай мове праз літаратурны твор даследчык тлумачыць так: «Горе ее заключалось в том, что у нее не было ни читателей, ни писателей – были лишь любители белорусской словесности» [8]. У артыкуле М. Багдановіч надзвычай дакладна абазначае праблему нацыянальнай літаратуры – адсутнасць найважнейшых кампанентаў: адрасанта, адрасата, а таксама распрацаванага сучаснага кода, рэпертуару пры наяўнасці кантэксту і паведамлення (інфармацыі, фрагментарных, але існуючых тэкстаў на беларускай мове, напрыклад, бліскучага «Тараса на Парнасе»).

Згодна з тэорыяй полісістэмістаў, каб літаратурны прадукт быў правільна зраблены і спажыты (створаны пісьменнікам і выкарыстаны чытачом), неабходна існаванне агульнага для іх рэпертуару. Гаворачы пра рэпертуар, неабходна ўдакладніць, што яго

функцыянаванне кантралюецца адразу дзвюма сіламі – сацыяльнымі інстытуцыямі і рынкам. Сацыяльныя інстытуцыі – гэта афіцыйныя ўстановы, органы ўлады, літаратурныя інстытуты, сродкі масавай інфармацыі і г. д.; па тлумачэнні І. Эвен-Зоха, «“інстытуцыі” складаюцца з сукупнасці фактараў, звязаных з кантролем культуры. Гэта інстытуцыі, якія кіруюць нормамі, санкцыянуюць адны і аспрэчваюць іншыя» («The “institution” consists of the aggregate of factors involved with the control of culture. It is the institution which governs the norms, sanctioning some and rejecting others») [9, p. 31]. Функцыянаванне такіх інстытуцый, напрыклад, у перыяд далучэння да Расіі, па словах М. Багдановіча, аказалася досыць рэпрэсіўным: «Было отменено действие Литовского статута, уничтожена уния, а вместе с тем и воспрещена проповедь по-белорусски, воспрещено (негласно) печатание белорусских книг, конфискованы ранее отпечатанные и т. п.» [8].

Пад рынкам патрэбна разумець сукупнасць фактараў, звязаных з прасоўваннем, маркетынгам культурнага ці літаратурнага тавару для спажывання адрасатам. Важна адзначыць, што адсутнасць рынку запяняе распаўсюджванне культурнага рэпертуару. Аўтаматычна своеасаблівым рынкам становяцца прафесійныя і аматарскія клубы і аб’яднанні, навучальныя ўстановы, «сродкі, а таксама ўключаныя мадэлі ўзаемадзеяння, якія прадастаўляюцца школай, фактычна складаюць рынак, строга кажучы» («The facilities, including the builtin interaction patterns, which are made available by the school, actually constitute the market strictly speaking»), – адзначае І. Эвен-Зохар [9, p. 33].

Абедзве сілы – сацыяльныя інстытуцыі, на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. прадстаўленыя ў значнай ступені органамі ўлады прарасійскай і прапольскай накіраванасці, а таксама адсутнасць навучальных устаноў, дзе было б запатрабавана вывучэнне мастацкіх твораў на беларускай мове, – былі скіраваны на татальнае стрымліванне развіцця і функцыянавання рэпертуару беларускай культуры і літаратуры. На пэўным этапе як процівага падобных тэндэнцый, указвае М. Багдановіч, «возник Виленский университет, появилась пресса, значительно увеличился спрос

на книгу, начала выкристаллизовываться интеллигенция» [8].

Неабходна адзначыць, што дзейнасць М. Багдановіча па стварэнні дзейснага і прапрацаванага рэпертуару новай беларускай літаратуры вялася ў розных накірунках. Калі ў агульных рысах аналізаваць структуру рэпертуару, то відавочна, што ў ім выдзяляецца два розныя узроўні: узровень асобных элементаў і ўзровень мадэляў.

Узровень асобных элементаў можа быць прадстаўлены як вялікая колькасць разрозненых, але агульнапрынятых і ўстойлівых (нельга бытаць іх з лакальнымі тэкставымі адзінкамі) з’яў, прадуктаў, часцін, адзінак мовы, літаратуры, культуры. Узровень мадэляў можна аналітычна паказаць як суму ці камбінацыю асобных элементаў-рэпертурэм і правіл, якімі кіруюцца ўдзельнікі падзеі ў канкрэтны перыяд часу, гэта значыць спалучэння рэпертурэм як у часе, так і ў прасторы. Гэтае функцыянальнае выкарыстанне рэпертурэм можа быць патлумачана словамі самога І. Эвен-Зоха: «Недостаткова ведаць, што пэўныя сказы павінны быць сказаны, звяртаючыся да каго-небудзь; трэба ведаць, у якім парадку гэтыя сказы павінны быць сказаны» («For example, it is not sufficient to know that certain sentences should be said when addressing someone; one ought to know in what order these sentences should be said») [9, p. 23].

Творчасць М. Багдановіча, іншых «нашаніўцаў», а потым і «ўзвышэнцаў» была скіравана на прапрацоўку новага рэпертуару беларускай культуры і літаратуры, а таксама выступала спробай зрабіць яго дамінуючым у грамадстве. Чым больш разнастайным (на ўзроўні тэм, жанраў, радоў, стылёвых плыняў і г. д.) выглядае рэпертуар, тым больш рэсурсаў для сацыякультурных пераменаў наогул. Па розных прычынах (значную іх частку пэўна і відавочна ў сваіх артыкулах абазначае і М. Багдановіч, і яго аднадумцы-«нашаніўцы») культура, літаратура могуць знаходзіцца ў стане стагнацыі. У такім выпадку, сведчыць тэорыя полісістэмістаў, «яе рэпертуар можа быць абмежаваны, што можа зрабіць яе больш схільнай да выкарыстання іншых даступных культур» («its repertoire may be limited, which may render it more disposed to use other accessible cultures») [8, p. 21–22]. М. Багдановіч такія тэндэнцыі тонка заўважае і гаво-

рыць аб з'яўленні новай рэпертуарнай мадэлі: «Возникла на почве местного “патриотизма” особая “краевая” литература, главным образом польская» [8] і далей пералічвае цэлы шэраг пісьменнікаў (А. Міцкевіч, Я. Чачот, В. Марцінкевіч, В. Сыракомля, В. Каратынскі, А. Вярыга-Дарэўскі і інш.), што стваралі свае тэксты па «краёвай» мадэлі, часцяком на польскай мове, радзей на беларускай, але абавязковым прадметам такой літаратуры было «описание Белоруссии, белорусской природы, белорусского крестьянства и мелкой шляхты, их повседневной жизни и обычаев. В эти описания нередко проскальзывали произведения белорусского народного творчества, встречалась и белорусская разговорная речь» [8].

Другім спосабам папаўнення рэпертуару становіцца зварот да рэпертуараў, што актыўна выкарыстоўваліся ў мінулыя часы, але па розных прычынах страцілі цэнтральнае становішча і перайшлі на перыферыю літаратурна-культурнага працэсу. Напрыклад, у эпоху Рамантызму атрымалі новае жыццё жанры і мадэлі з рэпертуару вуснай народнай творчасці, асабліва, калі фальклорная традыцыя багатая і добра распрацаваная. У такім выпадку ў нацыянальнай літаратуры і культуры з'яўляецца добрая магчымасць «паўторна выкарыстоўваць рэпертуары ў перыяды змяненняў, а не шукаць пабочныя рэпертуары» («to attempt recycling repertoires during periods of change rather than seeking extraneous repertoires») [9, p. 22]), як даводзіць І. Эвен-Зохар. Становіцца зразумелымі вельмі дбайныя адносіны М. Багдановіча і шэрагу іншых беларускіх пісьменнікаў да рэсурсаў нацыянальнай міфалогіі і фальклору. «Думаецца, пакуль мы робім першыя крокі, трэба нам трымацца народнай песні, як сляпы трымаецца плота», – дакладна адзначае тэарэтык і практык беларускай літаратуры [8].

Прыкладам дасканалыя «паўторнага выкарыстання рэпертуару» стала нізка вершаў «У зачараваным царстве», што адкрывае зборнік М. Багдановіча «Вянок». Вобразны свет твораў гэтага цыклу знітаваны з фальклорна-міфалагічным рэпертуарам, матывамі і вобразамі, што прыйшлі з твораў народнай творчасці беларусаў. Матывы

спрадвечнай архаічнай Бацькаўшчыны не выкарыстоўваюцца ў творах М. Багдановіча ў рамках этнаграфічных замалёвак з натуры, але становяцца крыніцай арыгінальнасці. Міфалагічныя вобразы лесуноў, русалак, вадзянікоў, паганскага светабачання з яго буянствам фарбаў, гукаў, цудаў і магіі, культ характава прыроды выразна супрацьпастаўлены сучаснаму спустошанаму стану беларускага прыгожага пісьменства, заняпаду нацыянальнай самаідэнтыфікацыі. Гэтыя два сусветы – архаічнае гарманічнае мінулае паганскіх часоў і сучасны стан беларускай мовы і культуры – кантрастуюць не толькі гістарычна, але і ў плане філасофіі і духоўнасці. Паэт даводзіць сучаснікам сваё настаўленне аб распрацаванасці «дзіўных радкоў», багатым арсенале беларускіх фальклорна-міфалагічных матываў і падштурхоўвае да актыўнага выкарыстання гэтых рэсурсаў міфатворчай народна-паэтычнай свядомасці ў літаратурных творах новай беларускай літаратуры, каб гэтыя рэсурсы ўмацавалі разуменне ўласнай беларускай этнічнай ідэнтычнасці.

Заклучэнне

Полісістэмны падыход, метадалагічныя магчымасці мадэлі камунікацыі І. Эвен-Зохара ў вывучэнні навуковых і крытычных артыкулаў М. Багдановіча спрыяюць выяўленню месца і ролі той ці іншай з'явы на мікра- і макраўзроўні – у межах творчай лабараторыі аўтара, эвалюцыі яго творчага метаду, а таксама ва ўзаемадзеянні эстэтычнай дактрыны М. Багдановіча з іншымі філасофскімі і сацыякультурнымі плынямі і накірункамі пэўнага гістарычнага перыяду як элемента больш складанага цэлага, а не ізаляванай часткі. Гэта дазваляе ўсвядоміць важныя рысы не толькі мастацкай манеры крытыка і паэта, але і канстантныя рысы нацыяментальнай сферы беларускай літаратуры і культуры як полісістэмных з'яў. Намі ўстаноўлена, што М. Багдановіч рупліва распрацоўваў дзейную мадэль камунікацыі беларускай культуры і літаратуры з пункту гледжання рэпертуару, функцыянаванне якога кантралюецца сацыяльнымі інстытуцыямі і рынкам.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Лойка, А. Максім Багдановіч / А. Лойка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 334 с.
2. Бачыла, А. Дарогамі Максіма Багдановіча / А. Бачыла. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Нар. асвета, 1983. – 104 с.
3. Бярозкін, Р. Чалавек напрудвесні : расказ пра Максіма Багдановіча / Р. Бярозкін ; пер. з рус. Ю. Канэ. – Мінск : Нар. асвета, 1986. – 176 с.
4. Ватацы, Н. Шляхі : гіст.-літ. арт. / Н. Ватацы. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 175 с.
5. Максім Багдановіч : энцыклапедыя / склад. І. У. Саламевіч, М. В. Трус ; рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 608 с.
6. Багдановіч, М. В. Самійленко [Электронны рэсурс] / М. Багдановіч // Сайт Максіма Багдановіча. – Рэжым доступу: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/239.htm>. – Дата доступу: 27.09.2020.
7. Багдановіч, М. Забыты шлях [Электронны рэсурс] / М. Багдановіч // Сайт Максіма Багдановіча. – Рэжым доступу: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/236.htm>. – Дата доступу: 12.10.2020.
8. Багдановіч, М. Беларускае возрождзене [Электронны рэсурс] / М. Багдановіч // Сайт Максіма Багдановіча. – Рэжым доступу: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/241page-37.htm>. – Дата доступу: 12.10.2020.
9. Even-Zohar, I. Factors and Dependencies in Culture: A Revised Outline for Polysystem Culture Research / I. Even-Zohar // Canadian Review Of Comparative Literature. – 1997. – № XXIV. – P. 15–34.

REFERENCES

1. Lojka, A. Maksim Bahdanovich / A. Lojka. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1966. – 334 s.
2. Bachyla, A. Darohami Maksima Bahdanovicha / A. Bachyla. – 2-je vyd., pieraprac. i dap. – Minsk : Nar. asvieta, 1983. – 104 s.
3. Biarozkin, R. Chalaviek naprudviesni : raskaz pra Maksima Bahdanovicha / R. Biarozkin ; pier. z rus. Yu. Kane. – Minsk : Nar. asvieta, 1986. – 176 s.
4. Vatacy, N. Shliakhi : hist.-lit. art. / N. Vatacy. – Minsk : Mast. lit., 1986. – 175 s.
5. Maksim Bahdanovich : encykliapiedyja / sklad. I. U. Salamievich, M. V. Trus ; redkal.: T. U. Bialova (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Bielarus. Encsykl. imia P. Brouki, 2011. – 608 s.
6. Bahdanovich, M. V. Samyjlenko [Eliiektronny resurs] / M. Bahdanovich // Sajt Maksima Bogdanovicha. – Rezhym dostupu: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/239.htm>. – Data dostupu: 27.09.2020.
7. Bahdanovich, M. Zabyty shliakh [Eliiektronny resurs] / M. Bahdanovich // Sajt Maksima Bogdanovicha. – Rezhym dostupu: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/236.htm>. – Data dostupu: 12.10.2020.
8. Bahdanovich, M. Bieloruskoje vozrozhdienije [Eliiektronny resurs] / M. Bahdanovich // Sajt Maksima Bogdanovicha. – Rezhym dostupu: <https://www.maksimbogdanovich.ru/stories/241-page-37.htm>. – Data dostupu: 12.10.2020.
9. Even-Zohar, I. Factors and Dependencies in Culture: A Revised Outline for Polysystem Culture Research / I. Even-Zohar // Canadian Review Of Comparative Literature. – 1997. – № XXIV. – P. 15–34.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.02.2022

УДК 821.161.3'06-311.6:821.111'06-311.6

Ольга Александровна Лиденковаканд. філол. наук, доц., доц. каф. теорыі і практыкі англійскага мовы
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта**Olga Lidenkova**PhD of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of the English Language
of the Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: hollin7@gmail.com**ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ И ИДЕАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
БЕЛОРУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ**

В компаративном аспекте рассматривается эволюция типа героя в жанре современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов в контексте усиления внимания к проблеме личной и коллективной идентичности. Внимание обращается на динамику элементов неоромантической эстетики в характеристике персонажей (Л. Дайнеко, О. Ипатова, В. Ковтун, К. Тарасов, Л. Рублевская, Дж. Крейс, П. Кингснорт, А. Байетт). Выделяются предпосылки актуализации мотива личностного и общественного идеала (романы Л. Рублевской, З. Каминской, Б. Ансуорта, П. Кингснорта, Х. Мендел). Прослеживается оппозиция «высокой» и «низкой» культуры через метафоры аристократизма и внимание к теме истинного наследника. Таким образом, в произведениях как белорусских, так и англоязычных авторов современной исторической прозы можно отметить достаточно много сходжений и параллелей в эволюции типа героя, обусловленных прежде всего общеевропейским кризисом идентичности и повышенным вниманием к проблеме личной и национальной самоидентификации.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, тип героя, метафора, мотив наследника, неоромантизм.

The Concept of the Ideal in Belarusian and British Contemporary Historical Fiction

The article in a comparative aspect examines the evolution of the type of hero in the genre of modern historical fiction of Belarusian and English-speaking authors in the context of the increasing attention to the problem of personal and collective identity. Special attention is drawn to the dynamics of elements of neo-romantic aesthetics in the characterization of protagonists (L. Daineko, O. Ipatova, K. Tarasov, L. Rublevskaya, J. Crace, P. Kingsnorth, A. Byatt). The research highlights the prerequisites for the actualization of the motive of a personal and social ideal (novels by Z. Kaminskaya, B. Unsworth, P. Kingsnorth, H. Mantel). The opposition of «high» and «low» culture is traced through the metaphors of an «aristocratic spirit» and the focus on the theme of a true heir. Thus, in the works of both Belarusian and English-speaking authors of contemporary historical fiction, there are quite a few similarities and parallels in the evolution of the hero type, caused primarily by the pan-European crisis of identity and the increased attention to the problem of personal and collective self-identification.

Key words: historical novel, modern fiction, character, metaphor, the heir motive, neo-romanticism.

Введение

Усиление внимания к проблеме персонального самоопределения идентичности в современной исторической прозе последовательно приводит к постановке вопроса о роли личности в истории.

Проблеме отражения в литературе современного кризиса идентичности (термин Э. Эриксона) посвящены работы А. Нюннинга («On the Englishness of English Literary Histories as a Challenge to Transcultural Literary History»), М. Балкан («The American Counterfeit: Authenticity and Identity in American Literature and Culture»), К. Сингли («Adopting America: Childhood, Kinship, and

National Identity in Literature»), М. Каккаллох, А. Бауком («Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity»), К. Берберич («The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature. Englishness and Nostalgia»), Н. Бентли («Rewriting Englishness: Imagining the Nation in Julian Barnes's England, England and Zadie Smith's White Teeth») и др. Можно утверждать, что данное направление с каждым годом привлекает внимание все большего количества исследователей.

Не прекращается интерес к данной теме в работах белорусских исследователей и мыслителей: И. Афанасьева, И. Бобкова,

И. Богданович, В. Гниломедова, У. Конана, А. Мельниковой, В. Микулича, У. Наумовича, Л. Синьковой, М. Тычины, И. Чароты и др. При этом типология персонажей современной исторической прозы изучается чаще всего в рамках исследования творчества конкретного автора (монография А. Пашкевича «Канцэпцыя нацыянальнага быцця ў беларускай прозе замежжа XX стагоддзя», диссертации О. Дорогокупец, А. Новосельцевой и др.). Работ по сравнительно-обобщающему изучению типа героя в конкретном жанре современной литературы (Т. Е. Комаровской подобных монографий «Проблемы поэтики исторического романа США XX века») практически нет, чем и обусловлена актуальность данной статьи.

Целью исследования является анализ эволюции типа героя в жанре современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов в контексте усиления внимания к проблеме личной и коллективной идентичности. Сопутствующие задачи исследования: описать динамику элементов неоромантической эстетики в характеристике персонажей, проследить оппозицию аллегорий «высокой» и «низкой» культуры как основы нациотворческого мифа, выделить предпосылки актуализации мотива личностного и общественного идеалов.

Черты неоромантической эстетики в характеристике персонажей

Для белорусских авторов, особенно старшего поколения, характерен неугасающий интерес к сильной политической фигуре, в некотором роде сверхчеловеку. Даже потерпев поражение, он неизменно оставляет за собой или моральное превосходство, или трагический ореол павшего титана, что чувствуется даже в произведениях с реалистической стилистикой. И необязательно это призрачный король Стах В. Короткевича. Три Константина Л. Дайнеко, Миндовг и Витовт, Ефросиния и даже Элоиза Пашкевич из романов К. Тарасова, В. Ковтун, О. Ипатовой и других обладают почти сверхъестественной силой предвидения, волей и мудростью, возвышающими их над обычными людьми. Все они отмечены либо особым даром знания воли богов, либо сверхъестественной способностью единения с природой и окружающим миром, либо творческим прозрением прошлого и бу-

дущего и иными непостижимыми и недоступными остальным смертным качествами.

О. Ипатова и В. Ковтун связывают способность к творчеству и живительному преображению действительности с женским началом в сочетании с сильным религиозным чувством (образы Ефросинии Полоцкой, Элизы Ожешко, Элоизы Пашкевич). Л. Рублевская часто привносит в портрет героев почти магические способности к преобразованию окружающего мира, будь то художник («Сэрца мармуровага анёла»), писатель-демиург («Сутарэнні Ромула»), алхимик (цикл о Прантише Вырвиче, «Гульня ў Альбарутэнію»), механик-артефактор («Скокі смерці») и др. И поэтому совсем не удивительным а, наоборот, логичным становится трансформация несущих национальную идею героев в белорусскую версию «людей X» в творчестве молодых авторов («Ген зямлі» Длатовской, «Трыкутнік караля» Е. Асноревского).

Протагонист белорусской исторической прозы практически никогда полностью не избавлен от характеристик романтического героя. Это «исключительный характер в исключительных обстоятельствах», непонятый бунтарь и идеалист, бессильный перед лицом неумолимого рока, жертва собственных страстей (К. Тарасов, Л. Дайнеко), обреченный быть одиноким изгоем (Л. Рублевская, В. Ковтун), идеал и образец несгибаемой воли и духа, противопоставляющий смелость и эмоциональную искренность серой обыденности: «Гэта сведчыць аб душы з магутнымі эмацыянальнымі патэнцыямі У вас, паверце, жыццё і пачуцці яшчэ не ўступілі ў той смяротны канфлікт, які ўрэшце ўсё роўна завершыцца перамогай будзённасці. Усясільная будзённасць!» [1, с. 384].

То, что подобные герои нехарактерны для современной англоязычной прозы, не говорит о том, что в ней нет запроса на подобных персонажей, а, скорее, является следствием гораздо большего влияния на литературный дискурс мейнстримных установок постмодернизма на подавление любого серьезного разговора о героическом идеализме. Белорусские авторы здесь пользуются большей свободой, и трагический пафос их произведений основывается на долгой традиции, в т. ч. советской (особенно военной) литературы, направленной на

создание образа идеального гражданина: «Дамаседныя мудрацы распускаяць чуткі аб вірусе з планеты Вар. Хлусня!.. Ёсць сум аб ідэале. Зразумеў? Ёсць неадольны чалавечы сум аб ідэале, аб вышэйшым прызначэнні людской расы» [2, с. 209].

Концепция идеала в современной исторической прозе

В англоязычной исторической прозе на данном этапе также усиливается интерес к исторической фигуре как идеалу и ориентиру. Это происходит как реакция на деконструкцию в современной европейской культуре самого понятия патриотизма и героизма, которое выливается в т. ч. в неспособность нынешней эпохи породить понастоящему великие фигуры, истинных национальных лидеров, сравнимых с деятелями прошлого. Как выразила это Х. Мендел в своем интервью о герое своего исторического цикла Т. Кромвеле, «well, let me tell you about Jonathan Powell and Alistair Campbell: Thomas Cromwell would have eaten them for breakfast» [3].

Глубокое исследование данной темы представлено в книге Б. Ансуорта «Losing Nelson» (1999 г.). Данный роман можно интерпретировать множеством способов: как уже привычную деконструкцию исторических мифов и стереотипов через низвержение ложного исторического героя – адмирала Нельсона, критику европейской цивилизации через призму теории постколониализма, как утверждение важности обретения личностной идентичности, некоей самости. Но временами все эти интерпретации кажутся лишь маскировкой более глубокой проблемы, к которой ведет смерть Бога, а именно свойственная человеческому обществу потребность в идеалах и образцах, на которые можно было бы ориентироваться и до которых можно было бы расти.

Писателем представлена модификация формы параллельного романа, где мы не просто видим две повествовательные линии, но жизнь Нельсона и его современного биографа Чарльза буквально сливаются воедино благодаря одержимости исследователя предметом исследования. Эта же идея растворения личности в образе своего кумира вдохновила Байетт на создание романа «Possession», но именно Ансуорт довел ее до своего логического конца. Глав-

ный герой Чарльз по минутам разыгрывает сражения адмирала с помощью моделей кораблей. Он мысленно путешествует по следам своего идола, становясь Нельсоном в своем воображении. У него нет своей жизни, т. к. все мысли и поступки подчинены стремлению максимально проникнуть в суть личности военного гения и составить самое полное и правдивое его жизнеописание. Один из выводов, которые можно сделать после прочтения романа, – человек настолько велик и совершенен, насколько велик и совершенен его идеал. Заповедь «Не сотвори себе кумира» трактуется автором как неизбежность деградации человека при поклонении недостойному «богу», что продемонстрировано в сцене, когда фанат (автор употребляет слово «convert» *новообращенный*) Дэвида Боуи делится с Чарльзом чертами поп-звезды, в которых и состоит его подлинное величие и которые достойны подражания: «He is the person I would most have wanted to be» [4, с. 137]. Такому «верующему» нет нужды преодолевать себя и делать что-то сверхъестественное, достаточно верить в мир во всем мире, космическую гармонию и права животных: «He is just like me – he has the same attitudes that I have, he is nonaggressive, he believes in cosmic harmony and animal rights» [4, с. 137].

Человек творит себя по образу своего кумира, и низвержение рукотворного идола грозит уничтожить и душу, которая верила в него, как и происходит с Чарльзом. Кризис наступает, когда герой оказывается не в состоянии прояснить небольшой эпизод из военной кампании Нельсона в Италии. То, что его идеал мог быть замешан в подкупе и предательстве, а подвигами его двигало тщеславие и честолюбие, не только разрушает светлый образ адмирала, но погружает Чарльза в безумие и ведет к окончательному распаду его личности.

Оппозиция «высокого» и «низкого» в характере героя

Для очень многих авторов характерно возвращение к древнему мотиву аристократизма как метафоре внутреннего благородства и величия духа.

После В. Короткевича в белорусской исторической прозе, особенно писателей среднего и молодого поколения, уже стало привычным провозглашение не крестьян-

ской, но «шляхецкой» культуры как истинно народной. Героем должен быть потомок хоть и забытого, но обязательно древнего рода, носитель высокого понимания национальной идеи. В крайнем случае – представитель творческой интеллигенции (местный демиург), а в идеале – персонаж, сочетающий в себе все эти признаки. Противопоставлены им люди с «собачьим сердцем», неспособные воспринять красоту мысли, поступка, архитектуры, природы (отсюда акцентирование уродливости советских построек в текстах белорусских авторов): «Грубья смерды самі топчуць тыя кволья раслінкі прыгажосці, што я з такім натхненнем засяваю для іх жа» [5, с. 16]. Наиболее акцентированно подобная оппозиция жертвенно-возвышенного против низменного и примитивно-инстинктивного представлена в романах Г. Далидовича и Л. Рублевской, посвященных годам революции и становления советской власти: «Бегаюць мачыцца ў камін – у буржуазны, мяшчанскі атрыбут... мінчукі ды выхадцы з вёсак азвярэлі на культуру і літаратуру. Яны таксама хочучь стварыць новае, сваё, хоць некаторыя з іх амаль не ўмеюць чытаць і пісаць, вывучылі на памяць толькі некалькі марксісцкіх лозунгаў» [6, с. 3].

Похожая дихотомия представлена в творчестве П. Кингснорта, в романе «Harvest» Дж. Крейса, где различия героев заключаются в уровне осознанности ценности своей земли и своего прошлого. Это контраст между образованным горожанином и равнодушными работниками поместья, которые (презирают «лишнюю» образованность и слепы к собственной ограниченности): «I've been too schooled, she says dismissively. I find her limited and, except in matters of the field, dull-witted» [7, с. 43]. Подобно тому как у О. Ипатовой большинство глухо к красоте слова и просвещения, у Крейса фермеры видят в цветах (и красоте природы) лишь корм для свиней: «My new neighbors were amused by me, of course, my callow eagerness. For them an iris bulb was pig fodder; celandines were not a thing of beauty but a gargle for an irritated throat» [7, с. 24]. Они «съедают» лес, уничтожают

исторический ландшафт по приказу хозяина, подобно тому как настоящие овцы вскоре «съедят» их самих, когда фермы будут снесены для пастбищ: «But there is only this afternoon for making good, for marking my revenge, my countryman's revenge, on Edmund Jordan and his sheep» [7, с. 192].

Часто подобные сюжеты сопровождаются мотивом самозванца, вытеснившего исконного хозяина земли и культуры. Но если у отечественных авторов эта идея выражается через ландшафт, когда унылые бетонные коробки захватывают фундамент разрушенных памятников и дворцов, у Крейса гротескную игру в лорда затевает слуга: он спит в кровати бывшего хозяина, примеряет одежду хозяйки, смотрясь в ее зеркало, и наслаждается неожиданной властью над чужими судьбами: «There's no one else can help you now. There's no one left excepting me. And, as you see – I rattle them – 'I am the master of the keys'» [7, с. 147].

Параллельно существуют произведения (как правило, писателей самого старшего поколения: В. Гниломедова, В. Яковенко и др.), представляющие собой хроники нескольких поколений крестьянских семей, однако здесь герои, скорее, являются воплощением народной связи с землей, конкретной локацией, чем носителями классовой идеологии.

Заклучение

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что в исторических произведениях как белорусских, так и англоязычных авторов складывается достаточно схожий тип героя, что во многом обусловлено общеевропейским кризисом ценностных установок и остро стоящим вопросом как персональной, так и коллективной идентичности. В связи с этим актуализируются вопросы поиска идеала, мотив духовного роста и преобразования личности. Особенную роль начинает играть оппозиция наследника и самозванца, особенно в сюжетах, посвященных проблеме преемственности и легитимизации нациотворческого мифа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коўтун, В. Крыж міласэрнасці / В. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 493 с.

2. Дайнека, Л. Чалавек з брыльянтавым сэрцам / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 238 с.
3. Wood, H. Mantel's last Cromwell novel likely to miss summer 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211>. – Date of access: 15.05.2021.
4. Unsworth, B. Losing Nelson / B. Unsworth. – New York : Doubleday, 1999. – 352 p.
5. Іпатава, В. Прадыслава / В. Іпатава. – Мінск : Сталія, 2003. – 79 с.
6. Далідовіч, Г. Свой дом / Г. Далідовіч. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 351 с.
7. Crace, J. Harvest / J. Crace. – London : Picador, Pan Macmillan, 2014. – 208 p.

REFERENCES

1. Koutun, V. Kryzh milasernasci / V. Koutun. – Minsk : Mast. lit., 1996. – 493 s.
2. Dajneka, L. Chalaviek z bryl'jntavym sercam / L. Dajneka. – Minsk : Junactva, 1994. – 238 s.
3. Wood, H. Mantel's last Cromwell novel likely to miss summer 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211>. – Date of access: 15.05.2021.
4. Unsworth, B. Losing Nelson / B. Unsworth. – New York : Doubleday, 1999. – 352 p.
5. Ipatava, V. Pradyslava / V. Ipatava. – Minsk : Stalija, 2003. – 79 s.
6. Dalidovich, H. Svok dom / H. Dalidovich. – Minsk : Mast. lit., 1992. – 351 s.
7. Crace, J. Harvest / J. Crace. – London : Picador, Pan Macmillan, 2014. – 208 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.06.2021

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.2

Галина Николаевна Казаручик

канд. пед. наук, доц., зав. каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Galina Kazaruchik

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of Department of Special Pedagogical Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: kazaruchyk@tut.by

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Описана структурно-функциональная модель экологического образования детей дошкольного возраста, включающая целевой, ресурсный, нормативный, содержательный, процессуальный, результативно-оценочный блоки. Определены цель и задачи экологического образования дошкольников, выделены необходимые для его реализации ресурсы. Показана взаимосвязь познавательного, ценностного и деятельностного компонентов во взаимодействии ребенка с миром природы. Обозначена необходимость взаимодействия педагогических работников и родителей в экологическом образовании детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, модель, экологическая культура, экологическое образование, эмоционально-ценностное отношение к природе.

Structural and Functional Model of Ecological Education of Preschool Children

The article describes a structural and functional model of environmental education of children of preschool age, including target, resource, normative, substantive, procedural, performance-evaluation blocks. The author defines the purpose and objectives of environmental education of preschoolers, allocated the necessary resources for its implementation. The interrelation of cognitive, value and activity components in the harmonization of the child with the natural world is shown. The necessity of interaction between teaching staff and parents in the environmental education of preschool children is emphasized.

Key words: preschool children, model, ecological culture, ecological education, emotional-value attitude to nature.

Введение

Актуальность проблемы исследования обуславливается двумя основными концептуальными положениями: во-первых, необходимостью сохранения среды обитания человека в условиях современной экологической ситуации, т. е. обеспечения естественной основы жизни и деятельности человека, без которой невозможно его благополучие, а во-вторых, необходимостью гармоничного развития личности, которое включает в себя гуманистическое мироощущение, связанное с восприятием природы. Поэтому формирование нового типа отношения человека к природе, их гармонизация становятся одной из главных задач образования.

Основные положения концепции экологического образования разработаны в

трудах И. Т. Гайсина, А. Н. Захлебного, И. Д. Зверева, Г. Н. Каропы, Н. К. Катович, С. С. Кашлева, А. Н. Сидельковского, Г. П. Сикорской, И. Т. Суравегиной, А. Г. Шевцова, Т. П. Южаковой. Учеными определены цели, задачи, принципы и содержание экологического образования, сформулированы ведущие идеи и категории данной области психолого-педагогической науки.

Одним из важнейших принципов экологического образования является принцип непрерывности. При этом под непрерывностью понимается взаимосвязанный процесс обучения, воспитания и развития человека на протяжении всей его жизни. Особую роль в этом процессе занимает период дошкольного детства, когда закладываются основы мировоззрения человека, формируется его отношение к окружающему миру.

Поэтому учреждениям дошкольного образования принадлежит важное место в воспитании личности, способной жить в гармонии с собой, обществом, природой, в системе подготовки молодого поколения к рациональному природопользованию.

Отдельные аспекты экологического образования дошкольников изучали Н. Н. Вересов, Н. А. Гуныга, С. Н. Николаева, Г. И. Островская, Л. И. Пономарева, Н. А. Рыжова, В. Г. Фокина, Л. Т. Шанасырова, И. А. Шарипова и др. Вместе с тем весьма актуальным остается вопрос о совершенствовании системы работы учреждений дошкольного образования по экологическому образованию детей, которое предполагает прежде всего подбор и использование адекватных форм организации, методов и средств воспитания и обучения дошкольников. Особую значимость данная проблема приобретает в условиях гуманизации образовательного процесса, предусматривающего применение демократического стиля общения воспитателя и воспитанников, способствующего развитию познавательного интереса и самостоятельности детей, успешному усвоению ими знаний и умений, свободному ориентированию в окружающей действительности.

Экологическое образование рассматривается нами как процесс, «направленный на расширение экологических представлений детей, развитие у них эмоционально-ценностного отношения к природе, формирование мотивов, а также умений экологически целесообразной деятельности» [1, с. 8].

Основными содержательными аспектами экологического образования дошкольников, таким образом, выступают познавательный, эмоционально-ценностный и дея-

тельность, что обеспечивает в результате не только формирование экологической образованности, но и целостное развитие личности ребенка-дошкольника. Только гармонично развитая личность сможет жить в гармонии с собой, обществом, природой.

Цель данной статьи состоит в описании структурно-функциональной модели экологического образования детей дошкольного возраста.

Моделирование процесса экологического образования детей дошкольного возраста

Модель представляет собой искусственный объект, образ реально существующего объекта в виде схемы, который отображает и воспроизводит в более доступном и обобщенном виде структуру, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта.

В процессе моделирования педагогических явлений появляется возможность воспроизводить наиболее важные компоненты, свойства, связи исследуемых систем и процессов, что позволяет объективно оценить их, прогнозировать тенденции их развития, а также управлять этим развитием.

Модель экологического образования подразумевает под собой разработку наиболее оптимальной системы мероприятий для достижения желаемого результата. Целостная модель педагогического обеспечения экологического образования детей среднего дошкольного возраста в условиях учреждения дошкольного образования представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Структурно-функциональная модель экологического образования детей дошкольного возраста

Блоки модели:
<i>целевой, ресурсный, нормативный, содержательный, процессуальный, результативно-оценочный</i>
<i>Целевой блок</i>
Цель экологического образования – создать условия для формирования основ экологической культуры детей дошкольного возраста
<i>Ресурсный блок</i>
Экологическая компетентность педагогических работников, развивающая среда
<i>Нормативный блок</i>
Принципы экологического образования детей дошкольного возраста: системности, гибкости, экогуманизма, добровольности, развивающего характера обучения, доступности, непрерывности и преемственности, формирования универсальных для последующих уровней образования способностей, рационального сочетания разных видов детской деятельности, обеспечения психологического комфорта, целостности

Окончание таблицы 1

Условия экологического образования детей старшего дошкольного возраста			
Разнообразие методов, приемов, форм экологического образования	Компетентность педагогических работников в вопросах экологического образования	Обогащение экологической развивающей среды учреждения дошкольного образования	Взаимодействие с семьей
<i>Содержательный блок</i>			
Познавательный, ценностный и деятельностный компоненты			
<i>Процессуальный блок</i>			
Диагностика экологической образованности воспитанников	Анализ результатов изучения, разработка плана работы	Целенаправленная работа с субъектами образовательного процесса	Коррекция деятельности, условий
<i>Результативно-оценочный блок</i>			
Критерии экологической образованности детей старшего дошкольного возраста		Показатели экологической образованности детей старшего дошкольного возраста	

Остановимся на описании предложенной модели и кратко охарактеризуем ее элементы. Разработанная нами модель организации процесса экологического образования детей дошкольного возраста включает в себя следующие взаимосвязанные блоки: целевой, ресурсный, нормативный, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный.

Целевой блок включает цель и задачи экологического образования детей дошкольного возраста. Цель экологического образования – создать условия для формирования основ экологической культуры детей дошкольного возраста. С. Н. Николаева понимает экологическую культуру как формирование у детей сознательного и правильного отношения к объектам природы,

составляющим их ближайшее окружение [2]. «Это особый вид культуры, который характеризуется совокупностью системы знаний и умений по экологии, уважительным, гуманистическим отношением ко всему живому и окружающей среде» [3, с. 77]. Эта цель согласуется с Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь, которая, ориентируясь на общегуманистические ценности, ставит задачу личностного развития ребенка, проявления его моральных качеств [4]. Задачи экологического образования – это задачи создания и реализации образовательной модели, при которой очевидны проявления начал экологической культуры у детей, готовящихся к школьному обучению. Задачи представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Задачи экологического образования детей дошкольного возраста

Основные задачи	Обеспечивающие задачи
1. Обогащение экологических представлений детей.	1. Создание в педагогическом коллективе атмосферы значимости экологических проблем и приоритетности экологического образования.
2. Развитие у дошкольников эмоционально-ценностного отношения к природе.	2. Создание в учреждении дошкольного образования условий, обеспечивающих реализацию процесса экологического образования воспитанников.
3. Формирование мотивов и умений экологически целесообразной деятельности.	3. Систематическое повышение квалификации педагогических работников.
	4. Совершенствование экологической пропаганды среди родителей.

Ресурсный блок включает экологическую компетентность педагогов и развивающую среду учреждения дошкольного образования. Экологическая компетентность воспитателей дошкольного образования предполагает знание содержания учебной программы дошкольного образования, образовательной области «Ребенок и природа»; знание возрастных и психологических особенностей детей дошкольного возраста;

умение применять на практике теоретические знания «Теории и методики ознакомления детей дошкольного возраста с природой»; грамотность в подборе методов, приемов, форм для работы с детьми, их использование для решения конкретных практических задач.

Развивающая среда учреждения дошкольного образования предполагает наличие методической литературы, экологиче-

скої тропинки, екологічнай камнаты, уголков прыроды во всех возрастных групках, відовае разнаобразіе прыродных аб'ектаў в котрых саотвєтвует перєчню, прєдлагаєму ўчєбнуй программай дошкільнаго абразаваня; наячыє углака эксперымєнтыврваня вмєстє с нєобходымымы атрїбутамы: коллєкцыя прыроднаго матеряала, нєобходымє оборуованє для првєдєння опытов (лупы, ызмерительные стаканчыкы, вєсы, пєсочныє часы и др.).

Развывающая среда должна подчиняться ряду следующих требований: соответствовать возможностям ребенка на границе перехода к следующему этапу его развития, т. е. через среду должны быть сформированы зоны ближайшего и актуального развития (Л. С. Выготский [5]); соответствовать структуре когнитивной сферы ребенка, т. е. должна содержать в себе как консервативные (уже известные ребенку) компоненты, так и проблемные, подлежащие исследованию (Н. Н. Поддьяков [6]); удовлетворять потребность ребенка в новизне, быть неисчерпаемой, информативной, тем самым способствовать самоутверждению воспитанника; быть функционально комфортной для ребенка и взрослого.

Формирование развивающей предметно-пространственной среды учреждения дошкольного образования предполагает создание новых и обогащение ее традиционных элементов – «экологических объектов». «Экологические объекты» – элементы развивающей среды, объекты природы, как естественные, так и специально созданные на территории учреждения дошкольного образования. Каждый элемент среды имеет свое функциональное назначение. Вариативность среды проявляется в выборе, сочетании отдельных ее элементов – как традиционных, так и новых, в зависимости от региональных природных особенностей и возможностей конкретного учреждения дошкольного образования.

Нормативный блок включает определение принципов и условий экологического образования детей дошкольного возраста. С учетом особенностей психического развития, а также закономерностей развития личности ребенка нами был определен комплекс принципов экологического образования воспитанников:

1. Системности. Он предусматривает единство целей, задач, методов, приемов, средств и форм экологического образования, создание эффективной системы непрерывного экологического образования; наличие достаточного количества доступных образовательных услуг и качества управления всей системой непрерывного экологического образования.

2. Гибкости. Гибкость требует периодического пересмотра содержания в соответствии с изменяющимися потребностями человека и общества в экологическом образовании, а также особенностей своей местности).

3. Экогуманизма. Согласно данному принципу отношение человека к природе должно основываться на нравственном начале. Одно из проявлений данного принципа – отказ от антропоцентризма, где человек стоит выше природы. Человек должен рассматриваться как неотъемлемая часть природы, связанная с ней множеством нитей. Принцип экогуманизма предполагает создание особой эколого-гуманной атмосферы учреждения дошкольного образования, в котором осуществляется совместная деятельность, создаются оптимальные условия для проявления и развития творческой индивидуальности личности ребенка.

4. Добровольности. Это ориентация на интересы воспитанника, эмоциональную и мотивационную сферу; воспитатель дошкольного образования не заставляет, не принуждает ребенка что-то делать, а ненавязчиво предлагает, заинтересовывая. Для реализации данного принципа взрослому необходимо подобрать такие методы и приемы, которые бы помогли ребенку самостоятельно познавать мир природы, взаимодействовать с ним. В наибольшей степени таким требованиям соответствуют методы экологических ассоциаций, художественной репрезентации природных объектов и т. п.

5. Развивающего характера обучения. Он основан на детской активности в познании природы, экспериментировании, решении проблемных ситуаций, усвоении обобщенных способов действия.

6. Доступности. Это опора на имеющиеся знания и построение работы для развития зоны ближайшего развития, доступной и понятной ребенку.

7. Непрерывности и преемственности. Это связь целей, задач, содержания экологического образования учреждения дошкольного образования со всеми ступенями системы непрерывного образования; использование программного материала в последовательности с учетом возрастающего уровня развития.

8. Формирования универсальных для последующих уровней образования способностей – рефлексии, самооценки, коммуникативности и т. д.

9. Рационального сочетания разных видов детской деятельности. Это адекватное возрасту сочетание интеллектуальных, двигательных и эмоциональных нагрузок.

10. Обеспечения психологического комфорта – повышенного внимания к самочувствию, здоровью воспитанников.

11. Целостности. Он отражает целостное восприятие ребенком окружающего мира и единство ребенка с миром природы.

Наиболее эффективно, по нашему мнению, экологическое образование детей дошкольного возраста будет осуществляться при соблюдении следующих условий:

1) использование разнообразных методов и форм экологического образования;

2) компетентность воспитателей дошкольного образования в вопросах экологического образования;

3) обогащение эколого-развивающей среды групповых помещений, участка;

4) взаимодействие с родителями.

Содержательный блок экологического образования детей представлен познавательным, ценностным, деятельностным компонентами.

Познавательный компонент предполагает формирование у детей дошкольного возраста экологических представлений о многообразии и разнообразии природных объектов, о растениях и животных как живых организмах, о взаимосвязях и взаимозависимостях в природе (между неживой и живой природой, между объектами живой природы), о человеке как части природы, о культуре поведения в природе [7, с. 3–14]. Расширение представлений детей о природе, о взаимодействии человека с ней позволяет ребенку в дальнейшем осознать себя частью природы. В процессе освоения экологических знаний ребенок начинает воспринимать себя мерой всех вещей, нрав-

ственным критерием природоохранного отношения, понимать последствия поступков и осознавать важность соблюдения правил и норм поведения в природе (С. Н. Николаева [8], Л. И. Пономарева [9]).

Вместе с тем при всей важности познавательного развития ребенка гармонизация его с миром природы невозможна без эмоционального отношения к окружающему в соответствии с ценностями, идеалами и нормами. Поэтому развитию эмоционально-ценностного отношения мы придаем большое значение.

Ценностный компонент предполагает формирование у детей дошкольного возраста эмоционального, ценностного отношения к природе, осознание значения природы в жизни человека как универсальной ценности, присвоение экологических ценностей, воспитание бережного, заботливого отношения к окружающим объектам природы. Развитие именно в дошкольном возрасте ценностного отношения к живому имеет большое значение для становления экологически ориентированного, гуманистического мировоззрения подрастающего поколения. Опыт эмоциональных переживаний, как отмечает Н. С. Дежникова, позволяет детям более ответственно и бережно относиться к объектам природы [10].

Деятельностный компонент подразумевает целенаправленную деятельность по ежедневному поддержанию условий, необходимых для полноценной жизни всех живых существ, общественно-полезную работу экологического характера. Содержание экологической деятельности детей дошкольного возраста включает: систематический уход за растениями и животными уголка природы, экологической комнаты; организация дежурств; труд на участке учреждения дошкольного образования (в саду, огороде, на клумбах); подкормка птиц зимой; организация трудовых десантов, рейдов.

Процессуальный блок модели включает полный управленческий цикл, первым этапом которого выступает диагностика экологической образованности воспитанников. Полученные в ходе диагностики результаты подвергаются анализу, и проектируется дальнейшая деятельность по решению задач экологического образования детей с учетом их возможностей, потребностей, интересов. Помимо этого, осуществ-

ляется консультирование, координация и коррекция деятельности всех участников данного процесса: заведующего, заместителя заведующего по основной деятельности, воспитателей дошкольного образования и, конечно же, детей, а также их родителей. В представленной модели процесс экологического образования детей дошкольного возраста реализуется через включение воспитанников как в специально организованную, так и нерегламентированную деятельность и использование комплекса методов, приемов и средств.

Результативно-оценочный блок включает в себя критерии и показатели экологической образованности детей среднего дошкольного возраста.

В качестве критериев экологической образованности детей среднего дошкольного возраста были выделены следующие:

1) представления о мире природы – живой и неживой: растительном (деревья, кустарники, растения цветника, огорода), животном (домашних и диких животных, птиц, насекомых), признаках сезонов года;

2) характер отношения детей среднего дошкольного возраста к миру природы;

3) умения и навыки по уходу за объектами природы (животными и растениями уголка природы).

Показателями сформированности экологических представлений детей дошкольного возраста являются объем освоенных представлений и реалистичность освоенных представлений.

Объем – это количественный показатель освоения представлений. Он отражает степень полноты освоения программы.

Существенность освоения представлений – это качественный показатель, отражающий конкретность представлений дошкольников, умение выделить главное в происходящих явлениях, природных объектах.

Для анализа характера отношения детей к природе использовались следующие показатели:

1) проявление детьми эстетических и нравственных чувств при взаимодействии с природой;

2) степень активности и устойчивости чувств.

Показатели освоения трудовых навыков и умений – это степень самостоятельности

детей в труде и владение способами ухода за растениями и животными.

В качестве предполагаемого результата в модели представлена экологическая образованность детей дошкольного возраста, особенности и уровень сформированности которой определяются с учетом «возможных достижений ребенка» в общении с природой, прописанных в учебной программе дошкольного образования.

В формировании основ экологической культуры детей, в решении задач экологического образования особая роль принадлежит воспитателю дошкольного образования. Именно он должен помочь воспитанникам сделать правильный выбор, обеспечить усвоение ценностей экологической культуры. Поэтому следующим результатом в модели обозначена экологическая компетентность педагога, которая определяется как интегративное качество личности и предполагает наличие совокупности интегрированных знаний, умений и убеждений, а также личностных качеств, позволяющих эффективно проектировать и осуществлять экологическое образование детей дошкольного возраста. Экологическая компетентность в структуре личности воспитателя дошкольного образования непосредственно связана с общекультурной, специальной, социально-личностной компетенциями. Так, общекультурная компетенция определяется сформированностью эгоцентрического экологического сознания, владением природосообразными способами взаимодействия с природой. Специальная компетенция устанавливает профессиональный уровень педагогической деятельности и включает наличие специальных знаний по теории и методике экологического образования дошкольников, дошкольной педагогике, детской психологии, умение применять их на практике. Социально-личностная компетенция связана с владением способами творческого самовыражения и коммуникации, наличием способности самостоятельно эффективно организовывать свою профессиональную деятельность, самостоятельно принимать решения, видеть проблему.

Важным субъектом экологического образования детей являются родители, которые оказывают непосредственное влияние на становление основ экологического

мировоззрения развивающейся личности, характера субъективного отношения к природе. Воспитателям дошкольного образования необходимо учитывать тот факт, что у родителей уже достаточно прочно сформированы собственные представления, взгляды, убеждения в отношении взаимодействия с природой, и довольно часто они основываются на антропоцентрической парадигме. Кроме того, интересы современных родителей порой концентрируются исключительно на дидактическом аспекте образовательного процесса в ущерб воспитательному и развивающему. Поэтому воспитателям дошкольного образования при планировании работы в рассматриваемом контексте необходимо не только знать, но и учитывать эти особенности. В связи с этим сотрудничество с родителями должно быть партнерским, непрерывным, а содержание – лично значимым для них.

Заключение

1. Современный этап взаимодействия человека и общества с природой характеризуется резким обострением экологических проблем, успешное решение которых не может ограничиваться принятием мер экономического или научно-технического содержания. Важную роль в этом призвано сыграть экологическое образование, ориентированное на формирование у подрастающего поколения ценностных установок, спо-

собствующих гармонизации взаимоотношений человека, общества и природы.

2. Экологическое образование дошкольников предполагает расширение у детей экологических представлений, развитие у них эмоционально-ценностного отношения к природе, формирование мотивов, а также умений экологически целесообразной деятельности. Содержательными аспектами экологического образования дошкольников выступают познавательный, эмоционально-ценностный и деятельностный, что обеспечивает в результате не только формирование экологической образованности, но и целостное развитие личности дошкольника. Действительно, только гармонично развитая личность сможет жить в гармонии с собой, обществом, природой.

3. Структурно-функциональная модель экологического образования детей дошкольного возраста содержит следующие блоки: целевой, ресурсный, нормативный, содержательный, процессуальный, результативно-оценочный. Реализация данной модели обеспечит скоординированную деятельность всех специалистов учреждения дошкольного образования по формированию у воспитанников основ экологической культуры и будет содействовать формированию у детей эмоциональной идентификации, эмпатии, преодолению равнодушия, безразличия, отрицательных эмоциональных переживаний при взаимодействии с природой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаручик, Г. Н. Экологическое воспитание детей дошкольного возраста : пособие для педагогов учреждений дошк. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Г. Н. Казаручик. – Минск : Нац. ин-т образования, 2014. – 71 с.
2. Николаева, С. Н. Методика экологического воспитания в детском саду: работа с детьми средней и старшей групп детского сада : кн. для воспитателей дет. сада / С. Н. Николаева. – 5-е изд. – М. : Просвещение, 2004. – 206 с.
3. Казаручик, Г. Н. Экоцентрическая парадигма и новая экологическая этика / Г. Н. Казаручик // Нар. асвета. – 2007. – № 9. – С. 76–79.
4. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2015. – № 8, 15/613.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Просвещение, 2001. – Т. 4. – 223 с.
6. Подъяков, Н. Н. Особенности психологического развития детей дошкольного возраста / Н. Н. Подъяков. – М : Ассоц. «Проф. образование», 1996. – 380 с.
7. Мир природы и ребенок. Методика экологического воспитания дошкольников : учеб. пособие для пед. училищ по специальности «Дошк. образование» / под ред. Л. М. Маневцовой, П. Г. Саморуковой. – СПб. : Детство-пресс, 2000. – 319 с.

8. Николаева, С. Н. Система экологического воспитания детей дошкольного возраста : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01, 13.00.07 / С. Н. Николаева ; Гос. науч.-исслед. ин-т семьи и воспитания Рос. акад. образования. – М., 2006. – 47 с.

9. Пономарева, Л. И. Формирование представлений о взаимодействии человека и природы в процессе экологического образования дошкольников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / Л. И. Пономарева ; Шадр. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 1998. – 18 с.

10. Дежникова, Н. С. Экологическое воспитание в контексте социокультурной динамики / Н. С. Дежникова // Педагогика. – 2002. – № 10. – С. 51–56.

REFERENCES

1. Kazaruchik, G. N. Ekologichieskoje vospitanije dietiej doshkol'nogo vozrasta : posobije dla piedagogov uchriezhdienij doshk. obrazovanija s bielorus. i rus. jaz. obuchienija / G. N. Kazaruchik. – Minsk : Nac. in-t obrazovanija, 2014. – 71 s.

2. Nikolajeva, S. N. Mietodika ekologichieskogo vospitanija v dietskom sadu: rabota s diet'mi sriednej i starshej grupp diet. sada : kn. dla vospitatieliej diet. sada / S. N. Nikolajeva. – 5-e izd. – M. : Prosvieshchienije, 2004. – 206 s.

3. Kazaruchik, G. N. Ekocentrichieskaja paradigma i novaja ekologichieskaja etika / G. N. Kazaruchik // Nar. asvieta. – 2007. – № 9. – S. 76–79.

4. Koncepcija neprieryvnogo vospitanija dietiej i uchashchiejsia molodiozhi v Riespublikie Bielarus' // Nac. riejestr pravovykh aktov Riesp. Bielarus'. – 2015. – № 8, 15/613.

5. Vygotskij, L. S. Sobranije sochinienij : v 6 t. / L. S. Vygotskij. – M. : Prosvieshchienije, 2001. – T. 4. – 223 s.

6. Podd'jakov, N. N. Osobiennosti psichologichieskogo razvitija dietiej doshkol'nogo vozrasta / N. N. Podd'jakov. – M : Assoc. «Prof. obrazovanije», 1996. – 380 s.

7. Mir prirody i riebionok. Mietodika ekologichieskogo vospitanija doshkol'nikov : uchieb. posobije dla pied. uchilishch po spiecial'nosti «Doshkol'noje obrazovanije» / pod ried. L. M. Manievcovoj, P. G. Samorukovoj. – SPb. : Dietstvo-press, 2000. – 319 s.

8. Nikolajeva, S. N. Sistiema ekologichieskogo vospitanija dietiej doshkol'nogo vozrasta : avtorief. dis. ... d-ra pied. nauk : 13.00.01, 13.00.07 / S. N. Nikolajeva ; Gos. nauch.-isslied. in-t siem'i i vospitanija Ros. akad. obrazovanija. – M., 2006. – 47 s.

9. Ponomariova, L. I. Formirovanije priedstavlienij o vzaimodiejstvii chielovieka i prirody v processie ekologichieskogo obrazovanija doshkol'nikov : avtorief. dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.07 / L. I. Ponomariova ; Shadr. gos. pied. in-t. – Jekaterinburg, 1998. – 18 s.

10. Diezhnikova, N. S. Ekologichieskoje vospitanije v kontieksctie sociokul'turnoj dinamiki / N. S. Diezhnikova // Piedagogika. – 2002. – № 10. – S. 51–56.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.03.2022

УДК 373.2.016

Татьяна Васильевна Александрович¹, Наталья Анатольевна Герасименя²¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. специальных педагогических дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистр пед. наук, зам. зав. по основной деятельности яслей-сада № 46 г. Бреста**Tatiana Alexandrovich¹, Natalia Gerasimenya²**¹Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of Special Pedagogical Disciplines

of the Brest State A. S. Pushkin University

²Master of Pedagogical Sciences,

Deputy Head of the Main Activity Nursery-Garden № 46 Brest

¹e-mail: Talex1965@mail.ru; ²e-mail: n_gerasimenya@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Актуализируется проблема воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста. Раскрыты сущностные характеристики, содержание и педагогические условия воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста. Представлены результаты экспериментального исследования воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста. Раскрыт педагогический потенциал дидактических игр в процессе воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: безопасность, безопасность жизнедеятельности, культура безопасности жизнедеятельности, дошкольный возраст, педагогические условия.

Fostering a Culture of Safe Living in Older Preschool Children

The article actualizes the problem of fostering a culture of safe life in older preschool children. The essential characteristics, content and pedagogical conditions of fostering a culture of safe life activity in older preschool children are revealed. The results of an experimental study of the culture of education of safe life activity in older preschool children are presented. The pedagogical potential of didactic games in the process of fostering a culture of safe life activity in older preschool children is determined.

Key words: safety, life safety, culture of safe life activity, preschool age, pedagogical conditions.

Введение

В современном обществе, характеризующемся высоким уровнем опасности в разных сферах жизнедеятельности, важнейшее значение приобретает формирование у человека культуры безопасности жизнедеятельности. В соответствии с «Кодексом Республики Беларусь об образовании», воспитание культуры безопасности жизнедеятельности, направленное на формирование у обучающегося безопасного поведения в социальной и профессиональной деятельности, повседневной жизни, является обязанностью педагогов учреждения образования [1]. Мир, в котором мы живем, полон опасностей, постоянно угрожающих здоровью, нашей жизни и жизни наших детей. Наиболее уязвимой категорией, подверженной различным видам опасности, являются дети дошкольного возраста. В силу своих физических и интеллектуально-личностных воз-

можностей они не способны оценить опасную ситуацию, избежать или преодолеть последствия попадания в критические ситуации, но при этом открыты новому опыту, восприимчивы к воздействиям, позволяющим воспитывать у них культуру безопасности жизнедеятельности.

В дошкольной педагогике проблема безопасности жизнедеятельности детей разрабатывается с конца 1980-х гг. В психолого-педагогической литературе описан опыт формирования основ безопасного поведения у детей дошкольного возраста в исследованиях ряда ученых (Н. Н. Авдеева, К. Ю. Белая, И. А. Комарова, С. А. Козлова, О. Л. Князева, Н. В. Коломеец, Р. Б. Стеркина, Т. Г. Хромцова и др.). Тем не менее анализ психолого-педагогической литературы показал, что на сегодняшний день методического обеспечения для работы педагогов учреждения дошкольного образования по

воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности у детей дошкольного возраста явно недостаточно. В связи с этим возникает противоречие между необходимостью воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей дошкольного возраста и недостаточной методической разработанностью способов, средств ее формирования. В качестве такого средства в данном исследовании рассматривается дидактическая игра, которая является и формой, и методом, и средством воспитания и обучения детей дошкольного возраста. Разнообразные по содержанию и форме дидактические игры вводят ребенка в круг реальных жизненных явлений, обеспечивая непреднамеренное освоение социального опыта безопасного поведения – знаний о нормах и правилах поведения в опасных жизненных ситуациях и способов действий в ситуациях контактов с потенциально опасными объектами окружающего мира.

Сущностные характеристики и условия воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста

Центральным понятием безопасной жизнедеятельности является «опасность», под которой понимают «явления, процессы, способные в определенных условиях нанести ущерб здоровью человека непосредственно или косвенно, т. е. создавать последствия, не соответствующие условиям жизнедеятельности человека» [2, с. 24]. Признаками, определяющими опасность, являются угроза для жизни; возможность нанесения ущерба здоровью; нарушение условий нормального функционирования органов и систем человека.

Следует отметить, что существует несколько подходов к классификации источников опасности. Во-первых, *природные* (стихийные явления природы, пониженная и повышенная температура воздуха, атмосферные явления, солнечное излучение, встречи с дикими животными, ядовитые насекомые и растения и др.); *техногенные* (острые, колющие, режущие предметы, электрический ток, автомобили, газ и др.); *социальные* (криминальные преступления, психическое и физическое насилие, алкоголизм, наркомания и другие пороки человеческого общества). Вторая, часто

встречающаяся классификация, представляет деление опасностей по возможности их возникновения, связанного с местом пребывания человека: опасности дома (или бытовые); опасности в природе; опасности на улице и дороге; опасности контактов с незнакомыми людьми (дома и на улице) [3].

Культура безопасности жизнедеятельности является составной частью общей культуры личности, характеризует уровень ее подготовки в области безопасности жизнедеятельности и осознанную потребность в соблюдении норм и правил безопасного поведения (Е. С. Гребенникова) [4], и определяется как «определенный уровень (состояние) развития человека и общества, характеризующий значимость задачи обеспечения безопасности жизнедеятельности в системе личных и социальных ценностей, способностью пользоваться знаниями и умениями безопасного поведения в практической деятельности, распространенностью стереотипов безопасного поведения в повседневной жизни и в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций» (А. А. Есипова, Э. М. Ребко) [5, с. 36].

Необходимо отметить, что в дошкольном возрасте закладываются лишь основы культуры безопасности жизнедеятельности, которую мы, разделяя позицию А. И. Садретдиновой, будем понимать как «сложное интегральное качество личности, включающее в себя совокупность знаний о безопасности жизнедеятельности человека, нормах и правилах безопасного поведения, осознанном отношении к жизни и здоровью человека, умений и навыков оберегать свою жизнь, поддерживать здоровье, адекватно вести себя в различных жизненных ситуациях» [6, с. 8]. Следовательно, воспитание культуры безопасности жизнедеятельности в дошкольном возрасте включает, с одной стороны, овладение детьми знаниями, умениями и навыками по предупреждению и преодолению потенциально опасных ситуаций, а с другой стороны, формирование готовности использовать этот опыт в различных жизненных ситуациях.

Таким образом, культура безопасной жизнедеятельности дошкольника – это не просто усвоенная им сумма знаний, а умение правильно вести себя в различных ситуациях. У ребенка-дошкольника, обладающего культурой безопасности жизнедеятельно-

сти, сформированы представления о безопасности жизнедеятельности, он знает и соблюдает элементарные правила безопасного поведения в быту, на улице, в транспорте, в природе, общении с другими людьми и животными; имеет представления о некоторых видах опасных ситуаций; может (в случае необходимости) самостоятельно набрать номер службы спасения. Это ребенок, который соблюдает предусмотрительность и осторожность в незнаковых (потенциально опасных) и сложных ситуациях, при встрече с незнакомыми людьми; умеет элементарно обезопасить себя от контакта с незнакомым человеком на улице; умеет пользоваться с осторожностью бытовыми приборам; умеет оказать себе при необходимости первую помощь при порезах, ссадинах, ожогах, а также обращаться за помощью; в большинстве случаев положительно относится к требованиям соблюдения норм и правил безопасного поведения; мотивирован к охране своей жизни и здоровья, а также окружающих его людей, общества в целом [7].

Анализ психолого-педагогической литературы по изучаемой проблеме позволил выделить основные компоненты культуры безопасной жизнедеятельности ребенка-дошкольника – *когнитивный, поведенческо-деятельностный и эмоционально-мотивационный*. Когнитивный компонент обеспечивает информационную функцию и включает знания о безопасности жизнедеятельности человека («Я знаю правила безопасности жизнедеятельности»); поведенческо-деятельностный компонент формирует умение действовать в проблемных ситуациях («Я умею использовать правила безопасности жизнедеятельности») и эмоционально-мотивационный компонент обеспечивает правильное реагирование на проблемные ситуации, осознанное отношение к жизни и здоровью человека («Я хочу следовать правилам безопасности жизнедеятельности»).

Старший дошкольный возраст, как отмечают исследователи (Н. Н. Авдеева, К. Ю. Белая, Н. В. Коломеец и др.), оптимален для развития представлений о безопасности жизнедеятельности и усвоения навыков безопасного поведения, т. к. дети данного возраста наблюдательны, любознательны; осознанно воспринимают действительность; у них появляется способность планировать свои действия, направленные на до-

стижение цели; могут самостоятельно применять усвоенные знания и способы деятельности для решения новых задач (проблем), преобразовывать способы их решения в зависимости от ситуации; старшие дошкольники становятся более предусмотрительными и осторожными, в большинстве случаев отдают отчет в том, какое поведение будет одобряться; зачастую обладают физическими и интеллектуально-личностными возможностями, позволяющими оценить опасную ситуацию, избежать или преодолеть последствия попадания в критические ситуации; они как никогда восприимчивы к новому опыту, к воздействиям, позволяющим формировать у них основы безопасности [2; 3; 7].

В учебной программе дошкольного образования 2019 г. вопросы безопасности жизнедеятельности рассматриваются в образовательной области «Ребенок и общество». Содержание работы педагога по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста включает, во-первых, *развитие представлений*:

1) об основных правилах безопасного поведения в опасных ситуациях разного характера: бытового (безопасного поведения дома); социального (общения с незнакомыми людьми на улице); технического (о правилах дорожного движения и пожарной безопасности); природного, в том числе в экстремальных ситуациях;

2) о способах безопасного поведения в быту.

Во-вторых, *формирование умений*:

1) соблюдать правила безопасного обращения с электроприборами;

2) самостоятельно применять правила безопасного обращения с животными;

3) выполнять правила поведения пешехода и пассажира на улице, в общественном транспорте, в лифте и т. д. [8, с. 174, 180–181].

В качестве основных психолого-педагогических условий воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в дошкольном возрасте исследователи называют:

1) построение воспитательных воздействий как системы приобретения ребенком опыта безопасного поведения при постоянном участии взрослых во всех сферах его жизнедеятельности;

2) отбор доступного детям содержания знаний и умений безопасного поведения и установление последовательности его освоения;

3) применение поэтапной методики, обеспечивающей единство формирования знаний и умений как основы опыта безопасного поведения;

4) создание развивающей предметно-игровой среды, побуждающей дошкольников к использованию знакомых правил поведения безопасной жизнедеятельности в самостоятельной и совместной деятельности детей и взрослых;

5) компетентность педагогов дошкольного учреждения по проблеме формирования безопасности жизнедеятельности детей;

6) совместную целенаправленную деятельность педагогов учреждения дошкольного образования и родителей по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста [2; 3; 7].

Оптимизирует процесс воспитания культуры безопасности жизнедеятельности активная позиция ребенка, его максимальная включенность в образовательный процесс и возрастание его субъектности; процесс идентификации со взрослым, транслирующим норму поведения; эмоциональная включенность ребенка в деятельность [6; 9].

Определяющее значение при воспитании культуры безопасности жизнедеятельности в дошкольном возрасте имеет выбор методов и форм организации совместной деятельности взрослых и детей, самостоятельной детской деятельности. Безусловный приоритет имеют формы и методы, обеспечивающие познавательную, творческую активность детей. Определяя спектр форм, методов и приемов в работе с детьми старшего дошкольного возраста по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности, педагог должен отдавать приоритет тем, которые позволяют организовать личностно ориентированное взаимодействие с детьми, субъект-субъектное обучение. Поэтому для развития представлений у детей об основных правилах и способах безопасного поведения и формирования умения действовать в конкретных обстоятельствах целесообразно обсуждать с дошкольниками определенные ситуации из реальной жизни или

из произведений художественной литературы, создать условия для развертывания разного вида игр (дидактических, сюжетно-ролевых, театрализованных), продуктивной деятельности, чтобы дети могли закрепить полученные знания и «отработать» в игровой ситуации навыки безопасного поведения [10; 11].

Организация и результаты опытно-экспериментального исследования

Экспериментальное исследование по проблеме воспитания культуры безопасности жизнедеятельности (КБЖ) у детей старшего дошкольного возраста проводилось в ГУО «Ясли-сад № 46 г. Бреста». В исследовании приняли участие 40 детей старшего дошкольного возраста: по 20 детей в экспериментальной группе (ЭГ) и контрольной группе (КГ). Для оценки уровня культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста были использованы критерии и показатели, выделенные в исследованиях А. И. Садретдиновой, Л. Л. Тимофеевой, Т. Г. Хромцовой:

1) *когнитивный* – объем и полнота знаний об источниках опасности; о мерах предосторожности и действиях в опасных бытовых ситуациях; точность и аргументированность суждений о способах безопасного поведения в быту, на улице, в природе; понимание ценности бытия;

2) *эмоционально-мотивационный* – отношение к своему здоровью, жизни, здоровью и жизни других людей как важнейшей ценности; переживание и понимание ребенком необходимости соблюдения мер предосторожности и своих возможностей по преодолению опасностей; осознанность мотивов безопасного поведения; интерес к правилам безопасности жизнедеятельности;

3) *поведенческо-деятельностный* – умение распознавать опасные ситуации и прогнозировать их развитие; умение соблюдать правила безопасного поведения; умение действовать в ситуациях контактов с потенциально опасными объектами окружающего мира; применение ребенком правил безопасности жизнедеятельности в ходе повседневной деятельности) [6; 10; 11].

Диагностический инструментарий включал в себя комплекс заданий, ориентированных на оценку каждого из вышеперечисленных структурных компонентов куль-

туры безопасной жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста:

1) методика Р. Б. Стеркиной, модифицированная авторами исследования «Определение теоретических знаний по основам безопасности жизнедеятельности»; цель применения методики – определить запас знаний об источниках опасности, о мерах предосторожности и действиях в опасных ситуациях в быту, социуме, природе;

2) беседа «Правила безопасности жизнедеятельности»; цель – изучить особенности отношения старших дошкольников к правилам безопасной жизнедеятельности и понимание необходимости соблюдения мер предосторожности и своих возможностей по преодолению опасности;

3) стандартизированное наблюдение в повседневной жизни «Безопасность в детском саду»; цель – выявить умения применять правила безопасного поведения в повседневной жизнедеятельности.

Оценка осуществлялась по трехбалльной шкале: 3 балла – высокий уровень, 2 балла – средний, 1 балл – низкий. Для определения уровня сформированности КБЖ у старших дошкольников определили числовые интервалы и качественные характеристики:

1) *высокий уровень* (от 12 до 15 баллов по компоненту КБЖ; от 46 до 60 баллов по всем компонентам): обладают достаточным запасом знаний о ситуациях опасности, правильно определяют возможные источники опасности и варианты поведения в данных ситуациях; сформировано положительное отношение к безопасному поведению и неприятие небезопасного поведения; характерно правильное, обоснованное и аргументированное поведение в разнообразных предлагаемых ситуациях;

2) *средний уровень* (от 8 до 11 баллов по компоненту КБЖ; от 31 до 45 баллов по всем компонентам): дети не во всех ситуациях способны определить потенциальную опасность, обосновать свой ответ, предложить варианты поведения в конкретной ситуации; проявляют в основном нейтральное отношение к ситуациям опасности и только по отношению к некоторым ситуациям ха-

рактерны выраженные положительные или отрицательные реакции; не всегда выбирают правильную модель поведения, но в целом ориентированы на безопасное поведение;

3) *низкий уровень* (от 4 до 7 баллов по компоненту КБЖ; от 16 до 30 баллов по всем компонентам): детям характерны более выраженные трудности в определении потенциальной опасности в разных ситуациях и объяснении возможных последствий тех или иных действий или причин возникновения опасности; отсутствует интерес к правилам безопасной жизнедеятельности, эмоциональные реакции на поведение в разных ситуациях недостаточно дифференцированы; характерны трудности в определении модели поведения в каждой конкретной ситуации, часто выбор модели поведения является необоснованным и небезопасным.

Результаты диагностического исследования на констатирующем этапе показали, что когнитивный компонент КБЖ, отражающий знания и представления детей о предметах и ситуациях, несущих потенциальную опасность, и знания о способах поведения в разных опасных ситуациях, у преобладающего большинства респондентов характеризуется недостаточной полнотой. Эмоциональные реакции на поведение в разных ситуациях у более половины дошкольников также недостаточно дифференцированы, многие затрудняются в выборе правильного поведения в конкретной ситуации. Результаты оценки поведенческого-деятельностного компонента позволили нам сделать вывод о том, что в большинстве своем старшие дошкольники в силу недостаточности опыта и неполноты сформированности представлений о безопасном поведении испытывают трудности и не всегда могут четко и правильно определить безопасное поведение в разных ситуациях и выбрать правильную модель поведения. Количественные показатели по уровням сформированности компонентов культуры безопасности жизнедеятельности на констатирующем этапе исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Количество детей в группах, имеющих данный показатель на заданном уровне, %

Уровень	Компонент					
	Когнитивный		Эмоционально-мотивационный		Поведенческо-деятельностный	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Высокий	15	10	10	10	15	20
Средний	40	45	45	50	50	55
Низкий	45	45	45	40	35	25

Общий уровень КБЖ мы оценили на основе суммирования баллов по всем компонентам и получили следующие результаты: высокий уровень обнаружен у 15 % детей ЭГ и такого же количества КГ; средний – у 45 % детей ЭГ и 50 % КГ; низкий – у 40 % детей ЭГ и 35% дошкольников КГ.

Полученные результаты диагностического исследования указывают на необходимость оптимизации работы педагогов учреждения дошкольного образования по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста. Для решения данной проблемы были подобраны, модифицированы и объединены в группы дидактические игры, направленные на развитие всех компонентов

культуры безопасной жизнедеятельности старших дошкольников: когнитивного («Я знаю правила безопасной жизнедеятельности»), эмоционально-мотивационного («Я хочу следовать правилам безопасной жизнедеятельности») и поведенческо-деятельностного («Я умею использовать правила безопасной жизнедеятельности»). Дидактические игры систематизированы по блокам, содержание игр разработано в соответствии с учебной программой дошкольного образования и включает следующие темы: пожарная безопасность, безопасность на улице, безопасность в природе, безопасность дома в быту, безопасность при общении с чужими людьми. Примеры игр представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Дидактические игры по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста

<i>Задачи (содержание) образовательной работы</i>	<i>Дидактические игры, обеспечивающие реализацию задач (содержания) образовательной работы</i>
<i>Безопасность на улице</i>	
Систематизировать знания детей об устройстве улицы, о дорожном движении, о дорожных знаках, их назначении, о работе регулировщика; учить соблюдать правила безопасного поведения в качестве пешехода и пассажира в стандартных опасных ситуациях на улице (идя по тротуару, придерживаясь правой стороны, обходить люки и другие препятствия, встречных пешеходов, переходить проезжую часть дороги по пешеходному или по надземному и подземному переходу, совместно со взрослым переходить проезжую часть в указанных местах и т. д.); в автомобиле (во время движения не высовывать голову, не выставлять руку из окна, не открывать двери); формировать понимание о необходимости выполнения правил дорожного движения.	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Да – нет». Дидактическая задача: закреплять представления о правилах дорожного движения и поведения в транспорте. 2. «Светофор». Дидактическая задача: закреплять представления о сигналах светофора. 3. «Знаки дорожного движения». Дидактическая задача: расширять представления о дорожных знаках, предназначенных для пешеходов; закреплять правила поведения на улице; прививать устойчивую мотивацию к соблюдению правил дорожного движения. 3. «Мы пешеходы». Дидактическая задача: обобщить представления детей о правилах поведения пешеходов на улице; воспитывать понимание о необходимости выполнения правил дорожного движения, желание соблюдать правила дорожного движения. 4. «На островке». Дидактическая задача: закреплять представления детей о том, как следует обходить разные виды транспорта; знакомить с наиболее типичными дорожно-транспортными ситуациями и соответствующими правилами поведения пешеходов в них. 5. «Автошкола». Дидактическая задача: закреплять знания детей о том, как следует переходить улицу, о назначении светофора, регулировщика и дорожных знаков. 6. «Верно – неверно». Дидактическая задача: закрепить с детьми правила безопасного поведения на улицах и знания о дорожных знаках.

Продолжение таблицы 2

<i>Пожарная безопасность</i>	
<p>Расширять знания детей об опасностях пожара, пожароопасных предметах; развивать представления о доступных правилах пожарной безопасности (позвонить по номеру телефона пожарной службы «101», не включать газовую плиту, если в доме погас свет, освещать комнату можно фонариком, сотовым телефоном, нельзя пользоваться свечкой, зажигалкой и спичками и т. д.); развивать умения самостоятельно принимать адекватные решения (при пожаре не прятаться, звать взрослых на помощь, если в комнате заискрилась розетка, нужно выбежать из комнаты, позвать на помощь взрослого, позвонить по телефону, набрав номера 101, 104, 112 и т. д.); стимулировать стремление ребенка к безопасному поведению дома; побуждать ребенка к недопущению игр, которые могут привести к пожару; воспитывать чувство ответственности за собственную безопасность и безопасность своих близких, потребность быть осторожными с огнем.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Опасные игрушки». Дидактическая задача: расширять представления о пожароопасных предметах, о том, что с ними играть нельзя; воспитывать бережное отношение к жизни своей и окружающих. 2. «Как вызвать службу спасения». Дидактическая задача: закреплять представления о номерах служб спасения (пожарная аварийно-спасательная служба – «101», скорая медицинская помощь – «103», милиция – «102», аварийная служба газовой сети – «104», единый номер экстренных служб – «112»). 3. «Верись – не верись». Дидактическая задача: расширять представления о пользе и опасности огня, закреплять правила безопасного поведения. 4. «Лабиринт». Дидактическая задача: расширять представления о пожароопасных предметах, о том, что с ними играть нельзя; воспитывать бережное отношение к жизни своей и окружающих. 5. «Горит – не горит». Дидактическая задача: закрепить знания о свойствах горючести различных предметов и веществ; помочь осознать разрушительную силу огня и развить быструю реакцию на ответное действие. 6. «Как избежать неприятностей?» Дидактическая задача: развивать умение классифицировать и объяснять опасные и безопасные ситуации, изображенные на картинках; стимулировать стремление ребенка к безопасному поведению. 7. «Лото: пожарная безопасность». Дидактическая задача: обобщить представления об опасных ситуациях во время пожара; закреплять умения вести себя правильно при пожаре. 8. «Назови причины пожара». Дидактическая задача: систематизировать знания о причинах пожара, о способах поведения в ситуации пожара, стимулировать стремление к безопасному поведению.
<i>Безопасность при общении с чужими людьми</i>	
<p>Развивать более точное понимание того, кто является «своим», «знакомым», «чужим»; расширять представления о правилах поведения при общении с чужими людьми (не разговаривать с незнакомыми людьми, не брать у незнакомца угощения, не садиться с незнакомцем в машину, не уходить вместе с ним), прививать навыки по предупреждению ситуаций, связанных с чужими людьми (пользоваться лифтом можно только в сопровождении знакомого взрослого, входить в лифт после знакомого взрослого); учить, как действовать в случае возникновения опасных ситуаций (не открывать дверь незнакомым людям, в случае необходимости громко кричать и звать на помощь).</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Незнакомец (в подъезде, в лифте, стучится в дверь)». Дидактическая задача: закреплять представления о том, как вести себя с незнакомыми людьми; упражнять в умении правильно вести себя в ситуации с незнакомым человеком, формировать модель поведения в подобных ситуациях. 2. «Звонок по телефону от незнакомца». Дидактическая задача: закреплять правила поведения в данной ситуации (не вступай в телефонный разговор с незнакомым человеком; не говори, что родители на работе; не отвечай на вопросы, просто положи трубку; о любом звонке сообщи родителям); развивать внимательность и осторожность. 3. «Один дома». Дидактическая задача: закреплять правила поведения дома; формировать систему действий в ситуации попытки проникновения в дом посторонних; воспитывать осторожность. 4. «Свой, чужой, знакомый». Дидактическая задача: учить детей проявлять осторожность при встрече с незнакомыми людьми; формировать навыки безопасного поведения при встрече с незнакомыми людьми. 5. «Как бы ты поступил?» Дидактическая задача: закреплять умения принимать правильные решения в различных жизненных ситуациях, контролировать свое поведение в общении с разными людьми. 6. «Это – да, это – нет!» Дидактическая задача: учить детей объяснять различные ситуации и поступки, изображенные на картинках, давать им оценку, выражать свое отношение к ним.

Окончание таблицы 2

<i>Безопасность в природе</i>	
<p>Развивать представления об опасных для человека и окружающего мира природных явлениях (гроза, наводнение, сильный ветер, гололед) и правилах поведения в них (во время грозы нужно уйти с возвышенного места и спрятаться в яме, опасно прятаться под деревом; во время сильного ветра не стоять рядом с высокими сооружениями, т. к. они могут упасть; во время гололеда передвигаться осторожно, не торопясь, наступая на всю подошву и т. д.); учить применять правила безопасного обращения с животными (не подходить близко к чужим животным, к собакам, сидящим на привязи; не трогать животных в то время, когда они спят или едят и т. д.); воспитывать осторожное и осмотрительное отношение к потенциально опасным для человека и окружающего мира природным ситуациям, явлениям.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Бездомная собака». Дидактическая задача: закреплять правила общения с бездомными животными; формировать модель правильного поведения. 2. «Мой питомец». Дидактическая задача: закреплять правила общения с домашними животными, формировать модель правильного поведения. 3. «Как быть?». Дидактическая задача: закреплять правила поведения на улице при встрече с животными; развивать умение действовать в критических ситуациях. 4. «Можно – нельзя». Дидактическая задача: расширять представления о правилах общения с животными; закреплять представление о том, что контакты с животными могут быть опасны. 5. «Запрещено – разрешено». Дидактическая задача: закреплять представления о правилах поведения при различных природных явлениях (гроза, гололед, сильный ветер, наводнение); воспитывать осторожность, осмотрительное поведение в разных природных ситуациях. 6. «На реке весной (зимой, летом)». Дидактическая задача: учить детей анализировать ситуацию, изображенную на картинке, подбирать план действий по ее разрешению. 7. «Звук, свет и вода». Дидактическая задача: расширять представления детей о явлениях природы, которые могут быть опасны для жизни и здоровья человека; воспитывать осторожное и осмотрительное отношение к потенциально опасным для человека природным явлениям, ситуациям.
<i>Безопасность дома в быту</i>	
<p>Расширять представления об опасных для жизни и здоровья местах в квартире (розетки, телевизор, электрообогреватель, открытое окно, балкон, камин с огнем, газовая плита, электроплита), о правилах поведения в чрезвычайных ситуациях в быту: при поломке водопровода подставить емкость под кран, позвать на помощь взрослых, предупредить соседей; не открывать и не брать в руки незнакомые емкости и жидкости, пользоваться кухонными инструментами и столовыми приборами по назначению, осторожно обращаться со стеклянной посудой, потому что она может разбиться; формировать умения применять способы оказания первой медицинской помощи при получении бытовой травмы: при ожогах (подставить обожженное место под холодную воду и держать, пока боль не утихнет); при ушибах (приложить холод, полотенце, смоченное в воде, лед, к месту ушиба); при царапинах и ранках (промыть водой, желатильно кипяченой, просушить салфеткой, края раны смазать зеленой или йодом; если рана глубокая, ее нужно заклеить пластырем).</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Маленькая хозяйка». Дидактическая задача: расширять представления детей о бытовых приборах, закреплять правила пользования бытовыми приборами; воспитывать бережное отношение к жизни своей и окружающих. 2. «Каждому предмету свое место». Дидактическая задача: закреплять представления о правилах безопасного поведения дома, о том, что для безопасности все предметы надо убирать на свои места. 3. «Опасные игрушки». Дидактическая задача: расширять представления о пожароопасных предметах в доме, о том, что с ними играть нельзя; формировать модель правильного поведения в быту. 4. «Как избежать неприятностей». Дидактическая задача: развивать умение классифицировать и объяснять опасные и безопасные ситуации, изображенные на карточках; формировать модель правильного поведения. 5. «Раз, два, три, что может быть опасно – найди». Дидактическая задача: закреплять представления об источниках опасности в доме, о способах поведения в чрезвычайных ситуациях в быту. 6. «Так и не так». Дидактическая задача: учить отличать опасные для жизни ситуации от неопасных, воспитывать желание соблюдать правила безопасности. 7. «Сто бед». Дидактическая задача: закреплять представления об опасных ситуациях, которые могут произойти дома, учить правилам безопасного поведения в быту; воспитывать сочувственное отношение к пострадавшему. 8. «Айболит». Дидактическая задача: развивать представления о способах оказания первой медицинской помощи при бытовых травмах, о правильных действиях при оказании первой помощи.

Дидактические игры, представленные в данном комплексе, проводились в течение пяти месяцев, включались в специально организованную деятельность педагога с детьми (занятия по основам безопасности жизнедеятельности) и нерегламентированную (свободную, самостоятельную) деятельность детей. Эффективность разработанного и

экспериментально апробированного комплекса дидактических игр показал контрольный этап педагогического эксперимента. Так, распределение детей по уровню сформированности когнитивного, эмоционально-мотивационного и поведенческо-деятельностного компонентов изменилось (таблица 3).

Таблица 3. – Уровень сформированности у детей когнитивного, эмоционально-мотивационного и поведенческо-деятельностного компонентов на контрольном этапе эксперимента, %

Уровень	Компонент						Обобщенный результат	
	Когнитивный		Эмоционально-мотивационный		Поведенческо-деятельностный			
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Высокий	45	20	35	25	45	25	40	20
Средний	55	55	65	55	55	50	60	55
Низкий	–	25	–	20	–	25	–	25

Данные таблицы наглядно свидетельствуют о хорошей положительной динамике в формировании всех компонентов культуры безопасности жизнедеятельности у детей экспериментальной группы. Как видно из таблицы, количество детей в ЭГ с высоким и средним уровнем компонентов культуры безопасности жизнедеятельности увеличилось более значительно по сравнению с детьми КГ, а детей с низким уровнем не осталось, тогда как в КГ у 25 % дошкольников общий уровень культуры безопасности жизнедеятельности был по-прежнему оценен как низкий. Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы свидетельствуют о высоком педагогическом потенциале дидактической игры как средства воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста.

Заключение

Воспитание культуры безопасности жизнедеятельности является одним из важнейших направлений образовательной деятельности педагога учреждения дошкольного образования и заключается в развитии у детей представлений об основных правилах и способах безопасного поведения в опасных ситуациях разного характера: социального, бытового, технического, природного, в воспитании сознательного отношения к безопасности жизнедеятельности и в формировании умений и навыков безопасного поведения. В качестве базовых условий воспитания культуры безопасной

жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста можно выделить воспитывающее и обучающее воздействие на детей в процессе организованного обучения и самостоятельной деятельности; создание развивающей предметно-игровой среды, побуждающей к использованию знакомых правил поведения в самостоятельной и совместной деятельности детей и взрослых; активная позиция, эмоциональная включенность ребенка в деятельность; компетентность педагогов и др.

Большой педагогический потенциал в воспитании культуры безопасности жизнедеятельности у детей старшего дошкольного возраста несут в себе дидактические игры. Они относятся к группе игр, где действия участников и их взаимоотношения регламентированы заранее сформулированными правилами, обязательными для всех участников. Ребенка в них привлекает прежде всего игровая ситуация, в которой он незаметно для себя решает дидактическую задачу. Как показало экспериментальное исследование, дидактические игры, включенные как в специальную образовательную, так и в свободную деятельность детей старшего дошкольного возраста, являются эффективным средством углубления и систематизации представлений детей о правилах и способах безопасной жизнедеятельности, воспитания осознанного отношения к собственной безопасности и безопасности жизни окружающих, а также для формирования умений и навыков безопасного поведения в ситуациях опасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : с изм. от 14 февр. 2022 г. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=vc6Iwu4q. – Дата доступа: 18.02.2022.
2. Авдеева, Н. Н. Безопасность : учеб. пособие по основам безопасности жизнедеятельности детей ст. дошкол. возраста / Н. Н. Авдеева, Н. Л. Князева, Р. Б. Стеркина. – СПб. : Детство-Пресс, 2007. – 117 с.
3. Белая, К. Ю. Формирование основ безопасности у дошкольников / К. Ю. Белая. – М. : Мозаика-синтез, 2014. – 64 с.
4. Гребенникова, Е. В. Современные аспекты культуры безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Е. В. Гребенникова, А. А. Айол // Педагогика высш. шк. – 2016. – № 3 (6). – С. 56–58. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1452>. – Дата доступа: 23.01.2022.
5. Есипова, А. А. Основные структурные компоненты культуры безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / А. А. Есипова, Э. М. Ребко // Молодой ученый. – 2014. – № 18 (77). – С. 36–38. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/77/13209>. – Дата доступа: 23.01.2022.
6. Садретдинова, А. И. Педагогическое проектирование образовательной среды формирования культуры безопасности жизнедеятельности у дошкольников : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. И. Садретдинова. – Екатеринбург, 2009. – 22 с.
7. Коломеец, Н. В. Воспитание культуры безопасного поведения у детей 3–7 лет / Н. В. Коломеец. – Волгоград : Учитель, 2013. – 164 с.
8. Учебная программа дошкольного образования. – Минск : НИО : Аверсэв, 2019. – 479 с.
9. Комарова, И. А. Научно-методические основы безопасности жизнедеятельности детей дошкольного возраста / И. А. Комарова // Пралеска. – 2015. – № 7. – С. 8–11.
10. Тимофеева, Л. Л. Формирование культуры безопасности / Л. Л. Тимофеева, М. И. Королева. – М. : Детство-Пресс, 2015. – 176 с.
11. Хромцова, Т. Г. Воспитание опыта безопасного поведения в быту детей среднего дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. Г. Хромцова. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 17 с.

REFERENCES

1. Kodeks Riepubliki Bielarus' ob obrazovanii [Eliektronnyj riesurs] : 13 janv. 2011 g., № 243-3 : priniat Palatoj predstavitieliej 2 diek. 2010 g. : odobr. Sovietom Riesp. 22 diek 2010 g. : s izm. ot 14 fievr. 2022 g. – Riezhim dostupa: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=vc6Iwu4q. – Data dostupa: 18.02.2022.
2. Avdiejeva, N. N. Biezopasnost' : uchieb posobije po osnovam biezopasnosti zhizniediejatiel'nosti dietiej st. doshk. vozrasta / N. N. Avdiejeva, N. L. Kniazieva, R. B. Stierkina. – SPb. : Dietstvo-Press, 2007. – 117 s.
3. Bielaja, K. Yu. Formirovanije osnov biezopasnosti u doshkol'nikov / K. Yu. Bielaja. – M. : Mozaika-sintez, 2014. – 64 s.
4. Griebiennikova, Ye. V. Sovriemiennyje aspiekty kul'tury biezopasnosti zhizniediejatiel'nosti [Eliektronnyj riesurs] / Ye. V. Griebiennikova, A. A. Ajol // Piedagogika vyssh. shk. – 2016. – № 3 (6). – S. 56–58. – Riezhim dostupa: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1452>. – Data dostupa: 23.01.2022.
5. Yesipova, A. A. Osnovnyje strukturnyje komponienty kul'tury biezopasnosti zhizniediejatiel'nosti [Eliektronnyj riesurs] / A. A. Yesipova, Ye. M. Riebko // Molodoj uchionyj. – 2014. – № 18 (77). – S. 36–38. – Riezhim dostupa: <https://moluch.ru/archive/77/13209/>. – Data dostupa: 23.01.2022.
6. Sadrietdinova, A. I. Piedagogichieskoje projektirovanije obrazovatiel'noj sriedy formirovanija kul'tury biezopasnosti zhizniediejatiel'nosti u doshkol'nikov : avorief. : dis. ... kand. pied. nauk / A. I. Sadrietdinova. Jekatierinburg, 2009. – 22 s.
7. Kolomiejec, N. V. Vospitanije kul'tury biezopasnogo poviedienija u dietiej 3–7 liet / N. V. Kolomiejec. – Volgograd : Uchitiel', 2013. – 164 s.

-
8. Uchiebnaja programma doshkol'nogo vospitanija. – Minsk : NIO : Aviersev, 2019. – 479 s.
  9. Komarova, I. A. Nauchno-metodichieskije osnovy biezopasnosti zhizniediejatel'nosti dietiej doshkol'nogo vozrasta / I. A. Komarova // Pralieska. – 2015. – № 7. – S. 8–11.
  10. Timofiejeva, L. L. Formiuovanije kul'tury biezopasnosti / L. L. Timofiejeva, M. I. Koroljova. – M. : Dietstvo-Press, 2015. – 176 s.
  11. Khromcova, T. G. Vospitanije opyta biezopasnogo poviedienija v bytu dietiej sriedniego doshkol'nogo vozrasta : avtorief. dis. ... kand. pied. nauk / T. G. Khromcova. – SPb. : RGPU im. A. I. Giercena, 2001. – 17 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.03.2022

УДК 796.015.8

Андрей Андреевич Навойчик*магістр пед. наук, ст. прапедаватель каф. спортыўных ігр
Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы***Andrey Navoychik***Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sports Games
of Yanka Kupala Grodno State University**e-mail: andrei.navoichik@gmail.com***ОБОСНОВАНИЕ СПОСОБА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
МЕТОДИКИ ТРЕНИРОВКИ БАСКЕТБОЛИСТОВ «ТРИ НА ТРИ»
ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СБОРНЫХ КОМАНД
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Рассматриваются результаты тестирования общей и специальной физической подготовки игроков женской национальной сборной команды Республики Беларусь по баскетболу. Данные показатели стали основным критерием оценки эффективности разрабатываемой автором экспериментальной методики спортивной тренировки баскетболистов «три на три». В ходе предварительного эксперимента проведен сравнительный анализ между опытными группами испытуемых в прыжках в длину и высоту, челночном, десятиметровом и шестидесятисекундном беге, наклоне вперед из положения сидя, сгибании корпуса из положения лежа, передаче мяча двумя руками от груди, перемещениях в защитной стойке, ведении мяча с изменением направления, бросках в движении после двух шагов, со средней и дальней дистанции и метании набивного мяча. Полученные данные легли в основу модерации исследовательской деятельности.

Ключевые слова: баскетбол «три на три», национальные сборные команды, Республика Беларусь, методика спортивной тренировки, эффективность оценки, результаты исследования.

***Substantiation of the Method of Evaluating the Effectiveness of the Experimental Method
of Training Basketball Players «Three on Three» in the Conditions of Preparation
of National Teams of the Republic of Belarus***

The article discusses the results of testing the general and special physical fitness of the players of the women's national basketball team of the Republic of Belarus. These indicators have become the main criterion for evaluating the effectiveness of the experimental method of basketball «three-on-three» players' sports training developed by us as part of the dissertation research. During the preliminary experiment, a comparative analysis was carried out between experimental groups of subjects in long and high jumps, shuttle, ten-meter and sixty-second running, leaning forward from a sitting position, bending the body from a lying position, passing the ball with two hands from the chest, moving in a defensive stance, driving the ball with a change of direction, throws in motion after two steps, from medium, long distance and throwing a stuffed ball. The obtained data formed the basis for the moderation of research activities.

Key words: basketball «three-on-three», national teams, Republic of Belarus, sports training methodology, evaluation effectiveness, research results.

Введение

Стремительная популяризация баскетбола «три на три» во всем мире и внедрение его как нового олимпийского вида спорта в программу летних Игр в Токио привели к всестороннему развитию данного направления. Современные тенденции поиска и создания новых методик спортивной тренировки игроков предъявляют высокие требования к их эффективности с учетом специфики соревновательной деятельности. Основные существующие решения направлены на подбор оптимального инструмента-

рия средств из классического баскетбола на базе спортивных клубов и традиционных школ [1]. Такой подход оправдан при наличии большого контингента занимающихся и тренеров-специалистов соответствующей квалификации. Для Беларуси нами определен принципиально отличающийся подход в подготовке профессиональных атлетов широкого профиля, который учитывает существующие кадровые реалии нашей страны, материально-техническую базу, при этом позволяя сохранять высокую конкурентоспособность на международном уровне [2].

В ходе работы над диссертационным исследованием «Методика интеграции спортивной тренировки баскетболистов «три на три» в рамках сезонной подготовки профессиональных команд «пять на пять» был проведен обширный анализ в поиске тождественных подходов и основных различий в подготовке спортсменов обоих видов спорта и обозначен предварительный концепт необходимых требований и компетенций к баскетболистам «три на три» [3]. Углубленное изучение актуальной проблематики по теме нашей работы определило ключевые позиции дальнейших исследований, которые легли в основу эффективного применения разработанного автором комплекса тренировочных средств:

1) исследование антропометрических критериев игроков в баскетболе «три на три»;

2) исследование статистических критериев модульных игровых показателей эффективности игроков в баскетболе «три на три»;

3) исследование критериев отбора и формирования игровых коллективов в баскетболе «три на три»;

4) исследование критериев оценки уровня подготовленности игроков для соревновательной деятельности в баскетболе «три на три» [4].

Аналитические выкладки по итогам проделанной работы позволили определить направление дальнейшей апробации экспериментальной методики для получения первичных данных о ее эффективности и внедрения сопутствующих корректировок.

Основная целью исследования – обоснование способа оценки эффективности экспериментальной методики тренировки баскетболистов «три на три» в условиях подготовки национальных сборных команд Республики Беларусь. Исходя из этого были поставлены следующие задачи:

1) подбор средств оценки общей и специальной физической подготовки баскетболистов «три на три»;

2) оценка уровня подготовленности спортсменов опытных групп на этапах начального и промежуточного тестирования;

3) оценка эффективности методики спортивной подготовки баскетболистов «три на три» на основе сравнительного межгруппового анализа.

Методы и организация исследования

На предварительном этапе апробации экспериментальной методики диссертационного исследования был внедрен методический тренировочный комплекс в рамках подготовки игроков женских национальных сборных команд к соревнованиям по баскетболу «три на три». В ходе эксперимента были сформированы опытные группы по четырнадцать человек в каждой (максимально допустимый состав команды в баскетболе «три на три» – четыре игрока) из профессиональных игроков спорта высших достижений.

Руководство представленными группами осуществлялось специалистами, назначенными на должность тренера национальной сборной команды по баскетболу «три на три». Общий отбор всех участников, формирование и подготовку контрольной группы осуществлял главный тренер женской национальной команды – Ю. В. Волк. Вторым специалистом, отвечающим за экспериментальную группу, общее руководство исследованием, проведением тестирований и анализом полученных результатов, стал А. А. Навойчик.

На этапе констатирующего эксперимента, который проходил с 20 по 22 июля 2021 г. на спортивной базе «Палова» в Минске, было проведено сравнительное межгрупповое исследование физической и технической подготовленности спортсменок, а также проверена равномерность распределения выборки испытуемых для дальнейшего анализа и построения учебно-тренировочного процесса.

Первое тестирование было проведено 22 июля 2021 г. в начале учебно-тренировочных сборов, в рамках которых игроки обеих групп готовились к участию в квалификации к Кубку Европы до 17 лет, Лиге Наций до 23 лет, квалификационному турниру к Олимпийским играм в Токио, Чемпионату мира до 18 лет [5]. Для сравнительного анализа и оценки показателей подготовленности спортсменок были использованы следующие нормативные пробы: прыжки в длину (Пр. дл.) и высоту (Пр. выс.), челночный (4 × 9 м), десятиметровый (10 м) и шестидесятисекундный (60 с) бег, наклон вперед из положения сидя (Накл.), сгибания корпуса из положения лежа (Пресс), передача мяча двумя руками от

груди (Пер.), перемещения в защитной стойке (Защ.), ведение мяча с изменением направления (3 м), броски в движении после двух шагов (2 шг. вр., 2 шг. п.), со средней и дальней дистанции (Баб. бр., Баб. п.), метание набивного мяча (Мет.) и комплексная оценка уровня подготовленности баскетболистов «три на три» (3 × 3).

Проверка на нормальное внутригрупповое распределение показала, что контрольная и экспериментальная группы имеют непараметрическое формирование. Это объясняется стандартной ситуацией для баскетбольных команд, т. к. многие спортсмены выступают в Беларуси и за рубежом, и окончание спортивного сезона в преддверии приезда в расположение национальной сборной у всех разное. Многие игроки прекратили выступления в соревновательной программе своих профессиональных клубов в середине апреля, некоторые на месяц позже, часть восстанавливалась после травмы или, наоборот, только вернулась после участия в международных стартах за баскетбольную сборную страны «пять на пять». Зачастую как раз приведение игроков к оптимальной физической кондиции в кратко-

срочных условиях подготовки к соревнованиям национальных сборных является основной задачей тренеров-специалистов.

Результаты и обсуждение

Исходя из полученных данных общей и специальной физической подготовки в обеих испытуемых группах, представленных в таблице 1 и 2, можно увидеть, что контрольная группа имеет лучшие медианные значения по результатам тестовых нормативов: ОФП – прыжок в высоту и длину, бег 10 метров, наклон вперед и бег 60 секунд; СФП – передачи мяча, «змейка» с ведением, бросок с двойного шага на время и количество попаданий, штрафной бросок и броски «бабочкой», метание набивного мяча, а также общегрупповой балл за норматив «3 × 3» (комплексная оценка уровня подготовленности к соревновательной деятельности в баскетболе «три на три»), разработанный в рамках нашей экспериментальной методики. Экспериментальная группа имела лучшие показатели лишь в челночном беге, сгибании туловища из положения лежа и передвижении в защитной стойке.

Таблица 1. – Медианные значения опытных групп в нормативах общей физической подготовки и тестовой пробы оценки подготовленности баскетболистов «три на три» (22.07.2021)

Тест	Пр. Выс.	Пр. Дл.	10 м	4 × 9 м	Пресс	Накл.	60 с	3 × 3
КГ	46,92	206,42	2,39	10,11	48	12,64	241,42	32,16
ЭГ	43,42	194,78	2,43	10,03	48,14	11,64	240,57	25,44

Таблица 2. – Медианные значения опытных групп в нормативах специальной физической подготовки (22.07.2021)

Тест	Пер.	3 м.	Защ.	2 шг. вр.	2 шг. п.	Штр.	Баб. бр.	Баб. п.	Мет.
КГ	22,78	5,79	30,94	57,95	8,28	7,35	28,71	11,14	327,64
ЭГ	22,35	5,87	30,87	58,41	7,71	6,35	28,64	9,71	305,3

Опираясь на анализ результатов тестирования спортсменов, при межгрупповом сравнении их показателей, согласно критерию Мана – Уитни для непараметрических значений среди двух обычных групп, достоверное различие в показателях было выявлено лишь в пробах на прыжок в длину и штрафном броске (при $p < 0,05$). Это объясняется тем, что для большинства баскетболистов прыжок в длину с места является не типичным нормативом (в игровой деятельности отсутствуют вариативные ситуации для использования стационарного прыжка

вперед, т. к. это является прямым нарушением правил).

В случае со штрафным броском достоверность различия может объясняться психологической устойчивостью к выполнению норматива. В профессиональном баскетболе принято считать, что выполнение данного технического элемента не зависит от физической или технической подготовленности атлета. Результативность действия в полной мере зависит от уровня концентрации при его исполнении и, несмотря на всю кажущуюся простоту, способность

монотонно выполнять его без явных отклонений в двигательном действии десятки раз подряд. Тем не менее показатели данных нормативов не смогут существенно повлиять на равномерность распределения между опытными группами и применение экспериментальной методики, а при завершении исследования учитывалось изначальное отклонение в этих двух тестах для получения объективной оценки.

Несмотря на то что представители КГ имели лучшие результаты в большинстве нормативов, нежели спортсмены ЭГ, расчет показателей не выявил существенных достоверных различий, что позволило приступить к этапу формирующего эксперимента, сущность которого заключалась во внедрении экспериментальной методики при подготовке профессиональных игроков в баскетбол «три на три» к международным соревнованиям женских национальных команд.

Применение методического комплекса в учебно-тренировочном процессе происходило с 23 июля по 14 сентября 2021 г.

В ходе исследования экспериментальная группа работала по программе тренировок, которая включала в себя специально отобранные средства спортивной тренировки для баскетболистов «три на три». Представители контрольной группы занимались согласно установленному графику учебно-тренировочных занятий по типичной программе подготовки баскетболистов с учетом особенностей правил стритбола в игровых и соревновательных упражнениях.

В рамках формирующего эксперимента (с учетом графиков соревнований всех команд) этап промежуточного контроля был осуществлен 18 августа 2021 г. Оценивали состояние и готовность спортсменов, были получены дополнительные данные для сравнительного меж- и внутригруппового анализа аналогичных тестовых проб на текущий момент с началом эксперимента. Данные, представленные в таблицах 3 и 4, наглядно демонстрируют рост показателей общей и специальной физической подготовки спортсменов.

Таблица 3. – Медианные значения опытных групп в нормативах общей физической подготовки и тестовой пробы оценки подготовленности баскетболистов «три на три» (22.07.2021) (КГ22.07 и ЭГ22.07) и (18.08.2021 г.) (КГ18.08 и ЭГ18.08)

Тест	Пр. Выс.	Пр. Дл.	10 м	4 × 9 м	Пресс	Накл.	60 с	3 × 3
КГ22.07	46,92	206,42	2,39	10,11	48	12,64	241,42	32,16
КГ18.08	47,92	208,07	2,21	9,6	49,57	13,5	244,5	42,41
ЭГ22.07	43,42	194,78	2,43	10,03	48,14	11,64	240,57	25,44
ЭГ18.08	45	198,57	2,23	9,55	50,42	13,42	246,07	30,25

Таблица 4. – Медианные значения опытных групп в нормативах специальной физической подготовки (22.07.2021) (КГ22.07 и ЭГ22.07) и (18.08.2021 г.) (КГ18.08 и ЭГ18.08)

Тест	Пер.	3 м.	Защ.	2 шг. вр.	2 шг. п.	Штр.	Баб. бр.	Баб. п.	Мет.
КГ22.07	22,78	5,79	30,94	57,95	8,28	7,35	28,71	11,14	327,64
КГ18.08	24,14	5,61	30,51	57,04	9	7,35	32,07	12,42	331,07
ЭГ22.07	22,35	5,87	30,87	58,41	7,71	6,35	28,64	9,71	305,3
ЭГ18.08	23,64	5,53	30,11	56,95	8,92	6,85	32,07	11,92	310,42

Если обратиться к углубленному статистическому анализу, то при сравнении межгрупповых показателей в контрольной и экспериментальной группах на промежуточном этапе не выявлено достоверных различий в показателях. Даже разнородность данных в пробах на прыжок в высоту и штрафной бросок, которые наблюдались на начальном этапе тестирования при наличии незначительного прироста в показателях, перестали отличаться достоверно.

Незначительное преимущество контрольной группы в показателях тестовых проб на данном этапе исследования обусловлено двумя основными причинами: сложностью развития ОФП и СФП на этапе спорта высших достижений у профессиональных игроков и разницей в календарных планах соревнований, что потребовало более раннего выхода на оптимальный уровень физической формы спортсменов КГ – участие в турах Лиги Наций 6–8 и 20–22 ав-

густа 2021 г. Испытуемые экспериментальной группы, в свою очередь, продолжали подготовку к предстоящим соревнованиям Кубка мира, имея в запасе еще восемь дней до начала главного старта, что потенциально должно было дать им возможность для улучшения показателей по всем критериям.

При проведении внутригруппового анализа результатов отмечается значимый прирост ($p < 0,05$) по ряду показателей. Контрольная группа продемонстрировала достоверные различия в нормативах:

1) ОФП: бег 10 метров (-0,18 с) и челночный бег (-0,51 с), в тестовой пробе «3 × 3» (+10,25 балла),

2) СФП: передача мяча (+1,36 пер.), бросок после двойного шага (+0,72 попад.) и броски «бабочкой» (+3,36 брос.).

Экспериментальная группа сумела достоверно улучшить свои показатели относительно первой пробы по семи тестам:

1) ОФП: бег 10 метров (-0,2 с), челночный бег (-0,48 с), бег 60 с (+5,5 м),

2) СФП: передача мяча (+1,29 пер.), ведение «змейкой» (-0,34 сек.), бросок после двойного шага (+1,21 попад.), броски «бабочкой» (+3,43 брос.).

Такая динамика изменений наглядно демонстрирует уровень самоотдачи и качества выполнения заданий самими атлетами в рамках учебно-тренировочных занятий, что является основополагающим фактором достоверности и объективности оценки данных, полученных в ходе эксперимента.

Схожесть улучшений в отдельно взятых нормативах объясняется спецификой баскетбола «три на три», где в игровых ситуациях игровая активность спортсменов как раз характеризуется рывками длиной 5–10 м, постоянной сменой направления на дистанциях этих ускорений, большим количеством совершенных бросков в движении (именно бросков в единицу времени, а не

процент их реализации) и передачами мяча между партнерами. Таким образом, одним из ключевых факторов возникновения быстрого положительного эффекта в конкретно взятых пробах является большое количество средств, моделирующих игровую ситуацию, подобранных для спортивной тренировки данных баскетболистов.

Заключение

Добиться достоверного прироста в общих и специальных физических показателях уровня подготовленности у профессиональных спортсменов – это долговременный и трудоемкий процесс. Из очевидных факторов, обуславливающих отсутствие эффективного и значимого влияния разработанной методики на представителей экспериментальной группы, следует отметить лишь ее краткосрочное применение. С учетом наличия положительной динамики роста всех показателей можно утверждать, что в долгосрочной перспективе разработанный комплекс упражнений позволит вывести спортсменов на качественно новый уровень подготовленности.

При анализе промежуточного тестирования наблюдается прирост в семи показателях у экспериментальной группы (бег 10 м, бег 4 × 9 м, бег 60 с, передача мяча, ведение с изменением направления, броски после двойного шага и среднедальней дистанции), против шести у контрольной (бег 10 м, бег 4 × 9 м, тест 3 × 3, передачи мяча, броски после двойного шага и среднедальней дистанции).

В дальнейших исследованиях предстоит провести сравнительный анализ влияния разработанной экспериментальной методики на уровень развития общей и специальной физической подготовленности с традиционными формами спортивной тренировки баскетболистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Навойчик, А. А. Анализ современных тенденций развития баскетбола «3 × 3» в мире / А. А. Навойчик, В. В. Храмов, А. И. Навойчик // Мир спорта. – 2019. – № 2. – С. 38–43.
2. Навойчик, А. А. Состояние и перспективы развития стритбола в Беларуси по итогам анализа международных соревнований 2018 г. / А. А. Навойчик, В. П. Навойчик, В. В. Храмов // Мир спорта. – 2019. – № 1. – С. 32–37.
3. Навойчик, А. А. Теоретическое обоснование профессиональных требований к игровым амплуа в баскетболе «три на три» / А. А. Навойчик, В. В. Храмов // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 120–127.

4. Навойчик, А. А. Исследование комплексных форм обоснованных способов комплектования команд в баскетболе «три на три» / А. А. Навойчик, В. В. Храмов // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Соц.-экон. и обществ. науки. – 2020. – № 5 (122). – С. 39–43.

5. Международные соревнования по баскетболу «три на три» среди женских национальных сборных команд [Электронный ресурс] // Международная федерация баскетбола «три на три» (ФИБА 3 на 3) : офиц. интернет-портал. – Режим доступа: <https://fiba3x3.com/events.html#women>. – Дата доступа: 20.03.2021.

REFERENCES

1. Navojchik, A. A. Analiz sovremiennykh tendentsiy razvitiya baskietbola «3x3» v mirie / A. A. Navojchik, V. V. Khramov, A. I. Navojchik // Mir sporta. – 2019. – № 2. – S. 38–43.

2. Navojchik, A. A. Sostojaniye i perspektivy razvitiya stritbola v Bielarusi po itogam analiza miezhdunarodnykh sorievnovanij 2018 g. / A. A. Navojchik, V. P. Navojchik, V. V. Khramov // Mir sporta. – 2019. – № 1. – S. 32–37.

3. Navojchik, A. A. Teorietichieskoje obosnovaniye professional'nykh triebovanij k igrovym amplua v baskietbolie «tri na tri» / A. A. Navojchik, V. V. Khramov // Viesn. Hrodzien. dziarzh. un-ta imia Yanki Kupaly. Ser. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija. – 2020. – T. 12, № 3. – S. 120–127.

4. Navojchik, A. A. Issliedovaniye komplieksnykh form obosnovannykh sposobov kompliektovaniya komand v baskietbolie «tri na tri» / A. A. Navojchik, V. V. Khramov // Izv. Gomiell. gos. un-ta im. F. Skorina. Soc.-econ. i obshchestv. nauki. – 2020. – № 5 (122). – S. 39–43.

5. Miezhdunarodnyje sorievnovaniya po baskietbolu «tri na tri» sriedi zhenskikh nacional'nykh sbornykh komand [Elektronnyj riesurs] // Miezhdunarodnaja fiedieracija baskietbola «tri na tri» (FIBA 3 na 3) : ofic. internet-portal. – Riezhim dostupa: <https://fiba3x3.com/events.html#women>. – Data dostupa: 20.03.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.04.2022

УДК 37.01

Анна Николаевна Гурина¹, Наталья Николаевна Жаркова²

¹канд. техн. наук, доц. каф. управления охраной труда
Белорусского государственного аграрного технического университета
²ст. преподаватель каф. управления охраной труда
Белорусского государственного аграрного технического университета

Anna Gurina¹, Natalia Zharkova²

¹Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
of the Department of Occupational Safety Management
at the Belarusian State Agrarian Technical University

²Senior Lecturer of the Department of Occupational Safety Management
at the Belarusian State Agrarian Technical University

e-mail: anna-mak-1983@tut.by

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ОХРАНА ТРУДА»

На примере изучения дисциплины «Охрана труда» теоретически обосновано применение инновационных педагогических технологий и экспериментально проверена эффективность использования технологии полного усвоения знаний для повышения качества профессиональной подготовки будущих инженеров. Современное образование в контексте решения проблем по управлению безопасностью труда предполагает качественное обновление традиционного обучения, недостатками которого являются формализм и отсутствие творческого мышления. В условиях динамично развивающегося производства востребованными качествами будущих специалистов являются профессиональная ответственность, надежность, самостоятельность, профессиональный интеллект, прогностические способности, творческий подход к делу, что определяет необходимость применения инновационных педагогических технологий в образовательном процессе. Инновационные педагогические технологии позволяют сформировать у студентов профессиональные знания в области производственной безопасности и охраны труда, развить способности к самообучению как виду деятельности, приобрести навыки креативного, нестандартного решения производственных задач по управлению безопасностью труда.

Ключевые слова: инновационные педагогические технологии, обучение, охрана труда, профессиональная деятельность, производственная безопасность.

Application of Innovative Pedagogical Technologies to Improve the Quality of Professional Training on the Discipline «Labor Protection»

The use of innovative pedagogical technologies is theoretically substantiated and the effectiveness of using the technology of complete assimilation of knowledge to improve the quality of professional training of future engineers is experimentally verified using the example of studying the discipline "Labor protection". Modern education in the context of solving problems of labor safety management involves a qualitative update of traditional education, the disadvantages of which are formalism and the lack of creative thinking in solving problems. In the conditions of dynamically developing production, the sought-after qualities of future specialists are professional responsibility, reliability, independence, professional intelligence, predictive abilities, creative approach to business, which determines the need to use innovative pedagogical technologies in the educational process. Innovative pedagogical technologies allow students to form professional knowledge in the field of occupational safety and labor protection, develop the ability to self-learn as a type of activity, acquire the skills of creative or non-standard solution of production problems for labor safety management.

Key words: innovative pedagogical technologies, training, labor protection, professional activity, industrial safety.

Введение

Сформированные в высшей профессиональной школе знания и умения не всегда могут полностью обеспечить постоянную безопасность человека в производственной среде. Современный выпускник

сталкивается с трудностями адаптации к производственным условиям, поскольку у него недостаточно навыков для эффективного планирования и безопасного выполнения своей работы, а низкий уровень знаний в области охраны труда часто становится

причиной несчастных случаев со смертельным исходом или тяжелыми последствиями. С другой стороны, опасность возникновения неблагоприятной производственной ситуации повышается за счет того, что человек постепенно привыкает к производственным рискам, сопровождающим его деятельность, и теряет бдительность. К тому же в силу стремительного технического переоснащения современных производств, динамичного развития новых технологий предъявляются новые требования к знаниям работников в области обеспечения производственной безопасности. Для решения этих вопросов целесообразно внедрять в образовательный процесс инновационные педагогические технологии при изучении дисциплины «Охрана труда», которые направлены на формирование необходимых теоретических знаний в области обеспечения производственной безопасности, развитие профессиональных умений, совершенствование социальных навыков взаимодействия в группе людей.

Основная часть

Перед системой образования стоит задача подготовки такого выпускника, который в опасной производственной ситуации способен критически мыслить и самостоятельно принимать адекватные возникшей ситуации решения. Поэтому в профессиональной подготовке будущих специалистов наряду с традиционными технологиями активно используются инновационные, направленные на обучение проектированию и имитационному моделированию профессиональной деятельности: решение кейса практических и проблемных ситуационных задач, междисциплинарные деловые игры. Использование инновационных педагогических технологий связано с интеграцией знаний, умений и навыков студентов. Традиционные образовательные технологии обеспечивают устойчивое усвоение базовых знаний, умений, навыков, а инновационные технологии направлены на формирование креативного умения по-новому применять их в профессиональной деятельности, делая ее тем самым также инновационной.

При изучении будущими специалистами дисциплины «Охрана труда» активно применяются успешно зарекомендовавшие себя традиционные подходы. Так, традици-

онно ведущим методом обучения является лекция, которая обеспечивает усвоение систематизированных научных знаний по конкретной теме учебной программы. Несмотря на то что часто лекция предполагает пассивное восприятие устоявшихся положений, активный метод изложения материала позволит повысить мотивацию студентов в освоении знаний. Активный метод изложения предполагает постоянное взаимодействие между преподавателем и студентами, которое достигается за счет постоянной коммуникации, постановки и обсуждения вопросов [1]. При изучении тем «Теоретические основы охраны труда. Законодательство Республики Беларусь по охране труда», «Государственное управление охраной труда» применение этого метода стимулирует познавательную активность студентов при изучении законов и нормативных правовых актов, содержащих государственные нормативные требования охраны труда, касающиеся деятельности агропредприятий, мотивирует их на поиск эффективных решений производственных проблем.

Среди инновационных педагогических технологий при изучении дисциплины «Охрана труда» в Белорусском государственном аграрном техническом университете (БГАТУ) наибольшей популярностью пользуются технологии *модульного, проблемно-деятельностного, развивающего, дистанционного, проектного обучения, интерактивные технологии обучения* [2].

В отличие от традиционного обучения особенность *модульной технологии* заключается в новых способах взаимодействия преподавателя и студентов. Повышение качества профессиональной подготовки по дисциплине «Охрана труда» при этом обеспечивается наибольшей активностью самих студентов, а преподаватель выполняет функции эксперта в области применяемой технологии обучения, организатора совместной деятельности и консультанта, оказывающего поддержку в овладении необходимым учебным содержанием. Деление содержания дисциплины на два модуля – «Правовые и организационные основы охраны труда. Производственная санитария и гигиена труда на объектах АПК» и «Безопасность производственных процессов на объектах АПК. Пожарная безопасность объектов АПК» – позволяет определить логи-

ческую структуру курса и наметить систему действий по его усвоению. Взаимосвязь между темами и разделами дает возможность студентам осознанно осваивать содержание и прогнозировать результаты своей деятельности. Модульная технология обучения «Охране труда» состоит из трех основных этапов:

1) мотивационно-ориентировочный (формирование ценностных и социокультурных ориентаций и раскрывающий значимость профессиональных знаний в области безопасности и охраны труда для будущей производственной деятельности); этот этап является предварительным ознакомлением с учебной программой модульной технологии обучения «Охране труда» и условиями ее выполнения;

2) формирующий (усвоение содержания обучающих модульных блоков и развитие профессиональных умений и навыков);

3) контрольно-оценочный (реализуется на базе системы Moodle при сдаче «Контроля знаний» по пройденным модулям, в результате чего осуществляется осознанное применение студентами профессиональных умений и навыков).

Акцент на управляемую самостоятельную работу при изучении отдельных тем по модульной технологии усиливает значимость самоконтроля и самооценки своей деятельности студентами, что обуславливает более осознанное и добросовестное их отношение к своему обучению. Накопительный принцип оценивания усвоенного содержания отдельного обучающего модуля дает возможность определить, готовы ли студенты к следующему обучающему блоку.

Технология проблемно-деятельностного обучения охране труда основывается на необходимости погружения студентов в противоречивые, проблемные ситуации при решении вопросов, связанных с обеспечением производственной безопасности. Для преодоления возникающих ситуаций недостаточно применения только имеющихся знаний, умений, навыков – необходимо непрерывное усвоение новых. Содержание учебного предмета, предназначенное для усвоения, может быть разработано в виде системы проблем, которые отражают несоответствия между существующими нормами и способами деятельности по их достижению. Созданная на основе учебного со-

держания проблемная ситуация разрешается поиском и усвоением нового знания или овладением новым способом деятельности. Осознание студентами полученного результата и самого процесса его получения создает предпосылки для дальнейшего их самообучения.

Проблемно-деятельностная технология может эффективно использоваться при изучении тем «Организация управления охраной труда», «Травматизм, его причины и профилактика». Поскольку уровень производственного травматизма в сельскохозяйственном секторе остается высоким, то существует необходимость формирования у будущих инженеров знаний по основам эффективного функционирования системы управления охраной труда и овладения ими способами по предотвращению и снижению производственных рисков. При анализе производственного травматизма статистическими методами, позволяющими количественно и качественно его оценить, моделируется предметная деятельность будущих специалистов, направленная на разработку мероприятий по снижению травматизма, профессиональных заболеваний и улучшению условий труда.

При изучении дисциплины «Охрана труда» необходимо постоянно стимулировать развитие продуктивного мышления студентов, опираясь на принцип обучения на высоком уровне трудности, который является особенностью **технологии развивающего обучения**. Образовательная деятельность, организуемая на основе этой технологии, способствует ориентации студентов на достижение более высокого уровня обученности, развитию навыков реализации системного подхода по обеспечению производственной безопасности на предприятии, саморазвитию профессионально значимых качеств. Стремление к развитию профессиональной самостоятельности обуславливает потребность в новых знаниях. В этой связи учебно-методические материалы по «Охране труда», предназначенные для усвоения, должны содержать достаточный фактический и информационно-справочный материал, необходимый студентам в качестве ориентиров для изучения учебных вопросов, подготовки к освоению неизвестного материала. Введение для них дополнительного

материала позволит наметить перспективу изучения того или иного раздела или темы.

Значительный ресурс *дистанционных образовательных технологий* позволяет обеспечить ориентацию студентов на саморазвитие. Положительное влияние на усвоение профессиональных знаний, формирование технических умений и навыков работы с различными источниками информации, развитие способностей анализировать, обобщать и синтезировать усвоенные знания обеспечивается разработанными электронными учебно-методическими комплексами по дисциплине «Охрана труда» для всех специальностей БГАТУ.

Однако не все вопросы дисциплины «Охрана труда» можно изучать дистанционно. В первую очередь это касается вопросов, связанных с формированием системы знаний, предусматривающих способы и методы защиты человека от различных опасных и вредных факторов производственной среды. Например, изучение основ производственной санитарии, методов и приборов для определения концентрации вредных веществ, для контроля освещенности рабочих мест, для оценки и контроля шума и вибрации, формирование практических действий по оказанию первой помощи пострадавшим с использованием учебного тренажера не будет результативным при использовании дистанционной технологии.

Развитие творческих способностей, познавательных умений, навыков самостоятельно конструировать свои знания и ориентироваться в современном обществе возможно при использовании в образовании *технологии проектного обучения*. Данная технология включает в себя совокупность приемов, реализация которых в определенной последовательности стимулирует интерес студентов к решению различных проблем через проектную деятельность. Успешность применения этой технологии при изучении дисциплины «Охрана труда» обусловлена реальной возможностью выполнения основных ее этапов:

- 1) выбор проекта и выявление его проблемы,
- 2) планирование предстоящей работы,
- 3) реализация проекта,
- 4) обсуждение полученных результатов.

Рассматриваемый алгоритм прослеживается при изучении темы «Аттестация

рабочих мест по условиям труда. Компенсации по условиям труда». Студенты на основании изучения требований нормативных документов по аттестации рабочих мест по условиям труда проводят оценку условий труда, затем составляют проект карты аттестации рабочего места по условиям труда в виде фрагмента и устанавливают размеры доплат за работу с вредными и (или) опасными условиями труда. Обсуждение проектов проходит в атмосфере уважительного отношения к мнению всех участников образовательного процесса.

Сущность *интерактивных технологий обучения «Охране труда»* («Решение ситуационных задач», «Моделирование профессиональной деятельности», «Построение поля профессиональной активности» и др.) состоит в том, что они опираются прежде всего на творческое, продуктивное мышление и обеспечивают переход от пассивного усвоения знаний к их активному применению в моделируемых или реальных ситуациях профессиональной деятельности. Создание комфортных условий обучения, характеризующихся открытостью взаимодействия участников, плюрализмом мнений и равенством их аргументов, дает возможность студентам чувствовать свою успешность, значимость и свою интеллектуальную состоятельность.

Технологии «Моделирование профессиональной деятельности» и «Построение поля профессиональной активности» при изучении дисциплины «Охрана труда» позволяют студентам овладеть в полном объеме учебным материалом в области охраны труда: выполнение правил безопасности, производственной санитарии, пожарной безопасности и норм охраны труда. Погружение студентов в сферу активных организационно-деятельностных моделей будущей профессиональной деятельности способствует их самоопределению в профессиональном пространстве, ориентирует на осознанное развитие необходимых в профессии личностных качеств и свойств. Выполнение ими ролей организаторов и исполнителей при определении параметров безопасности производства и безопасности труда обеспечит их готовность к работе в условиях современной производственной среды.

Применение технологии «Решение ситуационных задач» отражает разнообразие профессионального взаимодействия и развивает продуктивное мышление студентов по вопросам управления безопасностью труда. При решении ситуационных задач предполагается изучение реальной практической ситуации путем построения ориентировочной модели ее решения с последующим выполнением в деятельности. В ходе специально организованной образовательной деятельности создаются условия воспроизведения построенной модели и осваиваются способы профессионального взаимодействия.

Как средство повышения качества профессиональной подготовки будущих инженеров при изучении дисциплины «Охрана труда» может быть использована **технология полного усвоения знаний**. Ее отличительная черта состоит в закреплении учебных результатов на достаточно высоком уровне, которого должны достичь все студенты [3]. Для этого определяются особенности учебного материала и уровни его усвоения с учетом как субъективных познавательных возможностей студентов, так и объективных требований образовательного стандарта. Усвоение содержания осуществляется поэтапно в соответствии с иерархией образовательных целей и контрольно-ориентирующими результатами обратной связи. Для достижения высоких результатов в усвоении содержания определяется следующее построение учебного занятия: система целей, этапность, перестройка взаимодействия преподавателя со студентами разного уровня обученности, постоянная обратная связь, система разноуровневых заданий [4]. Технология полного усвоения знаний реализуется при сочетании репродуктивной и продуктивной деятельности студентов. Эффективность применения данной технологии проявляется в повышении мотивации студентов за счет достижения успеха каждым из них, уровне их обученности и динамике обучаемости, создании комфортной психологической обстановки.

Технология полного усвоения знаний успешно применяется при реализации следующих действий:

1) диагностика уровня обученности студентов по конкретному предмету;

2) распределение содержания учебного материала на отдельные учебные единицы с учетом иерархии образовательных целей и указание уровней усвоения каждой единицы;

3) определение способов деятельности по усвоению учебных единиц;

4) ориентация на результаты, достижение которых планируется после изучения определенной учебной единицы;

5) разработка проверочных тестовых работ для определения необходимости проведения коррекционной работы;

6) выбор альтернативных материалов и способов работы для студентов, испытывающих затруднения в усвоении определенного уровня учебной единицы.

Исходной предпосылкой для проведения эксперимента по проверке эффективности технологии полного усвоения знаний стала необходимость оценивания работы каждого студента на каждом учебном занятии. Оценивание проводилось с помощью разноуровневого тестирования. Тема «Обеспечение электробезопасности на объектах АПК» дисциплины «Охрана труда» содержит большое количество новых для студентов понятий, законов, требующих не простого запоминания, а понимания взаимосвязи между ними. Пробел в знаниях даже одного понятия или закона может привести к невозможности осознанного восприятия и осмысления материала. Все это усугубляется накапливающим непониманием учебного материала, т. к. последующая тема базируется на материале предыдущей. Как результат – снижение интереса к изучаемой дисциплине, низкая мотивация и успеваемость и в некоторых случаях – неаттестация по дисциплине.

В контрольной группе занятия проводились согласно учебным планам кафедры и учебной программе, представленной в учебно-методическом комплексе дисциплины. В экспериментальной группе занятия проводились по технологии полного усвоения знаний. В начале лекции перед студентами экспериментальной группы было четко обозначено, что в результате изучения темы лекции они должны будут **знать** порядок хранения и использования средств коллективной и индивидуальной защиты; правила техники безопасности при выполнении работ в электроустановках и **уметь**

проводить организационные и технические мероприятия по обеспечению безопасности персонала при выполнении работ на объектах электроэнергетики; использовать приемы, способы и устройства безопасной работы в электроустановках. Лабораторное занятие по теме «Исследование опасности поражения электрическим током в трехфазных сетях напряжением 1 000 В» проводилось согласно новому разработанному плану учебного занятия. Перед экспериментом в группах был проведен входной контроль, целью которого было выявление уровня обученности студентов на начало эксперимента. Контроль проводился в системе дистанционного обучения Moodle с использованием тестовых заданий. В ходе тестирования каждый студент ответил на 20 вопросов, ранжированных по уровню сложности. Педагогический эксперимент завершился проведением разноуровневого тестирования по теме «Обеспечение электробезопасности на объектах АПК».

При оценивании технологии полного усвоения знаний при изучении дисциплины «Охрана труда» прослеживалась четкая динамика увеличения значений показателей, характеризующих эффективность ее применения, а именно: средний балл, абсолютная и качественная успеваемость студентов. Так, средний балл студентов контрольной группы за время проведения эксперимента вырос на 0,37 балла (с 6,27 до 6,64), в то время как средний балл студентов экспериментальной группы за время проведения эксперимента вырос на 1,4 балла (с 6,15 до 7,55). Качественная успеваемость контрольной группы за время проведения эксперимента увеличилась на 9,1 % (с 45,45 до 54,55 %), в то время как указанный показатель студентов экспериментальной группы за время проведения эксперимента увеличился на 35 % (с 45 до 80 %). Следует отметить, что значительная разбежка показателей связана с малой выборкой и при увеличении количества участников эксперимента результаты изменятся, однако в обоих потоках прослеживается тенденция к увеличению качественных показателей эффективности обучения при использовании технологии полного усвоения знаний. Изменения абсолютной успеваемости на конец эксперимента не выявлено, т. к. значение данного показателя для всех групп, участвующих в

эксперименте, составляет 100 %, что является максимально возможным значением.

Эффективность применения инновационных педагогических технологий во многом зависит от отбора профессионально ориентированного содержания обучения, применения комплекса проблемных и типовых ситуаций, задач, упражнений. При этом учебный материал представляется в виде последовательно взаимосвязанных ситуаций производственной деятельности, задач по активному применению знаний, упражнений по отработке конкретных навыков.

Инновационные педагогические технологии делают инновационной и образовательную деятельность в целом, при этом ее главными целями являются формирование субъект-субъектных, т. е. равноправных отношений в процессе обучения, предполагающих взаимное уважение и раскрепощение студентов, накопление опыта межсубъектного партнерства и сотрудничества, усвоение эталонных моделей профессионального поведения.

При изучении дисциплины «Охрана труда» с применением инновационных педагогических технологий происходит усвоение студентами различных типов отношений.

Первая группа – это отношение к себе. Сформировать у студентов позицию активных, самостоятельных и креативно мыслящих субъектов профессиональной деятельности возможно при условии развития у них оценочных суждений о себе как о будущих профессионалах.

Вторую группу отношений составляют отношения к окружающему миру. Возрастающие информационные потоки обуславливают потребность в новых знаниях и новых способах работы с полученной информацией. Противоречия между имеющимися и усваиваемыми знаниями об окружающем мире вызывают познавательную потребность у студентов, дают определенную направленность их мыслям, создают условия для овладения новыми способами деятельности по работе с неизвестным материалом, что в конечном итоге приводит к удовлетворению их информационного запроса об окружающем мире.

Третья группа – это отношения к профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность будущих инженеров предполагает профессиональные знания для

работы в области управления охраной труда, предотвращения производственного травматизма и профессиональной заболеваемости в сельскохозяйственном производстве; в области технического обслуживания и ремонта машин и оборудования в сельском хозяйстве, сервисного сопровождения сельскохозяйственной техники; для работы в области механизации работ в растениеводстве и животноводстве [5–7].

Для осуществления всех этих видов деятельности на высоком уровне будущие специалисты должны обладать необходимыми профессиональными умениями (способностями обеспечивать выполнение правил охраны труда, производственной санитарии, пожарной безопасности и норм охраны труда, владеть основными методами защиты производственного персонала и населения от негативных воздействий факторов антропогенного, техногенного и естественного происхождения) и социально-психологическими качествами (сенсорными, перцептивными, психомоторными свойствами; наблюдательностью; двигательной, образной и словесно-логической памятью, техническим мышлением, пространственным воображением и др.), формированию которых способствует применение инновационных педагогических технологий.

Заключение

Использование инновационных педагогических технологий при изучении дисциплины «Охрана труда» ориентировано на повышение качества подготовки будущих инженеров; формирование профессиональных знаний, необходимых для понимания производственных задач, связанных с безопасностью труда; развитие умений осуществлять деятельность на высоком профессиональном уровне; совершенствование профессионально значимых качеств и свойств, которые найдут отражение в будущей деятельности.

Инновации в образовании влияют на развитие исследовательских и организационных навыков, коммуникативных способностей студентов, способностей к самообучению, содействуют усвоению типовых и выработке альтернативных алгоритмов решения производственных задач.

Ориентация инновационных педагогических технологий на успех, нацеленность на проявление творческого отношения к учебе и достижение уровня творчества в профессиональной сфере позволяют студентам осознавать себя полноценными субъектами профессиональной деятельности, способными успешно решать производственные задачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лупачев, В. Г. Технологии изложения лекционного материала : метод. пособие / В. Г. Лупачев, С. К. Павлюк, В. А. Сидоров. – Минск : БНТУ, 2012. – 59 с.
2. Гурина, А. Н. Применение интегрированной технологии обучения «Охране труда» при подготовке специалистов агропромышленного комплекса / А. Н. Гурина, С. А. Корчик // Problems of formation of a professional : materials of the VII international scientific conference on September 25–26, 2019. – Prague : Sociosféra-CZ, 2019. – P. 29–31.
3. Кларин, М. В. Педагогическая технология в учебном процессе: анализ зарубежного опыта / М. В. Кларин. – М. : Знание, 1989. – 80 с.
4. Пиетиляйнен, Е. Е. Технология полного усвоения знаний как условие повышения эффективности урока : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Е. Е. Пиетиляйнен. – Петрозаводск, 2005. – 227 л.
5. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-74 06 07 Управление охраной труда в сельском хозяйстве : ОСРБ 1-74 06 07-2019. – Введ. 28.05.2019. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь, 2019. – 12 с.
6. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-74 06 03 Ремонтно-обслуживающее производство в сельском хозяйстве : ОСРБ 1-74 06 03-2019. – Введ. 28.05.2019. – М. : М-во образования Респ. Беларусь, 2019. – 13 с.
7. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-74 06 01 Техническое обеспечение процессов сельскохозяйственного производства : ОСРБ 1-74 06 01-2019. – Введ. 28.05.2019. – М. : М-во образования Респ. Беларусь, 2019. – 13 с.

REFERENCES

1. Lupachiov, V. G. Tiekhnologii izlozhenija liekcionnogo matieriala : mietod. posobije / V. G. Lupachiov, S. K. Pavliuk, V. A. Sidorov. – Minsk : BNTU, 2012. – 59 s.
2. Gurina, A. N. Primienienije integrirovannoj tiekhnologii obuchienija «Okhranie truda» pri podgotovkie spicialistov agropromyshliennogo kompleksa / A. N. Gurina, S. A. Korchik // Problems of formation of a professional : materials of the VII international scientific conference on September 25–26, 2019. – Prague : Sociosféra-CZ, 2019. – P. 29–31.
3. Klarin, M. V. Piedagogichieskaja tiekhnologija v uchiebnom processie: analiz zarubiezhnogo opyta / M. V. Klarin. – M. : Znaniye, 1989. – 80 s.
4. Pijetiliajnen, Ye. Ye. Tiekhnologija polnogo usvojenija znaniy kak uslovije povyshenija effiektivnosti uroka : dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.01 / Ye. Ye. Pijetiliajnen. – Pietrozavodsk, 2005. – 227 l.
5. Obrazovatiel'nyj standart Riespubliki Bielarus'. Vyssheje obrazovanije. Piervaja stupien'. Spicial'nost' 1-74 06 07 Upravlienije okhranoj truda v siel'skom khoziajstvie : OSRB 1-74 06 07-2019. – Vvied. 28.05.2019. – Minsk : M-vo obrazovanija Rieszp. Bielarus', 2019. – 12 s.
6. Obrazovatiel'nyj standart Riespubliki Bielarus'. Vyssheje obrazovanije. Piervaja stupien'. Spicial'nost' 1-74 06 03 Riemontno-obsluzhivajushchieje proizvodstvo v siel'skom khoziajstvie : OSRB 1-74 06 03-2019. – Vvied. 28.05.2019. – M. : M-vo obrazovanija Rieszp. Bielarus', 2019. – 13 s.
7. Obrazovatiel'nyj standart Riespubliki Bielarus'. Vyssheje obrazovanije. Piervaja stupien'. Spicial'nost' 1-74 06 01 Tiekhnichieskoje obiespiechienije processov siel'skokhoziajstviennogo proizvodstva : OSRB 1-74 06 01-2019. – Vvied. 28.05.2019. – M. : M-vo obrazovanija Rieszp. Bielarus', 2019. – 13 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.01.2022

УДК 7967012.68

Татьяна Анатольевна Самойлюк

*ст. преподаватель каф. физической культуры
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
аспирант 4-го года обучения
Белорусского государственного университета физической культуры*

Tatyana Samoilyuk

*Senior Lecturer of the Department of Physical Culture
of the Brest State A. S. Pushkin University,
Post-Graduate Student of the 4th Year of Study
of the Belarusian State University of Physical Culture
e-mail: tanisamoiliuk@mail.ru*

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МЕТОДИКИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОК К СДАЧЕ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Изложены результаты проведенных исследований, основной задачей которых явилось повышение уровня физической подготовленности студенток. Успешная физическая подготовленность в значительной мере зависит от оптимального соотношения уровня развития основных физических качеств и степени формирования двигательного навыка. Разработанная методика по развитию физических качеств у студенток способствовала обеспечению создания прочной базы всесторонней физической подготовленности, что способствовало выполнению нормативных требований Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь. Результаты исследования свидетельствуют о том, что разработанная методика эффективно воздействует на развитие физических качеств у студенток, совершенствует их способность к выполнению нормативных требований Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь. Данная методика должна применяться на протяжении всего учебного года, в ней использовались эффективные средства воспитания физических качеств у студенток, которые необходимо использовать в учебных занятиях на протяжении всего учебного года.

Ключевые слова: студентки, физические качества, нормативные требования, показатели, физическая подготовленность, методика, комплекс.

The Efficiency of the Method for Increasing the Level of Physical Fitness of Students to Surrender of Normative Requirements of the State Fitness and Health Complex of the Republic of Belarus

The results of the conducted research are presented, the main task of which was to increase the level of physical fitness of female students. Successful physical fitness largely depends on the optimal ratio of the level of development of basic physical qualities and the degree of formation of motor skills. The developed methodology for the development of physical qualities in female students contributed to ensuring the creation of a solid base of comprehensive physical fitness, which contributed to the fulfillment of the regulatory requirements of the State Sports and Recreation Complex of the Republic of Belarus. The results of the study indicate that the developed methodology effectively affects the development of physical qualities in female students, improves their ability to meet the regulatory requirements of the State Sports and Recreation Complex of the Republic of Belarus. This technique should be applied throughout the academic year, it used effective means of educating physical qualities in female students, which should be used in training sessions throughout the academic year.

Key words: female students, physical qualities, regulatory requirements, indicators, physical fitness, methodology, complex.

Научный руководитель – Татьяна Дмитриевна Полякова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры физической реабилитации Белорусского государственного университета физической культуры

Введение

Состояние здоровья и физической подготовленности студенческой молодежи в последние годы имеет тенденцию к ухудшению [1; 2]. В учреждениях высшего образования занятия по учебной дисциплине «Фи-

зическая культура» не удовлетворяют суточной двигательную потребности студентов и не позволяют не только эффективно развивать, но зачастую и поддерживать уровень физической подготовленности студенческой молодежи.

В век технологического прогресса и быстро растущих информационных технологий у студенческой молодежи наблюдается отсутствие интересов, мотивации в занятиях физическими упражнениями, несмотря на то что они знают и понимают, что активные занятия физической культурой положительно влияют на уровень физической подготовленности, повышение работоспособности, самочувствие, укрепление здоровья. Известно, что общая физическая подготовка имеет первостепенное значение в образовательном процессе и в основном сводится к развитию основных физических качеств студентов: скоростных, скоростно-силовых, силовых, координационных, выносливости и гибкости.

Значение всестороннего развития этих физических качеств особенно велико в свете совершенствования основных положений системы физического воспитания Республики Беларусь и основных положений Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса (далее – ГФОК) Республики Беларусь о едином процессе разносторонней и прикладной физической подготовки студентов.

Как отмечают П. Г. Ворон и В. Ф. Касач, реализация ГФОК позволит сформировать научно обоснованные программы и режимы двигательной активности для различных категорий населения, социальные нормы и нормативы обеспечения населения Республики Беларусь физкультурно-спортивными сооружениями, нормативы физической подготовленности граждан [3]. Введенный Государственный физкультурно-оздоровительный комплекс Республики Беларусь свидетельствует о существующей проблеме в системе физического воспитания, включая учреждения высшего образования, где система физического воспитания недостаточно эффективна для решения поставленных комплексом задач. Это обусловлено рядом факторов, среди которых отсутствие методик, способствующих физической подготовке студенческой молодежи к выполнению нормативных требований ГФОК.

Анализ научной литературы [1; 2; 4–7] свидетельствует о том, что в последние годы происходит ухудшение здоровья студенческой молодежи, и их физическая подготовленность находится на низком уровне, который не позволяет выполнить нормативные требования ГФОК.

В настоящее время проблема подготовки студенческой молодежи к сдаче нормативных требований ГФОК нуждается в глубокой экспериментальной разработке. Важно выявить уровень развития основных физических качеств у студенческой молодежи, экспериментально обосновать эффективные средства и методы развития этих качеств, определить допустимые физические нагрузки в учебных занятиях. Исходя из того, что установление уровней развития основных физических качеств у студенческой молодежи и использование эффективной методики их совершенствования во многом способствовали бы обеспечению всесторонней физической подготовленности, созданию необходимой базы для успешной сдачи нормативных требований ГФОК, нами проведены специальные исследования проблемы подготовки студенток к сдаче нормативов ГФОК Республики Беларусь.

Цель статьи – научно обосновать эффективность методики, направленной на подготовку студенток к сдаче нормативных требований ГФОК.

Задачи исследования:

- 1) определить изменения показателей физической подготовленности студенток в зависимости от применяемой методики;
- 2) оценить успешность выполнения нормативных требований ГФОК в зависимости от применяемой методики.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина». Педагогический эксперимент, в котором принимали участие студентки первых курсов исторического и юридического факультетов, проводился с сентября 2020 по май 2021 г. Были созданы контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) группы. Наполняемость и КГ, и ЭГ – по 16 человек.

Занятия в КГ проводились в соответствии с учебной программой, без целенаправленной методики по развитию их фи-

зических качеств. В процессе исследования ЗГ занималась по разработанной автором методике с применением специальных средств для развития физических качеств у студенток с воздействием на группы мышц, участвующих при выполнении контрольных тестов ГФОК.

Разработанная методика для студенток ЭГ включала в себя средства специально-подготовительного характера с учетом структуры соревновательного движения (теста), а также с определением компонентов этой структуры и связи с контрольным тестом.

Методика, разработанная для ЭГ, представлена физическими упражнениями, которые имеют сходство в работе мышц, принимающих участие при выполнении контрольных тестов, имеющих одинаковые кинематические и динамические характеристики.

В содержание разработанной методики ЭГ входят физические упражнения для специальной подготовки девушек к выполнению нормативов скоростного характера: бег на 30 м, упражнения для развития скоростно-силовых и силовых способностей (сгибание и разгибание рук в упоре лежа от скамейки), поднимание и опускание туловища из исходного положения лежа, прыжок в длину с места, челночный бег 4×9 м, а также наклон вперед, сидя на полу для развития гибкости и подготовки студенток к выполнению норматива в контрольном тесте: Включены и упражнения аэробного характера.

Организация и общая структура занятий, цели, задачи совпадали с общепринятыми для физического воспитания; отличались только средства достижения этих целей.

Разработанная методика ЭГ применялась поэтапно:

1) в начале первого учебного семестра (сентябрь) развитию скоростных способностей отводилось 25,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 30,0 %, выносливости – 30,0 %, гибкости – 15,0 % (при прохождении раздела программы «Легкая атлетика»);

2) в течение первого семестра (октябрь) развитию скоростных способностей отводилось 25,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 30,0 %, выносливости – 40,0 %, гибкости – 5,0 % (при прохождении раздела программы «Легкая атлетика»);

3) в ноябре скоростно-силовым способностям отводилось 30,0 % учебного вре-

мени, координационным – 25,0 %, силовым – 30,0 %, гибкости – 15,0 % (при прохождении раздела программы «Спортивные игры»);

4) в конце первого учебного семестра (декабрь) развитию силовых способностей отводилось 40,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 30,0 %, координационных – 20,0 %, гибкости – 10,0 % (при прохождении раздела программы «Спортивные игры»);

5) в начале второго семестра (февраль) направленность на развитие силовых способностей составляла 40,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 30,0 %, координационных – 10,0 %, гибкости – 20,0 % (при прохождении раздела программы «Спортивные игры»);

6) в течение второго семестра (март) направленность на развитие силовых способностей составляла 30,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 30,0 %, координационных – 30,0 %, гибкости – 10,0 % (при прохождении раздела программы «Спортивные игры»);

7) в апреле развитию скоростно-силовых способностей отводилось 30,0 % учебного времени, скоростных – 20,0 %, силовых – 10 %, выносливости – 35,0 %, гибкости – 5,0 % (при прохождении раздела программы «Легкая атлетика»);

8) в конце второго учебного семестра (май) развитию скоростных способностей отводилось 25,0 % учебного времени, скоростно-силовых – 25,0 %, силовых – 10 %, выносливости – 35,0 %, гибкости – 5,0 % (при прохождении раздела программы «Легкая атлетика»).

Разработанная автором методика для студенток ЭГ опиралась на следующие методические положения: процесс развития физических качеств был непрерывен; объем нагрузки в течение года постоянно увеличивался; физическая нагрузка в течение месяца и года изменялась с учетом адаптации организма студенток; количество физических упражнений в комплексе не изменялось – претерпевали изменения в дозировке упражнений и количестве подходов их выполнения.

Для определения физической подготовленности студенток нами использовались контрольные тесты Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь, которые представлены

следующими видами: бег на 30 м (с), прыжок в длину с места (см), сгибание и разгибание рук в упоре лежа от скамейки, поднятие туловища из исходного положения лежа на спине за 60 с (кол-во раз), челночный бег 4 × 9 м (с), бег на 1 500 м (мин., с), наклон вперед из исходного положения сидя (см).

К выполнению нормативных требований комплекса допускались студентки, отнесенные по состоянию здоровья к основной медицинской группе.

Анализ и сопоставление показателей физической подготовленности студенток КГ

и ЭГ в начале учебного года свидетельствуют, что исходные показатели физической подготовленности этих групп статистически достоверно не отличаются (таблица 1).

Проведенные в течение года занятия в КГ и ЭГ привели к различным сдвигам в показателях физической подготовленности студенток. У студенток ЭГ показатели всех контрольных тестов значительно улучшились по сравнению с показателями КГ, и между показателями обеих опытных групп наблюдаются статистически достоверные различия (таблица 1).

Таблица 1. – Достоверность различий в показателях физической подготовленности студенток контрольной и экспериментальной групп

Показатель	Результат	Группа				Статистические параметры	
		Контрольная		Экспериментальная		t	p
		$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ		
Бег на 30 м, с	исходный	5,78	0,6	5,79	0,4	0,071	>0,05
	конечный	5,46	0,5	5,10	0,3	3,658	<0,05
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, раз	исходный	4,0	2,6	3,6	1,8	0,690	>0,05
	конечный	4,6	2,7	16,7	5,3	11,480	<0,01
Поднимание туловища из положения лежа на спине за 60 с, раз	исходный	34,5	5,5	33,8	4,3	0,547	>0,05
	конечный	36,8	5,3	51,7	4,0	12,285	<0,01
Прыжок в длину с места, см	исходный	164,0	12,3	161,0	10,1	1,292	>0,05
	конечный	167,0	10,9	186,0	13,6	6,244	<0,05
Челночный бег 4 × 9 м, с	исходный	11,3	0,7	11,4	0,6	1,183	>0,05
	конечный	11,2	0,6	10,9	0,4	2,278	<0,05
Наклон вперед, см	исходный	+10,5	7,2	+10,0	6,4	0,963	>0,05
	конечный	+11,7	7,4	+17,0	4,9	7,963	<0,05
Бег 1 500 м, мин.	исходный	10,9	4,2	11,2	1,6	0,643	>0,05
	конечный	9,3	1,1	8,4	0,7	3,707	<0,05

Таким образом, в ЭГ студенток достоверно улучшились все исследуемые показатели, и это дает основание предположить, что студентки смогут не только успешно подготовиться к выполнению нормативных требований ГФОК, но и укрепить свое здоровье, повысить работоспособность и приблизиться к здоровому образу жизни.

Использование экспериментальной методики по развитию основных физических качеств с применением специальных средств воздействия на группы мышц, участвующих при выполнении контрольных тестов ГФОК, показало свою состоятельность в части улучшения физической подготовленности студенток, достоверного повышения уровня развития физических качеств, необ-

ходимых для выполнения нормативных требований ГФОК.

Разработанная автором методика позволила студенткам ЭГ к концу эксперимента справиться с нормативами во всех тестах, за исключением контрольного упражнения в беге на 1 500 м (таблица 2).

Следует отметить, что показатели студенток ЭГ в беге на 1 500 м в конце эксперимента статистически значительно улучшились, однако уровень полученных результатов остался недостаточным для выполнения нормативных требований ГФОК. На наш взгляд, нормативные требования ГФОК для студенток в беге на 1 500 м завышены и не соответствуют их возможностям.

Таблица 2. – Количественные показатели студенток экспериментальной группы, полученные во время сдачи нормативных требований ГФОК, %

Показатель	До эксперимента		После эксперимента	
	сдавшие нормативы	не сдавшие нормативов	сдавшие нормативы	не сдавшие нормативов
Бег на 30 м, с	18,7	81,3	100	–
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, раз	12,5	87,5	100	–
Поднимание туловища из положения лежа на спине за 60 с, раз	–	100	100	–
Прыжок в длину с места, см	18,75	81,25	100	–
Челночный бег 4 х 9 м, с	50,0	50,0	100	–
Наклон вперед, см	43,75	56,25	100	–
Бег 1 500 м, мин.	–	100	51,1	48,9

Анализ результатов, полученных КГ во время сдачи нормативов ГФОК показал, что к концу эксперимента 38,0 % студенток в беге на 30 м не смогли справиться с нормативами, в челночном беге – 43,75 %, в наклоне вперед – 37,5 %. Еще менее доступны были нормативные требования в прыжке в длину с места (82,0 %) и сгибании и разги-

бании рук в упоре лежа от скамейки (81,25 %).

Ни одной студентке из КГ не удалось справиться с нормативными требованиями в поднимании туловища из исходного положения лежа за 60 с и в беге на 1 500 м (таблица 3).

Таблица 3. – Количественные показатели студенток контрольной группы, полученные во время сдачи нормативных требований ГФОК, %

Показатель	До эксперимента		После эксперимента	
	сдавшие нормативы	не сдавшие нормативов	сдавшие нормативы	не сдавшие нормативов
Бег на 30 м, с	50,0	50,0	62,0	38,0
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, раз	18,75	81,25	18,75	81,25
Поднимание туловища из положения лежа на спине за 60 с, раз	–	100	–	100
Прыжок в длину с места, см	18,0	82,0	18,0	82,0
Челночный бег 4 х 9 м, с	50,0	50,0	56,25	43,75
Наклон вперед, см	56,25	43,75	62,5	37,5
Бег 1 500 м, мин.	–	100	–	100

Заклучение

Таким образом, в контрольной группе студенток применяемая методика как средство оздоровления и повышения физической подготовленности не имела должной результативности в развитии физических качеств в успешной сдаче нормативных требований ГФОК.

Подтверждено, что разработанная методика для студенток ЭГ, основанная на целенаправленном применении специальных средств воздействия на группы мышц, участвующих при выполнении контрольных тестов, способствует повышению уровня физической подготовленности.

Результативность проведенного исследования подтверждается статистически

достоверными показателями ($p < 0,05$) у студенток первого курса экспериментальной группы.

Эффективность применения разработанной методики подтверждается полученными результатами. Статистически достоверные положительные изменения в экспериментальной группе отмечены по всем исследуемым показателям ($p < 0,05$).

Результаты выполнения нормативных требований ГФОК показали, что занятия по экспериментальной методике позволили студенткам выполнить нормативы по всем контрольным тестам ГФОК, за исключением бега на 1 500 м.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Купчинов, Р. И. Физическое воспитание / Р. И. Купчинов. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 352 с.
2. Самойлюк, Т. А. Особенности физической подготовленности студенческой молодежи к сдаче норм ГФОК Республики Беларусь / Т. А. Самойлюк // Здоровый образ жизни, физическая культура и спорт: тенденции, традиции, инновации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Севастополь, 6–7 окт. 2020 г. – Симферополь, 2020. – С. 223–230.
3. Ворон, П. Г. Организационные и методические основы внедрения Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь в практику работы организаций / П. Г. Ворон, В. Ф. Касач. – Минск, 2016. – 84 с.
4. Венкович, Д. А. Уровень физической подготовленности студентов, обучающихся по специальностям неспортивного профиля в ВГУ имени П. М. Машерова / Д. А. Венкович, Ю. М. Кабанов, Н. Т. Станский // Физическая культура как основополагающий фактор стратегии развития государства, общества, личности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21–22 мая 2020 г. – Витебск : УО «ВГАВМ», 2020. – С. 19–22.
5. Григоревич, В. В. Внедрение Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь в физическое воспитание студенческой молодежи / В. В. Григоревич // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 нояб. 2018 г. – Минск : БГУ, 2018. – С. 499–503.
6. Сучков, А. К. Повышение уровня физической подготовленности студентов посредством вариативного компонента учебной дисциплины «Физическая культура» (на примере учреждений высшего образования аграрного профиля) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. К. Сучков. – Минск, 2018. – 30 с.
7. Хижевский, О. В. Физическое воспитание студентов : монография / О. В. Хижевский, Р. И. Купчинов. – Минск, 2019. – 404 с.

REFERENCES

1. Kupchinov, R. I. Fizichieskoje vospitanije / R. I. Kupchinov. – Minsk : TetraSistems, 2006. – 352 s.
2. Samojliuk, T. A. Osobiennosti fizichieskij podgotovliennosti studienchieskoj molodiozhi k sdachie norm GFOK Riespubliki Bielarus' / A. T. Samojliuk // Zdorovyj obraz zhizni, fizichieskaja kul'tura i sport: tendencii, tradicii, innovacii : sb. matierialov nauch.-prakt. konf., Sievastopol', 6–7 okt. 2020 g. – Simfieropol', 2020. – S. 223–230.
3. Voron, P. G. Organizacionnyje i mietodologichieskije osnovy vniedrienija Gosudarstviennogo fizkul'turno-ozdorovitel'nogo kompleksa Riespubliki Bielarus' v praktiku raboty organizacij / P. G. Voron, V. F. Kasac. – Minsk, 2016. – 84 s.
4. Vienskovich, D. A. Urovien' fizichieskoj podgotovliennosti studentov, obuchajushchikhsia po spiecial'nostiam niesportivnogo profilia v VGU imieni P. M. Masherova / D. A. Vienskovich, Yu. M. Kabanov, N. T. Stanskij // Fizichieskaja kul'tura kak osnovopolagajushchij faktor strategii razvitija gosudarstva, obshchiestva, lichnosti : matierialy Miezhhdunar. nauch.-prakt. konf., Vitebsk, 21–22 maja 2020 g. – Vitebsk : UO «VGAVM», 2020. – S. 19–22.
5. Grigorievich, V. V. Vniedrienija Gosudarstviennogo fizkul'turno-ozdorovitel'nogo kompleksa Riespubliki Bielarus' v fizichieskoje vospitanije studienchieskoj molodiozhi / V. V. Grigorievich // Nauchno-mietodichieskoje obiespiechienije fizichieskogo vospitanija i sportivnoj podgotovki studentov : matierialy miezhhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 1–2 nojab. 2018 g. – Minsk : BGU, 2018. – S. 499–503.
6. Suchkov, A. K. Povyshenije urovnja fizichieskoj podgotovliennosti studentov posriedstvom variativnogo komponienta uchibnoj discipliny «Fizichieskaja kul'tura» (na primierie uchriezhdienij vysshego obrazovanija agrarnogo profilia) : avtorief. dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.04 / A. K. Suchkov. – Minsk, 2018. – 30 s.
7. Khizhevskij, O. V. Fizichieskoje vospitanije studentov : monografija / O. V. Khizhevskij, R. I. Kupchinov. – Minsk, 2019. – 404 s.

УДК 796.4:796.063(091)

Людмила Сергеевна Титова*ст. преподаватель каф. спортивных дисциплин и методик их преподавания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Liudmila Tsitova***Senior Lecturer of the Department of Sports Disciplines and Teaching Methods
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: Luti-s@yandex.by*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВИЛ СОРЕВНОВАНИЙ ПО АЭРОБИКЕ СПОРТИВНОЙ

Рассматривается процесс развития аэробики спортивной как вида спорта Международной федерации гимнастики. Проанализированы этапы формирования правил соревнований от официального признания аэробики спортивной до настоящего времени. Исследованы основные положения правил, которые регламентируют не только содержание упражнения, но и другие составляющие данного вида спорта, касающиеся организации и проведения соревнований. Выявлены принципиальные изменения в подготовке соревновательной композиции по разделам сложности, исполнения и артистизма. Раскрыты критерии комплектования итоговой оценки в соревновательной деятельности.

Ключевые слова: аэробика спортивная, федерация гимнастики, правила соревнований, этапы развития, сложность упражнения, исполнительское мастерство.

Retrospective Analysis of Competition Rules for Sports Aerobics

The process of development of sports aerobics as a sport of the International Gymnastics Federation is considered. The stages of the formation of competition rules from the official recognition of aerobics as a sport to the present are analyzed. The main provisions of the rules that regulate not only the content of the exercise, but also other components of this sport related to the organization and conducts of competitions have been studied. Fundamental changes in the preparation of the competitive composition in the sections of complexity, performance and artistry were revealed. The criteria for completing the final assessment in competitive activity are disclosed.

Key words: sports aerobics, gymnastics federation, competition rules, stages of development, exercise complexity, performing skills.

Введение

Современная аэробика спортивная (англ. aerobic gymnastics – аэробная гимнастика) представляет собой сложнокоординационный вид спорта, который характеризуется способностью спортсменов исполнять непрерывные сложные сочетания аэробных движений, заимствованных из традиционных упражнений аэробики, высокой интенсивности, под музыку: в программе должны демонстрироваться непрерывное движение, гибкость, сила при выполнении с высокой степенью совершенства семи базовых шагов и элементов сложности [1].

Аэробика спортивная, как и любой другой неолимпийский вид спорта, нацелена на достижение не только высокого спортивного результата, но и зрелищности в соревновательной деятельности, что актуализируется перспективой ее включения в программу Олимпийских игр. Одна из важных особенностей этой дисциплины заключает-

ся в том, что ее упражнения искусственны, как и в других видах гимнастического спорта (художественная и спортивная гимнастика, акробатика, прыжки на батуте), т. е. их общее содержание состоит из нескольких действий, демонстрирующих неприродные двигательные навыки, развитые в стандартизированных и стабильных пространствах, определенных Сводом правил (Code of Points) [2].

Целью соревнований по аэробной гимнастике является определение общей спортивной подготовки спортсмена, который представляет программу, демонстрируя разнообразную хореографию с максимальными физическими, техническими и артистическими способностями.

Аэробика спортивная – вид спорта под эгидой Международной федерации гимнастики (FIG), поэтому соревновательные программы оцениваются бригадой су-

дней, которые формируют свои оценки на основании четкого регламента.

В связи с ростом физических возможностей атлетов, развитием спортивных исследований, технологических инноваций проводится работа по оптимизации и стандартизации правил соревнований по аэробике. Каждые четыре года они претерпевают различные трансформации для совершенствования сложности и артистического качества упражнений, реализации большей объективности критериев оценки в судействе. Изменения в правилах влекут за собой серьезные последствия по содержанию и динамике композиций, а также по уровню функционального напряжения, вызываемого такими упражнениями, которые требуют корректировки в методах и содержании тренировки, при этом обращается особое внимание на целевые критерии эффективности [3; 4].

В последние годы анализ существующих правил проводится с точки зрения технической подготовленности спортсмена, компонентов построения спортивной тренировки и техники совершенствования как отдельных элементов программы соревнований, так и хореографической подготовки в целом (А. А. Сомкин, 2002; Е. А. Поздеева, 2006; Е. С. Крючек, 2008; О. Ю. Дружинина, 2009; Т. Е. Ковшура, 2010; Juan Llamas, C., 2011; И. В. Соколова, 2011; Н. А. Касаткина, 2012; Vernetta Santana, 2013; Anisleidy Abreu-Agranz, 2019 и др.), исследуются функциональные возможности и исполнительское мастерство гимнастов. Зарубежные авторы вопрос преобразования правил изучают со стороны безопасности проведения тренировок и соревнований для минимизирования травмирования спортсменов (Abalo Núñez, R., 2011; Paula Zadala, 2014; Vernetta Santana, 2015), а также ведутся работы по прогнозированию стабильности результатов в соревновательной деятельности, обсуждаются тенденции развития и популяризации данного вида спорта в различных странах мира (Е. С. Крючек, 2001; Л. А. Юсупова, 2012; MSc Ramona Carro Asén, 2015; Ю. В. Ворожко, Н. М. Арефьева., 2020; Г. Р. Айзятуллова, Т. К. Сахарнова, 2020) [2; 5–9].

К настоящему времени введено восемь редакций официальных правил соревнований по гимнастике аэробной, новейшие –

2022–2024 Code Of Points Aerobic Gymnastics. В последней версии нашли отражение несколько радикальных изменений, среди которых аспекты, связанные с концепцией сложности и артистического качества. При этом исполнительское мастерство осталось почти без изменения. Для полной картины характеристики преобразований в правилах соревнований необходимо проанализировать весь путь создания аэробной гимнастики как вида спорта.

Цель работы – исследовать модификации правил соревнований аэробики спортивной по различным компонентам с момента включения ее в состав Международной федерации гимнастики (FIG) по настоящее время.

Задачи статьи:

1) раскрыть особенности формирования правил соревнований по аэробике спортивной в историческом аспекте;

2) определить основные компоненты правил соревнований, которые были преобразованы Техническим комитетом FIG;

3) на основе анализа правил выявить тенденции изменения количественных показателей содержания композиции соревновательных программ аэробной гимнастики.

Методологически работа выполнена на основе аналитического исследования официальных правил соревнований по аэробике спортивной, анализа отечественной и зарубежной научной и научно-методической литературы по данной теме.

История развития

Впервые аэробная гимнастика появилась в США в середине 1980-х гг., когда проводились различные конкурсы и фестивали по оздоровительной аэробике, впоследствии преобразованные в соревнования со спортивным уклоном. В поддержку зарождения данного стиля выступало множество частных фитнес-организаций и ассоциаций, которые проводили чемпионаты с общей структурной базой, но с очень разными требованиями (основы хореографии, система оценок, запрещенные элементы и т. д.).

Профессор испанского университета Universidade de Vigo, исследователь в данной спортивной области Абало Нуньес уточняет, что первые правила в аэробике датируются 1982 г. с названием «Любительская аэробика». Введение спортивного ас-

пекта позволило дать название «Аэробика спортивная» (Aerobicsport, или Sport Aerobics). В 1984 г. американская компания Sport Fitness International провела в Сан-Диего первый Чемпионат мира, в том же году Международной федерацией аэробики Suzuki (IAF) был проведен крупный турнир в Токио [9].

Соревнования содержали три этапа выявления победителя: *первая квалификация* (проводились публичные выступления, где участники повторяли за инструктором танцевальное упражнение, а судьи проводили отбор, оценивая общую выносливость); *вторая квалификация* (упражнение усложнялось: помимо быстрого темпа музыки вводили движения, требующие проявления силы и гибкости, а судьи оценивали технические способности выступающих); *финал* (здесь критерием успеха индивидуального упражнения была выразительность) [10].

Такая система судейства была неоднозначной и оставляла за собой много вопросов. Более четкая структура подсчета очков появилась, когда были введены обязательные силовые элементы (отжимания, махи, прыжки в элемент и т. п.), критерии оценки артистического мастерства (соответствие движений музыке и способностям выступающего), а также учитывался костюм и оригинальность композиции [10].

После 1988 г., когда соревнования были разделены на индивидуальные мужские и женские, смешанные пары и командные, данный вид спорта стал популярным во всем мире. Благодаря переносу спортивного акцента с фитнеса в сторону гимнастики на спортивную аэробику обратила внимание Международная федерация гимнастики (FIG). На Конгрессе FIG в Женеве президент FIG Юрий Титов (Россия) пригласил делегатов принять участие в создании комиссии по аэробному спорту, и с 1994 г. аэробная гимнастика была введена в Международную федерацию гимнастики [11–13].

14 марта 1995 г. в Швейцарии прошли первые курсы судей и тренеров по аэробике. В декабре того же года на стадионе «Стад Пьер де Кубертен» в Париже прошел первый Чемпионат мира. В 1996 г. FIG официально признала аэробную гимнастику дисциплиной FIG и она получила свое современное название. В 1997 г. IWGA

(Международная ассоциация Всемирных игр) включила аэробную гимнастику в свою программу V Всемирных игр (Лахти, Финляндия). В настоящее время по спортивной аэробике проводятся чемпионаты, кубки Европы и мира [3].

Формирование правил соревнований

Дальнейшее развитие данного спорта, как и в настоящее время, проходит под патронажем FIG и регулируется кодексами оценок, правилами, документами, опубликованными техническим комитетом данной организации. В сферу деятельности FIG входит разработка правил и регламента соревнований, организация крупнейших международных турниров и поддержка в проведении крупных региональных и континентальных соревнований, подготовка судей, тренеров и специалистов, популяризация и пропаганда аэробной гимнастики с помощью современных средств массовой информации.

Основным документом, в соответствии с которым оценивается соревновательная композиция, является Code of Points (Правила соревнований). Цель правил соревнований заключается в стремлении гарантировать наиболее объективное оценивание упражнений на соревнованиях международного уровня по аэробной гимнастике [14]. После вступления аэробики в федерацию гимнастики был разработан первый международный Свод правил соревнований по аэробной гимнастике «FIG 1995–1996», но он охватывал только два года олимпийского цикла. По мнению специалистов (Vernetta, 1998), данная редакция была отягощена другими существующими правилами, постановлениями различных второстепенных федераций по аэробике и напоминала вольные упражнения в спортивной гимнастике [11; 15].

Данным документом были взяты во внимание три наиболее важных аспекта этого вида спорта: техническое мастерство, артистическое воплощение и концепция сложности элементов. Определено, что хореография композиций должна быть основана на движениях, заимствованных из оздоровительной аэробики, и включать базовые шаги, связки и соединения. В разделе «Хореография» были обязательные требования, такие как: «синкопированная вось-

мерка» (серия из восьми движений, выполняющихся в ритме музыки) и «хореографическая дорожка» (обязательная последовательность четырех основных шагов аэробики). Кроме того, за проявление при выполнении упражнения индивидуальности и высоких актерских способностей спортсмен мог рассчитывать на надбавку до двух баллов [16].

Элементы сложности были структурированы в шести группах и закодированы по трудности от самого низкого до наивысшего уровня. В соревновательной композиции спортсменам необходимо было выполнить 16 элементов сложности, однако оценивались 15 наиболее сложных, ценность варьировалась от 0,1 до 0,6 единиц. Сама система итогового балла состояла из суммы двух средних по артистичности и сложности программы, а также бонус и суммы сбавок (арбитры следили за выполнением обязательных элементов, соблюдением линий площадки и временем выступления). Кроме того, остались и запрещенные элементы, характерные для оздоровительной аэробики, связанные с прогибанием в позвоночнике: любые упражнения с наклоном назад («мост», заднее равновесие, мах в «кольцо») [16; 17].

Во втором регламенте Code of Points (1997–2000 гг.) аэробика спортивная претерпевает стремительную эволюцию не только относительно правил соревнований в части оценки, но и по содержанию уп-

ражнений. Можно сказать, что с 1997 г. правила приобрели современный оттенок и можно проследить их трансформацию, провести параллель с аэробной гимнастикой настоящего периода.

Содержательная часть правил

В данной работе рассмотрены изменения по двум разделам соревновательного регламента. Первый включает в себя характеристики технического регулирования проведения соревнований (площадка для выступлений, возраст участников, номинации и состав выступающих, длительность упражнений, форма спортсменов и т. п.). Второй – критерии содержания и требования к судейству непосредственно самого соревновательного упражнения.

Первоначально ознакомимся с изменениями, связанными с первым разделом.

Существенной корректировке, как видно из таблицы 1, подверглась площадка для выступлений и номинации выступающих (в работе рассмотрены изменения для возрастной категории 18+). В целом соревновательный помост представляет собой подиум высотой от 80 до 140 см, размером не менее 14 × 14 м с площадкой для соревнований 12 × 12 м и четко обозначенной зоной для соревнований 10 × 10 и 7 × 7 м для некоторых юниорских категорий (маркировочная лента включена в размеры зоны соревнований) [18].

Таблица 1. – Изменения в правилах соревнований по аэробной гимнастике

Цикл правил соревнований	Площадка для выступлений	Номинации и состав выступающих	Длительность упражнений
1995–1996	7 × 7 м	IM, IF, PM, TR	1 мин. 55 с ± 10 с
1997–2000	7 × 7 м	IM, IF, PM, TR	1 мин. 45 с ± 5 с
2001–2004	7 × 7 м, GR – 10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (6 чел.)	1 мин. 45 с ± 5 с
2005–2008	7 × 7 м, GR – 10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (6 чел.)	1 мин. 45 с ± 5 с
2009–2012	IM, IF – 7 × 7 м PM, TR, GR – 10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (6 чел.)	IM, IF – 1 мин. 30 с ± 5 с, 1 мин. 45 с ± 5 с
2013–2016	10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (5 чел.), AD (8 чел.), AS (8 чел.)	1 мин. 30 с ± 5 с
2017–2020	10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (5 чел.), AD (8 чел.), AS (8 чел.)	1 мин. 20 с ± 5 с
2022–2024	10 × 10 м	IM, IF, PM, TR, GR (5 чел.), AD (8 чел.), AS (8 чел.)	IM, IF – 1 мин. 20 с ± 5, PM, TR, GR, AD, AS – 1 мин. 25 с ± 5с

Примечание – IM – индивидуальные выступления мужчин, IF – индивидуальные выступления женщин, PM – смешанные пары, TR – трио, GR – группы, AD – танцевальная гимнастика, AS – гимнастическая платформа.

До 2000 г. программа соревнований содержала всего четыре категории выступающих: одиночный мужской (IM) и женский разряд (IF), смешанные пары (PM) и тройки (TR). С 2001 г. перечень видов соревнований в аэробной гимнастике дополнили выступления в групповых программах (GR). Введение еще одной номинации, в состав которой входило шесть спортсменов (любая комбинация мужчины/женщины), потребовало изменений и в размерах соревновательного помоста, так появилась зона для соревнований размером 10×10 м для групп, внутри нее другая – 7×7 м для остальных видов соревнований. С 2009 г. соревновательная область 10×10 м предназначена также и для выступлений смешанных пар и трио. Цикл Code Of Points 2013–2016 регламентировал площадку 10×10 м и для соло.

В 2013 г. в категории GR оставили пять гимнастов и ввели соревновательные категории АЭРО Денс (аэробный танец, с облегченной силовой нагрузкой) (AD) и АЭРО Степ (аэробика на специальных спортивных платформах – степ) (AS), количество выступающих в каждой из них – восемь, вне зависимости от пола [19; 20].

Увеличение площадки для соревнований повлекло за собой и повышение физической нагрузки на спортсменов, т. к. пространство необходимо использовать в полной мере, соответственно, данное изменение потребовало корректировки времени соревновательного выступления.

Первоначально программа соревновательной композиции, вне зависимости от категории, составляла 1 мин. 55 с с допустимой разбежкой в ту или иную сторону до 10 с (звуковой сигнал не входит). Во второй версии правил (1997–2000 гг.) длительность упражнения уже составила 1 мин 45 с (± 5 с).

С 2009 г. продолжительность соревновательного упражнения для солистов мужчин и женщин была уменьшена до 1 мин 30 с (± 5 с), затем данная норма была утверждена для всех категорий выступающих. С увеличением требований к содержанию упражнения как в хореографии, так и в сложности в цикле правил 2017–2020 гг. утверждено новое время для соревновательной программы во всех номинациях – 1 мин 20 с (± 5 с). В настоящих правилах данный норматив следующий: для солистов (жен-

щины/мужчины) – 1 мин 20 с (± 5 с), остальные категории – 1 мин 25 с (± 5 с).

Музыкальный фон должен соответствовать характерным основам спортивной аэробики – быть динамичным и разнообразным, с четко просчитываемым ритмом и быстрым темпом (высокий исполнительский уровень 160 ударов в мин) [18].

Раздел правил, касающийся содержания соревновательной программы и формирования конечного балла непосредственно за выступление спортсмена, наиболее многогранный и информативный. В настоящее время композиция в аэробной гимнастике оценивается по 3 критериям: исполнение (4 судьи), артистичность (4 судьи) и сложность (2 судьи), также присутствует судья на линии (следит за заступами соревновательной площади). Максимально по исполнению и артистичности можно получить 10 баллов, сложность зависит от трудности исполняемых элементов, кроме того за различные нарушения общая оценка снижается.

После 1997 г. в разделе «Хореография» дополнительная оценка постепенно уменьшалась с 2,0 до 1,0 балла, затем вообще была упразднена. Координация, интенсивность, выносливость, ранее оцениваемые судьями по исполнению, с 2001 г. отнесены к разделу артистичности [16].

В 2009 г. Технический комитет анонсировал заново написанный раздел – артистическое содержание. В разделе «Артистичность» судьи оценивали хореографию исходя из трех критериев: хореографическое содержание (4 балла), аэробное содержание (3 балла), презентация и музыкальность (3 балла) [14].

Уже в следующей редакции правил (2013–2016 гг.) раздел «Артистичность» реформировали, выделив пять отдельных критериев, оценивая со шкалой до двух баллов по каждому из них.

Исходя из того, что раздел «Хореография» является наиболее сложным в отношении объективности оценки, Code Of Points 2017–2020 расширил разъяснения по каждому критерию артистичности, тем самым исключив предвзятое судейство. К примеру, во время соревновательной программы судьи должны фиксировать и ранжировать аэробное соединение (САД). Каждое САД при условии выполнения минимальных требований (высокая координация и ва-

риации движений) отмечают символом *A*, плохое ее исполнение *A-*, виртуозное – *A+*. Для получения в критерии «Аэробное содержание» наивысшего балла (2) должно быть восемь САД с оценкой *A+*. Подобный механизм оценки качества был установлен и по отношению к остальным критериям раздела «Артистичность».

В современных правилах раздел «Артистичность» переименован в «Артистизм» и содержит новые критерии. Судья артистизма оценивает все компоненты хореографии с использованием определенной шкалы с делением на два раздела: композиция – 6 баллов, эффективность представления – 4 балла. Каждый раздел разделен на подразделы с четкой характеристикой критериев оценки (уточнен темп музыки – 145–160 уд./мин., САД должны выполняться блоками (по 3–4 подряд и т. п.), структурированы четкие сбавки за отклонение в исполнении требований).

Критерий «Сложность», который относится к материальной ценности упражнения, – это набор элементов, закодированных от самого низкого до самого высокого уровня сложности. В данной группе также произошли существенные изменения, в первую очередь это относится к уточнению количества и классификации структурных

групп элементов (с 6 основных групп до 3), увеличению групп ценности элементов (от 0,1 до 1,0 балла).

Как отмечалось ранее, по критерию сложности элементы были распределены по шести группам. Латинские буквы *A, B, C, D, E, F* применяются для обозначения ценности элементов в таблице, и эти же буквы используются для обозначения структурных групп элементов (*A* – статическая сила, *B* – динамическая сила, *C* – прыжки, *D* – прыжки и пируэты, *E* – удары ногами, *F* – равновесие и гибкость). В своей программе спортсмены должны были выполнить максимум 16 элементов, оценивалось 15 наиболее сложных и выполненных с соблюдением минимума требований к сложности (каждый по шкале от 0,1–0,6 балла) элементов. В 1997 г. спортсменам разрешили выполнять до 20 элементов, что сказалось на качестве хореографии, и уже в этом же варианте правил были внесены дополнения – не только вернули количество элементов на прежний уровень, но и снизили до 12, идущих в зачет элементов, пересмотрев максимальную ценность до 0,7.

В таблице 2 представлены количественные изменения элементов сложности и показатели самой концепции применения их в упражнении.

Таблица 2. – Реформация элементов сложности в аэробной гимнастике

Цикл правил	Кол-во групп сложности	Общее кол-во элементов	Обязательные для выполнения элементы	Особенности применения элементов (пол/воздух)	Оценивание (сложность)
1995–1996	6	130	16/15	Без ограничений	от 0,1 до 0,6
1997–2000	6	211	16/10 соло 12 остальные	Без ограничений	от 0,1 до 0,7
2001–2004	4	307	12/12	Максимально 6 на полу, из них 2 в отжимании и 2 в шпагате	от 0,1 до 0,9
2005–2008	4	345	12/12	Максимально 6 на полу, из них 2 в отжимании и 2 в шпагате	от 0,1 до 1,0
2009–2012	4	357	10 – IM/IF 12 – TR, MP, GR	6/5 для соло, из них 2 в отжимании и 2 в шпагате	от 0,1 до 1,0
2013–2016	4	334	10	3 в отжимании и/или в шпагате	от 0,1 до 1,0
2017–2020	4	281	10 – IM/IF 9 – TR, MP, GR	3 группы обязательны, 2 в отжимании и/или в шпагате	от 0,1 до 1,0
2022–2024	3	190	10 – IM/IF 12 – TR, MP, GR	5 подгрупп обязательны	от 0,1 до 1,0

С 2001 г. изменяется структура элементов сложности, происходит сокращение существующих шести групп до четырех: группа «А» – статическая сила, «В» – динамическая сила, «С» – группа прыжков, «D» – равновесие и гибкость. Введены ограничения в части выполнения элементов на полу. С 2005 г. спортсмен был обязан выполнить хотя бы по одному элементу из каждой группы.

С 2009 г. стоимость элементов увеличена до 1,0 балла и установлен максимум для индивидуальных мужских и женских упражнений – 10 элементов, 5 из которых выполняют на полу.

Версия правил 2013–2016 гг. разрешает выполнение не более 10 элементов для всех категорий и ограничивает до двух элементов с приземлением в шпагат и два – в приземление в упор лежа. Кроме того, стало возможным объединять в связку два элемента группы А и С, получая при этом дополнительную ценность в 0,1 балл (при выполнении комбинации без остановки, не решительности или перехода).

Регламент Code of Points 2017–2020 гг. предусматривал количество элементов к выполнению – 10/9, что означает 10 – для выполнения в индивидуальных композициях и 9 – для всех остальных дисциплин, при этом обязательным требованием являлась необходимость показать только три группы сложности (как минимум 1 элемент), без ограничений пол/воздух. Правилами стало допустимо объединять в связки элементы акробатики с элементами сложности, а также соединять три элемента подряд, получая при этом надбавку в 0,2 балла.

В современном цикле правил вновь произведена революция в плане перегруппировки элементов сложности. С учетом физических способностей, необходимых для каждого движения, все элементы сложности разделили на три группы (упражнения на полу – группа «А», в воздухе – «В» и в положении стоя – «С»), распределив их по сходным техническим действиям в подгруппы (семейства). Спортсмены в композиции должны показать не менее 5 подгрупп, но не более 2 элементов сложности из одного семейства, при этом они обязаны выполнить 9 элементов в индивидуальном упражнении и 8 – в остальных категориях. Новшеством является то, что в мужских со-

ло введены обязательные элементы (подгруппа В4 – динамический прыжок) и запрещены те, которые заканчиваются приземлением в шпагат.

Анализируя процесс преобразования правил в аэробной гимнастике, следует подчеркнуть такой аспект, как акробатические элементы. Акробатика в композициях спортивной аэробики для придания выступлению динамизма и виртуозности присутствовала всегда. Однако с 2013 г. ее стали использовать не только как возможность получения надбавки при выполнении связок элементов сложности, но и как обязательное условие усложнения хореографической основы соревновательного упражнения (переходы, соединения).

С точки зрения комплектования общей оценки аэробной композиции интересен факт введения поддержек (подъем, «пирамида») в категориях «пары», «трио» и «группы». В цикле Правил 2009–2012 гг. «пирамида» рассмотрена как формирование, при котором одного или нескольких спортсменов поднимают, удерживают и/или переносят над полом с фиксацией точной позы. Во время выступления следовало показать три поддержки. При нарушении требований (стойка на руках, подбрасывания, недопустимая высота) отсутствие или выполнение дополнительного подъема наказывались сбавкой от 0,5 до 1,0 балла каждый раз. На следующем этапе трансформации правил количество пирамид в упражнении уменьшили до двух.

Временные изменения произошли в регламенте Правил 2017–2020 гг. – «пирамида» стала составным компонентом итогового балла. Были сформированы четкие критерии оценивания подъема – «верхний» партнер должен находиться выше плеч «нижнего», приветствовалась фаза полета, повороты и демонстрация различных комбинаций и форм. Разрешалось выполнение только одной «пирамиды», ценность которой определял главный судья соревнований (председатель бригады судей), максимально 1,0 балл. Разработанные требования к «пирамидам» были выгодным условием для спортсменов, выступающих в тройках и группах, т. к. в смешанной паре вся нагрузка за подъем ложилась на одного спортсмена, а индивидуальные упражнения были

лишены такой дополнительной надбавки в конечной оценке.

В действующих правилах «пирамида» лишена стоимости, переведена в раздел «Артистизм» и оценивается как составляющая часть в критерии «партнерство и сотрудничество» (не менее трех совместных действий).

Заключение

На основе исторического анализа исследованы модификации правил соревнований аэробики спортивной и выделены отличительные характеристики данного вида спорта на различных временных отрезках с момента его зарождения до настоящего времени.

Выявлено, что аэробика со спортивным уклоном из танцевального фитнес-фестиваля выросла до сложнокординационного вида спорта, став независимой соревновательной дисциплиной Международной федерации гимнастики. На этапе своего становления она неоднократно проходила модернизацию правил, чтобы избежать подражания смежным видам спорта (художественной, спортивной гимнастике, акробатике). Однако в некоторых периодах своего развития концептуальная основа правил соревнований, к примеру ограничение количества элементов на полу и введение ценности за «пирамиды», лишала спортивную аэробику своей идентичности.

Проанализированы и определены изменения количественных параметров содержания соревновательной программы. Композиция в аэробной гимнастике имеет многокомпонентную количественную структуру, которая представлена комплексными

(элементы сложности, использование пространства, спортивное специфическое содержание, средства оформления, музыкальное соответствие интенсивности) и единичными показателями.

В упражнении высокого уровня спортсмены должны демонстрировать осанку и точные положения частей тела, активную и пассивную гибкость, взрывную силу и выносливость. Преобразование элементов сложности в группы с учетом физических способностей дает возможность спортсмену продемонстрировать наиболее выгодные стороны своей спортивной подготовки без утраты зрелищности в соревновательной программе. Более четкая детализация требований по артистизму способствует объективности и повышению качества судейства.

Переформирование компонентов и постоянные изменения оценочной концепции соревновательной композиции стимулируют тренеров учитывать в построении многолетнего учебно-тренировочного процесса различные стороны спортивной подготовки аэробики, делать уклон не только на технические элементы, базовую хореографию и акробатическую подготовку, но и на формирование у спортсменов артистического мастерства.

Трансформация правил аэробики спортивной и частичное возвращение к истокам (как массовой танцевальной дисциплины) предполагает вовлечение в соревновательную деятельность большего количества участников. Отработанные критерии судейства и отличительные технические черты аэробной гимнастики оправдывают перспективу включения данного вида спорта в олимпийскую программу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2017–2020 // Fegeration Internationale de Gymnasique, 2016. – 205 p.
2. Zadala, P. Lesiones deportivas en gimnasia aeróbica de competición / P. Zadala. – Universidad Fasta, 2014. – 84 p.
3. Mezei, M. Performance Criteria in Aerobic Gymnastics – Impact on the Sportive Training / Mariana Mezei, Cristea Orlando // Procedia. Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 117. – P. 367–373.
4. Wei He. Exploration of the Development Path of Aerobics under the Change of Competition Rules / Wei He // Frontiers in Sport Research. – 2020. – Vol. 2, iss. 6. – P. 25–34.
5. Ворожко, Ю. В. Спортивная аэробика: история, тенденции и проблемы развития / Ю. В. Ворожко, Н. М. Арефьева // Физ. образование Сибири. – 2017. – № 2 (38). – С. 73–76.

6. Касаткіна, Н. А. Формирование стабильности и надежности соревновательной деятельности в спортивной аэробике : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Н. А. Касаткіна. – Набереж. Челны, 2012. – 24 с.
7. Разумова, Л. В. Основные направления совершенствования спортивного мастерства в спортивной аэробике / Л. В. Разумова // Пед.-психол. и мед.-биол. проблемы физ. культуры и спорта. – 2013. – № 3 (28). – С. 196–201.
8. Поздеева, Е. А. Оценка и коррекция индивидуальных соревновательных программ гимнастов старших разрядов в спортивной аэробике : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Е. А. Поздеева. – Омск, 2006. – 181 л.
9. Abalo, R. Prevención de lesiones en deportistas de gimnasia aeróbica mediante ecuaciones de regresión logística / R. Abalo. – Vigo : Univ. de Vigo, 2011. – 305 p.
10. Takeuchi, A. A history of the development of aerobics competitions / A. Takeuchi, T. Nakamura // Japan Journal of Sport Movement and Behaviour. – 2020. – Nr 33. – P. 123–137.
11. Аэробная гимнастика, дисциплина головокружительной интенсивности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gymnastics.sport/site/news>. – Дата доступа: 27.09.2021.
12. History [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gymnastics.sport>. – Date of access: 22.07.2021.
13. La dificultad en el código actual del Aeróbic Deportivo [Recurso electrónico] / M. Vernetta [y ot.] // Educación Física y Deportes. – 2003. – Año 9, no 64. – Modo de acceso: <https://www.efdeportes.com/efd64/aerobic.htm>. – Fecha de acceso: 08.10.2021.
14. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2009–2012 // Fegeration Internationale de Gymnasique, 2009. – 218 p.
15. Abalo, R. Longitudinal study of sports injuries in Practitioners of aerobic gymnastics competition / R. Abalo // Rev. Bras. Med. Esporte. – 2015. – Vol. 21, no 5. – P. 398–402.
16. Проблемы подготовки судей по спортивной аэробике / Д. Ю. Дружинина [и др.] // Теория и практика физической культуры и спорта в условиях модернизации образования : материалы Всерос. науч.-прак. конф., Ижевск, 3–4 июня 2009 г. – Ижевск : УдГУ, 2009. – С. 400–402.
17. Сомкин, А. Классификация упражнений и основные компоненты подготовки высококвалифицированных гимнастов в спортивной аэробике : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / А. А. Сомкин. – СПб., 2002. – 383 л.
18. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2022–2024 // Fegeration Internationale de Gymnasique, 2021. – 127 p.
19. Айзятуллова, Г. Р. Анализ и тенденции развития спортивной аэробики / Г. Р. Айзятуллова, Т. К. Сахарнова // Человек. Спорт. Медицина. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 90–98.
20. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2013–2016 // Fegeration Internationale de Gymnasique, 2013. – 235 p.

REFERENCES

1. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2017–2020 // Fegeration Internationale de Gymnasique, 2016. – 205 p.
2. Zadala, P. Lesiones deportivas en gimnasia aeróbica de competición / P. Zadala. – Universidad Fasta, 2014. – 84 p.
3. Mezei, M. Performance Criteria in Aerobic Gymnastics – Impact on the Sportive Training / Mariana Mezei, Cristea Orlando // Procedia. Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 117. – P. 367–373.
4. Wei He. Exploration of the Development Path of Aerobics under the Change of Competition Rules / Wei He // Frontiers in Sport Research. – 2020. – Vol. 2, iss. 6. – P. 25–34.
5. Vorozhko, Yu V. Sportivnaja aerobika: istorija, tendencii i problemi razvitija / Yu V. Vorozhko, N. M. Arief'jeva // Fiz. obrazovanije Sibiri. – 2017. – № 2 (38). – S. 73–76.
6. Kasatkina, N. A. Formirovanije stabil'nosti i nadiozhnosti sorievnovatiel'noj diejatiel'nosti v sportivnoj aerobikie : avtorief. dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.00 / N. A. Kasatkina. – Nabieriezh. Chielny, 2012. – 24 s.

7. Razumova, L. V. Osnovnyje napravlenija soviershenstvovanija sportivnogo mastierstva v sportivnoj aerobikie / L. V. Razumova // *Pied.-psikhol. i med.-biol. problimy fiz. kul'tury i sporta*. – 2013. – № 3 (28). – S. 196–201.
8. Pozdiejeva, Ye. A. Ocenka i korriekcija individual'nykh sorievnovatiel'nykh programm gimnastov starshikh razriadov v sportivnoj aerobikie : dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.00 / Ye. A. Pozdiejeva. – Omsk, 2006. – 181 l.
9. Abalo, R. Prevención de lesiones en deportistas de gimnasia aeróbica mediante ecuaciones de regresión logística / R. Abalo. – Vigo : Univ. de Vigo, 2011. – 305 p.
10. Takeuchi, A. A history of the development of aerobics competitions / A. Takeuchi, T. Nakamura // *Japan Journal of Sport Movement and Behaviour*. – 2020. – Nr 33. – P. 123–137.
11. Aerobnaja gimnastika, disciplina golovokruzhitel'noj intensivnosti [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.gymnastics.sport/site/news>. – Data dostupa: 27.09.2021.
12. History [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gymnastics.sport>. – Date of access: 22.07.2021.
13. La dificultad en el código actual del Aeróbic Deportivo [Recurso electrónico] / M. Vernetta [y ot.] // *Educación Física y Deportes*. – 2003. – Año 9, no 64. – Modo de acceso: <https://www.efdeportes.com/efd64/aerobic.htm>. – Fecha de acceso: 08.10.2021.
14. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2009–2012 // *Federation Internationale de Gymnastique*, 2009. – 218 p.
15. Abalo, R. Longitudinal study of sports injuries in Practitioners of aerobic gymnastics competition / R. Abalo // *Rev. Bras. Med. Esporte*. – 2015. – Vol. 21, no 5. – P. 398–402.
16. Problemy podgotovki sudiej po sportivnoj aerobikie / D. Yu. Druzhinina [id r.] // *Tieorija i praktika fizichieskoj kul'tury i sporta v uslovijakh modernizacii obrazovanija : materiale Vsieros. nauch.-prakt. konf., Izhevsk, 3–4 ijunia 2009 g.* – Izhevsk : UdGU, 2009. – S. 400–402.
17. Somkin, A. A. Klassifikacija uprazhnenij i osnovnyje komponenty podgotovki vysokokvalificirovannykh gimnastov v sportivnoj aerobikie : dis. ... pied. nauk : 13.00.00 / A. A. Somkin. – SPb., 2002. – 383 l.
18. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2022–2024 // *Federation Internationale de Gymnastique*, 2021. – 127 p.
19. Ajziatullova, G. R. Analiz i tendencii razvitija sportivnoj aerobiki / G. R. Ajziatullova, T. K. Sakharnova // *Chieloviek. Sport. Miedicina*. – 2020. – T. 20, № 2. – S. 90–98.
20. Aerobic Gymnastics. Code of Points 2013–2016 // *Federation Internationale de Gymnastique*, 2013. – 235 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.03.2022

УДК 372.8:57

Инна Алексеевна Мартысюк*канд. пед. наук, доц., доц. каф. зоологии и генетики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Inna Martysuk***Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Zoology and Genetics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: zoology@brsu.brest.by***МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ
В ОБУЧЕНИИ БИОЛОГИИ (8 КЛАСС)**

Анализ методической литературы и материалов из интернет-ресурсов выявил отсутствие комплексных методических рекомендаций по проведению уроков экологической направленности для 8 класса учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. Предложены разработанные методические рекомендации к проведению уроков биологии экологического содержания в 8 классе. Они были апробированы в средней школе № 1 г. Давид-Городок. Экспериментальный урок был проведен за счет резервного времени, предусмотренного Программой по биологии для учреждений общего среднего образования. Выявление эффективности экспериментального урока проходило как во время его проведения, так и через месяц посредством анкетирования учащихся 8-х классов.

Ключевые слова: образовательный процесс, методическое обеспечение, экологические понятия.

***Methodological Support of the Formation of Environmental Concepts
in Teaching Biology (Grade 8)***

The analysis of methodological literature and materials of the Internet resource revealed the absence of integral methodological recommendations for conducting environmental lessons for the eighth grade of institutions of general secondary education of the Republic of Belarus. The developed methodological recommendations for conducting biology lessons of ecological content in the 8th grade are proposed. Methodological recommendations have been tested in the State Educational Institution «Secondary School № 1 of David-Gorodok». The experimental lesson was conducted on the basis of the 8th grade of this school, due to the reserve time provided by the biology program for institutions of general secondary education. The effectiveness of the experimental lesson was revealed both during its implementation and a month later through a questionnaire survey of 8th grade students.

Key words: educational process, methodological support, ecological concepts.

Введение

В настоящее время общество осознает, что основными факторами устойчивого развития являются гарантии экологической безопасности, принимаемые мировым сообществом. Поэтому вполне закономерно, что в начале XXI в. у ученых не вызывает сомнения необходимость развертывания широкомасштабного экологического образования, которое становится системообразующим фактором образования всех слоев населения [1].

Экологическое образование признано приоритетным направлением в гармонизации отношений общества и природы. Признание ведущей роли образования среди мер, направленных на решение экологических проблем, нашло отражение в норма-

тивных документах в нашей стране и за рубежом.

На современном этапе образовательной практики необходимо изучение и обобщение основных принципов и методов экологического образования учащихся младших, средних и старших возрастных групп, а также разработка уроков экологической направленности, нацеленных на формирование экологических понятий. Именно в детском и юношеском возрасте закладывается система понятий, которая формирует мировоззренческую картину человека и его систему моральных и этических норм.

Методическое обеспечение образовательного процесса представляет собой комплекс, являющийся дидактическим средством по управлению подготовкой педагогического работника. Именно методическое

обеспечение задает структуру образовательному процессу и отображает его основные элементы.

Цель исследования – разработка и апробация методического обеспечения, способствующего формированию экологических понятий на уроках биологии в 8 классе.

Объект исследования – образовательный процесс по дисциплине «Биология. 8 класс» в учреждениях общего среднего образования.

Предмет исследования – методическое сопровождение формирования экологических понятий в обучении биологии в 8 классе.

Задачи исследования:

- 1) выявление системы экологических понятий в учебных пособиях разных стран;
- 2) разработка методического обеспечения формирования экологических понятий на уроках биологии в 8 классе;
- 3) апробация и выявление эффективности разработанного методического обеспечения.

Практическая значимость исследования. Разработанное методическое обеспечение, способствующее формированию экологических понятий, может быть использовано в практике общего среднего образования и на занятиях по дисциплине «Методика преподавания биологии».

Результаты исследования

Проанализированы учебники некоторых зарубежных стран (рисунок 1) с точки зрения насыщения их экологическими понятиями. По каждому из проанализированных учебников составлены таблицы, отражающие наличие в них экологических понятий. Экологические понятия нами были разделены на основные и дополнительные. Приведем фрагмент одной из таблиц (таблица 1).

Под основными мы понимали понятия, связанные с охраной животных объектов, а также их связь с другими организмами. Под дополнительными мы понимали понятия о значении животных в природе и жизни человека.

Рисунок 1. – Учебники зарубежных стран

Проведенный анализ зарубежных учебников показал, что их содержательный аспект достаточно экологизирован. Анализ немецкого учебника [3] показал, что гл. 2 «Живые существа в среде своего обитания» наиболее насыщена экологическими понятиями. В разделе 2.1 «Рыбы, земноводные, пресмыкающиеся и птицы в среде своего обитания» особое внимание уделяется охране и сохранению численности животных;

видам, занесенным в Красную книгу; действиям, которые позволяют устранить угрозы гибели популяций; приспособлениям к среде обитания; причинам загрязнения; призыву людей к тому, что они должны вносить вклад в дело охраны водоемов и обитающих в них животных и проявлять экологическую сознательность. Здесь описываются природоохранные мероприятия при миграции земноводных к водоемам. Есть пункт, кото-

рый называется «Птицы нуждаются в защите». В нем описаны и показаны виды, занесенные в Красную книгу, причины вымирания птиц и пути сохранения их среды обитания. Этот учебник максимально насыщен экологическими понятиями, в нем содер-

жится достаточно примеров и иллюстративного материала.

Проведен анализ ныне действующего в Республике Беларусь учебного пособия «Биология. 8 класс» (рисунок 2) [4].

Таблица. – Экологические понятия российского учебника [2]

Тема	Экологическое содержание, представленное в теме	
	<i>Основное</i>	<i>Дополнительное</i>
Тип Кишечнополостные	<p><i>Охрана колоний кораллов</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Угроза уничтожения кораллов в связи с загрязнением мирового океана. 2. Уничтожение колоний кораллов из-за их ненормируемой добычи. 	<p><i>Значение кишечнополостных</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование коралловыми полипами среды обитания для многих жителей океана. 2. Опасность коралловых рифов для мореплавателей. 3. Значение кишечнополостных в жизни и хозяйственной деятельности человека.
Тип Плоские черви	<p><i>Значение плоских червей в природе</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Участие плоских червей в цепях питания 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Заболевания человека и животных, вызываемые плоскими червями.
Тип Круглые черви	<p><i>Значение круглых червей в природе</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Участие круглых червей в цепях питания. <p><i>Приспособление круглых червей к среде обитания</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 2. Заселение круглыми червями основных сред жизни. 	–
Тип Кольчатые черви	<p><i>Значение кольчатых червей в природе</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Фильтрация воды кольчатыми червями и ее очистка. 2. Участие кольчатых червей в цепях питания. 3. Санитарная роль кольчатых червей в связи с уничтожением массы разлагающихся остатков. 	–
Тип Моллюски	<p><i>Значение моллюсков в природе</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Фильтрация и очистка воды двустворчатыми моллюсками. 2. Участие моллюсков в цепях питания. 	<p><i>Значение моллюсков жизни человека</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Значение брюхоногих, двустворчатых и головоногих моллюсков в хозяйственной деятельности человека. 2. Брюхоногие моллюски – промежуточные хозяева плоских паразитических червей.
Тип Членистоногие	<p><i>Значение и охрана членистоногих</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Участие членистоногих в цепях питания. 2. Заселение представителями членистоногих всех сред жизни. 3. Охрана членистоногих в связи с хозяйственной деятельностью человека. 	<p><i>Значение членистоногих в жизни человека</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Значение членистоногих в хозяйственной деятельности человека. 2. Членистоногие – переносчики заболеваний человека и животных.

Рисунок 2. – Белорусское учебное пособие

Анализ учебного пособия показал, что в нем экологические понятия в той или иной степени присутствуют при характеристике типов беспозвоночных и классов позвоночных животных.

На страницах учебного пособия встречаются виды, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь, но зачастую нет их фотографий. В гл. 9 «Животный мир и хозяйственная деятельность человека» есть параграф «Охрана животных». В нем названы некоторые виды животных, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь, однако в параграфе практически отсутствуют рисунки с изображением животных, что является существенным методическим недостатком.

В связи с отсутствием цельных методических рекомендаций к урокам экологического содержания нами разработана серия уроков экологической направленности для 8 класса учреждений общего среднего образования. Наиболее удачным, на наш взгляд, получилась модель урока на тему «Охрана животного мира в Республике Беларусь». Цель данного урока – сформировать у учащихся понятия об охраняемых территориях, видах животных, занесенных в Красную и Черную книги Республике Беларусь; содействовать осознанию учащимися необходимости мер, применяемых в Республике Беларусь для охраны животного мира. К уроку

разработана красочная мультимедийная презентация.

Методическими «фишками» урока стали дискуссионные площадки, работа учащихся в командах при решении кроссвордов, филвордов; решение ребусов и биологических задач. Например, на дискуссионной площадке в начале урока учащимся было предложено обсуждение следующих вопросов:

1. Как вы думаете, ежегодно ли исчезают с нашей планеты живые организмы?

2. Давайте обсудим основные факторы, оказывающие губительное влияние на живые организмы: *вырубка леса, приводящая к изменению среды обитания; строительство промышленных предприятий и сельскохозяйственных комплексов с последующим загрязнением почвы, воздуха, воды; мелиорация; строительство автомобильных и железных дорог; использование удобрений и пестицидов; браконьерство; болезни; радиоактивное загрязнение; изменение климата; массовое голодание; мусорные свалки; лесные пожары.*

3. Какие меры предпринимает государство по охране животного мира? (*создание природоохранных территорий (национальные парки: Беловежская пуца, Нарочанский, Браславские озера, Припятский); заповедники: Березинский биосферный и Полесский радиационно-экологический заповедник; заказники (биологические, гидроло-*

гические, зоологические, ландшафтные); создание Красной книги).

4. Для чего нужна Красная книга? (Красная книга информирует нас, какие растения и животные в опасности. Она призывает изучать природу. Эта книга предупреждает, что то или иное животное, растение в беде. Его надо охранять).

5. Почему книга называется **красной**? Почему не **синей** или **желтой**? (Красный цвет – это значит внимание: «Стоп! Не убивайте животных, не уничтожайте растения!»).

6. Как вы думаете, почему Красные книги переиздавали? (Появлялись новые виды животных и растений, которые находились на грани исчезновения).

Информационный блок урока представлен рассказами о наиболее интересных охраняемых животных, а также информацией об охраняемых природных территориях Республики Беларусь. Рассказы об охраняемых животных Беларуси составлены в увлекательной форме, например, рассказ о европейском зубре, рыси европейской, белой цапле, черном аисте, которые представлены ниже.

Европейский зубр. Широкая и могучая передняя часть туловища, выступающий горб на спине, острые небольшие рога. И все это впечатляющее телосложение покрыто густой длинной, жесткой шерстью. В добавление к общему устрашающему виду – грива и борода. Общій вес животного достигает 1 000 кг. Но это в основном самцы, самки значительно меньше и изящнее. Однако не смотря на меньший вес и более слабое телосложение, самки живут дольше – до 27 лет, тогда как самцы – всего около 22 лет. Кроме физической силы, природа не наделила зубра отличным слухом, и еще хуже обстоят дела со зрением. Вегетарианское питание животного состоит из травянистой и древесно-кустарниковой растительности. На поиски еды и воды зубр отправляется чаще вечером, а весь световой день лениво проводит в лежке, пережевывая жвачку. Очень любят зубры почистить свою шерсть в сухой земле, покачавшись и понежившись под лучами солнца. Словно спортсмены-бегуны и прыгуны, они легко и быстро двигаются, перепрыгивая через препятствия в несколько метров высотой.

Рысь европейская. Рысь легко опознать по короткому, как будто обрубленному хвосту с черным кончиком (у рысей – с белым кончиком), темным кисточкам жестких волос на больших треугольных ушах, длинной шерсти по бокам круглой морды и пушистому меху в крапинку. Рысь – очень красивая дикая кошка. Ее зимний мех густой, пушистый, мягкий. Окрас шерсти рыси меняется от палево-дымчатого до ржаво-красноватого с более или менее выраженной пятнистостью на спине, боках и ногах. У рыси хорошо развиты слух и зрение, но обоняние слабое. Кисточки на их ушах – это звукоулавливающие сенсоры. Если рысь лишит этих волос, то она будет слышать намного хуже.

Белая цапля. Голова цапли находится на длинной шее, которую она вытягивает во время охоты. Клюв цапли длинный и прямой. Такое строение клюва цапли дает ей возможность легко ловить и удерживать скользкую рыбу. На тонких и длинных ногах находятся цепкие пальцы, а хвост острый и короткий. Ходит цапля большими шагами, а во время поиска пищи ее шаги становятся мельче. Цапля – птица, ведущая околводный образ жизни. Она не ныряет, не плавает, т. к. ее перья легко намокают. Все водоплавающие птицы имеют копчиковую железу, благодаря которой выделяется жир, не дающий птицам намокнуть. В отличие от водоплавающих птиц, цапля таковой не имеет, поэтому перья цапли не защищены от намокания. Максимальная продолжительность жизни цапель составляет 23 года.

Черный аист. Стройная и красивая птица, отличается стройными ногами, изящной шеей и длинным клювом. Клюв и ноги птицы имеют красный цвет. В области груди располагаются густые и взлохмаченные перышки, отдаленно напоминающие меховой воротник. Предположение о «немоте» черных аистов, обусловленной отсутствием сирикса, является безосновательным, но этот вид намного молчаливее, чем белые аисты. Украшением глаз являются очертания красного цвета. Самки от самцов своим внешним видом практически не отличаются. Особенностью молодой птицы является очень характерное серовато-зеленое очертание области вокруг глаз, а также несколько блеклое оперение.

Взрослые черные аисты имеют оперение с лоском и пестротой. Взрослый черный аист питается, как правило, рыбой, а также использует в пищу мелких водных позвоночных и беспозвоночных животных.

После трансляции информационного блока предлагается разделение класса на команды для ответа на вопросы, решения кроссвордов и филвордов. Приведем вопросы, адресуемые командам (на обдумывание каждого дается одна минута):

1. Назовите пять видов животных, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь.

2. Назовите пять видов животных, занесенных в Черную книгу Республики Беларусь.

3. Какие природоохранные территории Республики Беларусь вы можете назвать?

4. Для чего была создана Красная книга? Сколько раз она переиздавалась?

5. Назовите причины исчезновения животных, связанные с деятельностью человека.

6. Назовите причины исчезновения животных, не связанные с деятельностью человека.

Приведем пример одного из кроссвордов, позволяющих оценить, насколько учащиеся запомнили информацию экологического содержания.

							Ж	И	З	Н	Ь		
		З	А	К	А	З	Н	И	К				
				З	А	П	О	В	Е	Д	Н	И	К
								О	Х	О	Т	А	
		О	П	А	С	Н	О	С	Т	Ь			
					О	Х	Р	А	Н	А			
Н	А	Ц	И	О	Н	А	Л	Ь	Н	Ы	Й		
			Б	Р	А	К	О	Н	Ь	Е	Р		

Кроме того, предлагается задание на проверку внимательности учащихся. Оно сформулировано следующим образом: «Мы

показываем вам слайд с изображением животного, а вы говорите, в какую книгу (Красную или Черную) занесен этот вид».

1. Обыкновенная летяга.
2. Галстучник.
3. Росомаха.
4. Усатая синица.
5. Лесной кот.
6. Дрофа.
7. Бабочка Аполлон.

8. Садовая овсянка.
9. Барсук.
10. Пчела плотник.
11. Европейская рысь.
12. Гарпан лесной.
13. Обыкновенная выхухоль.

Разработанное методическое обеспечение, способствующее формированию экологических понятий в курсе «Биология. 8 класс», представлено серией уроков. Урок на тему «Охрана животного мира в Республике Беларусь» был апробирован в 8-х классах средней школы № 1 г. Давид-Городок. Урок проведен за счет резервного времени, предусмотренного программой. Выявление эффективности экспериментального урока проходило как во время его проведения, так и через месяц посредством анкетирования учащихся 8-х классов. Любой другой контрольный срез являлся нежелательным, по-

тому что урок не является обязательным для проведения. В анкете были продублированы те же вопросы, которые были заданы учащимся в конце самого урока:

1. Назовите причины исчезновения животных, связанные с деятельностью человека?

2. Назовите причины исчезновения животных, не связанные с деятельностью человека?

3. Какие меры предпринимает государство по охране животного мира?

4. Какие вы знаете природоохранные территории?

5. С какой целью была создана Красная книга?

6. Почему переиздается Красная книга?

7. Какие виды занесены в Красную Книгу?

8. Куда занесены животные, которых больше нет на территории Республики Беларусь?

9. Назовите животных, которые занесены в Черную книгу?

10. Какие меры по защите животных вы можете предложить?

11. Как вы считаете, должен ли человек в своей повседневной жизни защищать животных?

Анкетирование учащихся показало, что они хорошо владеют информацией о мерах, предпринимаемых государством по защите животных, видах, занесенных в Красную и Черную книги. Процент полных и правильных ответов варьирует от 49 до 98 %. Это подтверждает, что многие экологические понятия экспериментального урока усвоены учащимися в достаточной степени.

Заклучение

Детальный анализ учебных пособий разных стран показал, что они имеют разную степень экологизации. Немецкий учебник по сравнению с остальными в большей степени насыщен экологическими понятиями. Белорусское учебное пособие «Биология. 8 класс» нуждается в коррекции в плане усиления экологической направленности содержательного аспекта. Разработано методическое обеспечение, способствующее формированию экологических понятий в обучении биологии в 8 классе. Оно представлено серией уроков экологического содержания. Методическое обеспечение апробировано на базе ГУО «СШ № 1 г. Давид-Городок». Экспериментальный урок проведен на базе 8-х классов данной школы за счет резервного времени, предусмотренного Программой по биологии для учреждений общего среднего образования. Выявление эффективности экспериментального урока проходило как во время его проведения и через месяц посредством анкетирования учащихся 8-х классов. Анкетирование подтвердило эффективность предложенного методического обеспечения формирования экологических понятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкратов, А. В. Идея экологического образования / А. В. Панкратов // *Философия экологического образования* : сб. ст. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 329–347.
2. Латюшин, В. В. Биология. Животные : учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / В. В. Латюшин, В. А. Шапкин. – 2-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2001. – 304 с.
3. Биология : кн. для учащихся : пер. с нем. : в 3 кн. / под общ. ред. К. Певз-Хоке, Э. Цабель. – Минск : Нар. асвета, 2002. – Кн. 1. – 296 с.
4. Бедарик, И. Г. Биология : учеб. пособие для 8-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / И. Г. Бедарик, А. Е. Бедарик, В. Н. Иванов. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2018. – 240 с.

REFERENCES

1. Pankratov, A. V. Idieja ekologicichieskogo obrazovanija / A. V. Pankratov // *Filosofija ekologicichieskogo obrazovanija* : sb. st. – M. : Progress-Tradicija, 2001. – S. 329–347.
2. Latiushin, V. V. Biologija. Zhivotnyje : uchieb. dlia 7 kl. obshchieobrazovat. uchieb. zaviedienij / V. V. Latiushin, V. A. Shapkin. – 2-je izd., stier. – M. : Drofa, 2001. – 304 s.
3. Biologija : kn. dlia uchashchikhsia : pier. s niem. : v 3 kn. / pod obshch. ried. K. Pievz-Khoke, E. Cabel'. – Minsk : Nar. asvieta, 2002. – Kn. 1. – 296 s.
4. Biedarik, I. G. Biologija : uchieb. posobije dlia 8-go kl. uchriezhdienij obshch. sried. obrazovanija s rus. jaz. obuchienija / I. G. Biedarik, A. Ye. Biedarik, V. N. Ivanov. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2018. – 240 s.

УДК 159.95

Елена Ивановна Медведская

канд. психол. наук, доц., проф. каф. социальной работы
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Elena Medvedskaya

PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work
of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: EMedvedskaja@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВЗРОСЛЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Представлены результаты аналитического обзора результатов эмпирических исследований, фиксирующих изменения познавательной деятельности взрослых пользователей интернет-технологии. По предмету изучения данные систематизированы в несколько групп: 1) факторы, влияющие на эффективность познавательной деятельности (онлайн-поиск и онлайн-чтение); 2) изменения мозговой активности; 3) клинические исследования состояния высших психических функций. Проведенный анализ не обнаружил эмпирических доказательств значимых позитивных сдвигов в когнитивных функциях активных интернет-пользователей. Отсутствие таких доказательств с академической позиции говорит о правомерности гипотез о негативном влиянии технологии на познавательную сферу ее пользователей, требующих своей дальнейшей верификации. Отсутствие выраженных когнитивных преимуществ у взрослых активных пользователей технологии с практической позиции обнаруживает необходимость обоснования правил ее рационального использования не только для детей, но и для пользователей различных периодов взрослости.

Ключевые слова: Интернет, взрослый пользователь, когнитивные функции, онлайн-поиск, онлайн-чтение, мозговая активность, клиническая оценка.

Impact of the Internet Use of Mental Function of Adult Internet Users

The article presents the results of an analytical review of the results of empirical studies that record changes in cognitive activity of adult Internet users. According to the subject of studies, the data are systematized into several groups: 1) factors affecting the effectiveness of a cognitive activity (online search, online reading); 2) changes in brain activity; 3) clinical studies of higher mental function's state. The analysis did not detect any empirical evidence of significant positive changes in cognitive functions of the Internet users. From the academic standpoint, the absence of the evidence proves the legitimacy of modeling a hypothesis on a negative impact of digital technologies on user's cognitive sphere. Naturally, the hypothesis requires further verification. Not only does the absence of the positive influence of digital technologies reveals the necessity to rationalize the Internet use for children, but also assumes it for adults from different age groups.

Key words: the Internet, adult Internet user, cognitive functions, online search, online reading, brain activity, clinical review.

Введение

Интернет-технология, имеющая несомненные достоинства по сравнению с другими ИКТ, быстро и прочно укоренилась в различных сферах жизнедеятельности человека. С доминированием тренда мобильного Интернета, официально начавшегося в Республике Беларусь с 2017 г. (согласно отчетам Национального статистического комитета), наша личная и профессиональная повседневность незаметно преобразовывается в новую, смешанную реальность, в которой уже трудно дифференцировать раз-

ные формы существования – офлайн или онлайн.

Стремительное распространение интернет-технологии подобно произошедшему в середине XX в. расцвету телевидения, популяризация которого сопровождалась оптимистической уверенностью в его образовательных возможностях, благодаря которым можно повысить образовательный уровень различных категорий населения. Однако буквально два десятилетия спустя, результаты научных исследований стали обнаруживать мифологичность указанной

идеи, поскольку как индивидуальные, так и социальные последствия ТВ-увлеченности оказались прямо противоположными ожидаемым: снижение уровня когнитивного развития активных телезрителей, ухудшение речевого развития детей, рост числа функционально неграмотных подростков и молодых людей (П. Бурдые, 2002; Д. Лемиш, 2002; Р. Пацлаф, 2003 и др.).

Такой же оптимизм, своеобразная вера в умную технологию, владение которой автоматически делает умнее и ее пользователя, присутствует и относительно Интернета. Вероятно, именно этим объясняется дефицитарность исследований когнитивного состояния рядового веб-пользователя, поскольку большинство психологических исследований сосредоточено на изучении новых феноменов – вариантов кибераддитивного поведения и форм онлайн-коммуникации – и их психологических последствий. В последние годы названный дефицит данных стал уменьшаться относительно ровесников Интернета – представителей поколения Z. Результаты имеющихся исследований пока очень противоречивы (Н. В. Богачева, Е. В. Сивак, 2019), но они обнаруживают необходимость поиска некоторого временного оптимума ежедневного взаимодействия ребенка с Интернетом (А. К. Przybylski, N. Weinstein, 2017; Г. У. Солдатова, А. Е. Вишнева, 2019), превышение которого приводит к ухудшению показателей как психоэмоционального, так и когнитивного состояния его маленьких пользователей.

Специальные эмпирические исследования влияния цифровых технологий на когнитивные функции его взрослых пользователей в настоящее время буквально единичны. Однако их систематизация позволяет выделить несколько направлений изучения, отличающихся своим предметом, а их результаты позволяют определить направления для формулирования предположений о последствиях интернет-воздействия.

Анализ информационного поведения и стратегий онлайн-поиска

Эта группа исследований имеет довольно косвенное отношение к обсуждаемой проблеме последствий интернет-активности для когнитивных функций взрослого пользователя. Однако она представляет собой наиболее разработанную и междисци-

плинарную область исследований, изучением которой активно занимаются различные профессионалы (IT-специалисты, библиотечные работники и др.).

Первая модель информационного поведения была предложена в 1981 г. британским специалистом в области управления информацией Т. Уилсоном. Акцент в данной модели смещался с анализа собственно информационных систем на задачи, решаемые субъектом поиска, и его потребности. В своей первой редакции модель включала три компонента:

1) информационный запрос, или потребность в информации;

2) индивидуально-личностные характеристики субъекта (функциональные и устойчивые);

3) специфика организации информационной среды, в которой осуществляется поиск информации.

Данная модель на протяжении десятилетий работы постоянно уточнялась ее автором. Кроме того, она выступила источником многочисленных исследований в данной области. В частности, только в зарубежной науке таких моделей в 2005 г. было порядка 70. В настоящее время с учетом культурно-исторического контекста деятельности интернет-пользователя такие модели создаются и российскими психологами: например, структурно-интегративная модель поисковой активности А. Б. Леоновой (2007), конкретизированная для онлайн-поиска (И. В. Блинникова, М. С. Капица, А. Б. Леонова, 2016; А. Б. Леонова, И. В. Блинникова, Б. М. Величковский, 2009); теоретическая модель онлайн-поиска, описывающая его процессуальные и результативные аспекты, С. А. Безгородовой и А. В. Микляевой (2020) и др.

Разнообразие уже существующих моделей и продолжающаяся работа по созданию новых доказывает сложность процесса онлайн-поиска: от постановки информационной проблемы до синтеза информации с различных веб-сайтов. Поэтому при моделировании акцент ставится на анализе метакогнитивного потенциала интернет-пользователей, под которым понимается сознательный контроль собственной поисковой информационной активности и ее оценка [1].

Для проводимого анализа важно, что в контексте разработки указанных проблем,

безусловно, изучаются и факторы, определяющие эффективность онлайн-поиска информации. Среди таких факторов наиболее исследованным выступает дизайн интерфейсов поисковых систем, поскольку от его удобства для пользователя напрямую зависит успешность IT-индустрии. Ведутся также исследования, обнаруживающие роль когнитивных и личностных особенностей интернет-пользователя. В частности, установлена эффективность решения поисковых задач в зависимости от объема имеющегося опыта осуществления поисковой деятельности [2]. Также выявлена роль осведомленности пользователя в поисковой проблеме, а именно большее доверие к новой информации присутствует при ее соответствии уже имеющимся знаниям [3]. Это говорит о том, что осуществляющаяся бессознательно селекция веб-информации оставляет субъекта в границах уже имеющихся у него интересов, позиций, убеждений и др.

Еще одним изучаемым фактором является сложность поисковой задачи. Повышение сложности увеличивает время ее решения и количество совершаемых пользователем запросов, но при этом не меняет привычные стратегии поиска [4]. Важно отметить, что затрудненные условия выполнения поисковой задачи кардинально не изменяют стихийно сложившиеся привычки пользователя. Другими словами, усложнение задачи приводит к интенсификации усилий, но не усложняет, не усовершенствует саму деятельность.

Особенности чтения электронного текста

Исследования этой новой формы чтения ведутся в зарубежной психологии с 1980-х гг. Установлено, что при чтении с экрана скорость снижается на 20–30 % [5], но подобное снижение относится только к большим по объему текстам [6]. Экспериментальные данные о зависимости скорости чтения от технических параметров его репрезентации на экране (стиль шрифта, размер, цвет шрифта и фона, количество знаков в строке и т. п.) довольно противоречивы и позволяют однозначно говорить о способности читателей адаптироваться к различным условиям чтения [7].

Особым видом текста является гипертекст, нюансы восприятия и понимания ко-

торого также более широко изучены в зарубежной психологии. Обобщение имеющихся эмпирических данных обнаруживает следующие принципиальные моменты.

Во-первых, свобода выбора последовательности ссылок создает дополнительную когнитивную нагрузку. Эта нагрузка в первую очередь связана с появлением специфических задач, отсутствующих при чтении бумажного носителя:

1) принятие решений различной степени сложности (кликнуть на гиперссылку или проигнорировать ее, запомнить, чтобы вернуться потом к этому материалу, и т. п.);

2) построение читателем собственной модели структуры текста;

3) запоминание того, какие составляющие этой структуры уже прочитаны, а к каким еще необходимо вернуться [8].

Во-вторых, нагрузка обусловлена постоянным прерыванием чтения и отвлечением внимания. Подобные «параллельные сессии» присутствуют и при чтении гипертекстов, и при информационном поиске. Несмотря на их привычность для интернет-пользователей, их эффективность научно не доказана. В последующих исследованиях, проведенных московскими психологами [9], установлено, что более эффективны в выполнении подобных параллельных заданий (стимульным материалом выступало сравнение содержания пословиц) лица с холистическим когнитивным стилем и лица с более высоким уровнем интеллекта (респонденты в возрасте от 18 до 59 лет). Однако «параллельное» предъявление текста является более сложной когнитивной задачей и «требует более высокого – по сравнению с последовательным предъявлением текста – уровня интеллектуального и когнитивного развития субъекта» [9, с. 72].

В-третьих, существуют индивидуальные различия в работе читателей с гипертекстами. Преимущественно ведутся исследования читателей гипертекстов с разными когнитивными стилями: полнезависимость – полнезависимость и широкий – узкий диапазоны эквивалентности [10], аналитичность – холистичность [11]. Установлено, что с обработкой гипертекстовой информации лучше справляются субъекты с большим объемом оперативной памяти [12] и, что еще более важно, те, кто имеет хорошие

навыки обычного чтения и хороший уровень академической успеваемости в школе [8].

Традиционный печатный текст и гипертекст (или электронный текст) являются хотя и родственными, но разными типами знаковых систем, взаимодействие с которыми, соответственно, имеет и разные психологические последствия для субъекта. В отличие от традиционного текста гипертекст формально более образный и менее логически последовательный по содержанию; дает большее разнообразие информации, но рассеивает внимание; обеспечивает более высокую скорость восприятия материала, но ограничивает возможности его сознательной переработки. Подводя итоги сравнительного анализа исследований чтения с разных носителей информации, московские психологи А. Е. Войскунский и М. Ю. Солодов приходят к заключению, что чтение гипертекстов приводит к очевидному и однозначному снижению скорости чтения, повышению когнитивной нагрузки, снижению точности чтения [13, с. 140]. Изменения же в более сложных процессах (понимание, запоминание и др.) более неоднозначны, что приводит ученых к выводу о том, что «причина кроется не в самом тексте, а в психологических особенностях читателей и выполняемой ими деятельности» [13, с. 140]. Гипотетически эффективность чтения определяется не столько носителем текста (бумажный, цифровой) и его формальной структурой (линейная, нелинейная), сколько индивидуальными особенностями читателей, которые только начинают эмпирически исследоваться, однако к ним уже можно отнести более высокий уровень развития когнитивных процессов и наличие сформированного навыка чтения.

В контексте обсуждаемых особенностей необходимо упомянуть и мультитаскинг (многозадачность), способность к которой при более строгом изучении оказалась не результатом тренировки в онлайн-практиках, а индивидуальной особенностью, присущей лицам разных возрастов. Однако установлено, что успешная многозадачность в цифровых медиа ухудшает данную способность в реальной жизни [14]. Поэтому не исключено, что онлайн-практики тренируют некие совершенно специфические способности, не просто не продолжающиеся в реальной жизнедеятельности, но и обнаружива-

ющие при переносе в офлайн деструктивные аспекты.

Специфика мозговой активности взрослых интернет-пользователей

«Цифровой туман» как результат цифровой перестимуляции мозга присутствует не только у детей, но и у взрослых [15]. В контексте проводимого анализа представляется необходимым более детально обсудить результаты одного из сравнительных исследований мозговой активности взрослых людей с разным опытом решения поисковых интернет-задач.

При онлайн-поиске, осуществляемом пользователями компьютерно грамотными и неграмотными (Г. Смолл отмечает, как сложно им было найти таких добровольцев), существуют принципиальные различия в активности мозга, обнаруживаемые с помощью магнитно-резонансной томографии. А именно: у компьютерно неграмотных пользователей не была зафиксирована активность дорсолатерального фронтального кортекса, контролирующего принятие решений, синтезирующего фрагментарную информацию и управляющего оперативной памятью. Однако, что еще более важно, у этих добровольцев данная зона мозга стала активизироваться при работе с Интернетом всего через 5 дней при 1 часе взаимодействия с компьютером. А речь идет о людях от 50 до 60 лет. Таким образом, эти результаты позволяют сделать очень важный вывод: компьютерно неграмотные очень легко и быстро могут стать компьютерно грамотными, даже на уровне функционирования мозга.

О том, что возможен такой же легкий переход в другую сторону, доказательств пока нет. Но имеющиеся в нейропсихологии данные позволяют усомниться в принципиальной возможности их получения. Согласно теории А. Р. Лурии, за произвольную регуляцию деятельности отвечает «третий блок мозга», или «блок программирования, регуляции и контроля деятельности», морфологически обеспечиваемый лобными долями мозга, прежде всего префронтальной областью больших полушарий. Процессы регуляции проходят длительный путь развития в онтогенезе, и их формирование прямо связано со становлением речи. Иначе говоря, те преимущества

в скорости обработки информации, которые мозг приобретает благодаря интенсивной цифровой стимуляции, одновременно препятствуют функционированию других его отделов, отставание которых вряд ли компенсируется при взаимодействии с электронными устройствами, передающими в основном визуальную, а не вербальную информацию.

Немецкий психиатр М. Шпитцер [16] еще более категоричен по сравнению со своими американскими коллегами в оценке последствий тесного взаимодействия человека с цифровыми технологиями, обобщенно обозначая их как «цифровое слабоумие». В нейробиологических исследованиях на животных и людях было неоднократно доказано, что объем запоминаемой информации тренирует и увеличивает гиппокамп – зону мозга, отвечающую за образование устойчивых связей (долговременная память). И это как раз та зона мозга, в которой на протяжении всей жизни человека обновляются клетки. Появившиеся клетки очень легко обучаемы, но обучаемы только на сложных задачах, требующих от человека интеллектуальных усилий. Даже заучивание наизусть и воспроизведение некоторого текста для взрослого человека не является такой сложной задачей. А все цифровые технологии не только легки в освоении, но и облегчают интеллектуальные усилия, поэтому итогом злоупотреблений ими и выступает «цифровое слабоумие».

Установлены также структурные изменения мозга как последствия онлайн-игр [17]. При сравнении объема серого вещества в орбито-фронтальной коре головного мозга он оказался больше у лиц, имеющих очень скромный игровой опыт. Через шесть недель тренировок в онлайн-играх объем названной области мозга уменьшился у всех независимо от имевшихся ранее игровых привычек. Важно отметить, что орбито-фронтальная кора наиболее поздно созревает в онтогенезе и, соответственно, выполняет самые сложные функции – планирования и организации деятельности (третий блок мозга в концепции А. Р. Лурия). Поскольку данной области мозга присуща структурная пластичность, выражающаяся в приращении серого и белого веществ при освоении субъектом неких двигательных или когнитивных навыков, то

описанные изменения доказывают, что кибер-игры (а это один из самых популярных видов интернет-практик у лиц разных возрастов) редуцируют мозговую ткань.

Клинические исследования высших психических функций

В этой области серьезные исследования проводит А. Ш. Тхостов в рамках разрабатываемой им концепции о культурно-обусловленной природе телесности. Говоря об информационно-коммуникационных технологиях, ученый с коллегами предлагает отвергнуть идею об их принципиальной нейтральности, объясняя свою позицию существенными отличиями ИКТ от иных технологий. Если предыдущие технологии расширяли функции человека вовне, то информационные технологии «способны заменять или подменять его высшие психические функции» [18, с. 46]. Последствием широкого использования различных заменителей когнитивных функций человека (калькуляторов, программ проверки орфографии, навигаторов и др.) в широком социальном контексте выступает ситуация «неосредневековья, когда неграмотность населения компенсировалась визуальным иллюстрациями» [18, с. 46].

В частности, на примере нарушения цикла «сон – бодрствование» ученые доказали, что две трети взрослых пользователей смартфонов наиболее активно обращаются к ним поздним вечером или ночью. И такая практика пользования вызывает нарушения сна только на фоне психологического благополучия (т. е. у лиц с нормативными уровнями выраженности тревоги и депрессии). Авторы приходят к выводу о том, что указанная практика – «это способ нарушения хорошего сна, а не ухудшения сна плохого» [18, с. 55]. Таким образом, использование цифровых гаджетов является самостоятельным фактором нарушений, расширяющим сферу собственно культурно обусловленной патологии, что, в свою очередь, на конкретном материале подтверждает общую гипотезу о наличии некоторого патогенного фактора в самой природе ИКТ.

Особый интерес представляют исследования российских клинических психологов, несколько лет назад поставивших проблему пересмотра нормативных показателей в патопсихологической диагностике [19].

Применение классических методик исследования мышления («Классификация предметов», «Пиктограмма», «Толкование пословиц») в группе из 50 здоровых человек в возрасте от 20 до 39 лет обнаружило у них такие характеристики мышления, которые авторы по аналогии с известной работой З. Фрейда охарактеризовали как «патопсихологию обыденной жизни». К таким характеристикам относятся снижение критичности к результатам своей деятельности, нейродинамические расстройства (усталость, сложность вработываемости, трудности концентрации на заданиях и др.), непоследовательность и разноплановость мышления, а также его эгоцентричность.

Не менее интересные данные получены и в ходе другого клинического исследования [20], в котором посредством методики «Четвертый лишний» были установлены два принципиальных факта.

Во-первых, изменение признаков, на основе которых осуществляется обобщение, у современных взрослых по сравнению с данными таких же групп в доцифровую эпоху (в 1960–90 гг.).

Во-вторых, отсутствие отличий в выборе признаков для классификации в группах молодых людей (17–25 лет) мужского пола, имеющих шизотипическое расстройство и являющихся здоровыми. Последние продемонстрировали ориентацию на второстепенные, нестандартные свойства объектов, что традиционно рассматривается в качестве диагностического показателя «расстроенного» мышления.

Обнаруженную специфику мышления исследователи характеризуют как псевдопатологические феномены, т. е. это нарушения мышления, аналогичные патологическим (при шизофреническом синдроме), но имеющие культурно-историческую природу [21]. На высоком уровне статистической достоверности установлена высокая степень распространения этих феноменов у молодых людей по сравнению со взрослыми, выросшими в доцифровую эпоху. Если мышление взрослых соответствует конвенциональной иерархии родовых и видовых признаков, то в мышлении молодых людей они равнопорядковы.

«Новое мышление отличается гибкостью, объемностью, многозначностью. Мера соотношения знаков и значений по степе-

ни абстрактности/конкретности очень вариативны. Знаки воспринимаются как гиперссылка, над знаками надстраиваются новые знаки, на которые и нанизываются значения» [21, с. 35].

Близкие результаты были получены и в зарубежном исследовании взрослых пользователей смартфонов [22], когнитивное состояние которых авторы образно зафиксировали как «когнитивная скупость», состоящая в отказе от самостоятельного аналитического мышления и стремлении к минимизации любой интеллектуальной нагрузки.

Заключение

Проведенный аналитический обзор позволяет сделать несколько заключений.

Проблема влияния Интернета на познавательную деятельность и когнитивные функции пользователей пока не находится в мейнстриме научных интересов. Фактические данные о когнитивных функциях взрослых юзаберов в настоящее время преимущественно накапливаются в рамках поиска решений довольно узкого и утилитарного круга задач (повышение эффективности веб-рекламы, рост привлекательности сайтов).

Результаты эмпирических исследований не обнаруживают наличия когнитивных преимуществ у активных взрослых интернет-пользователей. Успешность выполнения интеллектуальных видов онлайн-деятельности (поиск информации, чтение) во многом определяется индивидуально высоким уровнем развития когнитивных функций, тренировка которых осуществлялась вне Интернета.

Отсутствие позитивных сдвигов в реализации когнитивных функций у активных интернет-пользователей на физиологическом уровне объясняется негативным влиянием технологии на функционирование мозга (состояние хронической усталости и рассеянного внимания) и даже на редукцию его структуры, в итоге которой появляются риски сокращения генетически поздно оформляющихся зон, отвечающих за самые сложные, специфически человеческие действия.

Таким образом, Интернет нельзя считать абсолютно безопасной технологией и для его взрослых пользователей. В целях поддержания своих когнитивных функций на некотором ранее достигнутом уровне развития важно сохранение в своей профес-

сиональной и личной жизни традиционных интеллектуальных видов деятельности (бу-

мажного или естественного чтения, письма от руки, разгадывания кроссвордов и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zhou, M. Metacognitive scaffolding for online information search in K-12 and higher education settings: A systematic review / M. Zhou, K. Lam // *Education Tech Research*. – 2019. – Vol. 67. – P. 1353–1384.
2. Aula, A. Modeling successful performance in web searching / A. Aula, K. Nordhausen // *Journ. of the American Society for Information*. – 2006. – Vol. 57. – P. 1678–1693.
3. Guenee, K. Adolescents internet search strategies drawing upon familiar cognitive paradigms when accessing electronic information sources / K. Guenee, M. B. Eugleton, T. E. Hale // *Journ. of Educational Computing Research*. – 2003. – Vol. 29, nr 3. – P. 363–374.
4. Wildemuth, B. M. Untangling search task complexity and difficulty in the context of interactive information retrieval studies / B. M. Wildemuth // *Journ. of Documentation*. – 2014. – Vol. 70. – P. 1118–1140.
5. Dillon, A. Reading form paper versus screens. A critical review of the empirical literature / A. Dillon // *Ergonomics*. – 1992. – Vol. 35, nr 5. – P. 1297–1326.
6. Askwall, S. Computer supported reading vs reading text on paper. A comparison of two reading situation / S. Askwall // *International Jour. of Man Machine Studies*. – 1985. – Vol. 22, nr 4. – P. 425–239.
7. Creed, A. Proof-reading on VDUs / A. Creed, I. Dennisi, S. Newstead // *Behaviour & Information Technology*. – 1987. – Vol. 6, nr 1. – P. 3–13.
8. DeStefano, D. Cognitive load in hypertext reading: A review / D. DeStefano, J. A. LeFevre // *Computers in Human Behavior*. – 2007. – Vol. 23, nr 3. – P. 1616–1641.
9. Войскунский, А. Е. Психологические особенности чтения электронного текста / А. Е. Войскунский, О. Н. Арестова, М. Ю. Солодов // *Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология*. – 2019. – № 4. – С. 59–79.
10. Баканов, А. С. Взаимосвязь когнитивного стиля и профессиональной успешности при взаимодействии с информационными системами / А. С. Баканов, О. Н. Сиваш // *Орг. психология и психология труда*. – 2017. – № 1. – С. 161–174.
11. Graff, M. Assessing learning from hypertext: An individual differences perspective / M. Graff // *Journal of Interactive Learning Research*. – 2003. – Nr 4. – P. 425–438.
12. Lee, M. J. The effects of three different computer texts on readers' recall: Based on working memory capacity / M. J. Lee, M. C. Tedder // *Computers in Human Behavior*. – 2003. – Nr 6. – P. 767–783.
13. Войскунский, А. Е. Влияние свойств электронного текста на эффективность и результативность чтения. Литературный обзор / А. Е. Войскунский, М. Ю. Солодов // *Психология человека в образовании*. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 134–142.
14. The «online brain»: how the Internet may be changing our cognition / J. Firth [et all.] // *World Psychiatry*. – 2019. – Vol. 18. – P. 119–129.
15. Смолл, Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета : пер. с англ. / Г. Смолл, Г. Ворган. – М. : КоЛибри, 2011. – 352 с.
16. Шпитцер, М. Антимозг: цифровые технологии и мозг : пер. с нем. / М. Шпитцер. – М. : АСТ, 2014. – 288 с.
17. Orbitofrontal gray matter deficits as marker of Internet gaming disorder: converging evidence from a cross sectional and prospective longitudinal design / F. Zhou [et all.] // *Addiction Biology*. – 2019. – Vol. 24, nr 1. – P. 100–109.
18. Тхостов, А. Ш. Психическое здоровье в контексте информационного общества: к вопросу об изменениях в патогенезе и патоморфозе заболеваний (на примере нарушений цикла «сон – бодрствование») / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова, В. А. Емелин // *Консультатив. психология и психотерапия*. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 44–60.
19. Султанова, А. С. К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике / А. С. Султанова, И. А. Иванова // *Клин. и спец. психология*. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 83–96.

20. Кобзова, М. П. О некоторых особенностях вербально-логического мышления в норме и при шизотипическом расстройстве / М. П. Кобзова, Н. В. Зверева, О. А. Щелокова // *Клин. и спец. психология*. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 100–118.
21. Грекова, А. А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» / А. А. Грекова // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Психология»*. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 28–38.
22. The brain in your pocket: evidence that smartphones are used to supplant thinking / N. Barr [et all.] // *Computer in Human Behavior*. – 2015. – Vol. 48. – P. 473–480.

REFERENCES

1. Zhou, M. Metacognitive scaffolding for online information search in K-12 and higher education settings: A systematic review / M. Zhou, K. Lam // *Education Tech Research*. – 2019. – Vol. 67. – P. 1353–1384.
2. Aula, A. Modeling successful performance in web searching / A. Aula, K. Nordhausen // *Journ. of the American Society for Information*. – 2006. – Vol. 57. – P. 1678–1693.
3. Guenee, K. Adolescents internet search strategies drawing upon familiar cognitive paradigms when accessing electronic information sources / K. Guenee, M. B. Eugleton, T. E. Hale // *Journ. of Educational Computing Research*. – 2003. – Vol. 29, nr 3. – P. 363–374.
4. Wildemuth, B. M. Untangling search task complexity and difficulty in the context of interactive information retrieval studies / B. M. Wildemuth // *Journ. of Documentation*. – 2014. – Vol. 70. – P. 1118–1140.
5. Dillon, A. Reading form paper versus screens. A critical review of the empirical literature / A. Dillon // *Ergonomics*. – 1992. – Vol. 35, nr 5. – P. 1297–1326.
6. Askwall, S. Computer supported reading vs reading text on paper. A comparison of two reading situation / S. Askwall // *International Jour. of Man Machine Studies*. – 1985. – Vol. 22, nr 4. – P. 425–239.
7. Creed, A. Proof-reading on VDUs / A. Creed, I. Dennisi, S. Newstead // *Behaviour & Information Technology*. – 1987. – Vol. 6, nr 1. – P. 3–13.
8. DeStefano, D. Cognitive load in hypertext reading: A review / D. DeStefano, J. A. LeFevre // *Computers in Human Behavior*. – 2007. – Vol. 23, nr 3. – P. 1616–1641.
9. Vojskuskij, A. Ye. Psikhologichieskije osobienosti chtienija eliektronnogo tieksta / A. Ye. Vojskuskij, O. N. Ariestova, M. Yu. Solodov // *Viestn. MGU. Sier. 14, Psikhologija*. – 2019. – № 4. – S. 59–79.
10. Bakanov, A. S. Vzaimosviaz' kognitivnogo stilia i professional'noj uspeshnosti pri vzaimodijstvii s informacionnymi sistiemami / A. S. Bakanov, O. N. Sivash // *Org. psikhologija i psikhologija truda*. – 2017. – № 1. – S. 161–174.
11. Graff, M. Assessing learning from hypertext: An individual differences perspective / M. Graff // *Journal of Interactive Learning Research*. – 2003. – Nr 4. – P. 425–438.
12. Lee, M. J. The effects of three different computer texts on readers' recall: Based on working memory capacity / M. J. Lee, M. C. Tedder // *Computers in Human Behavior*. – 2003. – Nr 6. – P. 767–783.
13. Vojskuskij, A. Ye. Vlijanije svojstv eliektronnogo tieksta na effektivnost' i riezul'tativnost' chtienija. Litieraturnyj obzor / A. Ye. Vojskuskij, M. Yu. Solodov // *Psikhologija chielovieka v obrazovanii*. – 2020. – Т. 2, № 2. – S. 134–142.
14. The «online brain»: how the Internet may be changing our cognition / J. Firth [et all.] // *World Psychiatry*. – 2019. – Vol. 18. – P. 119–129.
15. Smoll, G. Mozg onlajn. Chieloviek v epokhu Interneta : pier. s angl. / G. Smoll, G. Vorgan. – M. : KoLibri, 2011. – 352 s.
16. Shpitcer, M. Antimozg: cyfrovye tiekhnologii i mozg : pier. s niem. / M. Shpitcer. – M. : AST, 2014. – 288 s.
17. Orbitofrontal gray matter deficits as marker of Internet gaming disorder: converging evidence from a cross sectional and prospective longitudinal design / F. Zhou [et all.] // *Addiction Biology*. – 2019. – Vol. 24, nr 1. – P. 100–109.

18. Tkhostov, A. Sh. Psikhichieskoje zdorov'je v kontiektie informacionnogo obshchestva: k voprosu ob izmieniienijakh v patogenezie i patomorfozie zabolievaniy (na primierie narushenij cykla «son – bodrstvovanije») / A. Sh. Tkhostov, Ye. I. Rasskazova, V. A. Yemielin // *Konsul'tativ. psikhologija i psikhotierapija*. – 2019. – T. 27, № 3. – S. 44–60.

19. Sultanova, A. S. K problemie normativnykh pokazatielej v patopsikhologichieskoj diagnostike / A. S. Sultanova, I. A. Ivanova // *Klin. i sipec. psikhologija*. – 2017. – T. 6, № 2. – S. 83–96.

20. Kobzova, M. P. O niekotorykh osobiennostiakh vierbal'no-logichieskogo myshlienija v norme i pri shizotipichieskom rasstrojstvie / M. P. Kobzova, N. V. Zvierieva, O. A. Shchiolokova // *Klin. i sipec. psikhologija*. – 2018. – T. 7, № 3. – S. 100–118.

21. Griekova, A. A. Osobiennosti myshlienija predstavitelej «cyfrovogo pokoluenija» / A. A. Griekova // *Viestn. YuUrGU. Sier. «Psikhologija»*. – 2019. – T. 12, № 1. – S. 28–38.

22. The brain in your pocket: evidence that smartphones are used to supplant thinking / N. Barr [et all.] // *Computer in Human Behavior*. – 2015. – Vol. 48. – P. 473–480.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 03.03.2022

УДК 159.9:796.01

Диана Эдвардовна Синюк¹, Елизавета Андреевна Романюк²¹канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии*Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*²магистр психологии, переводчик футбольного клуба «Рух» (Брест)**Diana Siniuk¹, Elizaveta Romaniuk²**¹Candidate of Sciences Psychological, Assistant Professor,

Assistant Professor of the Department of Psychology

of the Brest State A. S. Pushkin University

²Magistr of Science Psychology, FC «Rukh» (Brest) Interpreter

e-mail: dianas70@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СПОРТСМЕНОВ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ

Обсуждаются особенности мотивации спортсменов, использующих разные стратегии совладания со стрессом. Эмпирически доказано, что мотивация борьбы и самосовершенствования поддерживает использование спортсменами конфронтации, самоконтроля и планирования решения. Мотивация общения сопряжена с поиском социальной поддержки, а мотивация достижения, борьбы, самосовершенствования и общая мотивация – с копинг-стратегией «Положительная переоценка». Стремление к самосовершенствованию поддерживает использование респондентами копинг-стратегии «Принятие ответственности». Чем чаще спортсмены обращаются к копинг-стратегиям «Принятие ответственности» и «Бегство-избегание», тем слабее у них выражена мотивация достижения успеха.

Ключевые слова: спортивная деятельность, мотивация, стресс, копинг-стратегии.

Features of Motivation of Athletes with Different Coping Strategies

The features of the motivation of athletes who use different coping strategies are discussed in the article. It has been empirically proven that the motivation to fight and improve themselves supports athletes' use of confrontation, self-control, and decision planning. The communication motivation is associated with the search for social support, and the motivation for achievement, struggle, self-improvement and general motivation is associated with the «Positive reassessment» coping strategy. The desire for self-improvement supports the use of the coping strategy «Taking responsibility» by the respondents. The more often athletes turn to the coping strategies «Acceptance of responsibility» and «Escape-avoidance», the weaker their motivation for achieving success is expressed.

Key words: sports activity, motivation, stress, coping strategies.

Введение

Спортивная деятельность предъявляет серьезные требования к личности людей, ею занимающихся. Рассмотрев характеристики спортивной деятельности, мы выяснили, что эта деятельность, по мнению Е. П. Ильина, представляет собой многолетний непрерывный процесс обучения и физического развития, тренировок с использованием больших, а порой и предельных физических нагрузок, где происходит зачастую монотонная отработка различных навыков [1, с. 18]. Е. Н. Гогун, Б. И. Мартынов и др. отмечают, что спорт как специфический вид деятельности включает в себя не только многочисленные тренировки, смысл которых состоит в подготовке к соревнованиям, но и участие в них [2]. Важно понимать, что спортивная деятельность не

просто носит соревновательный характер, а направлена на достижение максимально возможного результата. Без соревновательного момента данная деятельность утрачивает свой смысл. Следовательно, у профессиональных спортсменов должна быть актуализирована мотивация, адекватная сущности спортивной деятельности.

Поэтому проблема мотивации занятий спортом была и остается в психологии одной из самых значимых и актуальных. По мнению Е. П. Ильина, мотивация представляет собой процесс, в ходе которого внешние воздействия преобразуются во внутренние побуждения [1]. Следовательно, мотивация выступает как внутреннее побуждение к достижению цели, а стимул только как внешнее. Поэтому, как отмечает В. Ф. Сопов, внутренне мотивированный и

внешне стимулированный спортсмен сможет правильно понять все установки тренера, грамотно их выполнить и достичь в конечном итоге высоких результатов [3]. При формировании мотивации деятельности спортсменов необходимо учитывать различные виды мотивов, а также степень их выраженности и осознания.

Как мы уже отмечали, современный спорт, а особенно спорт высоких достижений, невозможно себе представить без серьезных нагрузок, напряженной борьбы и постоянного соперничества, сопровождающихся переживаниями успеха или неудачи, что, по сути, соотносится с понятиями «стресс» и «тревога». Не случайно вопросам совладания со стрессом отводится значимое место в практике подготовки профессиональных спортсменов. Вместе с тем на соревнованиях даже у высококвалифицированных спортсменов могут наблюдаться случаи срывов деятельности, обусловленных, по мнению Е. П. Ильина, В. Э. Мильмана, В. Ф. Сопова и др., психической напряженностью.

По мнению В. А. Бодрова, Д. Брайта, Ф. Джонса, Б. А. Вяткина, Ю. А. Киселева, чтобы успешно совладать со стрессовыми ситуациями, спортсменам необходимы навыки целенаправленного копинг-поведения, смысл которых заключается в умении овладеть ситуацией, смягчить ее конфликтный потенциал, адаптироваться к какому-либо нежелательному фактору либо уклониться от него [4–7]. Анализ же исследований по проблематике стресса в спортивной деятельности обнаруживает, что основное вни-

мание в данных исследованиях уделяется рассмотрению организационных факторов и внешних условий деятельности, характеризующихся стрессогенностью, в меньшей степени – влиянию личностных особенностей, одной из которых является мотивация, на стрессовую реакцию. На наш взгляд, важными и необходимыми представляются исследования, посвященные определению особенностей мотивации спортсменов, способствующих формированию навыков целенаправленного копинг-поведения. Поэтому мы решили выяснить, существует ли взаимосвязь между стратегиями совладания со стрессом, используемыми спортсменами, и особенностями их мотивации.

Для решения поставленной цели мы использовали следующие методики: опросник «Способы совладающего поведения» (авторы – Р. Лазарус, С. Фолкман), (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой); опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи (автор – А. А. Реан); опросник «Мотивация спортивной деятельности (автор – Е. А. Калинин). Выборку исследования составили 80 профессиональных спортсменов, обучающихся на дневной и заочной формах получения высшего образования факультета физического воспитания и туризма, в возрасте от 17 до 21 года (из них 33 девушки и 47 юношей).

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь рассмотрим частоту использования спортсменами адаптивных копинг-стратегий (таблица 1).

Таблица 1. – Частота использования спортсменами адаптивных копинг-стратегий

Адаптивные копинг-стратегии	Использование стратегий					
	редкое		умеренное		выраженное	
	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%
поиск социальной поддержки	16	20	60	75	4	5
самоконтроль	18	22,5	52	65	10	12,5
принятие ответственности	15	18,75	52	65	13	16,25
планирование решений	2	2,5	60	75	18	22,5
положительная переоценка	0	0	53	66,25	27	33,75

Как следует из таблицы 1, поиск социальной поддержки редко использует при совладании с многочисленными стрессовыми ситуациями каждый пятый спортсмен, участвующий в настоящем исследовании. К обсуждаемой стратегии умеренно прибе-

гают большинство опрошенных, которые ориентируются на взаимодействие с другими людьми, при этом поддержка может быть информационной, эмоциональной и действенной. Для незначительного количества респондентов указанная стратегия яв-

ляется не только способом преодоления психологического напряжения, но и способом активного преодоления трудных жизненных ситуаций, что позволяет отнести эту стратегию к личным копинг-ресурсам.

Более пятой части респондентов в редких случаях используют самоконтроль как минимизацию негативных тенденций за счет целенаправленного сдерживания и подавления эмоциональных переживаний, уменьшения степени их влияния на восприятие и оценку ситуации, а также выбор соответствующей стратегии поведения. Большая часть профессиональных спортсменов характеризуется умеренным использованием данной стратегии при совладании с многочисленными стрессовыми ситуациями. Более чем для десятой части опрошенных присущ высокий самоконтроль поведения в различного рода деятельности, постоянное стремление к самообладанию.

Примерно для каждого пятого респондента признание своей роли в возникновении проблемы и ответственность за нее имеет значение в исключительных случаях. Большая часть опрошенных умеренно прибегают к данной стратегии в стрессовых ситуациях. Эти спортсмены понимают зависимость между собственными действиями и их последствиями, готовы анализировать свои поступки, находятся в поиске причин создавшихся сложностей в личных недостатках и ошибках. Выраженное использование стратегии принятия ответственности у 16,25 % спортсменов может вызвать неоправданную и постоянную самокритику, чувство вины и неудовлетворенность собой, привести к развитию депрессивных состояний, снижению самооценки.

Только 2,5 % респондентов редко прибегают к планированию своих дальнейших

действий, привлечению дополнительных ресурсов, исходя из прошлого опыта. Умеренно используют указанную стратегию большинство опрошенных. Примерно пятая часть спортсменов, участвовавших в исследовании, характеризуются выраженным использованием анализируемой стратегии. Эти респонденты преодолевают проблему за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом анализа своих возможностей и вероятных результатов, т. е. данный способ предусматривает создание плана по выходу из ситуации. В то же время при планировании как активной стратегии преодоления стресса наблюдается отсутствие возможности моментально принять нужное решение, используя интуицию, т. к. гибкость и эмоции при выборе нужных действий уходят на задний план.

Не было выявлено опрошенных, которые при совладании с многочисленными стрессовыми ситуациями редко применяли бы положительную переоценку. Большая часть спортсменов, принявших участие в настоящем исследовании, характеризуются умеренным использованием борьбы с различного рода негативными переживаниями с помощью рассмотрения проблемы с позитивного ракурса, своеобразного стимула для личностного роста. Примерно третьей части респондентов присуща частая ориентация на философское переосмысление проблемной ситуации, включенность ее в более широкое пространство работы личности над самосовершенствованием.

В таблице 2 отражены значения неадаптивных копинг-стратегий профессиональных спортсменов.

Таблица 2. – Частота использования спортсменами неадаптивных копинг-стратегий

Неадаптивные копинг-стратегии	Использование стратегий					
	редкое		умеренное		выраженное	
	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%
конфронтация	6	7,5	64	80	10	12,5
дистанцирование	3	3,75	51	63,75	26	32,5
бегство/избегание	13	16,25	45	56,25	22	27,5

Из данных, представленных в таблице 2, видно, что лишь 7,5 % респондентов прибегают к редкому использованию конфронтации в ситуациях совладания со стрессом.

Для большинства опрошенных спортсменов конфронтация является способом негативного отреагирования в связи со стрессовой ситуацией, но используется этот способ

умеренно. Следует отметить, что благодаря умеренному использованию данной стратегии эти респонденты легко справляются с трудностями, энергичны и предприимчивы при разрешении проблемных ситуаций, умеют отстаивать собственные интересы, ценности и убеждения, бороться до конца. Более чем для десятой части опрошенных указанная стратегия является предпочитаемой. Несмотря на то, что конфронтация помогает действовать, «сдвигать» ситуацию с мертвой точки, выражать свою позицию и отстаивать ее, обратной стороной такого реагирования является неразумность, неосознанность и необдуманность действий. У таких спортсменов может отмечаться враждебность, вспышки агрессии и конфликтности, импульсивность поведения, сложность планирования своих действий и их результата, корректировки поведения. В данном случае копинг-действия теряют свою целенаправленность и становятся способом разрядки эмоционального напряжения.

Стратегию дистанцирования редко использует незначительная часть опрошенных. Для большей части респондентов характерно умеренное применение данной стратегии, которая, вероятно, является возможностью предотвращать интенсивные эмоциональные реакции на фрустрацию. Для этого способа совладающего поведения свойственно использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, юмора, отстранения и т. п. В то же время подавление эмоций относительно значимости происходящего может привести к отсутствию решения проблемы как таковой. Примерно каждый третий спортсмен, участвовавший в настоящем исследовании, в стрессовой ситуации часто выбирает для себя стратегию дистанцирования, что предполагает использование попытки преодоления неблагоприятных переживаний благодаря субъективному снижению ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Это неадаптивная стратегия, при использовании которой возникает риск обесценивания проблемной ситуации, собственных переживаний и необходимости принимать решения.

Стратегия бегства для 16,5 % респондентов может оказаться полезной при кризисных экстренных ситуациях и в случае краткосрочного использования. Более чем

половина респондентов умеренно прибегают к применению данной стратегии и при помощи ее быстро снимают эмоциональное напряжение в ситуации стресса. Более чем для четверти профессиональных спортсменов данная стратегия является ярко выраженной, что означает вероятность накопления проблем и трудностей. При избегании эти субъекты стараются уйти от решения проблемы, отказываясь признавать ее существование, либо некорректно оценивают происходящее. Тем самым они, сохраняя свое состояние на должном уровне, игнорируют решение проблемы. Регулярный выбор стратегии избегания может со временем перерасти у этих спортсменов в такую личностную черту, как инфантильность.

На следующем этапе настоящего анализа рассмотрим характеристики мотивации спортсменов. Выясним мотивированность респондентов на успех или неудачу. Мы выяснили, что для большинства опрошенных (76,25 %) характерна мотивация на успех. Данные спортсмены уверены в себе, в собственных силах. Они характеризуются ответственностью, активностью и инициативностью, целеустремленностью, настойчивостью в достижении поставленных целей. Такие спортсмены ставят более сложные задачи, им присуще стремление к риску и повышению уровня своих достижений. Тенденция мотивации на успех выявлена у 16,25 % спортсменов, участвующих в настоящем исследовании. Лишь у 5 % опрошенных мотивационный полюс не выражен. Для них примерно в равной степени присуща как надежда на успех, так и боязнь неудачи. У незначительной части респондентов (2,5 %) выявлена тенденция мотивации на неудачу. Эти спортсмены чаще придерживаются идеи избегания и негативных ожиданий, при этом они могут характеризоваться довольно ответственным отношением к делу. Спортсменов с мотивацией боязни неудачи в нашем исследовании не было выявлено.

Таким образом, большинство обследованных спортсменов мотивированы на удачу (успех). Данная мотивация адекватна сущности спортивной деятельности, которая носит соревновательный характер.

Далее рассмотрим выраженность различных мотивов спортивной деятельности у респондентов (таблица 3).

Таблица 3. – Выраженность у респондентов мотивов спортивной деятельности

Направленность мотивов	Уровень мотивации							
	завышенный		оптимальный		пониженный		низкий	
	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%	абсолютные значения	%
достижения	33	41,25	41	51,25	6	7,5	–	–
борьба	9	11,25	36	45	34	42,5	1	1,25
самосовершенствование	34	42,5	34	42,5	11	13,75	1	1,25
общение	15	18,75	35	43,75	27	33,75	3	3,75
поощрение	16	20	32	40	30	37,5	2	2,5
общая мотивация	13	16,25	49	61,25	17	21,25	1	1,25

Из таблицы 3 следует, что завышенный уровень мотивации достижения был выявлен у 41,25 % спортсменов, участвовавших в исследовании. Оптимальная мотивация достижения характерна примерно для половины респондентов. У 7,5 % опрошенных обнаружен пониженный уровень данной мотивации. Низкий уровень мотивации достижений у спортсменов данной выборки не был выявлен. Завышенный уровень мотивации борьбы характерен примерно для десятой части опрошенных. Оптимальная мотивация борьбы выявлена у 45 % респондентов. Для 42,5 % спортсменов, участвовавших в исследовании, характерен пониженный уровень мотивации борьбы. Мотивация борьбы на низком уровне сформирована лишь у одного респондента.

Завышенный уровень мотивации самосовершенствования был выявлен у 42,5 % спортсменов, участвовавших в исследовании. Такой же части респондентов характерна оптимальная мотивация самосовершенствования. Более чем у десятой части опрошенных обнаружен пониженный уровень данной мотивации. Низкий уровень мотивации самосовершенствования выявлен у одного респондента.

Завышенный уровень мотивации общения характерен примерно для пятой части опрошенных. Оптимальная мотивация общения обнаружена у 43,75 % респондентов. Примерно для третьей части спортсменов, участвовавших в исследовании, характерен пониженный уровень мотивации об-

щения. Радует тот факт, что низкая мотивация общения сформирована лишь у незначительной части респондентов.

Завышенный уровень мотивации поощрения был выявлен у пятой части спортсменов, участвовавших в исследовании. Оптимальная мотивация поощрения характерна для 40 % опрошенных. У 37,5 % спортсменов пониженный уровень данной мотивации. Низкий уровень мотивации поощрения был выявлен у незначительной части респондентов.

Завышенный уровень общей мотивации характерен для 16,25 % спортсменов, участвовавших в исследовании. Оптимальная общая мотивация выявлена у большей части респондентов. Более чем для пятой части опрошенных характерен пониженный уровень общей мотивации. Низкая общая мотивация сформирована у незначительной части респондентов.

При сравнении полученных результатов мы выясняли связи между изучаемыми признаками. Для выявления статистически достоверных связей между стратегиями совладания со стрессом (копинг-стратегиями), используемыми спортсменами, и их мотивацией был проведен корреляционный анализ при помощи компьютерного статистического пакета SPSS-24. Показатели коэффициента ранговой корреляции Спирмена между копинг-стратегиями и характеристиками мотивации спортсменов представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Показатели коэффициента ранговой корреляции Спирмена между копинг-стратегиями и характеристиками мотивации спортсменов

Мотивация	Копинг-стратегии							
	конфронтация	дистанцирование	самоконтроль	поиск социальной поддержки	принятие ответственности	бегство-избегание	планирование решения	положительная переоценка
успеха и боязнь неудачи	-0,142	-0,188	-0,176	0,048	-0,339**	-0,354**	0,174	-0,056
достижения	0,143	-0,015	0,171	0,127	0,07	-0,069	0,216	0,226*
борьбы	0,289**	0,017	0,255*	0,056	0,144	0,05	0,24*	0,291**
самосовершенствования	0,254*	0,121	0,412**	0,094	0,234*	0	0,338**	0,328**
общения	0	-0,043	0,056	0,292**	0,049	-0,021	0,083	0,117
поощрения	-0,082	-0,088	0,077	-0,033	-0,013	-0,091	0,124	0,048
общая мотивация	0,134	-0,036	0,205	0,119	0,096	-0,031	0,205	0,248*

Примечание – Знаком * в таблице обозначены уровни статистической значимости: * – $p \leq 0,05$ (0,22), ** – $p \leq 0,01$ (0,28).

Рассмотрев коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между показателями выраженности стратегии «Конфронтация» и характеристиками мотивации респондентов, мы установили, что чем чаще спортсмены прибегают к использованию данной стратегии при совладании со стрессом, тем ярче у них выражена мотивация борьбы и самосовершенствования. Это значит, что спортсмены, мотивированные на борьбу и самосовершенствование, в стрессовых ситуациях готовы отстаивать собственные интересы, ценности и убеждения, бороться до конца. Поэтому зачастую в таком активном противостоянии им удастся справиться с возникающими трудностями. Между остальными признаками корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Как следует из таблицы 4, связи между показателями по шкале «Дистанцирование» и характеристиками мотивации спортсменов не выявлены. Корреляция между данными признаками не достигает уровня статистической значимости.

Проанализировав значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями выраженности стратегии «Самоконтроль» и характеристиками мотивации респондентов, мы установили, что чем чаще спортсмены прибегают к использованию данной копинг-стратегии, тем ярче у них выражена мотивация борьбы и самосовершенствования.

Согласно таблице 4, мы установили прямую взаимосвязь между показателями копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» и мотивации общения. Следовательно, чем чаще обследованные спортсмены нацелены на поиск социальной поддержки при совладании со стрессом, тем ярче у них выражена мотивация общения. Между остальными признаками корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Исходя из данных, представленных в таблице 4, мы установили обратную связь между показателями по шкале «Принятие ответственности» и выраженностью мотивации успеха и боязни неудачи. Это означает, что чем чаще обследованные спортсмены в стрессовых ситуациях прибегают к использованию копинг-стратегии «Принятие ответственности», тем слабее у них выражена мотивация достижения успеха. Также мы обнаружили прямую взаимосвязь показателей данной копинг-стратегии и мотивацией самосовершенствования. Следовательно, чем чаще обследованные спортсмены используют в стрессовых ситуациях стратегию принятия ответственности, тем больше они стремятся к самосовершенствованию. Между остальными признаками корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Согласно таблице 4, мы установили обратную взаимосвязь между показателями шкалы «Бегство-избегание» и мотивацией успеха и боязни неудачи. Это означает, что

чем чаще респонденты при воздействии сильных стрессоров стремятся использовать копинг-стратегию «Бегство-избегание», тем слабее у них выражена мотивация достижения успеха. Иными словами, тенденция боязни неудачи побуждает спортсменов уходить от решения проблемы, отказываться признавать ее существование либо некорректно оценивать происходящее. Между остальными показателями корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Проанализировав значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями выраженности стратегии «Планирование решения» и характеристиками мотивации респондентов, мы установили следующие взаимосвязи: чем чаще спортсмены прибегают к использованию данной копинг-стратегии в трудных жизненных ситуациях, тем ярче у них выражена мотивация борьбы и самосовершенствования. Между остальными показателями корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Рассмотрим значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями выраженности стратегии «Положительная переоценка» и характеристиками мотивации спортсменов. Мы выяснили, что чем чаще спортсмены при совладании со стрессом используют указанную стратегию, тем ярче у них выражена мотивация достижения, борьбы, самосовершенствования и общая мотивация. Между остальными показателями корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Таким образом, проанализировав взаимосвязи между стратегиями совладания со стрессом, используемыми спортсменами, и особенностями их мотивации, мы выяснили, что наиболее конструктивной, адаптивной копинг-стратегией для функционирования и поддержания мотивов, соответствующих сущности спортивной деятельности, является «Положительная переоценка».

Заключение

Обобщим полученные нами эмпирические данные. Установлено, что большинство спортсменов, участвовавших в исследовании, прибегают к умеренному использованию адаптивных стратегий поиска социальной поддержки и планирования решений, а также к умеренному использованию

неадаптивной стратегии конфронтации. Достаточно часто обследованные спортсмены умеренно используют адаптивные стратегии самоконтроля, принятия ответственности и положительной переоценки, а также неадаптивную стратегию дистанцирования.

Определено, что большинство обследованных спортсменов мотивированы на удачу. Данная мотивация адекватна сущности спортивной деятельности, имеющей соревновательный характер. У большей части респондентов обнаружен оптимальный уровень общей мотивации спортивной деятельности. При этом примерно у половины опрошенных сформирован оптимальный уровень мотивации достижения. Несколько реже у обследованных спортсменов встречается оптимальный уровень мотивации борьбы, самосовершенствования, общения и поощрения. Вместе с тем мотивация достижения и самосовершенствования чаще представлена у спортсменов на завышенном, чем на пониженном либо низком уровнях. А мотивацию борьбы, общения и поощрения спортсмены, участвовавшие в исследовании, чаще демонстрируют на заниженном и низком уровнях.

Проведенный корреляционный анализ позволяет констатировать наличие значимых взаимосвязей между мотивацией спортсменов и использованием ими определенных копинг-стратегий. Эмпирически доказано, что мотивация борьбы и самосовершенствования поддерживает использование респондентами конфронтации, самоконтроля и планирования решения в качестве стратегий совладания со стрессом. Мотивация общения способствует прибеганию спортсменов к поиску социальной поддержки при совладании с трудными жизненными ситуациями. Мотивация достижения, борьбы, самосовершенствования и общая мотивация сопряжена с копинг-стратегией «Положительная переоценка». Стремление к самосовершенствованию поддерживает использование респондентами копинг-стратегии «Принятие ответственности». В то же время чем чаще опрошенные при воздействии сильных стрессоров стремятся использовать копинг-стратегии «Принятие ответственности» и «Бегство-избегание», тем слабее у них выражена мотивация достижения успеха.

Таким образом, проанализировав взаимосвязи между стратегиями совладания со стрессом, используемыми спортсменами, и особенностями их мотивации, мы выяснили, что наиболее конструктивной копинг-

стратегией для функционирования и поддержания мотивов, соответствующих сущности спортивной деятельности, является «Положительная переоценка».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, Е. П. Психология спорта / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2019. – 352 с.
2. Гогунув, Е. Н. Психология физического воспитания и спорта : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Е. Н. Гогунув, Б. И. Мартыянов. – М. : Академия, 2003. – 288 с.
3. Сопов, В. Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте / В. Ф. Сопов. – М. : Каф. психологии РГУФКСиТ, 2010. – 120 с.
4. Бодров, В. А. Проблема преодоления стресса. Процессы и ресурсы преодоления стресса / В. А. Бодров // Психол. журн. – 2006. – Т. 27, № 2. – С. 113–123.
5. Брайт, Д. Преодоление стресса / Д. Брайт, Ф. Джонс // Стресс. Теории, исследования, мифы. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 179–209.
6. Вяткин, Б. А. Управление психическим стрессом в спортивных соревнованиях / Б. А. Вяткин. – М. : ФиС, 1981. – 112 с.
7. Киселев, Ю. А. Победи! Размышления и советы психолога спорта [Электронный ресурс] / Ю. А. Киселев. – М. : СпортАкадемПресс, 2002. – 128 с. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/kiselev-yuya-pobedi-razmyshle-niya-i-sovety-psiho-loga-sporta_be444-b55580.html. – Дата доступа: 17.02.2021.

REFERENCES

1. Il'in, Ye. P. Psikhologija sporta / Ye. P. Il'in. – SPb. : Pitier, 2019. – 352 s.
2. Gogunov, Ye. N. Psikhologija fizichieskogo vospitanija i sporta : uchieb. posobije dlja studentov vyssh. pied. uchieb. zaviedienij / Ye. N. Gogunov, B. I. Mart'janov. – M. : Akadiemija, 2003. – 288 s.
3. Sopov, V. F. Tieorija i mietodika psikhologichieskoj podgotovki v sovriemiennom sportie / V. F. Sopov. – M. : Kaf. psikhologii RGUFKSiT, 2010. – 120 s.
4. Bodrov, V. A. Problema prieodolienija stressa. Processy i riesursy prieodolienija stressa / V. A. Bodrov // Psikhol. zhurn. – 2006. – T. 27, № 2. – S. 113–123.
5. Brajt, D. Prieodolienije stressa / D. Brajt, F. Dzhons // Stress. Tieorii, issliedovanija, mify. – SPb. : PRAJM-YEVROZNAK, 2003. – S. 179–209.
6. Viatkin, B. A. Upravlienije psikhichieskim stressom v sportivnykh sorievnovanijakh / B. A. Viatkin. – M. : FiS, 1981. – 112 s.
7. Kisieliov, Yu. A. Pobiedi! Razmyshlienija i soviety psikhologa sporta [Eliiektronnyj riesurs] / Yu. A. Kisieliov. – M. : SportAkadiemPress, 2002. – 128 s. – Riezhim dostupa: https://www.studmed.ru/view/kiselev-yuya-pobedi-razmyshle-niya-i-sovety-psiho-loga-sporta_be444b55580.html. – Data dostupa: 17.02.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.03.2022

УДК 159.923

Светлана Михайловна Ширко*ст. преподаватель каф. социальной и организационной психологии
Белорусского государственного университета***Svetlana Shirko***Senior Lecturer of the Department of Social and Organizational Psychology
at the Belarusian State University
e-mail: svetlanashirko@icloud.com*

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ИНДИВИДОВ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ

Жадность рассматривается как ненасытное желание и неограниченное стремление получать новые блага и нежелание расставаться с накопленными сбережениями, как материальными, так и нематериальными. Противоречивость подходов и неоднозначность в определении психологических индикаторов в изучении данного конструкта и стало основанием для эмпирического исследования личностных детерминант в контексте изучения диспозиционной жадности. В ходе сравнительного анализа были установлены различия в личностных характеристиках у мужчин и женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности. Женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как ненасытность, жадность, собственничество, материализм, альтруизм и невротизм.

Ключевые слова: диспозиционная жадность, ситуативная жадность, ненасытное желание, неограниченное стремление, монетарное поведение, половые различия, личностные характеристики.

Sex Differences in Personal Characteristics of Individuals with a High Level of Dispositional Greed

Greed is seen as an insatiable desire and unlimited desire to receive new benefits and unwillingness to part with accumulated savings, both tangible and intangible. The inconsistency of approaches and ambiguity in the definition of psychological indicators in the study of this construct became the basis for an empirical study of personal determinants in the context of the study of dispositional greed. The comparative analysis revealed differences in personal characteristics between men and women with a high level of dispositional greed. Women with a high level of dispositional greed in comparison with men have higher indicators in such personal characteristics as insatiability, greed, possessiveness, materialism, altruism and neuroticism.

Key words: dispositional greed, situational greed, insatiable desire, unlimited aspiration, monetary behavior, sex differences, personal characteristics.

Введение

Жадность представляет собой достаточно распространенный и значимый социальный феномен, однако до сих пор не получивший должного внимания и разработки в психологической науке. В современных отечественных и зарубежных исследованиях жадность определяется как ненасытное желание и неограниченное стремление получать все больше новых благ и нежелание расставаться с накопленными сбережениями, как материальными, так и нематериальными [1–12; 17]. Обобщив имеющиеся подходы к рассмотрению данного феномена, были определены основные характеристики жадности: ненасытное эгоистичное желание приобрести намного больше, чем есть, независимо от используемых средств; чрезмерное неограниченное стремление к еще боль-

шему количеству доходов и сбережений, нежелание расставаться со всем накопленным; неуверенность в свободном доступе к своим имеющимся ресурсам; всеми средствами сохранение всего того, что имеется; неудовлетворенность от ощущения, что постоянно всего мало и всегда чего-то не хватает; недовольство тем, что никогда не будет достаточно; неспособность быть удовлетворенным.

Традиционно в психологических исследованиях жадность рассматривается с ситуационной точки зрения. Безусловно, практически все люди бывают жадными, однако, некоторые люди, как правило, более мотивированы жадностью, чем другие, проявляют жадное поведение и могут отличаться друг от друга уровнями жадного поведения в определенных ситуациях [4; 5; 10].

Следовательно, жадность можно рассматривать как результат ситуации (эмоциональное состояние) и как устойчивую мотивацию (черту личности). Жадность как эмоция возникает в результате отсутствия или недоступности определенного количества необходимых для удовлетворения потребности предметов или объектов. В этом случае жадность возникает, когда человек сталкивается с чем-то, что желает, но что он не может или ему трудно получить. Ситуативная жадность является избирательной, мотивирована эмоцией страха, может интерпретироваться как один из способов совладания со страхом в ситуациях депривации или фрустрации [6; 11]. Диспозиционная жадность (жадность как устойчивая мотивация) проявляется как ненасытное, эгоистичное желание большего, независимо от используемых средств [5; 10; 12]. Жадность как устойчивая личностная черта проявляется по отношению к любым предметам или объектам независимо от ситуации и может быть активирована ситуационными характеристиками [4; 10].

Для системного и целостного исследования диспозиционной жадности следует определить ее психологические детерминанты. Согласно данным ранее проведенных исследований жадности как устойчивой мотивации [3–5; 12] личностными факторами могут выступать: материализм, зависть, эгоизм, собственничество, ненасытность, скупость, невротизм и психотизм.

Материализм мы рассматриваем как индивидуально-психологическое свойство, которое проявляется в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах. Материализм как центральная диспозиция личности проявляется во вторичных диспозициях – жадности, зависти, собственничестве и накопительстве [7].

Зависть как отношение к достижениям или успеху другого акцентирует внимание на получении того, что есть у других людей [1; 10; 14]. Она может быть предиктором жадности, т. к. люди с высоким уровнем жадности концентрируются только на себе и особенно внутри себя [4; 9; 12].

Диспозиционная жадность может выступать как фундаментальная мотивация

эгоистичных людей: жадные люди сосредотачиваются только на себе, с ограниченным вниманием к тому, что может понадобиться окружающим [5; 9]. Эгоизм или личный интерес может проявляться как рациональная мотивация для преумножения собственных доходов и достижений [10; 15].

Собственничество может рассматриваться как сильная корыстная привязанность, которая доставляет удовольствие и наслаждение [7; 8]. Проявлением собственничества является накопительство как поведенческая тенденция к накоплению и сохранению и материальных и нематериальных благ.

Ненасытность человека приобретать что-либо является определяющим элементом жадности. Ненасытность как неспособность обуздать свои желания и стремления к наслаждениям, проявлять крайнюю неудовлетворенность достигнутым, склонность постоянно испытывать голод чувств и ума [1]. Одержимость чрезмерным стремлением и желанием накоплений является характерной особенностью жадного поведения. У ненасытного человека доминирует страстное, непреодолимое желание, которое никогда невозможно удовлетворить [5; 8].

Скупость как форма проявления жадности характеризуется сосредоточенностью человека на удержании материальных благ, чрезмерной бережливостью, ориентацией на накопленные материальные блага. Скупой человек тревожится об уменьшении расходов, стремится ничего не отдавать из уже имеющегося и потратить как можно меньше, присутствует особый «страх потери» [2; 5]. Проявлением скупости является накопительство как поведенческая тенденция к сохранению и накоплению материальных и нематериальных благ [8].

Невротизм определяется уровнем тревожности, возбудимости, впечатлительности и эмоциональной зрелости [16]. Проявляется как неуверенность в себе, нерешительность, неспособность преодолевать трудности, раздражительность, склонность к колебаниям настроения.

Психотизм характеризуется замкнутостью, отчужденностью от среды, недоступностью для общения с другими, впечатлительностью, наличием внутренних конфликтов, постоянное напряжение и возбуж-

дение вне зависимости от степени напряженности реальной ситуации [16].

Противоречивость подходов и неоднозначность в определении психологических индикаторов в изучении данного конструкта и стало основанием для эмпирического исследования личностных детерминант в контексте изучения диспозиционной жадности. Данная работа направлена на установление половых различий в личностных характеристиках у мужчин и женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности.

В качестве методологических оснований исследования были определены:

1. Модель личностных диспозиций Г. Олпорта, в которой диспозиции есть черты личности, образующие комплекс predisposedness к определенной реакции субъекта на внешнюю среду. Это такие уникальные индивидуальности поведения личности, которые стабильны во времени и по отношению к различным ситуациям, они всегда присутствуют и регулярно повторяются [17].

2. Подход к изучению жадности и жадного поведения Ю. В. Щербатых, в рамках которого жадность рассматривается как чрезмерное стремление получать все больше новых благ и нежелание расставаться с накопленным богатством. Жадность как черта личности проявляется в разных стилях и стратегиях по отношению к добыванию и трате денег [2; 8].

3. Подходы к исследованию диспозиционной жадности P. Mussel, L. Veselka, G. Krekels, M. Pandelaere, T. Seuntjens, согласно которым центральным конструктом жадности как личностной черты является чрезмерное и ненасытное желание большего, а также представление, что жадность может фокусироваться на нескольких типах желаний: материальных и нематериальных [3–5; 12].

Организация и методы исследования

В исследовании приняло участие 398 респондентов (188 мужчин и 210 женщин) в возрасте от 24 до 67 лет (средний возраст 45,5 года). В качестве инструментария были использованы следующие методики:

1. «Шкала диспозиционной жадности» (ШДЖ), разработанная И. А. Фурмановым и С. М. Ширко [17], измеряющая

уровень выраженности диспозиционной жадности.

2. Опросник «Алчность» (А), разработанный Ю. Щербатых [8]. Методика определяет алчность как форму проявления жадности. Опросник включает две шкалы: «Скупость – щедрость» (СЩ) и «Ненасытность – неприязнательность» (НН). Сумма баллов по двум шкалам свидетельствует об уровне жадности как устойчивой диспозиции.

3. «Опросник измерения монетарных аттитюдов В. Klontz и Т. Klontz» в адаптации Д. А. Баязитовой, Т. А. Лапшовой [18]. Методика состоит из четырех шкал: «Избегание денег» (ИД), «Деньги как статус» (ДС), «Поклонение деньгам» (ПД) и «Обеспокоенность деньгами» (ОД). Опросник направлен на выявление монетарных аттитюдов как материальной составляющей диспозиционной жадности.

4. «Опросник диспозиционного материализма» (ОДМ) [7], разработанный К. В. Карпинским и Н. В. Кисельниковой (Волковой), который диагностирует материализм как индивидуально-психологическое свойство, проявляющееся в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах. Опросник представлен в четырех шкалах: «Жадность» (Ж), «Зависть» (З), «Собственничество» (С) и «Общий материализм» (ОБМ)».

5. Шкала «Альтруизма – эгоизма» (в составе «Методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере», разработанной О. Ф. Потемкиной) [19], которая позволяет определить ориентацию личности на альтруистические (А) или эгоистические (Э) ценности.

6. Шкала «Невротизма – психотизма» (в составе «Психодиагностического теста (ПДТ)» В. М. Мельникова, Л. Т. Ямпольского) [16]. Шкала невротизма (Н) предназначена для измерения уровня невротизации и фиксирует уровень тревожности и эмоциональной зрелости. Шкала психотизма (П) диагностирует степень психической адекватности личности: возбудимость, впечатлительность, уровень напряжения и возбуждения вне зависимости от степени напряженности реальной ситуации.

Подобранный инструментарий и использованные в методиках показатели измеряют психологические свойства и состояния личности, которые выступают предикторами диспозиционной жадности.

Разбивка респондентов по уровням выраженности диспозиционной жадности осуществлялась с помощью метода Р. Кеттела. Статистическая обработка производилась с помощью программы SPSS Statistics

13.0, которая включала сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ полученных данных позволил выявить половые различия в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем диспозиционной жадности.

Таблица. – Личностные характеристики мужчин и женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности

Показатель	Женщины		Мужчины		t-критерий	Достоверность различий, p
	M	SD	M	SD		
Щедрость	3,87	1,69	4,08	1,92	-1,177	0,199
Ненасытность	3,91	2,15	3,10	1,98	3,905	p < 0,001
Алчность	7,78	3,12	7,18	3,19	1,896	0,059
Избегание денег	22,46	7,66	23,81	8,33	-1,687	0,092
Деньги как статус	16,78	5,39	16,55	5,96	0,400	0,689
Поклонение деньгам	20,67	5,60	21,22	6,10	-0,940	0,348
Обеспокоенность деньгами	24,06	5,39	23,29	5,69	1,394	0,164
Жадность	7,52	2,23	6,85	2,19	3,030	0,003
Зависть	4,69	1,78	4,40	1,67	1,679	0,094
Собственничество	8,15	2,22	7,70	2,21	2,002	0,046
Общий материализм	20,36	4,43	18,95	4,49	3,141	0,002
Альтруизм	5,63	2,21	4,83	2,31	3,519	p < 0,001
Эгоизм	3,30	1,83	3,48	1,86	-0,994	0,321
Невротизм	6,02	2,35	4,50	2,29	6,525	p < 0,001
Психотизм	3,40	2,14	3,29	2,05	0,510	0,610

Примечание – M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Было установлено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по такой личностной характеристике, как ненасытность: M = 3,91, SD = 2,15 при p < 0,001 (таблица). Можно предположить, что для женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами характерно ненасытное желание приобретать намного больше, чем у них есть. У них присутствует постоянное желание приобретать что-то ценное, причем это не зависит от используемых для этого средств. Это связано с нежеланием расставаться с накопленным богатством (сбережения, имущество, накопления, владения). Сюда относятся как материальные (деньги, богатство, одежда и др.), так и нематериальные ценности (власть, статус, слава, знания и др.). Это ненасытное стремление сопровождается неудовлетворенностью от ощущения, что всегда чего-то не хватает и недовольством, что никогда не

будет достаточно. Следует констатировать, что женщин с высоким показателем ненасытности отличает неспособность быть удовлетворенной.

Результаты сравнительного анализа позволили обнаружить половые различия по показателю жадность. Было обнаружено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами обладают более высоким показателем жадности: M = 7,52, SD = 2,23 при p = 0,003 (таблица). У женщин проявляется неограниченное стремление приобрести и получить для себя как можно больше, причем стремясь совсем не тратиться или потратить как можно меньше. Они чаще избегают расходов, стараются все продумать на несколько шагов вперед, однако не способны обуздать свои желания и потребности, отличаются эмоциональной скупостью.

Полученные результаты можно объяснить наличием у женщин таких черт личности, как расчетливость, практичность, бе-

режливость. По результатам исследований Ю. В. Щербатых было установлено, что уровень жадности у женщин выше, чем у мужчин, и связан с особенностями личности [2].

Было выявлено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по такой личностной характеристике, как собственничество: $M = 8,15$, $SD = 2,22$ при $p = 0,046$ (таблица). Можно предположить, что женщины отличаются склонностью завладеть, обладать, распорядиться, приобретать что-либо именно в собственность и отстаивать свое право на владение этой собственностью разными способами. Обладание является основным мотивом их жизни. Для женщин также характерно стремление сохранять определенную власть и контроль над другими. Они испытывают сильную, зачастую корыстную привязанность к кому-то или чему-то, к своим привычкам или желаниям, чаще всего это доставляет им удовольствие и наслаждение. Полученные выводы согласуются с результатами исследования К. В. Карпинского [7], в рамках которого было установлено, что женщины превосходят мужчин по уровню собственничества.

Сравнительный анализ также позволил выявить, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по общему материализму: $M = 20,36$, $SD = 4,43$ при $p = 0,002$ (таблица). Следует констатировать, что у женщин отмечается высокая предрасположенность наделять значимостью материальную сторону своей жизни (имущество, деньги и др.), материализации (овеществлению) приобретенного опыта (впечатлений, воспоминаний) и склонность действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах.

Было установлено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по такой личностной характеристике, как альтруизм: $M = 5,63$, $SD = 2,21$ при $p < 0,001$ (таблица). Полученные результаты можно объяснить наличием у женщин бескорыстной заботы о благополучии других, чаще всего свои интересы и выгоды они могут с легкостью приносить в пользу блага определенного человека, нес-

кольких людей и в целом – ради общего блага. Женщины в отличие от мужчин «живут для других» и часто совершают альтруистические поступки на пользу другим.

Результаты сравнительного анализа позволили обнаружить половые различия по показателю «невротизм». Было обнаружено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по шкале невротизма: $M = 6,02$, $SD = 2,35$ при $p < 0,001$ (таблица). Можно предположить, что выраженность данной характеристики у женщин обусловлена высоким уровнем тревожности, постоянной напряженностью, эмоциональной неустойчивостью, чувством беспокойства и боязливости, склонностью к сомнениям, нерешительностью. Данные результаты могут объясняться тем, что женщины в отличие от мужчин более чувствительны, впечатлительны и легко ранимы. Они характеризуются неуверенностью в своих силах, педантичностью, аккуратностью и обязательностью, их отличает достаточно высокое чувство долга и ответственности. Полученные выводы согласуются с результатами исследований К. В. Карпинского [7], в рамках которых было установлено, что сопутствующей материализму чертой личности выступает нейротизм. По результатам проведенного исследования Е. А. Соколович [20], у девушек также выше показатели невротизма, впечатлительности, психической неуравновешенности. Можно предположить, что выраженность данной характеристики обусловлена, скорее, половой принадлежностью.

В ходе проведенного исследования не установлено половых различий по показателям монетарных аттитюдов как материальной составляющей диспозиционной жадности: избегание денег, деньги как статус, поклонение деньгам, обеспокоенность деньгами. Полученные результаты позволяют констатировать, что денежные установки как материальная составляющая диспозиционной жадности в одинаковой мере выражены как у мужчин, так и у женщин. Мужчины и женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности избегают вопросов, связанных с деньгами, что может проявляться в нежелании тратить деньги даже на необходимые покупки и критически относиться к

разного рода финансовым сделкам. Они полагают, что люди делятся в зависимости от их социально-экономического статуса и по тому, сколько они зарабатывают, можно определить, успешный перед нами человек или нет. Мужчины и женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности убеждены в том, что все проблемы решаются с помощью денег, характеризуются высоким уровнем накопительства и недоверия к финансовым институтам, у них присутствует страх потерять свои накопления.

Полученные данные не согласуются с результатами исследований Д. А. Баязитовой и Т. А. Лапшовой [18], в ходе которых были установлены половые различия по показателям «поклонение деньгам» и «деньги как статус», что может быть обусловлено особенностями традиционных представлений о мужских и женских обязанностях, где основной заработок – это, как правило, прерогатива мужчин.

Сравнительный анализ полученных данных не выявил половых различий по таким личностным характеристикам, как щедрость, алчность, зависть, эгоизм, психотизм. Отсутствие различий можно объяснить тем, что выраженность таких черт личности, как алчность, зависть, психотизм, щедрость, эгоизм, не определяется половой принадлежностью.

Полученные результаты не находят подтверждения среди других отечественных и зарубежных исследований, т. к. комплексного изучения личностных предикторов диспозиционной жадности не проводилось.

Заключение

В результате проведенного сравнительного анализа были получены следующие результаты: женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении

с мужчинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как ненасытность, жадность, собственничество, материализм, альтруизм и невротизм. Для женщин характерно ненасытное желание приобретать намного больше, чем у них есть, их отличает неспособность быть удовлетворенным. У женщин проявляется неограниченное стремление получить для себя как можно больше, они не способны обуздать свои желания и потребности. Женщины отличаются склонностью завладеть, обладать, распоряжаться, приобретать что-либо именно в собственность и отстаивать свое право на владение этой собственностью разными способами. У них отмечается высокая предрасположенность наделять значимостью материальную сторону своей жизни. В то же время у женщин присутствует бескорыстная забота о благополучии других, свои интересы и выгоды они могут с легкостью приносить в пользу блага определенного человека, нескольких людей и в целом – ради общего блага. Женщины в сравнении с мужчинами характеризуются высоким уровнем тревожности, напряженностью, эмоциональной неустойчивостью, чувством беспокойства и боязливости, склонностью к сомнениям, нерешительностью.

Полученные результаты позволяют изучить склонность к жадности и предрасположенность к монетарному и коррупционному поведению у мужчин и женщин и определить пути их коррекции. Изучение личностных характеристик в контексте исследования диспозиционной жадности является важным фактором для совершенствования практической работы психолога, построения программ индивидуальной и групповой психокоррекционной работы с «жадными» клиентами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 208 с.
2. Щербатых, Ю. В. Психология жадности / Ю. В. Щербатых // Социально-экономические, правовые и общенаучные аспекты модернизации российской экономики. – Воронеж : ВФ МГЭИ, 2011. – С. 215–218.
3. Veselka, L. The Dark Triad and the seven deadly sins / L. Veselka, E. A. Giammarco, P. A. Vernon // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 67. – P. 75–80.
4. Dispositional greed / T. G. Seuntjens [et al.] // Journ. of Personality and Social Psychology. – 2015. – Vol. 108, nr 6. – P. 917–933.

5. Krekels, G. Dispositional greed / G. Krekels, M. Pandelaere // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 74. – P. 225–230.
6. Фурманов, И. А. Феномен жадности: психологическая трактовка / И. А. Фурманов // *Психологический Vademesum. Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход : сб. науч. ст. – Витебск : ВГУ, 2019. – С. 42–46.*
7. Карпинский, К. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова) // *Психол. журн.* – 2019. – Т. 40, № 1. – С. 104–117.
8. Щербатых, Ю. В. Семь смертных грехов, или Психология порока / Ю. В. Щербатых. – М. : АСТ, 2010. – 480 с.
9. Balot, R. K. Greed and injustice in classic Athens / R. K. Balot. – Princeton : Princeton University Press, 2001. – 158 p.
10. Seuntjens, T. G. The psychology of greed [Electronic resource] / T. G. Seuntjens. – Mode of access: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/13518221/Seuntjens_Psychology_21_10_2016.pdf. – Date of access: 10.05.2019.
11. Фурманов, И. А. Аффективно-динамическая теория адаптации / И. А. Фурманов // *Вестн. БГУ. Сер. 3, Психология.* – 2001. – № 3. – С. 42–47.
12. The convergent validity of five dispositional greed scales / P. J. Mussel [et all.] // *Personality and Individual Differences*. – 2018. – Vol. 131. – P. 249–253.
13. Фурманов, И. А. Разработка шкалы диспозиционной жадности / И. А. Фурманов, С. М. Ширко // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология.* – 2020. – № 3. – С. 78–86.
14. Бескова, Т. В. Зависть: психологическая картина и методы диагностики / Т. В. Бескова. – Саратов : Наука, 2011. – 76 с.
15. Муздыбаев, К. Эгоизм личности / К. Муздыбаев // *Психол. журн.* – 2000. – Т. 21, № 2. – С. 26–39.
16. Мельников, В. М. Введение в экспериментальную психологию личности / В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский. – М. : Просвещение, 1985. – 319 с.
17. Олпорт, Г. Становление личности. Избранные труды : пер. с англ. / Г. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.
18. Баязитова, Д. А. Адаптация опросника монетарных аттитюдов В. и Т. Клонц на русскоязычной выборке / Д. А. Баязитова, Т. А. Лапшова // *Петерб. психол. журн.* – 2017. – № 19. – С. 112–132.
19. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М, 2001. – 672 с.
20. Соколович, Е. А. Половые различия в личностных характеристиках у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней зрелости / Е. А. Соколович // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология.* – 2020. – № 1. – С. 102–106.

REFERENCES

1. Il'in, Ye. P. Psikhologija zavisti, vrazhdiebnosti, tshchieslavija / Ye. P. Il'in. – SPb. : Pitier, 2014. – 208 s.
2. Shchierbatykh, Yu. V. Psikhologija zhadnosti / Yu. V. Shchierbatykh // *Social'no-ekonomichieskije, pravovyje i obshchienauchnyje aspiekty modernizacii rossijskoj ekonomiki.* – Voroniez : VF MGEI, 2011. – S. 215–218.
3. Veselka, L. The Dark Triad and the seven deadly sins / L. Veselka, E. A. Giammarco, P. A. Vernon // *Personality and Individual Differences*. – 2014. – Vol. 67. – P. 75–80.
4. Dispositional greed / T. G. Seuntjens [et all.] // *Journ. of Personality and Social Psychology*. – 2015. – Vol. 108, nr 6. – P. 917–933.
5. Krekels, G. Dispositional greed / G. Krekels, M. Pandelaere // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 74. – P. 225–230.
6. Furmanov, I. A. Fienomien zhadnosti: psikhologichieskaja traktovka / I. A. Furmanov // *Psikhologichieskij Vademesum. Psikhologichieskaja fienomienologija v obrazovatel'noj sriedie: mul'tidisciplinarnyj podkhod : sb. nauch. st. – Vitebsk : VGU, 2019. – S. 42–46.*

7. Karpinskij, K. V. Oprosnik dispozicionnogo materializma (ODM): konceptual'nyje osnovy i psichometričieskaja razrabotka / K. V. Karpinskij, N. V. Kisiel'nikova (Volkova) // *Psichol. zhurn.* – 2019. – T. 40, № 1. – S. 104–117.
8. Shchierbatykh, Yu. V. Siem' smiertnykh griekhov, ili Psikhologija poroka / Yu. V. Shchierbatykh. – M. : AST, 2010. – 480 s.
9. Balot, R. K. Greed and injustice in classic Athens / R. K. Balot. – Princeton : Princeton University Press, 2001. – 158 p.
10. Seuntjens, T. G. The psychology of greed [Electronic resource] / T. G. Seuntjens. – Mode of access: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/13518221/Seuntjens_Psychology_21_10_2016.pdf. – Date of access: 10.05.2019.
11. Furmanov, I. A. Affiektivno-dinamichieskaja teorija adaptacii / I. A. Furmanov // *Viestn. BGU. Sier. 3. Psikhologija.* – 2001. – № 3. – S. 42–47.
12. The convergent validity of five dispositional greed scales / P. J. Mussel [et all.] // *Personality and Individual Differences.* – 2018. – Vol. 131. – P. 249–253.
13. Furmanov, I. A. Razrabotka shkaly dispozicionnoj zhadnosti / I. A. Furmanov, S. M. Shirko // *Zhurn. Bielorus. gos. un-ta. Filosofija. Psikhologija* – 2020. – № 3. – S. 78–86.
14. Bieskova, T. V. Zavist': psikhologichieskaja kartina i mietody diagnostiki / T. V. Bieskova. – Saratov : Nauka, 2011. – 76 s.
15. Muzdybajev, K. Egoizm lichnosti / K. Muzdybajev // *Psichol. zhurn.* – 2000. – T. 21, № 2. – S. 26–39.
16. Miel'nikov, V. M. Vviedienije v ekspierimental'nuju psikhologiju lichnosti / V. M. Miel'nikov, L. T. Yampol'skij. – M. : Prosvieshchienije, 1985. – 319 s.
17. Olport, G. Stanovlienije lichnosti. Izbrannyje trudy : pier. s angl. / G. Olport. – M. : Smysl, 2002. – 462 s.
18. Bajazitova, D. A. Adaptacija oprosnika monietarnykh attitudov B. i T. Klonc na russkojazyčnoj vyborkie / D. A. Bajazitova, T. A. Lapshova // *Pietierb. psichol. zhurn.* – 2017. – № 19. – S. 112–132.
19. Rajgorodskij, D. Ya. Praktichieskaja psikhodiagnostika. Mietodiki i testy : uchieb. posobije / D. Ya. Rajgorodskij. – Samara : BAKhRAKh-M., 2001. – 672 s.
21. Sokolovich, Ye. A. Polovyje razlichija v lichnostnykh kharakteristikakh u individov s raznymi urovniami i vidami pierfiekcionizma v pieriod ranniej vzroslosti / Ye. A. Sokolovich // *Zhurn. Bielorus. gos. un-ta. Filosofija. Psikhologija.* – 2020. – № 1. – S. 102–106.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.03.2022

УДК 159.9

Татьяна Вячеславовна Парфенова*магистр психологии, преподаватель каф. экспериментальной и прикладной психологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***Tatiana Parfyonova***Master of Psychology, Teacher at the Department of Experimental and Applied Psychology Department
of the Yanka Kupala State University of Grodno**e-mail: Parfenova_TV@grsu.by*

НАРРАТИВЫ КОСВЕННЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ О ПЕРЕЖИВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена проблематике переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями. Косвенные свидетели – это люди, которые лично не присутствовали при свершении события, но узнали о нем из разных источников информации. Изложены результаты ретроспективного исследования, проводимого спустя 8 лет после события. Представлен феноменологический анализ 8 нарративов косвенных свидетелей теракта в минском метро. В идейном содержании рассказов респондентов автором определены две исходные темы для анализа: тема переживаний на момент, когда респондент впервые узнал о событии и тема переживаний теракта в настоящее время. На основе анализа каждой темы выделены базовые категории, позволяющие описать общую феноменологию, механизмы и закономерности переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями. В заключении демонстрируется общая картина переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями, описана научная новизна и практическая значимость исследования.

Ключевые слова: феноменологический анализ, террористический акт, экстремальное событие, косвенные свидетели.

Narratives of Indirect Witnesses about Experiencing a Terrorist Attack: a Phenomenological Analysis

The article is devoted to the problem of experience of the terrorist act in the Minsk metro by indirect witnesses. Indirect witnesses are people who were not personally present at the event, but learned about it indirectly from various sources of information. The results of a retrospective study conducted 8 years after the event are described. Phenomenological analysis of 8 narratives of indirect witnesses of the terrorist attack in the Minsk metro is presented. In the ideological content of the respondents' stories, the author identified two initial themes for analysis: 1) the theme of experience at the time when the respondent first learned about the event and 2) the theme of experience of the terrorist attack in the present tense. On the basis of the analysis of each theme, basic categories are highlighted, allowing to describe the general phenomenology, mechanisms and patterns of experience of the terrorist attack in the Minsk metro by indirect witnesses. In the conclusion, a general picture of the experience of the terrorist attack in the Minsk metro by indirect witnesses is shown, describes the scientific novelty and the practical significance of the study.

Key words: phenomenological analysis, terrorist act, extreme event, indirect witnesses.

Введение

Проблема изучения личного опыта переживания террористического акта косвенными свидетелями приобрела свою актуальность сравнительно недавно – после крупнейшего в современной истории террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. (теракт 9/11). Тогда ученые впервые обратили внимание на то, что люди, которые непосредственно не присутствовали на месте происшествия и находились далеко от эпицентра событий, жаловались на ухудшение своего самочувствия в связи с терактом 9/11, испытывали все при-

знаки ПТСР, симптомы которого сохранялись у них в течение длительного времени после трагедии [1]. Кроме того, результаты методологически различных, но общих по дизайну лонгитюд – исследований психологических последствий терактов – не только подтверждают актуальность изучения феноменологии переживания терактов его косвенными свидетелями [1–3], но и конкретизируют перспективу дальнейшего эмпирического исследования данной проблематики – изучение феноменологии переживания террористического акта его косвенными свиде-

телями в ретроспективе, т. е. спустя длительное время после события.

Статья посвящена описанию результатов ретроспективного эмпирического изучения личного опыта переживания террористического акта косвенными свидетелями (на материале теракта в минском метро).

Террористический акт в минском метро, произошедший 11 апреля 2011 г., стал одним из значимых общественно-исторических событий в новейшей истории Беларуси. С учетом исторической значимости, критичности и экстремальности события, а также результатов предшествующего эмпирического исследования, подтверждающего сохранность личностного смысла террористического акта в минском метро у косвенных свидетелей даже спустя годы после происшествия [4; 5], *задача настоящего исследования – изучить феноменологию переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями на основании их рассказов*. Представленные в статье материалы являются логическим продолжением ранее опубликованного исследования «Феноменология переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями» [6], что в совокупности составляет количественно-качественную методологию изучения заявленной проблемы. Стоит отметить, что в настоящей работе понятие «переживание» рассматривается в значении, которым оно наделяется в русле феноменологического подхода: что человек действительно испытал вне зависимости от того, что реально с ним происходило, как испытываемое субъектом эмоционально окрашенное состояние и явление действительности, непосредственно представленное в его сознании и выступающее для него событием собственной жизни [7].

Организация исследования

Исследование «феноменологии переживания» – это всегда исследование детализированного описания личного опыта переживания и проживания определенного явления конкретным человеком в максимальном приближении к тому, как оно непосредственно представлено в его сознании. По этой причине исследовательское интервью и его последующий феноменологический анализ выступили основными методами сбора и обработки эмпирических данных.

Исследовательское интервью проводилось в 2019 г., спустя 8 лет после террористического акта в минском метро. Участниками исследования стали 8 косвенных свидетелей данного события, которые либо сами могли стать жертвой теракта, либо хорошо знакомы как минимум с одним человеком, который имел риск стать жертвой теракта. Выборка исследования гетерогенна по социально-демографическим признакам, сведения о респондентах указаны на момент проведения интервью:

Респондент 1 (P1) – женщина, 50 лет, образование высшее, замужем, имеет двоих совершеннолетних детей, на момент события и на момент проведения интервью жительница районного центра в Могилевской области.

Респондент 2 (P2) – женщина, 50 лет, образование высшее, замужем, имеет двоих совершеннолетних детей, на момент события и на момент проведения интервью жительница районного центра в Могилевской области.

Респондент 3 (P3) – мужчина, 28 лет, образование высшее, холост, детей не имеет, коренной житель г. Минска.

Респондент 4 (P4) – мужчина, 28 лет, образование высшее, холост, детей не имеет, на момент события студент столичного вуза, житель г. Минска, на момент проведения интервью житель районного центра в Могилевской области.

Респондент 5 (P5) – мужчина, 28 лет, образование высшее, женат, детей не имеет, уроженец города областного подчинения в Брестской области, на момент события и на момент проведения интервью житель г. Минска.

Респондент 6 (P6) – женщина, 28 лет, образование высшее, не замужем, детей не имеет, на момент события студентка одного из университетов в Брестской области, житель города областного подчинения в Брестской области, на момент проведения интервью жительница г. Минска.

Респондент 7 (P7) – женщина, 27 лет, образование высшее, не замужем, детей не имеет, на момент события жительница районного центра в Брестской области, на момент проведения интервью жительница г. Гродно.

Респондент 8 (P8) – женщина, 27 лет, образование высшее, замужем, детей не

имеет, уроженка районного центра в Могилевской области, на момент события и на момент проведения интервью жительница г. Минска.

Все участники интервью сотрудничали на добровольных основаниях с согласием на ведение диктофонной записи. Респондентам предъявлялась следующая инструкция: «Вспомните и опишите свои переживания по поводу террористического акта в минском метро на тот момент, когда Вы впервые узнали о событии вплоть до сегодняшнего дня». Ответ респондента изначально записывался на диктофон, после чего осуществлялась дословная расшифровка диктофонной записи. Все участники исследования были проинформированы в устной форме интервьюером, что по завершении беседы, за пределами диктофонной записи, они будут иметь возможность поднять тревожащие их вопросы по поводу психологических аспектов переживания террористического акта, а также, при необходимости, получить психологическую консультацию.

После расшифровки диктофонной записи алгоритм феноменологического анализа включал в себя следующую последовательность действий [7; 8]:

1) первичное прочтение протоколов интервью с выделением содержаний, которые по усмотрению исследователя отражают те или иные аспекты процесса переживания, выступают свидетельством наличия личностного смысла события или личностных изменений косвенных свидетелей террористического акта;

2) кодировка выделенных содержаний с целью их упрощения и уточнения в более емких и строгих описательных терминах;

3) выделение базовых категорий по принципу объединения близких по смыслу кодовых утверждений;

4) интерпретация базовых категорий, отражающих общую картину переживания косвенными свидетелями террористического акта в минском метро.

Результаты и их обсуждение

Поскольку содержание основного вопроса исследовательского интервью задает две исходные темы: «Переживания на момент, когда респондент впервые узнал о событии» и «Переживания теракта в нас-

тоящее время (на момент проведения интервью)», – то весь алгоритм феноменологического анализа применялся отдельно для каждой темы.

Анализ темы «Переживания на момент, когда респондент впервые узнал о событии». Содержание этой темы достаточно разнообразно и раскрывается пятью базовыми категориями: «эмоциональная реакция на событие», «неопределенность и непредсказуемость события», «поиск информации», «сопереживание жертвам», «изменение поведения».

«Эмоциональная реакция на событие». Описывая свои переживания по поводу теракта, косвенные свидетели наиболее часто упоминали **чувство страха и ужаса**: «Как-то очень даже страшно было и как-то много было переживаний... это очень страшная трагедия» (P1). «Трясло непонятно как, это было такое переживание... и, короче, очень страшно, очень страшно, очень переживательно это было все» (P2). «Меня как-то это разволновало, я переживала... в тот момент был такой приступ небольшой страха, ну, кратковременный, потому что как бы меня это не коснулось, я это быстро прожила и все, и отпустила» (P6). «Просто, вот, сел не в тот поезд, вот если бы он сел в следующий – это бы настигло его там, сколько там разница, что там 5–7 минут. Короче, страшно» (P7). «Естественно, первое – это был ужас и мысли о том, что если бы еще 5 минут мы где-то задержались и не подбежали где-то на автобус, то как раз в этот момент мы именно приехали бы на станцию в момент взрыва. Когда стали узнавать подробности о данной трагедии, естественно, все больше входили в ужас» (P8).

Все перечисленные высказывания были озвучены женщинами, что характеризует их как более эмоционально уязвимых к подобного рода трагедиям в сравнении с мужчинами, которые описали свои эмоциональные состояния как **легкое беспокойство**: «Но было, да, беспокойство, такое легкое, не могу сказать, что вообще волновался, места себе не находил, ну, такое, да, было беспокойство за этих людей, ну, я только вечером узнал, что все в порядке, все живы, здоровы... Отнесся я к этому, не скажу, что мне было страшно в метро потом ездить, нет, спокойно езжу, просто отно-

шусь к этому из разряда “там на нас метеорит может упасть”» (P3). «Все были обеспокоены, у всех была тема для разговора только одна» (P4).

«Неопределенность и непредсказуемость события». Независимо от интенсивности переживаемых эмоций косвенными свидетелями по поводу террористического акта, в протоколах часто встречались указания на **недопонимание происшествия, его неожиданность** и **то, что в это было сложно поверить**: «Но сначала было непонятно, что это было такое, теракт это или просто взрыв, или еще где-то что-то, поэтому несколько были в замешательстве» (P1). «Ну никто не мог поверить, я в том числе не понимал: что, что это такое? Что случилось?.. Никто толком не понимал, знали только, что что-то случилось... Ну, в Минске все спокойно, тихо обычно, что-то взорвалось, причем это не какой-то там, отмечалось, как э-э-э, ну, несчастный случай, а именно как террористическая атака, т. е. ну, именно целенаправленный взрыв, вот это вообще никак не укладывалось в голове» (P3). «И у всех очень были удивленные лица, возникло смятение, внутренняя пустота образовалась какая-то... На улицах были толпы людей, у которых были растерянные лица, вот это все было очень как-то грустно и немножко непонимание, как такое могло произойти» (P4).

«Поиск информации». Во всех протоколах интервью после описания своих чувств по поводу теракта упоминается такой вариант действий, как **звонки родственникам, друзьям** для уточнения, есть ли жертвы или пострадавшие среди них: «Сразу у родственников начали спрашивать, все ли живы, все ли здоровы, вот, где кто находится» (P1). «Первое мое было сразу действие – это позвонить дочери, потому что она находится в Минске и тогда она была студенткой. Потом стала уже узнавать о других случаях, даже в нашем городе уже узнала, что туда попали люди из нашего города, и как бы ну очень переживали и плакали» (P2). «Пытались звонить, но связь сначала еще была, но потом все пропало, сеть мобильная “легла”. Начал вспоминать, кто там у меня пользуется метро, этой станцией, и пытался узнать, что с этими людьми, ну, это мои родные, близкие мне люди, опять-таки дозвониться не мог» (P3).

«Как-то родственница или мама одного из друзей, она как-то дозвонилась и сказала, что по телевизору уже взрыв произошел в метро. Потом уже стали как-то поступать звонки от родителей, которые интересовались, где я, как я и вообще, вот» (P4). «Ну, все начали звонить своим родственникам, я тоже тете начал звонить, но связь не работала, поэтому я написал СМС, чтобы тетя перезвонила, как только получится» (P5). «О террористическом акте я узнала от родителей, они мне позвонили. В тот момент я находилась в г. Барановичи, естественно, я там и была, но родители все-равно, увидев информацию по новостям, запереживали... Вспоминала, есть ли какие-то мои друзья, знакомые, там, или родственники, которые планировали поехать туда, в Минск, могли ли они быть в тот момент там, писала, уточняла, все ли хорошо, все ли в порядке» (P6). «Я схватила телефон в руку, у меня в голове сразу 5–7 имен, вот и я просто не знала, кому звонить в первую очередь, ну, позвонила лучшей подруге, т. е. первой. Она быстро взяла трубку, сообщила, что с ней все хорошо, ну, я так, может, она знает про остальных что, она говорит: “Ну, я кому успела позвонить, с нашими все нормально, вот”. Я потом начала обзванивать других по телефону, конечно же, очень переживая, ну, потому что не дай Бог» (P7). «Сразу звонили родные, с вопросами, все ли с нами хорошо» (P8).

Другой часто упоминаемой реакцией стал **просмотр новостей (телевизор, сайты, форумы)** с целью разузнать подробности трагедии: «Начали смотреть по телевизору, что там происходит, как там происходит, как люди друг другу помогали, выносили, такси подвозили людей бесплатно, ну, там, там ужас что было – много крови, люди, порезанные, побитые» (P1). «Каждый день буквально после этого мы смотрели буквально все, которые нам возможно было посмотреть, выпуски, выпуск новостей, любые, вот, эти подробности» (P2). «Начали разбираться, там, в Интернете, ну, и на сайтах, на форумах, пытались ребята получить информацию какую-то» (P3).

«Сопереживание жертвам». Тема сопереживания жертвам теракта в воспоминаниях, относящихся к моменту «первого впечатления», поднимается в рассказах тех косвенных свидетелей, которые лично зна-

комы с жертвами или пострадавшими от трагедии, и уточняется выражениями: **«Жалко людей», «Их никто не забыл, их все помнят»:** «Было жалко людей, страшно было на это смотреть... Туда попали люди из нашего города и как бы ну очень переживали и плакали» (P2). «Потом впоследствии я узнал, что там погиб мой хороший знакомый Юра, вот, и тогда как-то было непонимание, потому что буквально неделю назад с ним виделся и уже все, человека больше нет» (P4).

«Изменение поведения». В рассказах испытуемых, проживающих на момент происшествия в г. Минске, присутствуют темы **«Избегание метро»** и **«Рост бдительности»**, свидетельствующие об актуализации страха стать жертвой теракта: «Пришло время возвращаться домой, я пошел пешком, я не поехал ни на автобусе, ни на метро, не помню, тогда сделали – не сделали, сделали, по-моему. Я пошел пешком, от Петруся Бровка до диспетчерской станции “Дружная”, там уже на тралик сел и поехал. Была тревога, поэтому на метро я не пошел» (P5). «Люди, окружающие смотрели на тебя с опаской, все смотрели, чтоб все следили за своими вещами, чтобы ничего не оставалось и т. д. Все как бы на страже были» (P4). «В метро в первые дни чувствовался, ну, от людей страх, было жутко, особенно на данной станции, когда проезжали. Да даже в первое время в метро, естественно, стало меньше людей, это было ощутимо, все ездили на наземном транспорте, большинство людей» (P8).

Анализ темы «Переживание теракта в настоящее время». Содержание темы переживания теракта в настоящее время (на момент проведения исследования, спустя 8 лет после события) несколько отличается от переживания «первого впечатления» и представлена четырьмя базовыми категориями: **«негативный личностный смысл события»**, **«сопереживание жертвам теракта»**, **«переживание террористической угрозы»** и **«переосмысление жизни»**.

«Негативный личностный смысл события». Данная категория объединяет в себе две реакции на событие, выражающие либо эмоциональную, либо когнитивную сторону личностного смысла – это **либо сохранность тревоги и страха** («Ну, на сегодняшний день все равно как-то остается,

немножко уже, конечно, не до такой степени, но тревога какая-то остается» (P1). «До сих пор это переживается, потому что очень страшно подумать, что могла попасть туда моя дочь... Очень страшно, очень переживательно это было все, т. е. до сих пор это все остается внутри. Когда вспоминаешь это – это просто невозможно пережить до сих пор» (P2)), **либо отсутствие тревоги, но присутствие недопонимания** («Вообще никак это особо не беспокоит, кроме того, что зачем-то кому-то понадобилось вот именно таким образом высказать какое-то свое недовольство, свои идеи донести» (P3). «На текущий момент, ну, на текущий момент я не скажу, что чувствую какую-то тревогу, что такое может повториться, ну, не знаю, что сказать про текущий момент, не знаю» (P5)).

«Сопереживание жертвам». В отсроченной перспективе категория «сопереживание жертвам» сохраняется в рассказе респондента, скорбевшего об уходе из жизни своего знакомого, и появляется в рассказе респондента, который лично не знаком с пострадавшими от теракта. Вербализуется сопереживание такими высказываниями, как **«Жалко пострадавших», «Помним жертв теракта»:** «Самое страшное, что пострадала мирные жители, которые совсем ни в чем не виноваты» (P1). «Хорошо, что там установили теперь мемориальную доску, где люди могут прийти, положить цветы и вспомнить... Я как-то была в июне в Минске, проходили мы там с дочерью на Октябрьской, это станция метро “Октябрьская” была, там постоянно лежат живые цветы, значит, те, кто ушел из жизни, конечно, их никто не забыл, их всех помнят, приходят, там даже игрушки лежали, цветы живые, игрушки, люди стояли молча, склонив голову, конечно, кто ушел, их уже не вернуть» (P1). «Ну, все равно, когда приходит апрель, показывают по телевизору годовщину, ты все-равно вспоминаешь те события, как будто что-то сверху тебя уберегло, вот, и вспоминаешь вот этого Юру, которого ты знал и которого уже больше нет, вот. Ну, все равно как-то печально событие вспоминаю, конечно, не каждый, не каждый день ты думаешь об этом, но именно когда вот тебе на слух это попадает, то ты все это вспоминаешь» (P4).

«Переживание террористической угрозы». Представленная категория является обобщением таких смысловых единиц, как «страх стать жертвой теракта», «ценностное отношение к общественной безопасности» и «переживание за своих детей и их будущее». **«Страх стать жертвой теракта»** конкретизируется в утверждениях типа **«Избегаю метро и места большого скопления людей»**, **«Ловлю себя на мысли, а вдруг снова теракт»**: «Сейчас я нахожусь часто, да, в Минске, и в метро, и бывают моменты, когда я себя ловлю на мысли, что вот если большая-большая толпа людей едет в метро или как-то странно двигается метро, т. е. там притормаживает, разгоняется или там, может быть, банальная какая-то, ну, не знаю, поломка где-то на линии метро, но есть такая мысль, что а вдруг сейчас опять какой-то теракт. А, ну и сейчас, например, когда большие, массовые мероприятия, тоже всегда себя как-то немножко останавливаешь и думаешь над тем, ну, может ли что-то случится, не может» (P6). «После этого я, наверное, года два я реально боялась заходить в метро, когда была в Минске, и, конечно, я знала, что воронка, ой, воронка – бомба в одну и ту же воронку два раза не падает, но все-равно я старалась максимально возможно вообще как-то добираться, избегая метро, общественным транспортом – автобусы, троллейбусы, трамваи в конце концов, вот, ну очень-очень минимально. Потом уже как-то, не знаю, как-то, наверное, отошла, стало мне чуть-чуть проще, и я поэтому уже осмелилась, скажем, на постоянной основе пользоваться метро, хотя, ты знаешь, до сих пор поезживаюсь периодически, когда туда захожу. Не люблю метро, не люблю закрытое пространство, не люблю вообще осознание того, что над тобой не небо, а какое-то, не знаю, подземный тоннель и там, где-то над тобой, дорога или еще что-то и т. д., и т. п.» (P7). «Сейчас уже состояние нормальное, но в местах больших скоплений народа, например по праздникам, не очень хочется находиться, потому что все-таки есть отражение того, что тогда произошло на этом теракте, т. е. есть подозрение того, что может произойти что-то подобное именно в дни скопления народа, и

поэтому хочется быть где-то в отдаленных местах от подобных сборов» (P8).

Еще одним вариантом раскрытия данной категории является поднятие респондентами **темы безопасности и ценностного отношения к общественной безопасности**: «В своей стране, где даже не, ну, предположений даже таких не могло быть, что это может быть такое случится, то, конечно, как-то немножко сразу и страшно становится. Если где-то это далеко, то это далеко, это не так страшно, но когда здесь...» (P1). «Не скажу, что мне было страшно в метро потом ездить, нет, спокойно езжу, просто отношусь к этому из разряда там “на нас метеорит может упасть”, ну, т. е. у нас не часто такое случается, не дай Бог вообще, чтоб такое случилось, надеюсь, что это единственный такой случай был, вот, но отношусь к этому как, ну, случится может всякое и везде, поэтому как-то спокойно, в метро езжу спокойно» (P3). «После того в метро, естественно, на станции появились зоны досмотра, именно со сканированием, да, это как бы сейчас показатель того, что более серьезно относятся к безопасности людей. Но вместе с тем уже такого не ожидаешь, Беларусь по теме террористических актов достаточно безопасная страна» (P8).

Судя по высказываниям наших респондентов, теракт в минском метро заставил их задуматься о своей безопасности, придать большее значение данной потребности в своей жизни, но не нарушил веру в безопасность своей страны, хотя само событие воспринимается как нестандартное и нетипичное для Беларуси.

Третий вариант переживания террористической угрозы выделен нами из содержания протоколов респондентов, имеющих детей, и конкретизируется **в переживании за своих детей и их будущее**: «Дети мои тоже собирались поступать в Минск, учиться, тоже волнения, переживания, я смотрю: время уже прошло почти 10 лет с того теракта, ну, на сегодняшний день все равно как-то остается, немножко уже, конечно, не до такой степени, но тревога какая-то остается... Ну, а мы, мы как-то так больше теперь переживаем за своих детей, чем за себя, потому что, ну, уже хоть сколько-то прожили, ну, а нашим де-

тям жить» (P1). «До сих пор это в сердце, вот эти переживания за свою дочку, за Наташку, и за вообще просто вот когда вспоминаешь это – это просто невозможно пережить до сих пор» (P2).

«Переосмысление жизни». Категория «переосмысление жизни» представлена в одном протоколе, содержащем интервью с женщиной 50 лет. В своем рассказе она делится с нами мыслью, на которую ее навел теракт – **ценить нужно каждый день, каждую минуту этой жизни:** «Немного переосмыслила сам смысл жизни, что ценить надо каждый день, каждую минуту этой жизни, потому что никогда не знаешь и нельзя предугадать, что будет завтра. Ну, вот этот вот теракт, конечно, и показал, что никогда не знаешь, что будет и как будет, поэтому надо ценить каждый момент своей жизни» (P1).

В исследовании мы стремились проанализировать нарративы косвенных свидетелей террористического акта в минском метро с целью обнаружения и раскрытия общей феноменологии, механизмов и закономерностей переживания подобного рода событий косвенными свидетелями. В ходе анализа мы обратили внимание, что некоторые вышеперечисленные базовые категории по-разному переживаются косвенными свидетелями с сильными (страх, ужас) и менее интенсивными (легкое беспокойство, волнение) первичными эмоциональными реакциями на событие, ввиду чего последующий синтез эмпирических данных производился с учетом разделения респондентов на две группы с условным обозначением «эмоционально уязвимые» и «эмоционально устойчивые» к теракту косвенные свидетели. Схематично основные результаты проведенного анализа представлены в таблице.

В самом общем виде в выявленной феноменологии переживания отчетливо прослеживаются три классических компонента процесса совладания с экстремальным событием: эмоциональная реакция (страх, тревога), когнитивное оценивание (непонятное событие, неопределенное) и поведенческие копинг-стратегии (поиск информации, избегание метро, рост бдительности). Результатом процесса совладания выступает формирование и сохранность спустя годы после происшествия *двух ново-*

образований личности – «негативного личностного смысла террористического акта в минском метро», выраженного в негативной оценке события [6], и *переживания террористической угрозы*, т. е. субъективной оценки риска стать жертвой теракта [9]. Представленность в сознании косвенных свидетелей данных переживаний (новых для них) включается в процесс когнитивного оценивания будущих событий жизни и участвует в регуляции их поведения (например, «Избегаю метро и мест большого скопления людей» или «В метро езжу спокойно, отношусь к этому как “ну, случиться может всякое”»). Рассматривая результаты настоящего исследования в комплексе с ранее опубликованными нашими работами, посвященными изучению отсроченных психологических последствий террористического акта [4–6], мы приходим к выводу, что в большинстве случаев формирование вышеупомянутых новообразований личности можно рассматривать как итог процесса переживания по поводу теракта в минском метро косвенными свидетелями. Однако стоит отметить, что негативный личностный смысл события является локальным новообразованием в ценностно-смысловой структуре личности и, вступая во взаимосвязи с другими личностными смыслами человека, способен образовывать последующие, *частные варианты переживания события*.

Так, на этапе когнитивного оценивания, в случае явного раскрытия причинно-следственных или целе-средственных отношений между событием и значимыми интенциями личности, наступает процесс переосмысления собственной жизни. Иными словами, косвенные свидетели тогда начинают производить переоценку своей жизни, когда отдают себе отчет о том, как изменились их мысли, чувства, поведение после столкновения с данным событием (причинно-следственные отношения), а также тогда, когда отчетливо осознают, как это событие способствовало (позитивный личностный смысл) либо препятствовало (негативный личностный смысл) реализации их базовых, жизненно важных потребностей или высших личностных ценностей (целе-средственные отношения).

Таблица. – Феноменология переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями

Категории переживания	Эмоционально уязвимые	Эмоционально устойчивые
ПЕРЕЖИВАНИЯ НА МОМЕНТ, КОГДА ВПЕРВЫЕ УЗНАЛИ О СОБЫТИИ		
Эмоциональная реакция на событие	<i>Чувство страха и ужаса</i>	<i>Легкое беспокойство</i>
Переживание неопределенности и непредсказуемости события	<i>Недопонимание происшествия, его неожиданность, в это было сложно поверить</i>	
Поиск информации	<i>Звонки родственникам, друзьям, просмотр новостей: телевизор, сайты, форумы</i>	
Сопереживание жертвам	<i>«Жалко людей», «Их никто не забыл, их все помнят», – поднимается в рассказах тех косвенных свидетелей, которые лично знакомы с жертвами или пострадавшими от трагедии</i>	Нет упоминания данной темы
Изменение поведения	<i>Избегание метро и рост бдительности</i>	
ПЕРЕЖИВАНИЯ КОСВЕННЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ		
Негативный личностный смысл события	Сохранность тревоги и страха	Отсутствие тревоги, но присутствие недопонимания
Сопереживание жертвам	<i>«Жалко пострадавших», «Помним жертв теракта», – сохраняется в рассказе респондента, скорбевшего об уходе из жизни своего знакомого и появляется в рассказе респондента, который лично не знаком с пострадавшими от теракта</i>	Нет упоминания данной темы
Переживание террористической угрозы	<i>Страх стать жертвой террористического акта</i>	
	<i>«Избегаю метро и места большого скопления людей», «Ловлю себя на мысли, а вдруг снова теракт»</i>	<i>«В метро езжу спокойно»</i>
	<i>ценностное отношение к общественной безопасности</i>	
	<i>«На станции появились зоны досмотра, именно со сканированием, Беларусь по теме терактов достаточно безопасная»</i>	<i>«Надеюсь, что это единственный такой случай был, отношусь к этому как “ну, случится может всякое и везде”»</i>
	<i>Переживание за своих детей и их будущее</i>	
	<i>«Больше теперь переживаем за своих детей, чем за себя»</i>	Нет упоминания данной темы, респонденты не имеют детей
Переосмысление жизни	<i>«Ценить нужно каждый день, каждую минуту этой жизни»</i>	Нет упоминаний темы «Переосмысление жизни»

При интенсивном переживании негативного личностного смысла, когда косвенный свидетель отдает себе отчет в том, что его возможности реализовать свои жизненно необходимые потребности и высшие личностные ценности практически заблокированы, для поддержания психологического благополучия он вынужден прибегать к переоценке смысла собственной жизни [10]. Такой механизм переживания теракта обнаружен нами в протоколе респондента зрелого возраста (P1) и выражен он в суждениях: *«Немного переосмыслила сам смысл жизни, что ценить надо каждый день, каждую минуту этой жизни, потому что*

никогда не знаешь и нельзя предугадать, что будет завтра. Ну, вот, этот вот теракт, конечно, и показал, что никогда не знаешь, что будет и как будет, поэтому надо ценить каждый момент своей жизни». Исходя из анализа протокола респондента в сопоставлении с общей картиной переживания теракта косвенными свидетелями (таблица) можно заключить, что данный нарратив полностью согласуется с общей картиной переживания теракта. Полученный результат дает основания предположить, что условиями переосмысления жизни косвенными свидетелями вследствие переживания подобного рода событий мо-

гут выступать сильная эмоциональная реакция на событие по типу страха и ужаса, интенсивный негативный личностный смысл, сопереживание пострадавшим и жертвам теракта, переживание за своих детей и их будущее (личностный смысл события образует смысловую связь с базовой ценностью жизни и ценностью ребенка). Проверка данной гипотезы составляет перспективу дальнейших исследований в области переживания косвенными свидетелями экстремальных макросоциальных событий.

Заключение

Обобщая анализ нарративов косвенных свидетелей о переживании террористического акта, стоит отметить, что в их рассказах устойчиво проявляется одна из тенденций переживания изучаемого события, обусловленная интенсивностью первичных эмоциональных реакций на происшествие. Условно данные группы респондентов мы обозначили как «эмоционально уязвимые» и «эмоционально устойчивые» к теракту косвенные свидетели. Для первой группы респондентов характерны интенсивные первичные эмоциональные реакции на событие по типу «страх и ужас», переживание неопределенности и непредсказуемости события и такие формы совладающего поведения, как поиск информации о событии, сопереживание жертвам теракта, избегание места происшествия, что в отсроченной перспективе проявляется в виде тревоги и страха по поводу повторения теракта, боязни стать его жертвой, в сопереживании пострадавшим, а также ценностном отношении к общественной безопасности, переживании за своих детей и их будущее, что с большей вероятностью становится основой переосмысления жизни. В группе «эмоционально устойчивых» к теракту респондентов в качестве первичной эмоциональной реакции на событие отмечается легкое беспокойство, при этом не поднимается тема сопереживания жертвам теракта, но присутствуют воспоминания о действиях, связан-

ных с активным поиском информации о случившемся, а также о повышении бдительности в первое время после теракта. В отсроченной перспективе косвенные свидетели данной группы демонстрируют отсутствие тревоги, полное спокойствие в отношении пребывания в метро, при этом сохраняют недопонимание произошедшего, разделяют ценностное отношение к общественной безопасности. Упоминания тем сопереживания жертвам и переосмысления жизни отсутствуют. Поскольку эмоции с точки зрения деятельности-смыслового подхода являются формой выражения личностного смысла в сознании людей, результаты настоящего исследования можно подытожить выводом о том, что формирование интенсивного негативного личностного смысла события является основой экстенсивных личностных изменений косвенных свидетелей в долгосрочной перспективе. Верификация данной гипотезы составляет дальнейшую перспективу исследования. Научная же новизна представленных результатов исследования состоит в систематизации и обобщении феноменологических описаний (описаний явлений) личного опыта переживания косвенными свидетелями террористического акта в минском метро в максимальном приближении к тому, как оно непосредственно представлено в их сознании. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в психоконсультативной практике при построении стратегии психологической помощи косвенным свидетелям террористического акта, основанной на теме переживания личностного смысла события и направленной на осознание связи переживаемого события с теми внутренними интенциями личности, которые были им заблокированы либо стали под угрозу реализации. В итоге стратегия психологической помощи косвенным свидетелям должна отражать идею поиска ими возможностей реализации внутренних потребностей своей жизни в изменившихся условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Speckhard, A. Acute Stress Disorder in Diplomats, Military and Civilian Americans Living Abroad Following the September 11th Terrorist Attacks on America / A. Speckhard // *Research & Practice*. – 2003. – Vol. 34 (2). – P. 151–158.

2. New York City young adults' psychological reactions to 9/11: findings from the Reach for Health longitudinal study / G. Agronick [et al.] // *American Journal of Community Psychology*. – 2007. – Vol. 39. – P. 79–90.
3. The distinct roles of spirituality and religiosity in physical and mental health after collective trauma: a national longitudinal study of responses to the 9/11 attacks / D. N. McIntosh [et al.] // *Journal of Behavioral Medicine*. – 2011. – Vol. 34, iss. 6. – P. 497–507.
4. Парфенова, Т. В. Личностный смысл как центральное звено в механизме развития личности под воздействием критических и экстремальных событий / Т. В. Парфенова // *Вестн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 143–153.
5. Парфенова, Т. В. Переживание террористического акта косвенными свидетелями: опыт эмпирического изучения отсроченных психологических последствий / Т. В. Парфенова // *Гродненская психология: вчера, сегодня, завтра : монография / под науч. ред. К. В. Карпинского*. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 209–236.
6. Парфенова, Т. В. Феноменология переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями / Т. В. Парфенова // *Вестн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 151–158.
7. Улановский, А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А. М. Улановский // *Методология и история психологии*. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 130–150.
8. Moustakas, C. *Phenomenological research methods* / C. Moustakas. – Thousand Oaks : Sage Publications, 1994. – 192 p.
9. Тарабрина, Н. В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование / Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец. – М. : Ин-т психологии РАН, 2014. – 156 с.
10. Карпинский, К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности : монография / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2021. – 219 с.

REFERENCES

1. Speckhard, A. Acute Stress Disorder in Diplomats, Military and Civilian Americans Living Abroad Following the September 11th Terrorist Attacks on America / A. Speckhard // *Research & Practice*. – 2003. – Vol. 34 (2). – P. 151–158.
2. New York City young adults' psychological reactions to 9/11: findings from the Reach for Health longitudinal study / G. Agronick [et al.] // *American Journal of Community Psychology*. – 2007. – Vol. 39. – P. 79–90.
3. The distinct roles of spirituality and religiosity in physical and mental health after collective trauma: a national longitudinal study of responses to the 9/11 attacks / D. N. McIntosh [et al.] // *Journal of Behavioral Medicine*. – 2011. – Vol. 34, iss. 6. – P. 497–507.
4. Parfionova, T. V. Lichnostnyj smysl kak central'noje zvieno v miekhanizmie razvitija lichnosti pod vozdiejstvijem kritichieskikh i ekstriemal'nykh sobytij / T. V. Parfionova // *Viesn. HrDU imia Yanki Kupaly. Sier. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija*. – 2020. – Т. 10, № 1. – S. 143–153.
5. Parfionova, T. V. Pieriezhivanije tierroristichieskogo akta kosviennymi svidietieliami: opyt empirichieskogo izuchienija otsrochiennykh psikhologichieskikh posliedstvij / T. V. Parfionova // *Grodnienskaja psikhologija: vchiera, siegodnia, zavtra : monografija / pod nauch. ried. K. V. Karpinskogo*. – Grodno : GrGU, 2021. – S. 209–236.
6. Parfionova, T. V. Fienomienologija pieriezhivanija tierroristichieskogo akta v minskom mietro kosviennymi svidietieliami / T. V. Parfionova // *Viesn. HrDU imia Yanki Kupaly. Sier. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija*. – 2019. – Т. 9, № 2. – S. 151–158.
7. Ulanovskij, A. M. Fienomienologichieskij mietod v psikhologii, psikhiatrii i psikhotierapii / A. M. Ulanovskij // *Mietodologija i istorija psikhologii*. – 2007. – Т. 2, vyp. 1. – S. 130–150.
8. Moustakas, C. *Phenomenological research methods* / C. Moustakas. – Thousand Oaks : Sage Publications, 1994. – 192 p.
9. Tarabrina, N. V. Tierroristichieskaja ugroza: tieorietiko-empirichieskoje issliedovanije / N. V. Tarabrina, Yu. V. Bykhoviec. – М. : In-t psikhologii RAN, 2014. – 156 s.
10. Karpinskij, K. V. Istochniki smysla zhizni: novyj mietod psikhodiagnostiki lichnosti : monografija / K. V. Karpinskij. – Grodno : GrGU im. Ya.

УДК 159.9.072

Александр Михайлович Гирис*магистр психол. наук, аспирант 3-го года обучения
каф. психологии образования и развития личности**Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка***Alexandr Hirys***Master of Psychological Sciences, Postgraduate Student 3rd Year of Study
of the Department of Psychology of Education and Personality Development
at the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank**e-mail: girsasha@bk.ru***ФЕНОМЕНЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГА:
ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕФЛЕКСИЯ**

Рассматриваются личностный смысл профессиональной деятельности и рефлексия как ключевые компоненты и проявления субъективности педагога. Личностный смысл профессиональной деятельности рассматривается с позиции онтологической характеристики места и роли индивидуального значимого свойства субъекта в процессах реализации трудовой деятельности (Д. А. Леонтьев, К. В. Карпинский). Анализируются представления о рефлексии как профессионально важном качестве педагога развития, которого во многом определяет целостное представление «субъекта-в-ситуации». Приводятся результаты эмпирического исследования личностного смысла профессиональной деятельности у педагогов Гродненского региона с различными типами рефлексии (квазирефлексия, интроспекция и системная рефлексия). Выявлена взаимосвязь системной рефлексии с увлеченностью профессией, выступающей позитивным смыслом профессиональной деятельности. Обсуждается взаимосвязь системной рефлексии с увлеченностью профессией, выступающей позитивным смыслом профессиональной деятельности.

Ключевые слова: субъективность, личностный смысл профессиональной деятельности, рефлексия, рефлексивность, системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия.

***Phenomen of Teacher's Subjectivity:
Personal Meaning of Professional Activity and Reflection***

The article examines the personal meaning of professional activity and reflection as key components and manifestations of the teacher's subjectivity. The article analyzes the idea of reflection as a professionally important quality of the teacher, development, which is largely determined by the holistic view of the «subject-in-situation». The personal meaning of professional activity is considered from the standpoint of the ontological characteristics of the place and the role of an individual significant property of the subject in the processes of implementation of labor activity (D. A. Leontiev, K. V. Karpinsky). The results of an empirical study of the personal meaning of professional activity among teachers of general secondary education institutions of the Grodno region with various types of reflection (quasi-reflection, introspection and systemic reflection) are presented. The interrelation of systemic reflection with passion for the profession, which is the positive meaning of professional activity, has been revealed.

Key words: subjectivity, personal meaning of professional activity, reflection, reflexivity, systemic reflection, introspection, quasi-reflection.

Введение

Профессиональная педагогическая деятельность сопряжена с высокими требованиями со стороны государства и общества к ее результатам, предполагает достаточно высокую интеллектуальную и эмоциональную вовлеченность педагога в образовательный процесс.

Научный руководитель – Сергей Никифорович Жеребцов, кандидат психологических наук, доцент, практикующий психолог

По мере профессионального становления педагог неизбежно сталкивается с рядом вопросов: «Позволяет ли профессиональная деятельность реализовать мои личностные свойства и качества (потенции)?», «Развиваюсь ли я как профессионал, как личность?», «Соответствует ли результат профессиональной деятельности моим субъективным критериям ожидаемого, желаемого?», «Готов ли я дальше заниматься данной профессиональной деятельностью с полной самоотдачей?». Ответы на эти воп-

росы не лежат на поверхности, они требуют серьезной внутренней работы по пересмотру собственных позиций, отношений и зачастую могут затрагивать контекст жизни субъекта. От того, насколько педагог сможет системно «рассмотреть» себя в контексте профессиональной деятельности, зависит характер постановки приведенных выше вопросов и направление поиска ответов на них, а также взвешенность решений, принятых относительно обнаруженных несоответствий и противоречий. В итоге от этого будет зависеть дальнейший ход профессиональной деятельности педагога, отношение к происходящему и себе – от определения возможностей профессионального роста и возрастания значимости профессии до эмоционального выгорания, отношения к профессиональной деятельности как к вынужденной необходимости и даже ухода из профессии.

Цель статьи – изложить результаты эмпирического исследования, направленного на выявление характера связи между личностным смыслом профессиональной деятельности и рефлексией как ключевыми компонентами субъективности педагога.

Теоретические основания эмпирического исследования

Теоретическую основу эмпирического исследования составили понятия «субъективность», «личностный смысл профессиональной деятельности», «рефлексия», научные взгляды на типы рефлексии, на соотношения в ходе функционирования психологических феноменов, обозначаемых данными понятиями, в сознании субъекта деятельности.

Субъективность представляет отличительно человеческий специфический способ жизни и является подлинным отражением человеческой реальности, общим обозначением внутреннего мира [3, с. 159]. Субъективность позволяет человеку встать на позицию «практического преобразования» [3, с. 160] по отношению к своей жизнедеятельности, реализуя в ходе ее собственные мотивы и ценности. Включенность в реальную практику жизни человека его субъективных явлений и действий является мерой их объективности [3, с. 78].

В основе субъективности, или пристрастности, сознания лежит картина проис-

ходящего «глазами субъекта», т. е. **личностный смысл**, который связывает значения (отношения, свойства, связи предметного мира, представленные в идеальной форме, по А. Н. Леонтьеву) с жизнью человека.

Личностный смысл профессиональной деятельности вслед за Д. А. Леонтьевым и К. В. Карпинским мы будем понимать как онтологическую характеристику места и роли индивидуального свойства субъекта (значимого для него) в процессах реализации трудовой деятельности [1, с. 22]. Личностный смысл профессиональной деятельности может иметь такие модальности, как позитивную, негативную, конфликтную и бессмысленность (Б. С. Братусь, К. В. Карпинский, Л. Г. Перетятко). Именно личностный смысл профессиональной деятельности (его модальность, в частности) лежит в основе значимости профессиональной деятельности для субъекта, отношения к ней, профессионального самоотношения, а также осознанной саморегуляции.

Основным механизмом становления и развития субъективности в онтогенезе, смысловым центром человеческой реальности является **рефлексия** [4, с. 199].

Рефлексия – это способность субъекта посмотреть со стороны на себя и на объект одновременно (что предполагает самодистанцирование), благодаря чему оформляется целостное представление «субъекта-в-ситуации» [2, с. 116]. Полнота этого представления, можно предположить, позволяет обнаруживать противоречия, несоответствия в профессиональной деятельности задолго до того, как они станут критическими, деструктивными, и на основании рефлексии субъект может запустить необходимые преобразования или принять те или иные решения.

Определенный интерес для нашего исследования представляет дифференциальная модель рефлексии, предложенная Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним [2], согласно которой в феномене рефлексии следует дифференцировать системную рефлекссию как продуктивный ее вариант и менее продуктивные варианты: интроспекцию и квазирефлекссию.

Личностный смысл относится к структурам ситуативной смысловой регуляции. Т. В. Гижук [5, с. 57] подчеркивает, что строение и состав системы саморегуля-

ции карьеры в целом повторяют универсальную структурно-функциональную «архитектонику» осознанного саморегулирования произвольной активности человека, разработанную О. А. Конопкиным. Эти процессы замкнуты в «регуляторное кольцо» и образуют единую систему (циклическую), которая направлена на достижение поставленных субъектом целей [5, с. 57]. Рефлексия «пронизывает» структуры осознанной саморегуляции (в т. ч. ситуативной и стратегической смысловой регуляции), позволяя им функционировать как единой слаженной системе. Именно системная рефлексия (по Д. А. Леонтьеву [6, с. 234]) позволяет соотнести полюсы субъекта и объекта, осуществить выход за пределы актуальной ситуации. Тем самым это дает возможность субъекту не только руководствоваться наличными условиями (требованиями, побуждениями, необходимостями), но и проводить стройную линию профессионального пути, следуя собственному его замыслу и систематически соотнося происходящее с устойчивыми ценностями, транситуативными мотивами, конструктами и др., при необходимости осуществляя внесение коррективов. В ходе данного процесса также происходит дальнейшее становление осознанного саморегулирования.

Опираясь на представления В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева [3, с. 78], а также Д. А. Леонтьева [6, с. 234], функционирование рассмотренных психологических феноменов в сознании субъекта можно представить следующим образом. Смысл объективен, и его источник находится вне сознания [1, с. 33]. Только благодаря субъективности человек обращает внимание на данный смысл, выделяет его в конкретных условиях с опорой на свои знания, опыт, сложившуюся систему отношений, актуализируя процессы рефлексии.

Рефлексия позволяет соотнести обнаруженный смысл с контекстом жизни, с субъективной «системой жизненных координат», «проявить» его место в ней, осознать смысловые связи, а также руководствоваться данным смыслом при выстраивании своего профессионального или жизненного пути и целенаправленно осуществлять смыслостроительство и ревизию смыслов.

Личностный смысл выступает связующим звеном между субъектом и миром.

Осознание смысловых связей, указывает Д. А. Леонтьев [6, с. 234], есть рефлексивная работа сознания, направленная как на себя, так и преимущественно на окружающий мир. Задачей рефлексивной работы сознания является познание реальности (что это есть?) и решение задачи на открытие смысла (что это есть для меня?). При этом осознанность характеризует степень рефлексивного выделения личностью себя из потока своей жизни [6, с. 268]. Соответственно, чем выше осознанность, тем выше степень рефлексивного выделения субъектом себя из потока своей жизни и осознания смыслов.

На основании описанного выше видно, что личностный смысл профессиональной деятельности является важным структурным компонентом профессионального сознания субъекта, его субъективной реальности, а рефлексия – механизмом формирования личностного смысла.

Недостаточно проясненным остается аспект связи типа, уровня рефлексии с оформлением личностного смысла профессиональной деятельности, в частности с описанными выше его модальностями, что делает актуальными дополнительные эмпирические исследования. Именно с целью выявления характера связи между различными типами, уровнями рефлексии и личностным смыслом профессиональной деятельности педагога нами было проведено эмпирическое исследование.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

В исследовании приняли участие педагоги разных специальностей из школ Гродненской области (41 человек) в возрасте от 21 до 56 лет со стажем работы от 6 месяцев до 34 лет.

Для выявления характера личностного смысла профессиональной деятельности у испытуемых использовалась психодиагностическая методика «Метафоры профессиональной деятельности» (К. В. Карпинский, Т. В. Гижук) [7]. Согласно К. В. Карпинскому и Т. В. Гижук, метафоры являются средством осознания и выражения личностного смысла [7, с. 31]. Личностный смысл, который несет метафора, выходит за пределы буквального значения метафорического высказывания, характеризуется об-

разностью, предполагает определенную эмоциональную окрашенность (например: «сизифов труд», «тяжелая ноша», «бальзам для души» и др.), а также менее уязвим для психологических защит, позволяет снизить социальную желательность ответов [7, с. 31].

Результаты изучения личностного смысла выражены в следующих показателях:

1. 56,1 % педагогов увлечены своей профессиональной деятельностью (позитивный личностный смысл).

2. Разочарование в профессии (негативный личностный смысл) преобладает у 9,8 % педагогов, что указывает на нарастающее снижение значимости профессии, психологическое отдаление от нее.

3. Отчуждение и увлечение в равной степени отмечены у 9,8 % педагогов; отчуждение, разочарование и увлечение в равной степени представлены у 2,4 % педагогов. Это свидетельствует о наличии противоречий (конфликта) в личностном смысле профессиональной деятельности. Можно предположить, что своевременное оказание необходимой помощи (психологической, методической, социально-педагогической и др.) данной группе педагогов помогло бы (по крайней мере, части из них) пересмотреть смысл профессии на новых «основаниях».

4. Отчуждение и разочарование в равной степени выражены у 2,4 % педагогов.

5. Для 19,5 % педагогов смысл профессиональной деятельности характеризуется как отчуждение (бессмысленность), т. е. профессия не позволяет реализовать учителю значимые для него качества, свойства, и можно сказать, что субъект остается в профессии в силу внешних факторов. Данный факт не может не вызывать беспо-

койства, т. к. осознанно или неосознанно педагог своим отношением к профессии способен стать не лучшим примером для обучающихся и коллег.

Типы рефлексии, присущие педагогам, и уровни ее сформированности выявлялись при помощи методики «Дифференциальный тест рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин) [2].

Полученные результаты показывают, что системная рефлексия преобладает у 34,1 % педагогов, интроспекция – у 34,1 %, квазирефлексия – у 24,5 % педагогов. В равной степени выражены интроспекция и квазирефлексия у 4,9 % педагогов, а системная рефлексия и интроспекция – у 2,4 % педагогов. Это позволяет утверждать, что немногим более трети педагогов способны сформировать целостное, системное представление «себя-в-ситуации». Около двух третей педагогов выборки при оформлении представления «себя-в-ситуации» опираются на фантазии и размышления, направленные на будущее или прошлое (квазирефлексия) или сосредоточены преимущественно на внутренних переживаниях (интроспекция).

Последующая обработка данных проводилась с помощью следующих методов математической статистики: корреляционный анализ (критерий τ -Кендалла) и одно-сторонний дисперсионный анализ (критерий Н-Краскела – Уоллиса) в программе STATISTICA 7.0.

Для получения общей картины характера связей между типами рефлексии и модальностями личностного смысла профессии был проведен корреляционный анализ (таблица).

Таблица. – Корреляционные взаимосвязи (по критерию τ -Кендалла) смысла профессиональной деятельности и типов рефлексии

Смысл профессиональной деятельности	Типы рефлексии		
	Системная рефлексия	Интроспекция	Квазирефлексия
Отчуждение от профессии	$\tau = -0,213$; $p = 0,049$	–	–
Разочарование в профессии	$\tau = -0,215$; $p = 0,047$	–	–
Увлеченность профессией	$\tau = 0,370$; $p = 0,000$	$\tau = -0,236$; $p = 0,029$	–

Примечание – В таблице сопоставлены шкалы опросников, т. к. респонденты не делились на подгруппы по показателям типов рефлексии или личностного смысла профессии.

На основании данных, представленных в таблице, можно сказать, что только системная рефлексия имеет корреляционные взаимосвязи со всеми проявлениями

личностного смысла профессиональной деятельности. В частности, обнаружены отрицательные корреляционные взаимосвязи слабой силы по критерию τ -Кендалла меж-

ду системной рефлексией и отчуждением от профессии ($\tau = -0,213$; $p = 0,049$), а также разочарованием в профессии ($\tau = -0,215$; $p = 0,047$). Это можно объяснять тем, что системная рефлексия позволяет педагогу оформить более целостное представление «себя-в-ситуации» (по Д. А. Леонтьеву) и полнота данного представления, как мы описывали выше, дает возможность обнаруживать несоответствия, противоречия в профессиональной деятельности задолго до того, как они станут критическими, деструктивными, и предпринять для их нивелирования необходимые шаги.

С ростом уровня системной рефлексии увеличивается и увлеченность педагога ($\tau = 0,370$; $p = 0,000$) своей профессией. Отмечено взаимовлияние системной рефлексии на увлеченность профессией (по критерию Н-Краскела – Уоллиса, $H(4, N = 41) = 11,207$; $p = 0,024$) и увлеченности профессией на системную рефлексия ($H(3, N = 41) = 14,743$; $p = 0,002$). В данном процессе важным механизмом выступает системная рефлексия, позволяющая критически рассматривать себя, процесс и результат собственной деятельности, находить новые способы реализации собственных способностей, личностных качеств в профессии, делать «работу над своими ошибками», извлекать и оформлять собственный опыт, опираясь на него и совершенствуя его в дальнейшем. Это находит отражение в положительном личностном смысле профессиональной деятельности, в результате чего системная рефлексия и увлеченность профессией детерминируют друг друга.

При дальнейшем рассмотрении результатов, представленных в таблице, следует обратить внимание на то, что повышение уровня интроспекции сопровождается снижением увлеченности профессией ($\tau = -0,236$; $p = 0,029$) и наоборот. Можно сказать, что при доминировании среди типов рефлексии интроспекции педагог опирается преимущественно на субъективные переживания относительно происходящего, через которые в определенной мере преломляются и рассматриваются события, возникающие в ходе профессиональной деятельности. В таких условиях детерминация собственного профессионального поведения с опорой на объективное рассмотрение происходящего будет несколько затруднена.

Возможно, при доминирующей интроспекции профессия позволяет педагогу реализовать или получить какие-то внутренние переживания, на которые он преимущественно ориентируется при ее осуществлении. Учитывая, что большинство педагогов в выборке эмпирического исследования – женщины, это может согласовываться с гендерными особенностями восприятия окружающего мира. Тогда возникает вопрос, чем такая деятельность отличается от хобби или занятий по интересам? Видимо, опора на собственные внутренние переживания при «рассмотрении» собственной профессиональной деятельности и себя в ее контексте не позволяет составить системной, многомерной, подкрепленной объективными фактами картины происходящего. Учитывая характер и специфику педагогической деятельности, можно утверждать, что это может приводить к противоречиям, неоправданным ожиданиям, в результате чего личностный смысл (увлеченность) профессиональной деятельности теряет свою позитивность, которая, возможно, была ранее.

Заключение

1. Полученные в ходе эмпирического исследования результаты указывают на то, что только чуть больше половины (56,1 %) педагогов увлечены (позитивный личностный смысл) своей профессиональной деятельностью, а значит, профессия позволяет педагогу реализовывать собственные значимые качества, черты, способности, ее осуществление сопровождается удовлетворенностью.

2. У пятой части педагогов, принявших участие в эмпирическом исследовании, отмечено наличие противоречий (конфликта) в личностном смысле профессиональной деятельности (разочарование в профессии, равная выраженность отчуждения и увлечения; равная выраженность отчуждения, разочарования и увлечения профессией). Можно предположить также, что своевременно получив необходимую помощь (психологическую, методическую, социально-педагогическую и др.), часть педагогов из данной группы, возможно, вернулась бы к пересмотру смысла профессии на новых «основаниях» и «рассмотрению» его в новом контексте.

3. Выявлено, что только системная рефлексия имеет корреляционные взаимосвязи со всеми модальностями личностного смысла профессиональной деятельности. В частности, положительная корреляционная связь отмечена между системной рефлексией и увлеченностью профессиональной деятельностью (между ними установлены взаимовлияния).

4. Системная рефлексия является доминирующей лишь у 34,1 % педагогов, принявших участие в эмпирическом исследова-

нии. Выявление доминирующего типа рефлексии у педагогов и их включение в специально организованные занятия, направленные на оформление и повышение уровня системной рефлексии, может позволить педагогам более системно и дифференцированно рассматривать свою профессиональную деятельность, себя в ее контексте.

5. Полученные результаты можно рассматривать как основание для более широкого, углубленного и дифференцированного эмпирического исследования педагогов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпинский, К. В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики : монография / К. В. Карпинский, А. М. Колышко. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 140 с.
2. Леонтьев, Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.
3. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Шк. пресса, 2000. – 416 с.
4. Слободчиков, В. И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. – 256 с.
5. Гижук, Т. В. Личностный смысл профессиональной деятельности и субъективная картина карьеры педагога / Т. В. Гижук // Выш. шк. – 2015. – № 6. – С. 57–62.
6. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.
7. Карпинский, К. В. Новый метод диагностики личностного смысла профессиональной деятельности / К. В. Карпинский, Т. В. Гижук // Диалог. – 2016. – № 4 (40). – С. 28–38.

REFERENCES

1. Karpinskij, K. V. Professional'noje samootnoshenije lichnosti i mietodika jego psikhologichieskoj diagnostiki : monografija / K. V. Karpinskij, A. M. Kolyshko. – Grodno : GrSU, 2010. – 140 s.
2. Lieont'jev, D. A. Rieflieksija «khjroshaja» i «durnaja»: ot objasnitel'noj modeli k diffierencial'noj diagnostike / D. A. Lieont'jev, Ye. N. Osin // Psikhologija. Zhurn. Vyssh. shk. Ekonomiki. – 2014. – T. 11, № 4. – S. 110–135.
3. Slobodchikov, V. I. Osnovy psikhologichieskoj antropologii. Psikhologija razvitija chielovieka: razvitije subjektivnoj real'nosti v ontogenezie : uchieb. posobije dlia vuzov / V. I. Slobodchikov, Ye. I. Isajev. – M. : Shk. priessa, 2000. – 416 s.
4. Slobodchikov, V. I. Psikhologija obrazovanija chielovieka: stanovlienije subjktnosti v obrazovatel'nykh processakh / V. I. Slobodchikov, Ye. I. Isajev. – M. : Izd-vo PSTGU, 2013. – 256 s.
5. Gizhuk, T. V. Lichnostnyj smysl professional'noj diejatiel'nosti i subjektivnaja kartina kar'jery piedagoga / T. V. Gizhuk // Vysh. sk. – 2015, № 6. – S. 57–62.
6. Lieont'jev, D. A. Psikhologija smysla: priroda, strojenije i dinamika smyslovojc real'nosti / D. A. Lieont'jev. – M. : Smysl, 1999. – 487 s.
7. Karpinskij, K. V. Novyj mietod for diagnostiki lichnostnogo smysla professional'noj diejatiel'nosti / K. V. Karpinskij, T. V. Gizhuk // Dialog. – 2016, № 4 (40). – S. 28–38.

УДК 159.923.2:331.101.3

Мария Михайловна Морозжанова
 аспирант 3-го года обучения кафедры психологии
 Витебского государственного университета имени П. М. Машерова
Mariya Morozhanova
 3rd Year Postgraduate Student of the Department of Psychology
 of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov
 e-mail: morozhamari@yandex.by

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ И ПИКОВЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевой методологической проблемой современного психологического знания является поиск методов, соответствующих требованиям изучения целостного человека. Показано, что переживания являются глубоко индивидуальной и в то же время социальной психологической реальностью, которая конструируется, что и обусловило обращение к качественной методологии. Феноменологически установлено, что меняющаяся повседневность может выступать детерминантой процессов саморазвития человека: наряду с рутинной в повседневности присутствуют не только экстремальные ситуации, но и ситуации творчества, «пиковые переживания». Показано, что пиковые переживания, отражая наиболее значимые события профессиональной деятельности, трансформируют жизненную позицию, базовые убеждения, наполняют жизнь смыслом. Было выявлено, что пиковые переживания неотделимы от участника и его жизненной истории, и именно внутри повседневных жизненных ситуаций происходит окончательное закрепление тех изменений, которые актуализировались в процессе пикового переживания.

Ключевые слова: переживание, повседневные и пиковые переживания, профессиональная деятельность, качественные методы, феноменология.

Phenomenological Model of Everyday and Peak Experiences of Professional Activity

Phenomenological analysis allowed us to establish that changing everyday life can be a determinant of the processes of human self-development: along with routine, there are not only extreme situations in everyday life, but situations of creativity, «peak experiences». The article shows that peak experiences, reflecting the most significant events of professional activity, transform life position, basic beliefs, fill life with meaning. It was revealed that peak experiences are inseparable from the participant and his life history, and it is within everyday life situations that the final consolidation of those changes that were actualized during the peak experience takes place.

Key words: experience, everyday and peak experiences, professional activity, qualitative methods, phenomenology.

Введение

Трансформационные изменения психологической науки на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания требуют утверждения нового мышления и сознания, диалога культур (А. Г. Асмолов, Э. В. Галажинский, В. П. Зинченко, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов) и выдвигают человека в качестве ключевой фигуры нового века. Познание человека в контексте его целостности значительно актуализирует исследования, где внешнее и внутреннее, индивидуальное и общественное рассматриваются как единое целое, в ко-

тором имеется свое особое психологическое пространство и время, язык, свои значимые события (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев, Ф. Е. Василюк, К. Роджер, А. Маслоу и др.). Так, В. Штерн рассматривал целостность личности как признак ее здоровья и трактовал ее как совокупность согласованных органов, функций, отношений, направленности, достижений, свойств и переживаний. Ученый считал, что целостность не является однозначной и стабильной, ее никогда нельзя достичь окончательно, ибо она существует актуально и в то же время потенциально [1]. Человек, погруженный в определенную смысловую и ценностную систему, интерпретирует переживания в соответствии с правилами этой системы, а специфика этих переживаний всегда связана с актуальным культурно-историческим

Научный руководитель – Сергей Леонидович Богомаз, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

фоном. Поэтому успешность реализации человеческого потенциала должна рассматриваться не только с точки зрения представления и объяснения тех или иных явлений, но и как пространство личностного, профессионального и социального развития, обретения культурной и духовной сопричастности переживающего различные обстоятельства своей жизнедеятельности человека.

Важной задачей в решении данной проблемы является поиск таких механизмов психического развития человека, которые дали бы ей возможность доступа к эвристическому ресурсу, реализации своей индивидуальности. Поэтому необходимо изучить связь переживания с широким кругом разнообразных событий, с которыми сталкивается субъект, и особенностями его функционирования в этих ситуациях. Особое значение приобретает проблема изучения повседневных и пиковых переживаний, поскольку меняющаяся повседневность может выступать детерминантой процессов саморазвития человека, а возможности познания открываются в уникальных, ярких, значимых – пиковых моментах [2].

Рассмотрев, как обнаруживается актуализация изучения повседневных и пиковых переживаний, обратимся к определению их сущностных характеристик. Анализ литературы по данному вопросу показал, что повседневность предстает как статистический образ мира, в котором выделяются стабильные основания жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные схемы) [3; 4]. Как отмечает Т. Д. Марцинковская, полученное путем анализа кристаллизованных переживаний содержание повседневности может помочь в понимании как отдельного человека, так и конкретной группы, поскольку в повседневности органично присутствуют и соединяются истоки патологии и становления одновременно [5]. Таким образом, повседневность тождественна социокультурному миру, переживаемому человеком, действует на него и в то же время подвергается воздействию человека. Исходя из этого можно заключить, что повседневность представляет собой некую целостную область человеческой жизни в ее простоте, ежедневности, обыденности, в которой все окружающее зафиксировано человеком как нечто конкретное и неизменное и разворачивается в

социальном пространстве и времени в сферах различных видов деятельности. Следовательно, под повседневными переживаниями мы будем понимать переживания, которые сопровождают повторяющиеся, «нормальные» и привычные, обыденные действия или события, характеризуются естественностью, спонтанностью, «реальностью», закрепленные в опыте человека и не вызывают удивления.

Однако сфера повседневной жизни человека включает не только моменты рутинного, повседневного существования, но и подобные взрывам моменты экзистенциальных озарений, в которых человек «выходит за пределы» повседневного опыта [6]. Как указывает В. В. Знаков, важным для понимания специфики повседневного и экзистенциально опыта субъекта является их различие. Он отмечает, что не все повседневные события, которые человек помнит, становятся для него экзистенциальными. Они становятся таковыми, если оказали долговременное и системное влияние на человека. Экзистенциальный опыт субъекта рассматривается как совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» [7].

Важные данные относительно феномена значимых, пиковых, ключевых переживаний получены в исследованиях отечественных и зарубежных ученых (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, Б. М. Теплов, Ф. В. Басин, С. Л. Рубинштейн, А. Маслоу, У. Джемс, В. Франкл, Р. Мэй, S. Topolinski, R. Reber, E. Hoffman, S. Muramoto и др.). Понятие пикового переживания раскрывается А. Маслоу как «момент трепета, экстаза или внезапного понимания жизни как мощного единства, превосходящего пространство, время и личность», как «моменты наивысшего счастья и удовлетворения» и «все, что приближается к совершенству» [8]. Как отмечает в своих исследованиях G. Privette, пиковые переживания, поток и пиковая производительность рассматриваются как синдромы (паттерны характеристик, некоторые из которых могут отсутствовать в каком-либо одном проявлении), но все они являются позитивными, субъективными переживаниями и могут иметь место во время самых разнообразных видов деятельности [9]. Опыт потока как термин, введенный психо-

логом М. Чиксентмихайи, предполагает участие в деятельности, приносящей внутреннее удовольствие, уменьшение самосознания и тесное соответствие между способностями индивида и задачами деятельности. Поток наиболее часто переживается в играх, и его можно описать как высшую точку положительных чувств, как пик производительности. Человек полностью погружается в рассматриваемый предмет и полностью контролирует свое тело и ум. Поток содержит такие характеристики пикового переживания, как легкость функционирования, полное поглощение и наслаждение и др. [10].

Практически все исследователи отмечают, что такого рода переживания являются в определенном смысле кульминацией, переходным моментом в новое, качественное состояние. Итак, все эти жизненные переживания обычно включают в себя трансцендентные состояния, выходящие за пределы обычного повседневного сознания, повышенные положительные эмоции, часто вызывающие чувство благоговения, удивления и изумления. И хотя значимость этого ключевого переживания человек осознает постепенно, в течение дальнейшей жизни, оно фиксируется в памяти сразу и навсегда. Анализ исследований позволил выявить аспекты пикового переживания, которые мы будем держать в фокусе внимания: пиковое переживание выделяется в сознании человека в контрасте с повседневными переживаниями, которые окружают его во времени и пространстве, характеризуется высокой ценностью, интенсивностью восприятия, глубиной чувства или значения, и обладает терапевтическим потенциалом, изменяющим жизнь.

Рассмотрев и уточнив признаки повседневных и пиковых переживаний, обратимся к вопросу проблемы их изучения. Постнеклассический этап развития научного знания требует поиска методов, соответствующих требованиям современной психологической науки изучения человека. Сложность исследования связана с тем, что исключительно рациональный подход при одностороннем взгляде на развитие и становление личности существенно упрощает общую картину детерминации переживания, изолирует от контекстов жизнедеятельности человека. Разделяя позицию о дискурсивной обусловленности пережива-

ний как процесса их конструирования и интерпретации обратимся к качественным (в частности, феноменологическим, нарративным) методам исследования.

В современной психологии предметом исследований все чаще становится человек, который в переживании познает и осмысливает собственную жизнь [11]. Данное положение объединяет методологические традиции, базирующиеся на идеях неклассического направления, согласно которому реальность человека создают переживания, смыслы, цели, содержание которых не поддается количественным характеристикам [12].

Целью исследования стало выявление особенностей повседневных и пиковых переживаний и раскрытие их влияния на профессиональную деятельность.

Для понимания того, как переживания представлены в профессиональной деятельности человека, мы выбрали качественный подход, в частности, феноменологический метод исследования. Феноменология обращается к человеческому опыту переживания жизненного мира с целью установить базовые структуры субъективного опыта, основополагающие духовные интенции и личностные смыслы, направляющие поведение и деятельность человека [13].

Исследование проводилось в 2019–2021 гг. среди медицинских работников. Целенаправленность выборки обосновывается тем, что работа специалистов медицинской отрасли относится к профессиям, в которых личность связана с неизбежными эмоциональными и нравственными переживаниями вследствие высокой ответственности за жизнь и благополучие других людей. Материалом эмпирического исследования явились текстовые данные полуструктурированных интервью описаний «обычного рабочего дня» (N-14), а также ответы и комментарии различного объема (длина которых варьировалась от нескольких предложений до 600 слов), полученных на открытый вопрос «Вспомните и опишите самое яркое, значимое переживание в своей профессиональной деятельности, включая мысли, чувства и физические реакции, которые вы испытали. Каковы были для вас последствия этого переживания?». Обработка транскриптов проводилась методами тематического [14] и феноменологического опи-

сательного анализа [15] с помощью пакета компьютерных программ NVivo 10.

Результаты и их обсуждение

После первоначальной сортировки фрагменты текста были сгруппированы с использованием описательных кодов по категориям, которые включали ситуации рабочей среды, рабочую нагрузку, влияние на деятельность и изменения. Затем эти описательные коды были сгруппированы в темы более высокого порядка с использованием «переживания» в качестве центральной организующей конструкции. Особое внимание обращалось на понятие «эмоции», поскольку в повседневном дискурсе участников они часто ассоциируются с переживаниями. Второй процедурой, которая приме-

нялась для выделения подробных характеристик повседневных и пиковых переживаний, было полуструктурированное интервью, что позволило дополнить и сопоставить их с полученными ранее данными.

Первыми в ряду исследовательских задач были анализ общего объема и реконструкция структуры повседневных переживаний. Выявленные ранее характеристики переживаний, а также первичное кодирование послужили обнаружению в сознании участников компонентов, активных в отношении изучаемого явления: ситуативность; сложность; активность; особенности оценочных суждений (эмоциональные, смысловые, ценностные); упорядоченность; последствия (поворотный момент) (рисунок 1).

Рисунок 1. – Тематическая карта повседневных переживаний, сопровождающих профессиональную деятельность медицинских работников (NVivo 10)

Рассмотрим детальнее феноменологические особенности повседневных переживаний, сопровождающих деятельность, используя естественный язык участников (прямые цитаты даны в кавычках).

Повседневные переживания профессиональной деятельности сопровождаются широким диапазоном эмоциональных, когнитивных и поведенческих состояний. Положительная и отрицательная валентность

переживаний являются частью отношений в профессиональной деятельности. Присутствие в повседневной деятельности дестабилизирующих событий вызывает кратковременный всплеск негативных переживаний. Некоторые из них возникают из-за нехватки ресурсов, что ограничивает возможность оказания медицинской помощи, которую считают целесообразной: «Это эффект высокой умственной нагрузки, а также от-

ветственности и стресса, сопровождающих мою повседневную работу». Переживания участников составляют раздражение, грусть, чувство дискомфорта и гнева, а также чувство несправедливости: «Признание собственной несостоятельности, ведь моя задача как врача – вылечить. Появляется чувство вины, бессилия, несправедливости». Переживания в отношении пациентов варьируются от сопереживания («Нужно ставить себя на его место, посмотреть со стороны пациента») до отстраненности («Как я могу сопереживать человеку, которому больно, если я не могу оценить эту боль»). Отмечается, что молодой возраст пациентов, эмоциональная связь, продолжительность лечения и острые ситуации усугубляют эти переживания.

Большинство участников отмечали переживание неудовлетворенности, которое связано с высокой рабочей нагрузкой («Работа у нас тяжелая и физически, и морально»), высоким уровнем умственного напряжения («Главное – это успевать осваивать новые медицинские знания, протоколы лечения, лекарства»), административными задачами и конфликтами между работой и личной жизнью («Нехватка времени на личную жизнь, ребенка»). Высокая ответственность описана участниками как чувство неуверенности и напряженности: «Ты держишь в руках жизнь. И это тяжелое бремя». Некоторые из них чувствовали страх, панику в неопределенных условиях: «Мне ежедневно нужно, побеждая страх, пытаться делать что-то новое». Однако встречались и противоположные мнения: «Если ничего не видеть, кроме ответственности и страха за жизнь, то лечения не получится».

Сосредоточение переживаний вокруг этих моментов создает негативную атмосферу, но в целом не фиксируется как событие, «полностью испортившее день». Важно отметить, что более серьезные переживания негативных событий, в частности конфликты, смерть, пандемия, характеризовались как крайне негативные и исключались участниками при описании их повседневных переживаний «обычного рабочего дня». Тем не менее ежедневная деятельность приносит участникам удовлетворение. Это переживание удовольствия от работы достигается, когда участники уверены

в себе, своих силах: «Именно упорство в достижении своих целей, усердие, напористость и организация моей собственной работы позволяют мне продолжать развиваться, любя то, что я делаю»; получают признание пациентов: «Пациенты говорят “спасибо”, обнимают тебя. Это то самое, ради чего стоит каждое утро вставать и идти на работу»; их выздоровление: «Мне нравится то, что я делаю, и я получаю наибольшее удовлетворение от здорового и довольного пациента». Они также положительно оценивают свою работу, хотя часто сталкиваются с трудными ситуациями: «Несмотря на все трудности, я счастливый человек. Я с удовольствием иду на работу». Поддержка и позитивное подкрепление среди самих участников, а также поддержание позитивных личных и профессиональных отношений снижают риск возникновения негативных переживаний, связанных с работой: «Хирургия – это командная работа, и всегда есть смысл обратиться за помощью», «Мне очень повезло с коллективом – в такой команде все невзгоды преодолимы».

Интересным моментом стали заявления, что благодаря многолетнему опыту повседневной работы участники научились адаптироваться и отключаться от проблемных моментов в работе: «Много времени у меня ушло на то, чтобы оставлять работу на работе», «Я считаю, что, если вы хотите обеспечить надлежащее и профессиональное выполнение деятельности, вы должны держаться на расстоянии от некоторых ситуаций», «Сейчас меня уже сложно заставить врасплох».

Однако данные исследования также показывают, что и в нерабочее время участники не могут дистанцироваться от этих переживаний: «Я часто все воспринимаю как личную трагедию... Я не знаю, где эта грань», «Сделал все, что мог, – забудь, работай дальше, не растрачивай ресурс... но пока так не получалось. Возможно, это умение придет позже», «Я никогда ничего не выносила в голове после смены, а тут выношу. И не могу прогнать эти мысли – не гонятся». Такие моменты стали проследиваться, например, после рождения своих детей: «Когда у меня появилась дочка, все стало восприниматься острее и больнее». Следовательно, это оказывается более трудным, чем они показывают, и данный факт

необходимо учитывать при планировании психологической помощи и практики консультирования у медицинских работников.

Итак, проведенный феноменологический анализ повседневных переживаний, сопровождающих профессиональную деятельность и их особенностей, позволяет сделать следующие выводы. Участники в своих описаниях обычного рабочего дня чаще упоминают о негативных переживаниях, что связано с широким разнообразием ситуаций профессиональной деятельности, большим количеством людей, задействованных в них, высокой личностной вовлеченностью. Среди самых позитивных переживаний наиболее часто выделяются переживания получения быстрого результата от выполняемой работы, что, в свою очередь, придает смысл, укрепляет субъективную и социальную значимость их повседневной практики. Тем не менее из описаний их повседневной профессиональной деятельности можно отметить, что многие позитивные и негативные события оцениваются нейтрально или совсем не выделяются, а просто перечисляются. Все эти переживания явля-

ются прямым отражением повседневного труда, текущих ситуаций. Вместе с этим такие переживания высокой насыщенности и энергозатратности как позитивные (пиковые), так и негативные (смерть, конфликт) описываются отдельно. По мнению участников опроса, ассоциированные переживания COVID-19 также не входят в категорию повседневных. Следовательно, можно говорить о некотором фоновом уровне переживания повседневности профессиональной деятельности даже с учетом ее выявленной специфики.

В результате качественного анализа описаний переживаний, заявленных как значимые, пиковые, была выделена описательная система, которая перечисляет наиболее распространенные атрибуты этих переживаний и включает темы «общие характеристики», «событийный контекст», «физические реакции», «восприятие», «познание», «чувство (эмоция)», «экзистенциальное (трансцендентальное)» и «личное (социальное)», «последствия», каждая из которых имеет несколько подкатегорий (рисунок 2).

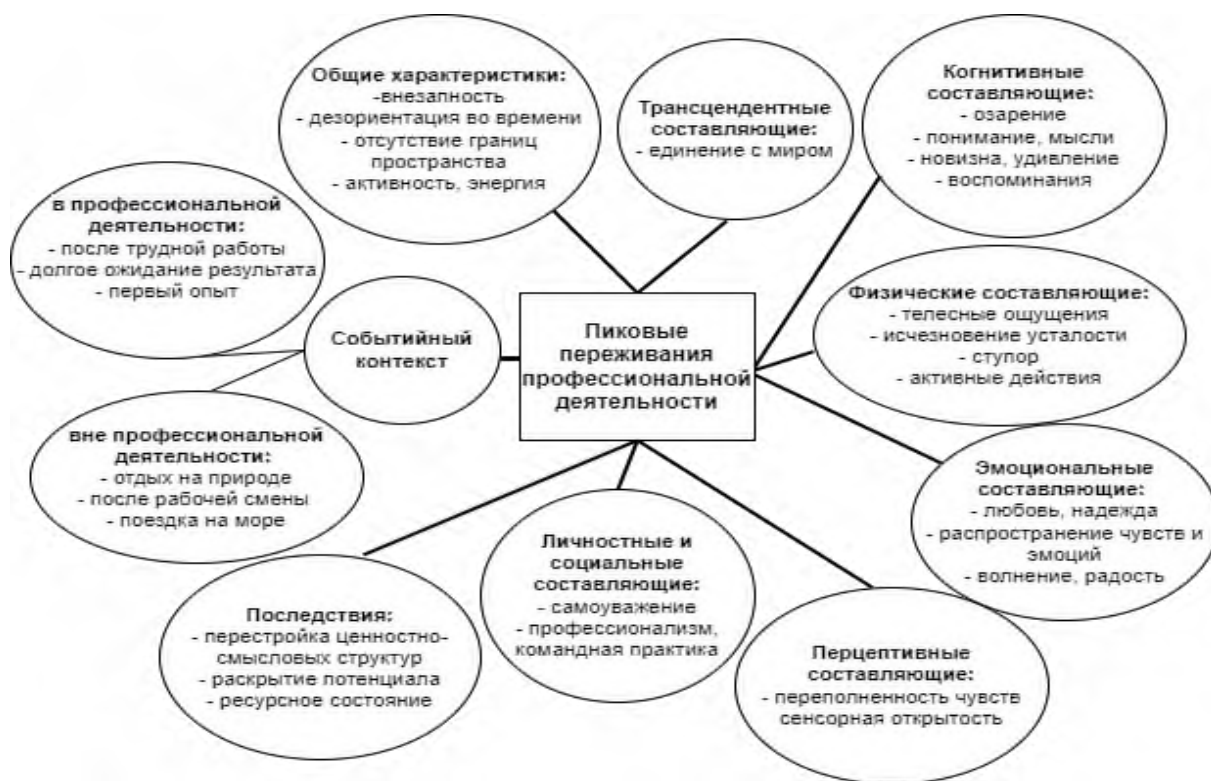

Рисунок 2. – Тематическая карта пиковых переживаний, сопровождающих профессиональную деятельность медицинских работников (NVivo 10)

Анализ результатов выявил наличие широкого спектра психологических феноменов, участвующих в этих переживаниях. Рассмотрим подробнее особенности пиковых переживаний, сопровождающих деятельность, используя также прямые слова и цитаты участников.

К одной из общих характеристик пикового переживания отнесены смысловые единицы, описывающие чувство дезориентации в пространстве и времени. Это качество встречалось практически во всех описаниях участников: *«Я забывала, где нахожусь, было ощущение расширенности пространства, без границ», «Время остановилось, все стало неважным»*. Некоторые из участников ссылались на «переполнение энергией», которое сопровождало их значимое переживание: *«Ощущение потока жизненной энергии, столько энергии, что хочется что-то делать, двигаться дальше», «Усталость и проблемы испарились в мгновение, и я снова была полна энергии»*.

Физические реакции, описанные участниками, оказались самыми многочисленными и включали такие, как озноб, дрожь, слезы, изменения дыхания, частоты сердечных сокращений и температуры тела: *«Мое сердце забилося, как во время влюбленности», «Это дрожь в ногах и биение сердца от происшедшего со мной радостного события»*. Наряду с внутренними ощущениями внешние физические реакции варьируются от пения, криков, прыжков или танцев (*«Слезы на глаза наворачиваются», «Мое сердце бешено колотилось, и мне хотелось кричать!..»*) до полной физической неподвижности или внезапного желания побыть в одиночестве: *«От нахлынувших чувств я замерла и не могла пошевелиться»*.

В описаниях переживаний, связанных с тем или иным событийным контекстом профессиональной деятельности, часто присутствует понятие тяжелой работы или чувства решимости, а также долгого ожидания, преодоления трудностей: *«Мне для этого потребовалось безумное количество тяжелой работы, самоотверженности и времени»*. Другими словами, для многих участников отсроченное удовлетворение способствует возникновению пиковых переживаний. В этом типе переживаний в отличие от повседневных переживаний преобладают уникальные впечатления от первого раза.

Необычность первого опыта оставила значительный след в воспоминаниях участников: *«Мое самое запоминающееся переживание или момент произошел во время учебы, когда я была на практике. Мы наблюдали за врачом, который оказывал помощь в приемном покое больному, которому стало плохо. Я сначала испугалась, но, увидев четкие действия и тихий, но твердый голос этого врача, как он буквально возвращается к жизни человека, я поняла, насколько важна моя профессия, в чем ее смысл и что я могу и буду так же»*. Будучи вовлеченными в неотложную медицинскую помощь, участники испытывают интенсивные и запоминающиеся переживания: *«Душевный подъем, скорее даже эйфорию, ведь адреналин, который выделяется в этот момент, как наркотик»*. Что касается социальной обстановки, то участники рассказывают об общем моменте связи с другим человеком или с группой людей: *«В моем незабываемом переживании на работе я чувствовал особую связь с другими присутствующими людьми, моими коллегами, с которым я проводил операцию»*.

Перцептивные феномены пиковых переживаний включают слуховые, визуальные, тактильные, кинестетические, синестетические элементы и, как правило, усилены: *«Такое впечатление, что вокруг все становится видно, слышно и все благоухает, это как шестое чувство»* или мультимодальное восприятие: *«Чувствовала легкость, как телесную, так и умственную, спокойную радость, свет»*.

Когнитивные аспекты включает переживания сильного эмоционального характера и личной значимости, которые приводят к очень детализированным, легко восстанавливаемым и очень устойчивым воспоминаниям: *«С того времени прошло много времени, а все подробности так ясны в моей памяти, как будто это недавно»*; такие элементы, как изменившееся восприятие ситуации – тела и ума: *«В этот момент я почувствовал теплый поток в моем мозгу»*; связь со старыми ассоциациями, воспоминаниями, мыслями и когнитивными образами: *«У меня было чувство гордости, восхищения и знания»*; моменты просветления и озарения: *«Именно в тот момент я понял, что нахожусь там, где должен быть», «Как будто заново открываешь мир»*,

«Это был проблеск надежды в том, что временами казалось полным хаосом».

Эмоциональные элементы включают сильные, интенсивные положительные эмоции, особенно радость, счастье, восторг и эйфорию: *«Я так была поражена громадностью своего счастья, что долго не могла в него поверить».* В то время как чувства низкой интенсивности включают чувство мира и спокойствия: *«За этим последовало долгое чувство умиротворения, спокойствия и радости, которое поразило меня», «Внезапно все стало идеально и гармонично, я наполнилась глубоким покоем и радостью».*

Личные и социальные аспекты включают такие элементы, как чувство освобождения, продуктивную трансформацию самооценки под влиянием переживаний, поскольку они несли в себе внутренние ценности: *«Я испытала чувство достижения, и мне казалось, что я могу сделать все, к чему приложу свои усилия»;* надежду, силы и мотивацию продолжать свою профессиональную деятельность: *«Это также вдохновило меня взглянуть на свои приоритеты и вспомнить, что является самым важным», «Переживание многое мне дало: как бы тяжело ни было, я теперь знаю, для чего я работаю», «Я думаю, что эти переживания... в некотором роде были основой того, как я определяю и воспринимаю работу для себя».*

Экзистенциальные и трансцендентальные элементы включают размышления о человеческой жизни и существовании, единстве с миром и другими людьми: *«Переживание совершенства и единства всего было настолько сильным, что я не мог анализировать и оценивать происходящее. Я просто чувствовал, что мое существование было одним целым с существованием всего», «В такие моменты смысл жизни становится ясным и видимым».*

Последствия пикового переживания выявили ряд положительных эффектов, таких как более позитивный взгляд на себя, на других людей, на жизнь или мир в целом: *«В моем случае жизнь и мир обрели новое качество», «Когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что он сделал меня сильнее и благодарнее», «Да, повлияло... и это чувство дает мне силы в дальнейшей работе».* Самым важным с точки зрения настоящего исследования является тот факт, что воспо-

минания о пиковых переживаниях некоторые участники используют как ресурс: *«Для меня преимущество пикового переживания в том, что всякий раз, когда я расстраиваюсь, я вспоминаю его, и мне становится легче», «Эта память... воспоминания об этом переживании помогают мне. В ситуациях, когда мне грустно, или там, где требуются дополнительные силы для решения проблем, особенно на работе... я вспоминаю то чувство, когда стояла на берегу. И это дает мне силы, наполняет спокойствием и радостью, решимостью».* Стоит отметить, что последние утверждения участников не напрямую относятся к пиковым переживаниям профессиональной деятельности, они происходили в других контекстах (нахождение на природе), однако были включены в категорию последствий за их уникальное содержание и прямое указание участниками влияния на профессиональную деятельность. Это говорит о том, что подобные переживания уже имели место в прошлом, и для участников они не были чем-то необычным, и указывает на то, что они, по видимому, не требуют особого контекста, а происходят в повседневной жизни.

Еще одной характеристикой пиковых переживаний является их «невывраимість». в описаниях слова *как-то, как будто, словно, какое-то,* и это говорит о том, что пиковые переживания трудно поддаются словесному выражению и описанию: *«Мне сложно выразить свои переживания в словах», «Это очень сложно описать», «Не могу объяснить... такое нужно испытать или пережить».* Участники также считали, что любые попытки определить эти переживания простыми словами приводят к измененным и неточным представлениям или их обесцениванию в глазах слушателей. Возможно, поэтому описаний пиковых переживаний мы получили меньше, чем повседневных.

Таким образом, феноменологический анализ позволяет дать следующее описание пиковых переживаний. Пиковые переживания выделяются на фоне других переживаний как особые и важные, включают повышенную осведомленность и интенсивность, изменяют восприятие, усиливают осознание и отношения. Они варьируются по степени от усиления повседневного удовольствия до явно «сверхъестественных» эпизодов уси-

ленного сознания, которые кажутся качественно отличными от нормального опыта и превосходящими его. Пиковые переживания, связанные с профессией, являются профессионально значимыми в плане развития или совершенствования идентичности. Этот опыт привел к повышению уверенности, росту доверия к своим способностям как специалиста, послужил поворотным моментом в клинической практике. Одной из причин их «редкости» является их «невыразимость словами», люди могут неохотно сообщать о них и по той причине, что эти переживания идентифицируются как особенные, интимные и личные [16]. Как правило, о таких переживаниях сохраняются яркие воспоминания через много лет, и они часто упоминаются в качестве основной причины для продолжения работы в выбранной области. Подобные описания свидетельствуют как об уникальной природе пиковых переживаний, так и об их способности включать в себя множество эмпирических элементов в одно целое: не только эмоциональные, перцептивные и когнитивные, но и физические, личностные, духовные, социальные, пространственно-временные, энергетические и т. д.

Таким образом, в отличие от общепринятых представлений о пиковых переживаниях как о высших и отдельных от повседневной жизни в настоящем исследовании было выявлено, что пиковые переживания неотделимы от участника и его жизненной истории. Наряду с интеграцией предыдущих знаний для пиковых переживаний характерно чувство возможности, которое можно концептуализировать как точку, где пересекаются понимание прошлого и потенциал будущего.

Заключение

Проведенное исследование позволило обнаружить и описать определенные особенности и характеристики повседневных и пиковых переживаний.

1. Повседневные переживания отражают и содержат большее количество элементов ситуаций взаимодействия в профессиональной деятельности, являются непродолжительными по времени, регулярно повторяются, как правило, протекают без ярко выраженных изменений в профессиональном поведении, обладают устойчивостью мотивов и потребностей, уравновешенностью ценностно-смысловых ориентаций, компонентов самооценки и связаны с актуальными жизненными событиями.

2. Феноменологически пиковые переживания имеют экзистенциальную этиологию, вызывая перестройку смысловых структур профессионального сознания, пересмотр прошлых представлений, коррекцию социально-профессиональной позиции. Все это в совокупности обеспечивает не просто суммарный, а синергетический эффект, подготавливает смену способов выполнения деятельности, изменения отношения к предмету и объекту деятельности, и именно внутри повседневных жизненных ситуаций происходит окончательное закрепление тех изменений, которые актуализировались в процессе пикового переживания.

Перспективным направлением работы является поиск обоснования эффективных интервенций для разработки программ адаптации к профессиональной деятельности, минуя неблагоприятные последствия деформаций и выгорания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штерн, В. Персоналистическая психология / В. Штерн // История зарубежной психологии. Тексты. – М. : МГУ, 1986. – С. 186–199.
2. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Смысл : Эксмо, 2005. – 1136 с.
3. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М. : Канон+, 2004. – 432 с.
4. Корнев, В. В. Проблематизация категории «повседневность» / В. В. Корнев // Изв. Алт. гос. ун-та. Философия, социология, культурология. – 2008. – № 2. – С. 85–90.
5. Марцинковская, Т. Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская // Психол. исслед. – 2017. – Т. 10, № 56. –

Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html>. – Дата доступа: 25.01.2022.

6. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности : пер. с англ., нем., фр. / Б. Вальденфельс ; сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1991. – С. 39–51.

7. Знаков, В. В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта [Электронный ресурс] / В. В. Знаков // Психол. исслед. – 2013. – Т. 6, № 31. – С. 1. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/879-znakov31.html>. – Дата доступа: 01.02.2022.

8. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу ; пер. с англ. О. О. Чистякова. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 1997. – 304 с.

9. Privette, G. Peak experience, peak performance, and flow: Correspondence of personal descriptions and theoretical constructs / G. Privette, C.M. Bundrick // Journal of Social Behavior and Personality. – 1991. – Nr 6 (5). – P. 169–188.

10. Чиксентмихайи, М. Поток. Психология оптимального переживания : пер. с англ. / М. Чиксентмихайи. – М. : Смысл : Альпина нон-фикшн, 2011. – 461 с.

11. Леонтьев, Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 488 с.

12. Бусыгина, Н. П. Качественные исследования в психологии как вызов классическим методологиям / Н. П. Бусыгина // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ : сборник / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2012. – С. 308–334.

13. Улановский, А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 130–150.

14. Willig, C. Qualitative interpretation and analysis in psychology / C. Willig. – Berkshire : Open University Press, 2012. – 256 p.

15. Giorgi, A. The descriptive phenomenological psychological method / A. Giorgi, B. Giorgi, J. Morley // The Sage handbook of qualitative research in psychology / eds.: C. Willig, W. Stainton Rogers. – London : Sage, 2017. – P. 176–192.

16. Davis, J. Reasons for not reporting peak experiences / J. Davis, L. Lockwood, C. Wright // Journal of Humanistic Psychology. – 1991. – Vol. 31, iss. 1. – P. 86–94.

REFERENCES

1. Shtern, V. Piersonalisticzkaja psikhologija / V. Shtern // Istorija zarubiezhnoj psikhologii. Teksty. – М. : MGU, 1986. – S. 186–199.

2. Vygotskij, L. S. Psikhologija razvitija chielovieka / L. S. Vygotskij. – М. : Smysl : Eksmo, 2005. – 1136 s.

3. Kasavin, I. T. Analiz povesiednievnosti / I. T. Kasavin, S. P. Shchavieliev. – М. : Kanon+, 2004. – 432 s.

4. Korniev, V.iV. Problematizacija katiegorii «povesiednievnost'» / V. V. Korniev // Izv. Alt. gos. un-ta. Filosofija, sociologija, kul'turologija. – 2008. – № 2. – S. 85–90.

5. Marcinkovskaja, T. D. Psikhologija povesiednievnosti: oksiumoron ili novyj trend psikhologii [Elieكتروнный ресурс] / T. D. Marcinkovskaja // Psikhol. isslied. – 2017. – Т. 10, № 56. – Riezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html>. – Data dostupa: 25.01.2022.

6. Val'denfel's, B. Povesiednievnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti : pier. s angl., niem., fr. / B. Val'denfel's ; sost., obshch. ried. i priedisl. V. V. Vinokurova, A. F. Filippova. – М. : Progress, 1991. – S. 39–51.

7. Znakov, V. V. Niepostizhimoje i tajna kak atributy ekzistencial'nogo opyta [Elieكتروнный ресурс] / V. V. Znakov // Psikhol. isslied. – 2013. – Т. 6, № 31. – S. 1. – Riezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/879-znakov31.html>. – Data dostupa: 01.02.2022.

8. Maslou, A. Psikhologija bytija / A. Maslou ; pier. s angl. O. O. Chistiakova. – М. : Refl-buk ; К. : Vakler, 1997. – 304 s.

9. Privette, G. Peak experience, peak performance, and flow: Correspondence of personal descriptions and theoretical constructs / G. Privette, C. M. Bundrick // *Journal of Social Behavior and Personality*. – 1991. – Nr 6 (5). – P. 169–188.
10. Chiksientmikhaji, M. Potok: Psihologija optimal'nogo pieriezhivaniya : pier. s angl. / M. Chiksientmikhaji. – M. : Smysl: Al'pina non-fikshn, 2011. – 461 s.
11. Lieont'jev, D. A. Psihologija smysla. Priroda, strojenje i dinamika smyslovoj real'nosti / D. A. Lieont'jev. – M. : Smysl, 2003. – 488 s.
12. Busygina, N. P. Kachiestviennyje issliedovanija v psihologii kak vyzov klassichieskim mietodologijam / N. P. Busygina // *Paradigmy v psihologii: naukoviedchieskij analiz : sbornik / otv. ried.: A. L. Zhuravliov, T. V. Kornilova, A. V. Yurievich*. – M. : In-t psihologii RAN, 2012. – S. 308–334.
13. Ulanovskij, A. M. Fienomienologichieskij mietod v psihologii, psikhiatrii i psikhoterapii / A. M. Ulanovskij // *Mietodologija i istorija psihologii*. – 2007. – T. 2, vyp. 1. – S. 130–150.
14. Willig, C. Qualitative interpretation and analysis in psychology / C. Willig. – Berkshire : Open University Press, 2012. – 256 p.
15. Giorgi, A. The descriptive phenomenological psychological method / A. Giorgi, B. Giorgi, J. Morley // *The Sage handbook of qualitative research in psychology / eds.: C. Willig, W. Stainton Rogers*. – London : Sage, 2017. – P. 176–192.
16. Davis, J. Reasons for not reporting peak experiences / J. Davis, L. Lockwood, C. Wright // *Journal of Humanistic Psychology*. – 1991. – Vol. 31, iss. 1. – P. 86–94.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.02.2022

ПАДЗЕІ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: «СТРАННОСТИ» КНИЖНОЙ НОВИНКИ

Писарук, Г. В. Лингвистический анализ текста в вузе и школе : учеб.-метод. пособие / Г. В. Писарук, Т. М. Лянцевич ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2021. – 146 с.

Наша жизнь сегодня сопряжена с постоянным погружением в текст: в строки служебных документов, газетных статей, параграфов учебников, материалов, затребованных в глобальной информационной сети и оперативно появляющихся на мониторах компьютеров, в переписке в смартфонах. И по-прежнему – с погружением в страницы художественных произведений, бестселлеров на острые политические темы, мемуаров. А в них, как это часто бывает, много «не примечаемого поверхностным взглядом» (С. С. Аверинцев), но требующего значительного общего развития для понимания скрытых смыслов, сложных метафорических построений и неожиданных авторских сравнений, не сразу узнаваемого иронического подтекста.

Умению читать не поверхностно, анализировать тексты и создавать собственные, как известно, надобно учить и учиться, и здесь наряду с другими средствами свою миссию выполняет учебная литература. В 2021 г. издательство Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина выпустило учебное издание «Лингвистический анализ текста в вузе и школе» Г. В. Писарук и Т. М. Лянцевич, преподавателей университетской кафедры общего и русского языкознания. Говоря об анализе и интерпретации как высших действиях в работе с готовым текстом, авторы учебно-методического пособия в отношении интерпретации дают разъяснение: в отличие от анализа интерпретация учитывает индивидуальность, уникальность и «странность» произведения. Странность в данном случае надо понимать как необычность и неповторимость: слово *странный* С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова в известном словаре толкуют как *непривычный, необычный*. Свои «странности» – отличительные особенности, которыми книжная новинка выделяется в ряду других, есть и в методическом издании Г. В. Писарук и Т. М. Лянцевич.

На тему текста как языкового уникама и его анализа или интерпретации написаны сотни пособий, опубликовано множество научных статей, а в них не только определения, трактовки, позиции авторов, но и различия отдельных явлений и фактов. Как в этом сложном информационном потоке выделить главные понятные ориентиры и установки? Трудно бывает определиться и студенту, обучающемуся, например, по профилю литературно-редакционной деятельности или по педагогической специальности, и школьному учителю-филологу. Авторы предлагают читателю-пользователю новое пособие как своеобразную лоцию, используя которую можно более уверенно держаться в фарватере любого значительного, содержательного текста и мира текстов, пробиваться к мыслям писателя «через замысловатые, туманные образы и сложные сюжетные конструкции» (с. 90).

Обычно непросто постигается и изучается текст, не обладающий прозрачностью высказанных мыслей, доступностью языковой организации. В таких случаях авторы пособия, о котором идет речь, предлагают обращаться к различным видам анализа текста и выбирать наиболее подходящий: литературоведческий, лингвистический, лингвостилистический, филологический (комплексный), лингвокультурологический, риторический, сравнительный (сопоставительный), лингвометодический, смешанный (литературоведческий с элементами лингвистического). Причем большинство видов разбора у них сопровождается алгоритмом или памяткой, а главное, образцом анализа на примере поэтического или прозаического произведения или его фрагмента. Не каждому дано представить, сколь сложна и ответственна такая работа, каким логически и методически выверенным должно быть в алгоритме любое пошаговое аналитическое действие, сколько ума и творчества надо вложить в написание образца лингвоанализа, чтобы он использовался именно как об-

разец. В образцах необычно их расположение, вернее, цифровая организация взятого для рассмотрения высказывания: каждое предложение пронумеровано для того, чтобы в последующем анализе сосредоточиться только на отдельных текстовых единицах и не приводить сложное синтаксическое целое еще раз. Приведем пример.

1 В кроссворде вопрос: «Большая куча сена». 2 Ответ: «Стог». 3 Но, Боже мой! 4 Разве же стог – это большая куча? 5 Тогда и про дом можно сказать, что это куча кирпичей, а еще лучше – куча глины. 6 Стог – это архитектурное сооружение. 7 Стога металы (называлось – метать стог) истово, с любовью и мастерством...

Далее на странице – анализ зарисовки «Стог» В. Солоухина:

Поводом для этого небольшого текста послужил замеченный писателем вопрос из кроссворда (Стог – это 1 *Большая куча сена*), и его глубоко взволновала проблема отношения образованных городских людей к такому, на их взгляд, простому делу, как создание стога. Влюбленный в природу, В. Солоухин обиженно, с неподдельной болью восклицает: 3 *Но, Боже мой!* 4 *Разве же стог – это большая куча?* Он как бы беззащитно, по детски сравнивает: 5 *Тогда и про дом можно сказать, что это куча кирпичей, а еще лучше – куча глины.* Для автора стог – это 6 *архитектурное сооружение*, произведение искусства. Он утверждает, что крестьяне создавали и создают стога собственными руками, отдавая этому частичку души, и поэтому «большой кучей» стог сена на русской земле никогда не был.

Тексты, иллюстрирующие многие положения и правила лингвистического анализа, отобраны не на периферии литературы, где и до графоманства и пустой породы не далеко, а из произведений мастеров художественного слова, публицистики. Связные высказывания такого уровня при отборе требуют тонкого языкового чутья и развитого эстетического вкуса, и в этом качестве авторы новой книги состоялись. Открытие человеком окружающего мира, себя и людей в нем, подлинно задевающая сознание нота совести, сострадания, любви к ближнему, радость от соприкосновения с вечным, с необычным в обыденном, неоскудение души, симфонические отзвуки природы, взаимосвязь человека с ней, нена-

сытность желаний и самопожертвование – все это и многое другое, называемое в пособии еще и «текстом жизни», находишь, изучая использованные авторами тексты с образцами анализа И. Бунина («Роза Иерихона», «Роман горбуна»), А. Ахматовой («Мне ни к чему одическая рать...»), И. Ильина («Подарок», «Искусство спора»), Д. Кабалевского (миниатюра о «Полете шмеля» Римского-Корсакова), Ф. Абрамова («Вечерний луг»), Г. Троепольского (миниатюра о подснежнике), В. Короленко («Огоньки»), Ю. Куранова («Симфония ливня»), М. Лермонтова (отрывок из повести «Максим Максимыч»), Ш. Сильверстайна («Щедрое дерево»), В. Солоухина («Стог сена»), А. Усачева «Гном и звезда», библейские притчи, поучительные истории, рассказанные гомельским архимандритом С. Мажуко и эстонской монахиней Евфимией (Аксментовой).

Интересен и неординарен предложенный в пособии риторический анализ отрывка из повести М. Лермонтова «Максим Максимыч»: он подкупает аргументированным выделением элементов потока речевого поведения Печорина и старика Максимыча (словесного, акустического поведения, жестики, движений, мимики) и факта несовпадения стратегий близости и отстранения в их диалоге.

Особенно отрадно, что Г. В. Писарук и Т. М. Лянцевич предлагают новые приемы работы с текстом на уроках в школе: работа с деформированным текстом, работа с клоуз-текстом (с пропущенными компонентами), описывают системно-функциональный, коммуникативно-деятельностный и лингвокультурологический подходы изучению текста, апробированные в ходе педагогической практики студентов БрГУ имени А. С. Пушкина в средней школе № 9 г. Бреста.

В учебно-методическом пособии, написанном специалистами высшей школы, не часто встретишь образцы текстового анализа, авторы которых – студенты-филологи. Материалы лингвистического разбора связанных высказываний создавались ими в процессе обучения в вузе и во время прохождения педагогической практики.

Особняком стоит текст «Время», использованный в пособии (автор – священнослужитель и ведущий телепередач А. Ткачев). В нем сформулирована ценная мысль,

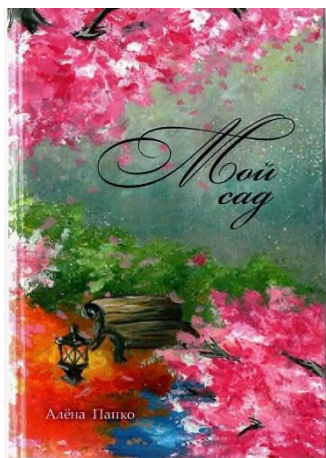
которую уместно процитировать: «Такова жизнь. Она широка, как поле, и перебрать, пересмотреть все, что наполняет ее, трудно. Трудно, но возможно». Как будто это о тексте, его анализе и интерпретации сказано: трудно, но возможно. И в эту возможность, как представляется, поверит каждый, кто

внимательно читает учебно-методическое пособие Г. В. Писарук и Т. М. Лянцевич, очень нужное в филологическом образовании в вузе и школе. Действительно, как пишут авторы, «маленький текст может стать пусть небольшим, но звеном в цепи средств формирования языковой личности» (с. 139).

*Станислав Григорьевич Рачевский,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры профессионального развития работников образования
Брестского областного института развития образования*

**СУКВЕЦЦЕ ПАЭТЫЧНАГА САДУ
(НЕШМАТСЛОЎНЫ РОЗДУМ НАД ЗБОРНИКАМ ВЕРШАЎ)**

Папко, А. Мой сад / А. Папко. – Брэст : Альтэрнатыва, 2021. – 128 с.

Здавалася б, што ў наш даволі няпросты час не да высокай паэзіі: надзённыя турботы зацягваюць, рэчаіснасць завастрае рацыянальную дамінанту і нівеліруе пачуццёвы складнік чалавечай існасці. Ды гэта, дзякуй Богу, не так: душы ў людзей не чарсцвеюць, не прытупляюцца, а, наадварот, рэагуюць надзвычай востра на многія перыпетыі сучаснага свету. Кожны чалавек успрымае свет суб'ектыўна: дае яму ўласную ацэнку, асэнсоўвае яго ўпоровень са сваім жыццёвым вопытам, інтэлектуальным набыткам, адкрываючы яго з розных бакоў. Мастак слова – своеасаблівы згустак людскіх эмоцый і думак, у ім карэлююцца ўласныя сентэнцыі і меркаванні грамадства, яго мастацкім словам адгукаецца цэлы народ. Кожны паэт – гэта адметны выразнік часу, які нястомна фіксуе багатую эмацыйную палітру людскіх настояў у мастацкім слове.

Алёна Папко – выпускніца нашага ўніверсітэта. Нарадзілася яна 24 лютага 1990 г. у в. Сакалова Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. У 2007 г. скончыла Агароднікаўскую сярэдняю школу. У тым жа годзе Алёна паступіла ў Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна на факультэт замежных моў, па заканчэнні якога ў 2012 г. атрымала спецыяльнасць «Выкладчык нямецкай і англійскай моў». У 2015 г. яе прынялі ў Саюз пісьменнікаў Беларусі. Зараз Алёна выкладае нямецкую і англійскую мовы ў сярэдняй школе № 1 імя В. Х. Галаўко г. Бярозы.

Алёна – чалавек, які вельмі тонка адчувае подых часу, разумее настрой тых, з кім жыве поруч, каго вучыць і ў каго вучыцца, каго любіць і каго паважае... Пашчасціла, мяркуем, тым дзецям, якіх яна далучае да таямніц слова, паэтычнага вобраза, мастацкага свету, якіх вучыць авалодваць замежнымі мовамі. А яшчэ Алёна Папко зачаравана родным словам, з дапамогай якога стварае чароўны мастацкі свет, напоўнены незвычайнай фантазіяй і тонкімі пачуццямі. Па-майстэрску ўвасабляючы жыццё ў мастацкіх вобразах, яна надзвычай тонка адчувае мяжу паміж рэальнасцю і паэтычнымі марамі, будзённым і «касмічным».

Жаданне выявіць пачуцці ў паэтычным слове ў Алёны паявілася якраз у студэнцкія гады, калі смутак цягнуў у родную вёску, да блізкіх людзей, а найперш да матулі, самага роднага чалавека, які падараваў жыццё і блаславіў у няпростую дарогу жыцця. Так бывае, што менавіта ў такія абвостраныя пачуццямі хвіліны самі па сабе нараджаюцца вершы, радок за радком кладуцца словы, быццам нехта звыш надыйтоўвае іх табе, а ты толькі запісваеш. Ці не цуд? Так, цуд. Гэты сум па бацькоўскай хаце, родных мясцінах, душэўнай сцішанасці выліліся ў паэтычныя радкі, якія незвычайнай шчырасцю адкрываюць нам свет багатай душы паэткі. Ад верша да верша Алёна стварала, пеставала, свой паэтычны сад, у якім з вялікай адданасцю працавала і душой, і сэрцам і які, урэшце, увасобіўся ў прыгожа аздоблены зборнік вершаў «Мой сад» (2021 г.). Алёне пашанцавала, што поруч з ёй працуюць і вучацца таленавітыя людзі – настаўнікі і вучні. Рэдактарам кнігі стаў вядомы ў нашай краіне настаўнік, аўтар падручнікаў для сярэдняй школы М. І. Жуковіч. Ён жа напісаў цікавую прадмову да кнігі. Вельмі дарэчнымі аказаліся ў зборніку малюнка-ілюстрацыі да вершаў дзяцей і настаўнікаў Бярозаўскай школы № 1. Ці не здорава гэта, калі амаль уся школа садзейнічае падрыхтоўцы і выданню кнігі сваёй настаўніцы!

«Яе дэбютная кніга... раскрывае чытачу лёс чалавека, які мае пэўны плён са здабыткаў свайго жыцця, няхай пакуль яш-

чэ і невялікага па часе», – піша Мікола Жуковіч. Тэматыка вершаў разнастайная: аўтарка вядзе з чытачом шчырую размову і паўстае перад ім то філосафам, то закаханай гераіняй, што і абумовіла падзел кнігі на чатыры раздзелы: «З птушынага бачыць палёту / Край, што мне дарагі» (тэма радзімы), «Наша сонечная мова» (прысвячэнне роднаму слову), «Я застануся ў памяці тваёй...» (інтымныя вершы), «Давайце з Вамі гутарыць пра вечнае...» (філасофская лірыка). Яны адрозніваюцца і па настроі, і па тэматыцы, і па стылістыцы, і па тэхніцы напісання і адлюстроўваюць тым самым душэўны стан аўтаркі ў розныя перыяды. Але ўсе яны з'яўляюцца згусткам эмоцый, якія давялося ёй перажыць.

Першае, на што звяртае ўвагу чытач, – вокладка кнігі: квяцісты сад, пасярод якога невялічкі ліхтарык, а ў ім... паціху разгараецца маладая паэзія душы, якая тонкім хваляваннем адгукаецца ў вершаваных радках.

Унутранае напаўненне твораў адлюстроўваюць тэматычныя малюнкi дзяцей і дарослых, якія тонка адчулі настрой паэзіі Алёны Папко і тым самым дапоўнілі ўнутраную змястоўнасць вершаў знешняй, што з'яўляецца дадатковым выразным сродкам эмацыйнага ўспрыняцця твора.

Агульная атмасфера зборніка «Мой сад» узнёслая, лірычная, нават натхнёная настальгічным сумаам, што яскрава праяўляецца ў вершах-прысвячэннях, як, напрыклад, у творы «Я застануся ў памяці тваёй». Алёна Папко разважае над вечным: гэта каханне, гады, што няўмольна знікаюць у далечыні, пакідаючы толькі ўспаміны па светлых імгненнях, якія ніколі не паўтарацца, але незабыўнай мелодыяй лягуць на далікатнае чалавечае сэрца:

Я застануся ў памяці тваёй...
Вышэй нябёсы толькі і вясна.
Пялёстак віўні ляжа на далонь –
І горкая развеецца туга.

Пакуль гучыць між намі цішыня –
Нас не пазбавіць крылаў над зямлёй.
Ружовай стужкаю на схіле дня
Я застануся ў памяці тваёй...

Аўтар разважае і на філасофскія тэмы, словам дакранаючыся да хвалюючага непазнанага чалавечага лёсу, які нясе столькі загадак сусвету і кранае не адну душу, захапляе, напаўняе яе бязмежным шчасцем і

цяплом. Алёна Папко імкнецца ў сваёй філасофскай лірыцы думкай дакрануцца да «космасу». Паглыбляючыся ў псіхалагізм, лірычная героіня ў такім няпростым свеце імкнецца да самапазнання, самараскрыцця. Яна спрабуе разабрацца найперш у сабе, а потым і спасцігнуць сусвет:

Між многіх скарбаў на зямлі
Ёсць скарб непадуладны воку,
Як птушка, шпаркі, гаманкі,
Як сонца, блізкі і далёкі.

Ідзеш ты поруч з ім заўжды,
Але не ўзяць яго ў пазыку.
Шануй ад ранішняй зары
І да апошняга ўздыху!

Нягледзячы на меланхалічны настрой, ёсць у творах аўтаркі і патрыятычныя ноткі, яны асабліва пяшчотна і вытанчана рэалізуюцца на старонках зборніка, з вялікай адданасцю і годнасцю кладуцца словы на чысты бялюткі ліст. Трапяткое сэрца перапаўняецца любоўю да роднай зямлі, нараджае шчырыя словы прызнання ў паяднанасці аўтаркі з мілым краем. З акрыленым натхненнем перадае Алёна сваё неверагоднае захапленне чытачам, імкнецца зачараваць іх прыгажосцю і непаўторнасцю бацькоўскай зямлі:

Давайце з Вамі гутарыць пра вечнае:
Пра край бярозавы мой і жыты,
Пра Ваша сінявокае палескае
Сяло, куды спяшаюцца буслы.

Радзіма асацыіруецца ў творчасці Алёны Папко найперш з вобразам маці. Маці нязменна ўвасабляе родны куток, тую мясцінку, якая заўсёды грэе сэрца. Вобраз маці выклікае такія эмоцыі, на якія разлічвае аўтарка: ласка, пяшчота, цяпло, любасць... Як часта мы, дзеці, прытуляем да матулінага пляча, адчуваем лёгкі пяшчотны дотык матчынай рукі! Вершаваныя строфы Алёны Папко, нібы гаючыя мелодыі, цепляць душы чытачоў, вяртаюць іх у свет спакойнай сямейнай ідыліі:

Крану твае прыкметныя маршчынкі,
Што твар пакрылі загадзя гадоў,
Засерабрацца снегу парушынкi
На кучарах кароткіх валасоў.

Сагрэта я заўжды тваёй пяшчотай
І калыханкаю ў трывожным сне,
Таму насуперак марозу ўпотай
Пралеска між снягоў душы цвіце.

Творы паэткі сардэчныя, пранікнёныя, эстэтычна вытанчаныя. У іх адчуваецца і дыханне восені, і подых вясны, і нуда, і надзея, і вера. Гэта яркае сведчанне домінантнага стылёвага кампанента творчасці нашай зямлячкі – тонкага лірызму, народжанага надзвычай чулай душой самой паэткі. Шчырасць, з якой Алёна Папко раскрывае свой унутраны свет, выклікае ў чытачоў давер, настройвае іх на адну з паэткай інтанацыйную хвалю. Вершы Алёны эмацыйна

ўздзейнічаюць на чалавека, прымушаюць яго адчуваць і перажываць эмоцыі, якія хвалююць творцу.

Зборнік «Мой сад» Алёны Папко пакідае вельмі прыемнае ўражанне: вершы кранаюць душу, прымушаюць разважаць, марыць, адчуваць...

Пажадаем нашай выпускніцы новых творчых набыткаў і плёну ў прафесійнай дзейнасці!

*Карына Свірыдовіч, студэнтка 1 курса філалагічнага факультэта
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
Уладзімір Сенькавец, кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друку 30.06.2022. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 23,48. Ул.-выд. арк. 18,17. Тыраж 100 экз. Заказ № 197.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.